

Народное **Н**аселение

ISSN 1561-7785

51 . 2024

ГОД СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- ▼ **ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙ**
- ▼ **ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**
- ▼ **ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К СЕМЬЕ И ДЕТЯМ**
- ▼ **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙ**
- ▼ **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

Е Ж Е К В А Р Т А Л Ы Н Ы Й   Н А У Ч Н Ы Й   Ж У Р Н А Л

2024. Том 27. № S1

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д.32).

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства «Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);

Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);

Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);

Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);

Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);

Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);

Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);

Рыбаковский Л.Л., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);

Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);

Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);

Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);

Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);

Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);

Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);

Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);

Яршова А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2024.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24138 Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.05.2024.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2024. Vol. 27. No. S1

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS (FCTAS RAS)

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky L. L., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2024.

© ISESP FCTAS RAS, 2024.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24138. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 30.05.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2024. Том 27. № S1

К ЧИТАТЕЛЮ.....	4
<hr/> ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙ	
Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н. РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ БРАЧНОСТИ: ВОЗРАСТНОЙ И ГЕНДЕРНЫЙ ПРОФИЛЬ (2011–2021 ГГ.)	5
Доброхлеб В. Г. СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА СЕМЕЙНЫХ СТРУКТУР СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ВЫЗОВ ЕЁ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	17
Журавлева Е. К., Копцева О. А. ОПОРНЫЕ ТОЧКИ МНОГОДЕТНОСТИ	28
Синельников А. Б. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИИ НА СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЧИСЛО ДЕТЕЙ У СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН	38
<hr/> ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Козырева П. М., Смирнов А. И. КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН? ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ	53
Тонких Н. В., Камарова Т. А., Маркова Т. Л. РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН	66
Назарова И. Б. СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ С ДЕТЬМИ	81
<hr/> ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К СЕМЬЕ И ДЕТЯМ	
Абдульязнов А. Р., Рустамова Г. М. БРАЧНОЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ	94
Александрова О. А. ИНФАНТИЛЬНЫЕ ИЛИ ОТВЕТСТВЕННЫЕ: СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ И РЕПРОДУКТИВНОЙ СФЕРАХ.....	107
Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В. РЕПРОДУКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ В СЕМЬЕ: АБОРТ, КОНТРАЦЕПЦИЯ, ЭКО	120
Вяльшина А. А. ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ДЕТЯМ И РОДИТЕЛЬСТВУ: ГЕНДЕРНЫЕ И СЕЛЬСКО- ГОРОДСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ.....	132
<hr/> СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙ	
Хоткина З. А. РАБОТА И СЕМЬЯ: ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ДЕНЕГ И ВРЕМЕНИ	147
Локосов В. В., Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М. МАЛОЭТАЖНОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК ПРИОРИТЕТ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ ЖИЛЬЁМ.....	161
Ярашева А. В., Макар С. В. СЕМЕЙНАЯ ИПОТЕКА КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	177
Рюмина Е. В. МИНУСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЕЙ: ИЗБЫТОЧНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ.....	190
<hr/> НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН	
IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»	202

CONTENTS

NARODONASELENIE [POPULATION]. 2024. Vol. 27. № S1

TO OUR READERS	4
<hr/>	
FEATURES OF MODERN FAMILIES	
Chulpan I. Ildarkhanova, Guzel N. Ershova, Iuliia N. Ershova RUSSIAN MODEL OF MARRIAGE: AGE AND GENDER PROFILE (2011–2021)	5
Valentina G. Dobrokhleb. THE STATE AND DYNAMICS OF FAMILY STRUCTURES IN MODERN RUSSIA AS A CHALLENGE TO ITS CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT	17
Elena K. Zhuravleva, Olga A. Koptseva SUPPORTING POINTS OF LARGE FAMILIES	28
Alexander B. Sinelnikov INFLUENCE OF MIGRATION HISTORY ON MARITAL STATUS AND THE NUMBER OF CHILDREN AMONG MODERN RUSSIAN MEN AND WOMEN	38
<hr/>	
INTRAFAMILY RELATIONS	
Polina M. Kozyreva, Alexander I. Smirnov WHO IS THE HEAD IN THIS HOUSE? GENDER FEATURES OF DECISION-MAKING IN MODERN RUSSIAN FAMILY	53
Natalia V. Tonkikh, Tatiana A. Kamarova, Tatiana L. Markova PARENTAL WELL-BEING THROUGH THE EYES OF RUSSIAN MEN	66
Inna B. Nazarova OLDER GENERATION: FEATURES OF COMMUNICATION WITH CHILDREN	81
<hr/>	
YOUTH'S ATTITUDE TO FAMILY AND CHILDREN	
Artur R. Abdulzhanov, Gulshat M. Rustamova MATING AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF MODERN RUSSIAN YOUTH	94
Olga A. Aleksandrova INFANTILE OR RESPONSIBLE: STUDENT YOUTH ABOUT NEW TRENDS IN THE MARRIAGE AND FAMILY AND REPRODUCTIVE SPHERES	107
Nina E. Rusanova, Lubov V. Erofeeva REPRODUCTIVE DECISIONS IN FAMILY: ABORTION, CONTRACEPTION, IVF	120
Anna A. Vyalshina STUDENTS' ATTITUDE TO CHILDREN AND PARENTING: GENDER AND RURAL-URBAN COMPARISONS	132
<hr/>	
SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF FAMILIES	
Zoya A. Khotkina WORK AND FAMILY: GENDER INEQUALITIES IN THE DISTRIBUTION OF MONEY AND TIME ...	147
Vyacheslav V. Lokosov, Igor V. Pilipenko, Inna M. Schneiderman LOW-RISE HOUSING CONSTRUCTION AS A PRIORITY IN PROVIDING RUSSIAN FAMILIES WITH HOUSING	161
Aziza V. Yarasheva, Svetlana V. Makar FAMILY MORTGAGE AS ONE OF THE TOOLS OF DEMOGRAPHIC POLICY	177
Elena V. Ryumina SHORTCOMINGS OF THE ENVIRONMENTAL BEHAVIOR OF FAMILIES: EXCESSIVE CONSUMPTION	190
<hr/>	
SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS	
IX INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE "INCOMES, EXPENDITURES AND SAVINGS OF THE RUSSIAN POPULATION: TRENDS AND PROSPECTS"	202

К ЧИТАТЕЛЮ

Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН более 30 лет по мере своих творческих сил исследует круг вопросов, которые образно и точно изложил М. В. Ломоносов в трактате «О сохранении и размножении русского народа». К сожалению, большинство этих вопросов, связанных с демографическими проблемами, здоровьем населения, качеством жизни, не получили за прошедшие 30 лет решения. Более того, стало принятым характеризовать состояние современного русского общества, используя словосочетание «экзистенциальная угроза», в которой ведущую роль играют депопуляция и снижение качества человеческого потенциала, которые напрямую зависят от состояния семейных отношений.

Поэтому редакционная коллегия журнала «Народонаселение» решила опубликовать специальный номер, посвящённый семейным отношениям, и приуроченный к проведению в России «Года семьи». Мы рассчитываем, что опубликованные статьи не только прояснят управленческому аппарату и заинтересованным читателям состояние семейных отношений в нашей стране, но станут важным практическим шагом на пути исправления ситуации. Тем более, согласно исследованиям Института социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, российское общество сохранило многое из традиционного типа семейных отношений и не перешло в разряд чрезмерно индивидуализированных обществ.

В. В. Локосов,

член-корреспондент РАН, профессор, главный редактор
журнала «Народонаселение», директор Института социально-
экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН

TO OUR READERS

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS for more than 30 years has been exploring to the best of its ability a range of issues which Lomonosov figuratively and vividly expounded in his treatise On the Preservation and Reproduction of the Russian People. Unfortunately, most of these issues concerning demographic problems, population health, quality of life, have not been resolved over the past 30 years. Moreover, it has become accepted to characterize the state of modern Russian society using the words “existential threat”, where the leading role is played by depopulation and a decrease in the quality of human potential, which directly depend on the state of family relationships.

Therefore, the Editorial Board of the journal Population decided to publish a special issue devoted to family relationships and timed to «The Year of the Family» in Russia. We expect that the articles published here will not only clarify the state of family relationships in our country to administrative bodies and interested readers, but also become an important practical step on the way to improving the situation. Moreover, according to the research of the Institute of the Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Russia society has preserved much of the traditional type of family relationships and has not passed into the category of overindustrialized societies.

V. V. Lokosov,

RAS Corresponding Member, Professor, Editor in Chief
of the journal «Population», Director of the Institute of
Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМЕЙ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16
EDN: QROBJI

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ БРАЧНОСТИ: ВОЗРАСТНОЙ И ГЕНДЕРНЫЙ ПРОФИЛЬ (2011–2021 ГГ.)

Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н.*, Ершова Ю. Н.

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(420111, Россия, Казань, ул. Лево-Булачная, 36а)

*E-mail: ershova104@mail.ru

Для цитирования:

Ильдарханова Ч. И., Ершова Г. Н., Ершова Ю. Н. Российская модель брачности: возрастной и гендерный профиль (2011–2021 гг.) // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 5-16. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16; EDN: QROBJI

Аннотация. На основе рассчитанных половозрастных показателей брачности в России за межпереписной период (2011–2021 гг.) с учётом результатов Всероссийской переписи населения 2020 г., выявлены территориальные различия брачности на уровне федеральных округов (ФО) и регионов Российской Федерации. Посредством индексного метода оценён вклад в изменения общего коэффициента брачности по возрастных коэффициентов брачности мужчин и женщин и половозрастной структуры населения. Для изучения интенсивности брачности в России исследована половозрастная структура населения, а также рассчитаны временные ряды возрастных показателей брачности, суммарного коэффициента брачности как приведённая сумма по возрастных коэффициентов брачности для мужчин и женщин активного бракоспособного возраста (от 16 до 60 лет), в том числе для первых и повторных браков, среднего возраста женихов и невест в ФО и регионах России. Выявлен гендерный разрыв в возрастных коэффициентах брачности на уровне ФО и субъектов РФ и его вклад в суммарные коэффициенты брачности. Суммарный коэффициент брачности женщин превышает показатели мужчин за счёт более высокой первичной брачности женщин, возможно, из-за того, что результатом как первого, так и повторного браков мужчин часто становятся женщины, не состоявшие прежде в замужестве. Определено, что поступательное увеличение среднего возраста женихов и невест в России обусловлено преимущественно увеличением возраста первых браков, чем повторной брачностью вдовых либо переживших развод граждан. За межпереписной период выявлено незначительное снижение первичной брачности как у мужчин, так и у женщин и существенное снижение повторной брачности у мужчин и сближение с моделью повторной брачности женщин, которая не претерпела изменений.

Ключевые слова: брачный возраст, суммарный коэффициент брачности, возрастной коэффициент брачности, Россия.

Введение

Трансформации семейно-брачных отношений и факторы, на них влияющие, стали предметом пристального внимания зарубежных и отечественных исследователей. Брачный выбор рассматривается как с позиций психологического и личностного «совпадения» [1], так и с позиций рационального экономического выбора на брачном «рынке» [2]. А. Б. Синельников ввёл в научный оборот понятие брачного потенциала, учитывающего не только численность бракоспособного населения, но и вероятность различных возрастных вариаций для супружеских пар, дополнив измерение предложения на «брачном рынке» расчётами реализации брачного потенциала [3]. Дискуссионным вопросом среди демографов остаётся влияние возраста вступления в брак на стабильность семейных отношений. Дж. Гарсия-Хомбрадос, по данным переписи 2000 г. в Китае, оценив влияние реформы 1981 г., направленной на снижение брачного возраста, пришёл к выводу, что более поздний брак снижает риск прижизненного прекращения брака [4]. Апологетом более поздних браков выступил и В. Оппенгеймер, предположивший, что браки в более позднем возрасте выигрывают от эффекта личностной зрелости новобрачных [5]. Увеличение возраста вступления в брак вследствие получения высшего образования или карьеры оценивается исследователями положительно, поскольку обеспеченные новобрачные более тщательно и ответственно относятся к брачному выбору, что улучшает качество соответствия за счёт увеличения продолжительности поиска и может способствовать стабилизации браков [6; 7]. Особое внимание исследователей разных стран привлекло изучение влияния пандемии COVID-19 на уровень брачности и разводимости [8; 9]. Ряд демографов осуществили анализ межпоколенной преемственности брачных отношений на примере межстрановых и региональных исследований [10–14]. Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (АН РТ) занимается системным анализом

демографического развития в контексте семейно-центристских установок населения регионов РФ [15–17].

В отличие от анализа рождаемости и смертности, ожидаемой продолжительности жизни, вопросам матримониального поведения в демографических исследованиях уделяется значительно меньше внимания, актуальность исследования определяется и значимостью процессов брачности как фактора демографической динамики: это относится к возрастным параметрам брачности, повышению возраста вступления в брак, что влечет за собой более позднее начало деторождения и негативно влияет на рождаемость. Гипотеза исследования: снижение общего коэффициента брачности обусловлено изменениями в половозрастной структуре населения. Поступательное увеличение среднего возраста женихов и невест в России не обусловлено повторной брачностью. При этом суммарный коэффициент повторной брачности женщин выше, чем у мужчин, так как традиционно для женщин важнее реализовать репродуктивные намерения либо попытаться заменить для своих детей биологического отца новым супругом.

Данные и методы, результаты

Для изучения причин динамики брачности в России необходимо исследовать половозрастную структуру населения страны в целом и её регионов, а также временные ряды возрастных показателей брачности, суммарного коэффициента брачности, в том числе первичного и повторного, среднего возраста женихов и невест. Поскольку учёт возраста новобрачных ведётся по пятилетним группам, а в группе «старше 60 лет» по подгруппам не разбивается, средний возраст женихов и невест был рассчитан на основе абсолютных чисел вступивших в брак по возрастам для граждан бракоспособного возраста от 16 до 60 лет. Возрастные коэффициенты брачности были рассчитаны как независимо от очередности, то есть с учётом повторных браков, так и отдельно согласно форме Росстата, учитывающей впер-

вые и повторно вступающих в брак мужчин и женщин. Среднегодовая численность населения для расчета возрастных коэффициентов по пятилетним группам пересчитана с учетом результатов Всероссийской переписи населения-2020. Изменения общего коэффициента брачности проанализированы посредством индексного метода, исследован вклад в изменение общего коэффициента брачности факторов интенсивности брачности (повозрастных коэффициентов брачности мужчин и женщин) и динамики половозрастной структуры населения: доли мужчин и женщин во всем населении. Применительно к расчетам динамики показателей существует ряд ограничений, связанных с изменчивостью совокупности населения вследствие миграции, в том числе трудовой.

За 2011–2021 гг. российская модель брачности претерпела значительные изменения как по динамике общего коэффициента брачности, так и по половозрастным характеристикам. После периода существенного роста, составившего в 2011 г. 48% относительно показателя 2000 г., в 2018 и 2021 гг. произошёл спад до показателей 2000 г., наименьший показатель в РФ (5,3‰) был в 2020 году. За 2000–2021 гг. в десятку регионов-лидеров РФ по общему коэффициенту брачности входили Камчатский край, АО Ямало-Ненецкий (до 2017 г.), Ханты-Мансийский-Югра (кроме 2018 г.) и Чукотский (2017–2018 гг.), Республика Алтай (2011–2012 гг.), Магаданская область (2011–2013 гг., 2017, 2018 и 2021 гг.), с 2007 г. — Сахалинская область (причём в 2018 и 2019 гг. — третье место по величине показателя в РФ). Переместившись с 2012 г. (10,9‰) на первую строку рейтинга, лидирует город Санкт-Петербург (кроме 2015 г. и 2017 г.). Включение в расчёт показателей города Севастополь и Республики Крым с 2014 г. позволило сохранить средний уровень брачности в России на уровне 7,9‰, причём в 2015 г. и 2017 г. в Севастополе был достигнут максимальный среди регионов РФ общий коэффициент брачности (11,5‰ и 10,0‰). С восьмого и девятого мест в 2018 г. и 2019 г.

в пятёрку и тройку лидеров по общему коэффициенту брачности в 2020 г. и 2021 г. переместилась Калининградская область, с восьмого и десятого мест 2019 г. и 2020 г. на четвёртое место в рейтинге в 2021 г. поднялась Московская область. Наименьшие в РФ показатели общего коэффициента брачности зарегистрированы в республиках Тыва и Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской, а также в Ленинградской области, в 2015 и 2017 гг. — Чеченской Республике.

На динамику общего коэффициента брачности существенное влияние оказывают изменения бракоспособного контингента трудоспособного возраста: рост коэффициента брачности в России с 2000 г. и достижение максимального уровня в 2011 г. в 9,2‰ произошло на фоне увеличения доли трудоспособного населения с 2000 до 2006 г. до 63% и сохранение её на уровне 61% до 2011 года. Вклад повозрастных коэффициентов брачности мужчин и женщин и половозрастной структуры населения в изменение общего коэффициента брачности был рассчитан индексным методом. Снижение общего коэффициента брачности в 2021 г. на 31% относительно 2011 г. обусловлено соответственно снижением доли мужчин и доли женщин активного бракоспособного возраста от 16 до 59 лет в общей численности населения.

В 2011 г. число женщин в РФ превышало число мужчин на 16%. При этом в возрастных группах до 24 лет доля мужчин превышала долю женщин на 3–4%, а в группе 25–29 лет — на 0,87%, а начиная с пятилетнего интервала 30–34 года численность женщин, относительно мужчин была выше на 1,7%, 35–39 лет и 40–44 года — на 4,7% и 6,2%, а в группах 45–49 лет и 50–54 года на 11,6% и 18,3%, в старшей возрастной группе 55–59 лет — на 30%. В 2021 г. разница между числом мужчин и женщин сократилась до 13%, численность мужчин в возрастных группах до 24 лет на 6–7% превышала численность женщин, в группе 25–29 — на 1,2%, с пятилетнего возрастного интервала 30–34 лет женщин больше, чем мужчин

на 1,3%, 35–39 лет — на 3,6%, 40–44 года — 6,6%, 45–49 лет — 9,8%, 50–54 года — 12,6%, 55–59 лет — 23,1%.

Брачность относительно 2011 г. снизилась во всех возрастных когортах до 35 лет у мужчин и до 45 лет у женщин. В РФ в 2021 г. по сравнению с 2011 г. доля браков, заключённых мужчинами в возрасте 16–17 лет и 18–19 лет в структуре браков не изменилась, в группе 20–24 года снизилась на 10%, 25–29 лет снизилась на 6%, в возрасте 30–34 года и 35–39 лет, наоборот, увеличилась на 5% и 4%, соответственно, в группах 40–45 лет и 45–49 лет последовало увеличение на 2%, в группах 50–54 года и 55–59 лет — на 1%. Снижение доли браков по сравнению с 2011 г., в возрасте 16–17 лет составило 1%, в группе 18–19 лет — 11%, в возрасте 20–24 года — 4%, в остальных возрастных группах последовал рост доли заключённых браков.

Более точными показателями являются возрастные коэффициенты брачности, так как они зависят от возрастной структуры населения, а не от общего числа заключённых браков. Приведённые возрастные коэффициенты продемонстрировали существенные гендерные различия в возрастной структуре брачности: среди мужчин в 2011 г. отмечена модель брачности с вершиной 20–29 лет: наибольшие показатели в возрастных группах 20–24 года и 25–29 лет (60,3% и 70,6%), в 2021 г. максимальный показатель в возрасте 25–29 лет (59,74%). У женщин структура представлена экстремумом в возрастном диапазоне 20–24 года (64,58%). В возрастных группах до 25 лет брачность женщин превышает показатели мужчин. Подростковая брачность в возрасте 16–17 лет почти отсутствует, по сравнению с 2011 г., она снизилась на 4,8% пункта (2,96%), у мужчин — на 0,3% пункта (0,39%), в возрасте 18–19 лет снизилась на 2,6% пункта у мужчин и на 13,5% пункта у женщин (33,4% и 6,95% соответственно), начиная с группы 20–24 года наибольшее снижение у мужчин — на 15,7% пункта, у женщин — на 14,8% пункта, в группе 25–29 лет на 10,9% пункта у мужчин и на 7,6% пункта

у женщин, в группе 30–34 года снижение на 5,7% пункта у мужчин и на 3,8% пункта у женщин, в возрасте 35–39 лет у мужчин снижение на 3,3% пункта, а у женщин начиная с этой группы зафиксировано увеличение коэффициента брачности на 0,3% пункта.

В диапазоне 40–44 года брачность у женщин увеличилась на 1,6% пункта, а у мужчин сократилась на 1,9% пункта. У мужчин начиная с группы 45–49 лет, по сравнению с 2011 г., наблюдалось увеличение на 1,6% пункта (9,7%), в группе 50–54 года на 0,7% пункта (7,4%), брачность женщин в этих группах увеличилась на 2,1% пункта и 1,3% пункта и составила 8,11% и 5,39% соответственно. Брачность в предпенсионном возрасте 55–59 лет остаётся незначительной, несмотря на рост относительно показателей 2011 г. на 0,4% пункта у обоих полов: 5,17% у мужчин и 2,97% у женщин. Вклад различных возрастных когорт мужчин и женщин в суммарный коэффициент брачности отражает на рисунке 1 площадь фигур под кривыми возрастных показателей брачности (рис. 1).

Для выяснения факторов, повлиявших на указанную динамику необходимо рассмотреть тренды, сложившиеся на региональном уровне. По итогам Переписи-2020 пять лидирующих регионов по доле женатых мужчин от общего числа мужчин (от 55,5% до 60%) составили республики Дагестан, Кабардино-Балкарская, Башкортостан, Чеченская, Татарстан, а по доле замужних женщин республики Дагестан, Чеченская, Кабардино-Балкарская, Башкортостан, а также Ставропольский край (46–56%). Минимальная доля состоящих в браке в Москве (где снижение составило 16 и 12%, Санкт-Петербурге, Приморском и Хабаровском краях, Республике Коми (37–42% у мужчин и 32–36% у женщин). Среди женщин наибольшая доля, не состоящих в браке, в Псковской области, причём у 20% по причине вдовства — в данном регионе один из максимальных показателей депопуляции отмечен уже в течение последних 22 лет [18].

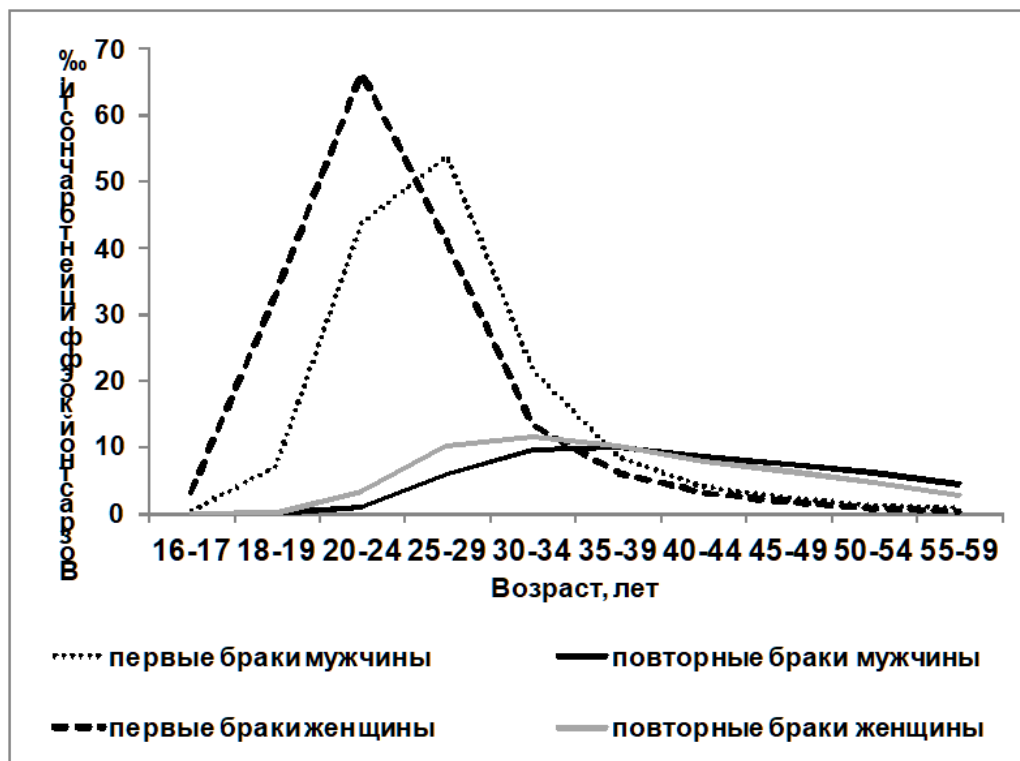

Рис. 1. Возрастные коэффициенты брачности в РФ в 2021 году

Fig. 1. Age marriage rates in the Russian Federation in 2021

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Отличие от возрастной модели брачности в целом продемонстрировал Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО): среди женщин отмечена модель брачности с вершиной 18–24 года: наибольшие показатели в возрастах 18–19 лет и 20–24 года (48% и 53,6%), а среди мужчин, как и в целом по РФ, наибольшая брачность наблюдается в возрастах 20–24 года и 25–29 лет (31,6% и 43,9%). Регионы этого ФО имеют значительные гендерные различия в возрастной структуре брачности. Например, в республиках Чеченской и Дагестан почти отсутствует ранняя подростковая брачность среди юношей и девушек 16–17 лет, в возрасте 18–19 лет, наоборот, в этих республиках одни из наибольших по РФ показателей брачности у девушек (59,44% и 66,25%, соответственно), и одни из наименьших по стране показателей брачности у юношей

(2,83% и 1,61%, соответственно), что может объясняться традиционными представлениями среди жителей данных регионов об обязательности достижения мужчиной, как главой семьи, в отличие от женщины, возрастной и социальной зрелости. Эта тенденция сохраняется и в возрастных группах 20–24 года. Наибольший коэффициент брачности женщин в возрасте 20–24 года отмечен в ФО Уральском (УФО — 77,9%) и Приволжском (ПФО — 77,2%). Также отличия от российской модели, где экстремум представлен возрастом 20–24 года, продемонстрировали женщины Центрального (ЦФО) и Северо-Западного (СЗФО) федеральных округов — в них отмечена модель брачности с вершиной 20–29 лет: наибольшие показатели в 20–24 года и 25–29 лет, причём в СЗФО с преимуществом в возрасте 25–29 лет: 64,4% и 65,8% соответственно (табл. 1).

Таблица 1
Структура брачности в федеральных округах России по полу и возрасту в 2021 году

Table 1

Structure of marriage in the federal districts of Russia by sex and age in 2021

Возраст (лет)	ЦФО		СЗФО		ЮФО		СКФО		ПФО		УФО		СФО		ДФФО	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
16–17	0,2	2,0	0,2	1,9	0,4	3,8	0,1	2,9	0,4	2,8	0,5	2,9	0,7	4,3	0,7	4,8
18–19	6,1	28,1	6,0	25,7	7,4	38,2	3,2	48,0	6,9	30,9	8,6	36,9	9,4	34,7	9,6	37,8
20–24	41,5	66,6	39,1	64,4	47,0	75,7	31,6	53,6	49,6	77,2	54,4	77,9	50,6	71,9	44,7	67,5
25–29	61,5	56,8	67,6	65,8	59,4	49,5	43,9	24,1	60,5	48,9	63,3	53,5	60,3	50,7	56,0	50,8
30–34	33,7	27,7	38,2	31,2	31,0	24,7	19,3	10,6	27,8	21,5	31,7	26,1	31,5	25,2	31,5	26,9
35–39	20,4	17,9	22,5	19,2	19,0	16,1	9,6	6,9	15,5	14,3	19,8	17,9	19,8	17,1	19,2	17,9
40–44	13,6	11,9	15,1	13,1	12,3	10,7	5,9	4,4	10,5	9,4	13,6	12,4	14,0	11,9	14,0	12,6
45–49	10,5	8,8	11,5	9,7	9,5	8,1	4,4	3,2	8,1	6,6	10,7	9,0	10,9	8,7	11,1	9,8
50–54	7,8	5,9	9,1	6,3	7,3	5,3	3,0	2,1	6,0	4,4	8,5	6,0	8,0	5,5	9,1	6,2
55–59	5,4	3,1	6,4	3,5	5,4	3,3	2,3	1,3	4,2	2,4	5,8	3,3	5,7	3,3	6,4	3,5

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Средний возраст вступления в брак в регионах РФ был рассчитан Центром семьи и демографии АН РТ по пятилетним возрастным интервалам (от 16 до 60 лет). Средний возраст невест в РФ в 2011 г. составлял 27,5 года, женихов — 29,7 года, в том числе среди вступающих в первый брак 24,8 года и 26,8 лет соответственно. В сельской местности разница между молодожёнами чуть превышала городскую (2,23 года против 2,20 года), причём разница в пользу городских мужчин составила 1,64 года, возраст женихов в сельской местности превысил порог в 30 лет, разница между городскими и сельскими невестами составила 1,66 года, достигнув отметки в 28 лет. Средний возраст невест в РФ в 2021 г. превысил отметку в 30 лет (30,3 года), в сельских территориях невесты младше в среднем на 1,72 года. Средний возраст жениха преодолел порог в 32 года (32,1 года), причём в сёлах на 1,4 года ниже, чем в городах, что может быть связано с тем, молодые люди в городах чаще откладывают срок вступления в брак в связи с получением среднего и высшего профессионального образования. Средний возраст вступления в первый брак 26,6 года и 28,7 года у женщин и мужчин соответственно.

В 2021 г. по среднему возрасту невесты, рассчитанному по пятилетним возрастным интервалам (от 16 до 60 лет) в порядке возрастания показателя наименьшие показатели по РФ — в республиках СКФО: первое место у Республики Дагестан (23,9 года), далее следуют республики Чеченская, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Калмыкия, Адыгея и Северная Осетия-Алания. В 2021 г. в Ленинградской области, по сравнению с 2020 г., возраст невест возрос на 0,6 года (33,5 года), сохранился наивысший показатель по РФ и на 0,7 года в Магаданской области (33,1 года). Наименьший возраст жениха — также в Республике Дагестан и превышает возраст невест на 4,3 года (28,3 года). 28,5 года и 29,6 года составил средний возраст жениха в Чеченской и Кабардино-Балкарской республиках. В остальных регионах РФ возраст женихов преодолел порог в 30 лет. Почти 35 лет составил средний возраст вступающих в брак мужчин в Магаданской и Ленинградской областях (34,8 года и 34,9 года соответственно).

Расчёт суммарного коэффициента брачности (сумма приведённых возрастных коэффициентов в возрасте от 16 до 60 лет) определил значительную разницу у женщин и мужчин: наименьшие суммарные

коэффициенты брачности в 2021 г. продемонстрировала Республика Ингушетия (0,36 у мужчин и 0,33 брака у женщин). Минимальные показатели суммарного коэффициента брачности мужчин в 2021 г. были и в других республиках Северного Кавказа: Дагестан (0,52 брака), Северная Осетия–Алания (0,58 брака), Карачаево–Черкесская (0,6 брака), Кабардино–Балкарская (0,65 брака) и Чеченская республики (0,65 брака) (что может быть связано с религиозными практиками в субъектах Северного Кавказа, регламентирующими разводы и браки, в том числе повторные), а также республики Калмыкия (0,66), Тыва (0,67 брака), Ленинградская область (0,52 брака). Наивысшие показатели в Санкт–Петербурге (1,31 брака), республиках Алтай (1,17 брака) и Карелия (1,22 брака), Камчатском крае (1,2 брака).

По суммарному коэффициенту брачности женщин наименьшие показатели также у национальных республик: Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия–Алания, Карачаево–Черкесская, Тыва, Чеченская, а также в Ленинградской области, максимальные показатели — в Камчатском крае (1,39), Санкт–Петербурге (1,31), республиках Карелия (1,3), областях Мурманской (1,22) и Калининградской (1,21), Краснодарском (1,24) и Приморском краях (1,22), областях Архангельской без Ненецкого АО (1,18), Сахалинской (1,21) и Костромской (1,17).

При сопоставлении суммарных показателей брачности 2011 г. и 2021 г. выявлено существенное снижение как у мужчин, так и у женщин: если в 2011 г. на 1 женщину и 1 мужчину приходилось 1,15 и 1,16 брака, то в 2021 г. 0,96 и 1,02 брака. В 2011 г. наблюдалось преимущество брачности разведенных мужчин на 0,4 брака, по сравнению с женщинами. Это может свидетельствовать, что в 2011 г. разведенные мужчины чаще выбирали в супруги впервые вступающих в брак женщин. Снижение суммарного показателя женщин произошло за счет снижения первичной брачности на 0,1 брака, повторная брачность сохранилась на уровне 0,29 брака на 1 женщину (как и в 2011 г. 0,27 приходилось на разведенных женщин и 0,02 брака — на вдовых), у мужчин снижение

впервые вступающих в брак также составило 0,1 брака и наиболее значимо снизилась повторная брачность: на 0,4 брака снизилась брачность разведенных мужчин за счет снижения брачности разведенных мужчин на 3 и 4% пункта в возрасте 25–34 года.

Обсуждение и заключение

Высокая брачность в Санкт–Петербурге, где суммарный коэффициент брачности 1,31 брака при снижении доли состоящих в браке на 4% и 2% (41% и 34%), зафиксированной Всероссийскими переписями населения 2010 и 2020/2021 гг., подтверждается и другими исследователями, связывающими данное явление с распространением так называемого «свадебного туризма», когда новобрачные из других регионов РФ стремятся провести обряд бракосочетания в «северной столице» России [19]. Подача документов о регистрации брака в электронном виде с возможностью выбора ЗАГСа осуществляется в РФ с 2013 года¹. Пик брачности в Санкт–Петербурге связан с реализацией в 2021 г. торжественных церемоний регистраций браков, отложенных в связи с ограничительными мерами по предотвращению распространения COVID-19 в 2020 г., при этом в 2020 г., несмотря на значительное снижение брачности по сравнению с доковидным периодом, сохранялся наивысший показатель по РФ (1,1 у мужчин и 1,17 у женщин). Наибольшее влияние «свадебный туризм», вероятно, оказывает на соседний регион с одним из наименьших в России уровнем брачности — Ленинградскую область.

Суммарный коэффициент брачности женщин по первым бракам существенно превышает показатели мужчин (0,73 и 0,69 соответственно). Наибольший вклад в величину показателя суммарной брачности вносят первые браки. Максимальный по возрастной коэффициент повторной брачности у женщин отмечен в 25–39 лет, у мужчин — 30–44 года, в пятилетней группировке в данных возрастах по возрастные пока-

¹ Ст. 26. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» в редакции Федерального закона от 28 июля 2012 г. № 133-ФЗ.

затели составили на 1000 человек соответствующего возраста в группах 25–29 и 35–39 лет — по 10,3 брака, в группе 30–34—11,5 браков, а у мужчин в группе 30–34 года 9,59 брака, 35–39 лет — 10,08 брака, 40–44 года — 8,53 брака, суммарная брачность вдовых женщин более чем в 2 раза превышает брачность вдовцов (0,02 брака и 0,01 брака у мужчин и женщин): гипотеза подтвердилась — на увеличение среднего возраста новобрачных оказывает влияние «постарение» первых браков, повторные браки вдовых и разведённых.

За 10 лет отмечено равное снижение первичной брачности у мужчин и у женщин и существенное снижение повторной брачности у мужчин и сближение с моделью повторной брачности женщин, которая не претерпела изменения. Суммарные коэффициенты повторной брачности у разведённых женщин и мужчин в 2021 г. почти

равные (0,27 брака против 0,26 брака), первоначально выдвинутая гипотеза о более высокой интенсивности повторной брачности у женщин справедлива только для случаев вдовства супруги, превышение суммарного коэффициента брачности женщин достигается посредством высокой первичной брачности женщин (0,73 брака), возможно вследствие того, что объектом как первого, так и частично повторного брачного выбора мужчин становятся женщины, не состоявшие прежде в замужестве. Снижение повторной брачности разведённых мужчин можно рассматривать как позитивное следствие снижения суммарной разводимости мужчин. Перспективы исследования лежат в области проверки гипотезы о влиянии среднего возраста вступления в брак на разводимость на региональном и федерально-окружном уровнях.

Литература и Интернет-источники

1. **Magallares, A.** Psychometric properties of the Spanish version of the Dyadic-Familial Relationship Satisfaction Scale / A. Magallares, C. Matera, P. Recio et al. // *Current Psychology*. — 2023. — URL: <https://rdcu.be/dbmxM> (дата обращения: 02.05.2023). DOI: 10.1007/s12144-023-04603-3
2. **Беккер, Г.** Выбор партнёра на брачных рынках / Г. Беккер // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. — 1994. — № 6. — С. 12–36.
3. **Синельников, А. Б.** Российский брачный рынок в демографическом измерении / А. Б. Синельников // *Социология*. — 2017. — № 1. — С. 83–95. EDN: YXLTZZ
4. **Garcia-Hombrados, J.** Age at marriage and marital stability: evidence from China / J. Garcia-Hombrados, B. Özcan // *Review of Economics of the Household*. — 2023. — URL: <https://rdcu.be/dbmu> (дата обращения: 02.05.2023). DOI: 10.1007/s11150-023-09651-z; EDN: OKGRBR
5. **Oppenheimer, V. K.** A theory of marriage timing / V. K. Oppenheimer // *American Journal of Sociology*. — 1988. — Vol. 94. — P. 563–591.
6. **Oppenheimer, V.** American marriage formation in the 1980s: How important was women's economic independence? / V. Oppenheimer, V. Lew // *Gender and family change in industrialized countries* / Eds. K. Mason, A. Jensen. — Oxford: Clarendon Press, 1995. — P. 105–138.
7. **Lehrer, E.** Women's age at first marriage and marital instability in the United States: Differences by race and ethnicity / E. Lehrer, Y. Son // *Labor: Demographics & Economics of the Family*. — 2017. — URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol37/9/37-9.pdf> (дата обращения: 02.05.2023).
8. **Hoehn-Velasco, L.** Marriage and divorce during a pandemic: the impact of the COVID-19 pandemic on marital formation and dissolution in Mexico / L. Hoehn-Velasco, J. R. Balmori de la Miyar, A. Silverio-Murillo et al. // *Rev. Econ. Household*. — 2023. — URL: <https://rdcu.be/dbmzA> (дата обращения: 02.05.2023). DOI: 10.1007/s11150-023-09652-y; EDN: GKVEBF
9. **Komura, M.** COVID-19, marriage, and divorce in Japan / M. Komura, H. Ogawa // *Rev. Econ. Household*. — 2022. — Vol. 20. — P. 831–853. DOI: 10.1007/s11150-022-09609-7; EDN: UMPWXZ
- 10.

11. **Исупова, А. Г.** Брачность и брачное состояние / А. Г. Исупова // Население России-2012: двадцатый ежегодный демографический доклад. — Москва : НИУ ВШЭ, 2014. — С. 57–98.
12. **Щербакова, Е. М.** Брачность в странах ЕС-28, 1990–2015 / Е. М. Щербакова // Demoskop Weekly. — 2017. — URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0725/barometer725.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
13. **Синица, А. Л.** Пространственные особенности брачности в России в 1990–2015 годах / А. Л. Синица // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2017. — № 1. — С. 59–63. EDN: YHQRH
14. **Falcke, D.** The Relationship Between Family-of-Origin and Marital Adjustment for Couples in Brazil / D. Falcke, A. Wagner, C. P. Mosmann // Journal of Family Psychotherapy. — 2008. — Vol. 19(2). — P. 170–186. DOI: 10.1080/08975350801905020
15. **Randles, J.** Saving Marriage Culture «One Marriage at a Time»: Relationship Education and the Reinstitutionalization of Marriage in an Era of Individualism / J. Randles, O. Avishai // Qual Sociol. — 2018. — No. 41. — P. 21–40. DOI: 10.1007/s11133-018-9375-1
16. Демографический доклад — 2022. Социодемографический капитал Республики Татарстан в контексте национальной безопасности (2019–2021 гг.). Монография / ред. Ч. И. Ильдарханова. — Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2022. — 352 с. DOI: 10.51285/978-5-9690-1058; EDN: GEISRA
17. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2022 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. — Москва : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. — 220 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022; EDN: URJOYC
18. **Ершова, Г. Н.** Конфликтный потенциал семьи как фактор снижения устойчивости браков / Г. Н. Ершова, Ч. И. Ильдарханова // Социальная политика и социология. — 2022. — Т. 21. — № 2(143). — С. 69–77. DOI: 10.17922/2071-3665-2022-21-2-69-77; EDN YDRCYE
19. **Ибрагимова, А. А.** Гендерные различия в ожидаемой продолжительности жизни населения Татарстана // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 47–57. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.4; EDN: AQCTGA
20. **Белюсова, И.** Особенности свадебного туризма в Санкт-Петербурге / И. Белюсова // Наука. Мысль. — 2014. — Т. 4. — № 8. — С. 7–9. EDN: WWWFDP

Сведения об авторах:

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, д.соц.н., директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: chulpanildusovna@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3992-0336; РИНЦ AuthorID: 331216.

Ершова Гузель Николаевна, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: ershova104@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6399-0521; РИНЦ AuthorID: 792142.

Ершова Юлия Николаевна, научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: ershova1985@mail.ru; РИНЦ AuthorID: 663484.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16

RUSSIAN MODEL OF MARRIAGE: AGE AND GENDER PROFILE (2011–2021)

Chulpan I. Ildarkhanova, Guzel N. Ershova*, Iuliia N. Ershova

Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences
(36A Levo-Bulachnaya str., Kazan, Russia, 420111)

*E-mail: ershova104@mail.ru

For citation:

Ildarkhanova Ch. I., Ershova G. N., Ershova Iu. N. Russian model of marriage: age and gender profile (2011–2021). *Narodonasilenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 51. P. 5-16. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-5-16 (in Russ.)

Abstract. Based on the calculated sex and age indicators of marriage in the Russian Federation for the inter-census period (2011–2021) with the account of the results of the All-Russian Population Census-2020, territorial differences in marriage at the level of federal districts and regions of the Russian Federation were identified. By means of the index method, contribution of the age-related marriage rates of men and women and the age and sex structure of the population to changes in the total marriage rate was assessed. To study the intensity of marriage in Russia, the age and sex structure of population was studied, and time series of the age rates of marriage, total marriage rates were calculated as the sum of the age marriage rates for men and women in the active age of marriage (from 16 to 60 years), including first and repeated marriages, average age of grooms and brides in federal district and regions of Russia. There was examined the gender gap in age marriage rates at the level of federal districts and the RF subjects and its contribution to the total marriage rates. The total marriage rate of women exceeds that of men due to the higher first marriage rate of women, possibly due to the fact that men often enter into the first and second marriage with women who have not been married before. It is found out that the progressive increase in the average age of brides and grooms in Russia is mainly due to an increase in the age of first marriages, rather than remarriage of widows or divorced persons. During the inter-census period, a slight decrease in first marriages was recorded for both men and women, as well as a significant decrease in remarriages of men and their convergence with the model of remarriage of women that has not changed.

Keywords: marriage age, total marriage rate, age marriage rate, Russian Federation.

References and Internet sources

1. Magallares A., Matera C., Recio P. et al. Psychometric properties of the Spanish version of the Dyadic-Familial Relationship Satisfaction Scale. *Current Psychology*. 2023. Available at: <https://rdcu.be/dbmxM> (Accessed: 2 May 2023). DOI: 10.1007/s12144-023-04603-3
2. Becker G. Vybor partnera na brachnykh rynkakh [Choosing a partner in marriage markets]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsialnykh institutov i sistem [THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems]*. 1994. No. 6. P. 12–36. (in Russ.)
3. Sinelnikov A. B. Rossijskij brachnyj rynek v demograficheskom izmerenii [Russian marriage market in a demographic dimension]. *Sotsiologiya [Sociology]*. 2017. No. 1. P. 83–95. (in Russ.)
4. Garcia-Hombrados J., Özcan, B. Age at marriage and marital stability: evidence from China. *Review of Economics of the Household*. 2023. Available at: <https://rdcu.be/dbmyP> (Accessed: 2 May 2023). DOI: 10.1007/s11150-023-09651-z
5. Oppenheimer V. K. A theory of marriage timing. *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 563–591.

6. Oppenheimer V., Lew V. American marriage formation in the 1980s: How important was women's economic independence? Eds. K. Mason, A. Jensen. *Gender and Family Change in Industrialized Countries*. Oxford. Clarendon Press. 1995. P. 105–138.
7. Lehrer E., Son Y. Women's age at first marriage and marital instability in the United States: Differences by race and ethnicity. *Labor: Demographics & Economics of the Family*. 2017. Available at: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol37/9/37-9.pdf>. (Accessed: 2 May 2023)
8. Hoehn-Velasco L., Balmori de la Miyar J. R., Silverio-Murillo A. et al. Marriage and divorce during a pandemic: the impact of the COVID-19 pandemic on marital formation and dissolution in Mexico. *Review of Economics of the Household*. 2023. Available at: <https://rdcu.be/dbmzA> (Accessed: 2 May 2023). DOI: 10.1007/s11150-023-09652-y
9. Komura M., Ogawa H. COVID-19, marriage, and divorce in Japan. *Review of Economics of the Household*. 2022. Vol. 20. P. 831–855. DOI: 10.1007/s11150-022-09609-7
10. Isupova A. G. Brachnost' i brachnoje sostoyaniye [Marriage and marital status]. Naselenije Rossii-2012: dvadtsat'j jezhegodnyj demograficheskij doklad [Population of Russia-2012: the Twentieth Annual Demographic Report]. Moscow. NIU VShE [Higher School of Economics]. 2014. P. 57–98. (in Russ.)
11. Shcherbakova E. M. Brachnost' v stranakh ES-28, 1990–2015 [Marriage in the EU-28 countries, 1990–2015]. *Demoscope Weekly*. 2017. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2017/0725/barometer725.pdf> (Accessed: 15 March 2023). (in Russ.)
12. Sinitsa A. L. Prostranstvennyje osobennosti brachnosti v Rossii v 1990–2015 godakh [Spatial features of marriage in Russia in 1990–2015]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics]*. 2017. No. 1. P. 59–63. (in Russ.)
13. Falcke D., Wagner, A., Mosmann C. P. The relationship between family-of-origin and capital adjustment for couples in Brazil. *Journal of Family Psychotherapy*. 2008. Vol. 19(2). P. 170–186. DOI: 10.1080/08975350801905020
14. Randles J., Avishai O. Saving Marriage Culture «One Marriage at a Time»: Relationship Education and the Reinstitutionalization of Marriage in an Era of Individualism. *Qualitative Sociology*. 2018. No. 41. P. 21–40. DOI: 10.1007/s11133-018-9375-1
15. Demograficheskij doklad — 2022. Sotsiodemograficheskij kapital Respubliki Tatarstan v kontekste natsional'noj bezopasnosti (2019–2021 gg.). [Demographic Report-2022. Sociodemographic Capital of the Republic of Tatarstan in the Context of National Security (2019–2021)]. Ed. Ch. I. Ildarkhanova. Kazan. Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences. 2022. 352 p. DOI: 10.51285/978-5-9690-1058 (in Russ.)
16. Demograficheskije samochuvstvije regionov Rossii. Natsional'nyj demograficheskij doklad — 2022 [Demographic Well-Being of the Regions of Russia. National Demographic Report — 2022]. Eds. T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova; FNIS Ts RAN [FCTAS RAS]. Moscow. PERSPEKTIVA [PERSPECTIVE]. 2022. 220 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022 (in Russ.)
17. Ershova G. N., Ildarkhanova, Ch. I. Konfliktnyj potentsial sem'i kak faktor snizheniya ustojchivosti brakov [The conflict potential of the family as a factor in reducing the stability of marriages]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]*. 2022. Vol. 21. No. 2(143). P. 69–77. DOI: 10.17922/2071-3665-2022-21-2-69-77 (in Russ.)
18. Ibragimova A. A. Gendernyye razlichiya v ozhidayemoy prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya Tatarstana [Gender differences in life expectancy of the population of Tatarstan]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 47–57. DOI: 10.19181/population.2021.24.4 (in Russ.)
19. Belousova I. Osobennosti svadebnogo turizma v Sankt-Peterburge [Features of wedding tourism in St. Petersburg]. *Nauka. Mysl [Science. Thought]*. 2014. No. 8. P. 7–9. (in Russ.)

Information about the authors:

Ildarkhanova Chulpan Ildusovna, Doctor of Sociology, Director, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: chulpanildusovna@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3992-0336; Elibrary Author ID: 331216.

Ershova Guzel Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: ershova104@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6399-0521; Elibrary AuthorID: 792142.

Ershova Iuliia Nikolaevna, Researcher, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: ershova1985@mail.ru; Elibrary AuthorID: 663484.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-17-27
EDN: MHVXBL

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА СЕМЕЙНЫХ СТРУКТУР СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ВЫЗОВ ЕЁ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Доброхлеб В. Г.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН*

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

Email: vdobrokhled@mail.ru

Для цитирования:

Доброхлеб В. Г. Состояние и динамика семейных структур современной России как вызов её цивилизационного развития // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 51. — С. 17-27.
DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-17-27 EDN: MHVXBL

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики динамики и состояния семейных структур современной России как вызова её цивилизационного развития. Задачами работы является: рассмотрение теоретических подходов к динамике семьи и браков в стране, анализ состояния брачной структуры населения России, а также структуры семей с детьми; обоснование вывода о том, что переход от малодетности к многодетности российских семей является направлением преодоления депопуляции и сохранения российской цивилизации. Аналитики ООН делают вывод о том, что Россия к середине XXI в. потеряет статус одной из наиболее населённых стран мира. Обострение проблем демографической динамики, в первую очередь нарастающая депопуляция, становится самым значительным вызовом цивилизационного развития страны. Для нашего исследования особый интерес представляет брачное состояние населения современной России. Брачная структура показывает, что в возрасте старше 16 лет треть населения страны не указали брачное состояние или никогда не состояли в браке, почти каждого пятого жителя нашей страны (19,5%) можно отнести к категории «потерпевших крушение брака» и только менее половины россиян (49,0% от населения брачных возрастов) состоят в браке, в числе которых в незарегистрированном браке — 4,4% от населения в возрасте 16+. Вместе с тем интерес к браку остаётся значимым для жителей нашей страны — в 2022 г. брачность составляла 7,2%. По данным последней Всероссийской переписи населения (2020) доля семей с детьми в возрасте до 18 лет с одним ребёнком составляла 49%, с двумя детьми — 38%, с тремя — 10%, с четырьмя — 2%, с пятью и более — 1%. Преодоление цивилизационных вызовов, в том числе демографических, обусловлено эффективными стратегиями в социальной и политической сферах. Социальное конструирование лучшего будущего в демографической сфере — наиболее актуальная и сложная цель современной России.

Ключевые слова: цивилизация, демографическая динамика, семейная структура, брачная структура, демографическая политика.

© Доброхлеб В. Г., 2024.

Введение

В широкой палитре научных школ и течений заметное место занимают исследования цивилизаций (цивилиография), которые более двухсот лет назад появились в нашей стране [1]. Российские учёные разных поколений предложили научные теории, объясняющие развитие цивилизаций. Дефиниция «цивилизации» — предмет незабываемых дискуссий [2]. При этом подчёркивается, что культура и цивилизация являются различными понятиями¹. В одной из последних работ Ю.В.Яковца «Новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций: Фундаментальная монография» дано системное представление о структуре, динамике и будущем цивилизаций, их трёх «опорах» — семье, экономике и государства [3]².

Цель данного исследования состоит в выявлении специфики демографической динамики и состояния семейных структур современной России как вызова цивилизационного развития. Задачами работы является: рассмотрение теоретических подходов к динамике семьи и браков в стране, анализ состояния брачной структуры населения России, а также структуры семей с детьми; обоснование вывода о том, что переход от малодетности к многодетности российских семей является направлением преодоления депопуляции и сохранения российской цивилизации. Методология исследования основывается на статистическом анализе, использовании междисциплинарного подхода. Информационной базой являются российские и международные базы данных,

а также исследования отечественных и зарубежных учёных по избранной тематике.

Демографическая динамика и состояние семейных структур в современной России

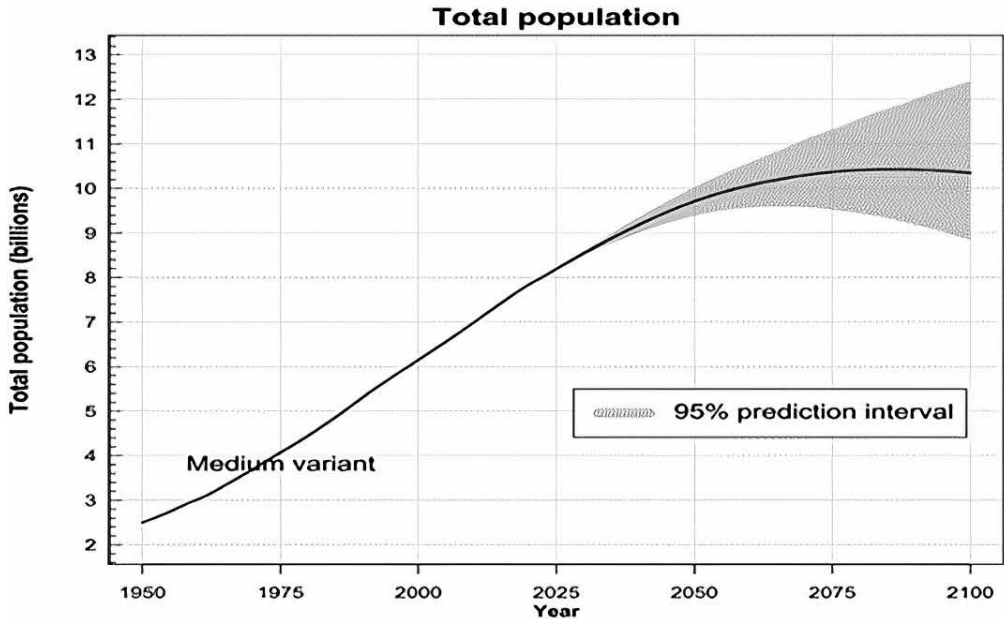
К настоящему времени накопилось значительное число научных работ, которые рассматривают демографическую динамику как существенную составляющую современных цивилизаций [2] и как вызов национальной безопасности [4]. Экономисты и математики, демографы, социологи исследуют будущее с позиции демографической динамики. В известном докладе Римскому клубу «Пределы роста», появившемуся в 1972 г., на основании разработанной его авторами математической модели, делался вывод о катастрофе, если рост населения Земли будет продолжаться достигнутыми к семидесятым годам двадцатого века темпами [5]. Однако в последние десятилетия демографические прогнозы связывают будущее мира со стабилизацией численности мирового населения и существенной демографической поляризацией будущего мира.

В одном из последних демографических обзоров ООН показаны основные тенденции изменений населения, в числе которых замедление темпов роста населения мира, его более медленное увеличение до примерно 8,5 млрд человек в 2030 г., 9,7 млрд — в 2050 г. и 10,4 млрд — в 2100 году. Наибольший вклад в прирост населения Земли до 2050 г. дадут лишь 8 государств: Демократическая Республика Конго, Египет, Эфиопия, Индия, Нигерия, Пакистан, Танзания и Филиппины. Это изменит порядок ранжирования по размеру среди крупнейших стран мира. Продолжится демографическое старение — к середине XXI в. доля населения в возрасте 65+ возрастёт в мире с 10% до 16%. По прогнозам ООН, население 61 страны (около трети стран мира) в период 2022–2050 г. уменьшится на 1% и более в первую очередь из-за сокращения рождаемости³.

³ United Nations New York, 2022. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org/development/desa/pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения: 06.01.2024).

¹ Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. В.И.Бородулин и др. — Москва: Большая Российская энциклопедия, 2001. — С. 381.

² Базовыми угрозами в настоящее время являются: 1) разрушение цивилизации, которое, в том числе состоит, в подрыве основ семьи как одного из основных социальных институтов, передающих генотип цивилизаций последующим поколениям; 2) экологическая деградация; 3) военное (ядерное) столкновение цивилизаций. В монографии рассмотрена роль современных российских научных школ, в том числе социо-демографической научной школы основателя ИСЭПН РАН Н.М.Римашевской, их вклад в создание интегральной парадигмы обществознания — цивилиографии.

Рис. 1. Демографический прогноз населения мира до 2100 г. (средний вариант), млрд человек

Fig. 1. Demographic forecast of the world population up to 2100 (medium version) in billions of people
 Источник: World Population Prospects. Population Division // United Nations. — URL: <https://www.population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Line/900> (дата обращения: 09.01.2024).

По предложению ректора МГУ В.А. Садовниченко, в 2022 г. в Римский клуб был направлен доклад «Преодолевая пределы роста», представляющий взгляд российских учёных на изменения, в том числе демографические, которые идут в мире в настоящее время. С.Ю. Малков с соавторами в статье с обзором этих идей показал влияние технологического развития на все сферы жизни: на экономику, демографию, социальные и политические взаимодействия. Исследователи предполагают, что изменения, в том числе демографические, начавшие в последней трети XX в. обусловлены базисными инновациями в технологии — цифровой революцией, связанной с изобретением высокоскоростных вычислительных машин, внедрением их во все сферы жизнедеятельности человека. Авторы называют эту фазу развития кибернетической. Предложены модели, которые показывают, что в отличие от индустриального общества «демографический рост перестает быть бес-

конечным и численность населения в конечном итоге стабилизируется». При этом динамика населения в кибернетическом обществе во многом связана с реальной демографической политикой [6].

Рассматривая демографическую динамику ряд учёных фокус внимания направляют на семью. При этом оценивают её современное состояние с различных позиций. Во-первых, как институциональный кризис семьи [7–13]. Российский исследователь А.И. Антонов связывает современные вызовы с нестабильностью семейных структур, которые являются существенным фактором социальных преобразований. Он подчёркивает, что «крах семьи означает не просто исчезновение одного из институтов, а крах в целом всего человеческого общества» [14]. Во-вторых, как адаптацию института семьи, позволяющую приспособиваться к меняющейся социально-экономической ситуации [15–20]. Эту позицию отстаивал российский демограф А.Г. Волков, который писал, что, несмо-

тря на значительные потрясения, в России семья как социальный институт сохранилась и демонстрирует способность приспосабливаться и изменяться даже при экстраординарных социальных переменах [21].

Семья — важнейший социальный институт, в демографии семья в первую очередь рассматривается как «ячейка воспроизводства населения»⁴. Объектом изучения является также процесс образования и развития семей. Исследователи показали, что в России с середины XX в. сформировалась «специфическая и относительно устойчивая семейная структура населения», для которой характерны три типа семей — основной данной структуры стали «нуклеарные

семьи с небольшим числом детей; распространены неполные семьи с одним из родителей; а также сложные семьи, в составе которых, как правило, две брачные пары. В этот период фиксируется устойчивая доля лиц, живущих отдельно. По данным последней Всероссийской переписи населения в России (2020) в стране более 35,4 млн семейных ячеек (табл. 1). Более половины от всех семейных ячеек составляют супружеские пары с детьми, более трети из них — имеют детей моложе 18 лет. Существенный интерес представляют данные по составу семей с детьми до 18 лет. Ниже представлена гистограмма по числу детей в семьях (рис. 2.): с одним ребёнком — 49%, с двумя — 38%, с тремя — 10%, с четырьмя — 2%, с пятью и более — 1%.

⁴ Народонаселение. Энциклопедический словарь. — Москва: Большая Российская энциклопедия, 1994. — С. 432.

Таблица 1

Некоторые типы семейных ячеек, входящих в состав частных домохозяйств в России по данным Переписи-2020

Table 1

Some types of family units that are part of private households in Russia, data from the All-Russian Population Census 2020

Тип семейных ячеек	Число, единиц	В них лиц, человек	Доля лиц в семейных ячейках, %
Всего семейных ячеек	35466004	97134722	100
Супружеские пары без детей	11009257	22018514	22,6
Супружеские пары с детьми	13231393	48804457	50,2
– из них имеющие детей моложе 18 лет	9550492	36836207	37,9
Матери с детьми	9208993	21653061	22,2
– из них имеющие детей моложе 18 лет	4854030	12354000	12,7
Отцы с детьми	2016361	4658690	4,7
– из них имеющие детей моложе 18 лет	1128280	2746576	2,8

Источник: рассчитано автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozajstv (дата обращения: 12.01.2024).

Более четверти семейных ячеек — супружеские пары без детей, что может быть обусловлено двумя факторами. С одной стороны — старением населения, при котором все большее число семей оказываются на стадии семейного цикла «пустое гнездо». С другой — увеличением числа бездетных пар. Существенную долю в данной ти-

пологии составляют неполные семьи, в целом к ним относится менее трети всех семейных ячеек (26,9%). Значительная доля домохозяйств состоит из одного человека⁵.

⁵ Всероссийская перепись 2020 года. Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам РФ // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozajstv (дата обращения: 17.01.2024).

Рис. 2. Супружеские пары с детьми моложе 18 лет по числу детей, %

Fig. 2. Married couples with children under the age of 18 by the number of children, %

Источник: рассчитано автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 12.01.2024).

В России брак в соответствии с ст. 72 Конституции РФ рассматривается как «союз мужчины и женщины». Защита брака находится в совместном ведении РФ и её субъектов⁶. Семейный кодекс РФ устанавливает несколько вариантов брачного возраста, как правило по достижении 18 лет. Вместе с тем, по решению органов местного самоуправления, разрешается вступить в брак лицам, достигшим возраста 16 лет (по их просьбе) и, в порядке исключения, при учёте особых обстоятельств может быть разрешено заключать брак до достижения возраста 16 лет, что устанавливается законами субъектов РФ⁷.

По Методологическим пояснениям к Переписи-2020, материалы о брачном состоянии вносятся для всех респондентов в возрасте 16 лет и старше, а также для лиц моложе 16 лет, которые на период проведения переписи состояли в зарегистрированном

браке или незарегистрированном супружеском союзе⁸. Семейные и брачные структуры анализируются по различным показателям в том числе: 1) по семейным ячейкам, входящим в состав частных домохозяйств, по размеру и числу детей, в том числе моложе 18 лет; 2) по структуре брачности как для всего населения, так по полу, возрасту и иным показателям; 3) по числу заключённых браков и разводов, в том числе в ‰. Могут быть использованы и иные показатели. Для нашего исследования особый интерес представляет брачное состояние населения современной России.

По данным Переписи-2020 из 122,4 млн человек в возрасте 16 лет и старше 103,6 млн (84,6%) указали своё брачное состояние; из них 19,6 млн (или 18,9%) указали, что они никогда не состояли в браке или супружеском союзе. Отметим, что это не только молодые люди в возрасте 16–29 лет, которых насчитывается 11,8 млн человек. В целом число людей в трудоспособном возрасте, никогда не состоявших в браке или брач-

⁶ Конституция РФ. — URL: <http://www.duma.gov.ru/news/55446/> (дата обращения: 20.01.2024).

⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/d431b248afe31c49fd597b5beb10122ca74df291/?ysclid=lu591tjz0g836850318 (дата обращения 24.03.2024)

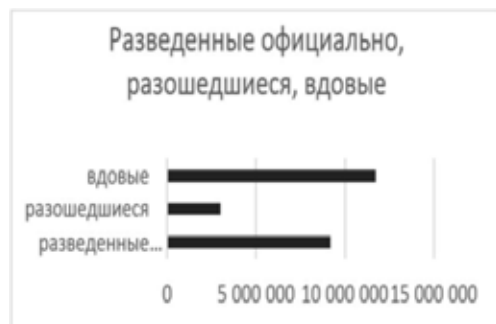
⁸ Всероссийская перепись 2020 года. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_pолоvoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения 24.03.2024)

ном союзе, достигает 18,4 млн человек. Среди лиц старше трудоспособного возраста никогда не состояли в браке или брачном союзе 1,2 млн человек.

Перепись-2020 зафиксировала 18,8 млн человек (15,4%) от населения в возрасте 16 лет и старше, не указавших состояние в браке. Гипотетически мы можем рассматривать две группы населения, которые с большой вероятностью представляются проблемными с позиции отношения к браку — это никогда не состоявшие в браке (19,6 млн человек) и не указавшие состояние в браке (18,8 млн человек). Общее число рассмотренных выше двух групп в населении старше 16 лет составляет 38,4 млн человек, а их доля — 31,4% в населении брачных возрастов. Имеются определённые различия по полу в описанных выше группах. Например, 8,4 млн мужчин и 10,3 млн женщин не указали состояние в браке. В числе никогда не состоявших в браке или супружеском союзе 10,8 млн мужчин и 8,7 млн женщин. Безусловно, треть населения, не имеющая отношения к браку, является фактором, требующим более пристального исследования, так как, с одной стороны, это может отражать кризис семейно-брачных отношений, а с другой — быть возможным фактором их дальнейшего развития в направлении поиска гармоничных отношений между полами в семейной сфере. Как правило, исследователи сосредоточены на лицах, состоящих в браке. По данным Переписи-2020, в браке состоят 60,0 млн или 49,0% от населения брачных возрастов. При этом в зарегистрированном браке — 54,6 млн (44,6% от населения в возрасте 16+), в незарегистрированном супружеском союзе — 5,4 млн (4,4% от населения в возрасте 16+).

Кроме рассмотренных выше брачных состояний, рассмотрим ещё три категории граждан, которые ранее состояли в браке, а в настоящее время являются официально разведёнными — 9,1млн (7,5% от населения в возрасте 16+), разошедшимися — 3,0 млн (2,5% от населения в возрасте 16+) и вдовыми — 11,7млн (9,6% от населения в возрасте 16+) (рис. 3). Вдовы, официально разведённые и разошедшиеся составляют 19,5% в на-

селении старше 16 лет. Эти данные характеризуют нестабильность браков в стране, которая по мнению демографов обусловлена как высоким уровнем разводов, демографическим старением и сверхсмертностью мужчин.

Рис. 3. Разведённые, разошедшиеся, вдовы по результатам Переписи-2020, человек

Fig.3. The divorced, separated, widowed according to the results of the All-Russian Census 2020, person

Источник: Всероссийская перепись 2020 года. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 10.01.2024).

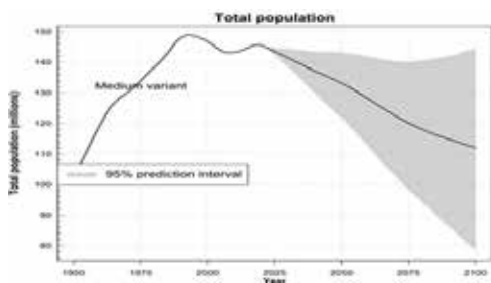
Брачная структура современного населения России показывает, что в возрасте старше 16 лет треть населения страны не состояли в браке или не указали своё брачное состояние, почти каждого пятого жителя (19,5%) можно отнести к категории «потерпевших крушение брака». Вместе с тем интерес к браку остаётся значимым для жителей нашей страны. По данным Росстата, с середины прошлого века по настоящее время самый высокий показатель заключённых браков на тысячу человек населения наблюдался в 1960 г. и составил 12,5%, наименьшее число заключённых браков пришлось на 2020 г. — 5,3‰, в 2022 г. этот показатель — 7,2‰⁹.

Устойчивость браков оценивают по числу разводов. Начиная с 1950 по 2022 гг. наименьшее число разводов в расчёте на 1000 человек было в первый год наблюдения,

⁹ Росстат. Браки. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2024).

когда этот показатель составил 0,5%. Наибольших значений показатель достигал в 2002 г. — 5,9%. В 2022 г. его значение составило 4,7%. Каковы прогнозы по динамике российского населения и как они связаны со структурой семей? На рис. 4 представлен средний вариант прогноза ООН по динамике населения в долгосрочном периоде. Тренд даёт представление о депопуляции в нашей стране до 2100 года. Данный прогноз обусловлен динамикой рождаемости в РФ, которая представлена ниже (рис. 6). Аналитики ООН делают вывод о том, что Россия к середине XXI в. потеряет статус одной из наиболее населённых стран мира. В 2022 г. в рейтинге наиболее населённых стран планеты Россия занимала 9 место¹⁰.

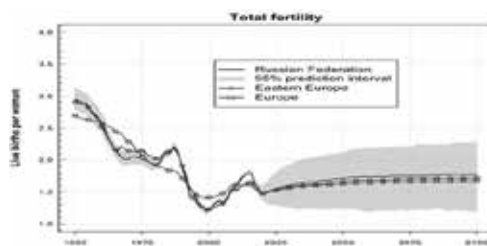
Рис. 4. Прогноз ООН по динамике численности населения России до 2100 г., млн человек

Fig. 4. The UN forecast on the dynamics of the population of the Russia up to 2100, millions of people

Источник: World Population Prospects. Population Division. United Nations. — URL: <https://www.population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Line/643> (дата обращения: 12.01.2024).

Среднесрочные прогнозы Росстата (до 2046 г.), представлены в трёх вариантах: низком, среднем и высоком. Низкий и средний варианты прогноза показывают, что страна не выйдет из режима депопуляции — население продолжит сокращаться. При высоком варианте прогноза в 2045 г. численность населения РФ незначитель-

¹⁰ World Population Prospects 2022. Summary of Results United Nations. New York, 2022. — URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (дата обращения: 06.02.2024).

Рис. 5. Рождаемость в РФ и Европе до 2100 года, %
Fig. 5. Fertility rate in Russia and Europe up to 2100, %

Источник: World Population Prospects. Population Division. United Nations. — URL: <https://www.population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Line/643> (дата обращения: 12.01.2024).

но увеличиться и составит 150,3 млн человек. Естественный прирост населения прогнозируется начиная с 2038 г., когда данный показатель может составить 2,8 тыс. и увеличится к 2045 г. до 104,3 тыс. человек. Однако и в этом варианте прогноза основной рост населения предполагается за счёт миграционного, а не естественного прироста.

Заключение

Обострение проблем демографической динамики, в первую очередь нарастающая депопуляция, в значительной мере обусловлена низкой рождаемостью, которая связана со структурой семей: доля семей с одним ребёнком составляет около половины семей с детьми в возрасте до 18 лет и это становится вызовом цивилизационного развития России. Следует иметь в виду, что при существенном росте продолжительности жизни, а следовательно сокращении смертности, депопуляция может быть приостановлена лишь на определённом временном периоде, если не произойдут изменения динамики рождаемости, которая в основном формируется в зарегистрированных браках. Проблема преодоления депопуляции — это переход от малодетности к многодетности российских семей. В Послании Президента России Федеральному Собранию 2024 г. подчёркнуто: «Большая многодетная семья должна стать

нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии»¹¹. Благополучная многодетная семья является основой сохранения российской цивилизации.

В настоящее время депопуляция в нашей стране подтверждается как международными, так и отечественными прогнозами. По наиболее оптимистичным сценариям процесс сокращения населения может быть преодолен лишь начиная с конца 2030-х годов. Ряд известных исследователей убеждены, что страна обречена в будущем существовать в условиях отрицательного естественного прироста с привлечением больших миграционных потоков [22]. Существует и другой взгляд, представители которого убеждены, что низкую рождаемость, как

важнейший фактор депопуляции, можно преодолеть. Инструментом для этого является эффективная демографическая политика, её важнейшее направление — семейная политика [16], которая должна рассматриваться в широком контексте, предусматривать проблемы преодоления бедности, высокой смертности, бездомности, негативного или безразличного отношения к базовым традиционным ценностям. На современном этапе развития российской цивилизации динамика населения во многом связана с реальной демографической политикой [6]. Преодоление цивилизационных вызовов, в том числе демографических, обусловлено эффективными стратегиями в социальной и политической сферах. Социальное конструирование лучшего будущего в демографической сфере — наиболее актуальная и сложная цель социальной политики современной России.

¹¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 10.03.2024).

Литература и Интернет-источники

1. **Шторх, А.** Курс политической экономии. Ч. 2. Теория цивилизаций / А. Шторх. — Москва : Экономическая газета, 2008. — 357 с.
2. **Кузык, Б. Н.** Цивилизация: теория, история, диалог, будущее. Том 1 / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. — Москва : ИНЭС, 2006–2009. — 768 с.
3. **Яковец, Ю. В.** Новая парадигма теории, истории и будущего мира цивилизаций: Фундаментальная монография / Ю. В. Яковец. — Москва : МИСК-ИНЭС, 2021. — 534 с.
4. **Рыбаковский, Л. Л.** Демографическая безопасность / Л. Л. Рыбаковский // Безопасность Евразии. — 2003. — № 3(13). — С. 154–186. EDN: QZVRTB
5. **Meadows, D. H.** The Limits to Growth. A report for the Club of Rome's on the predicament of Mankind / D. H. Meadows, D. L. Meadows et. al. — New York : Universe Books, 1972. — 211 p.
6. **Малков, С. Ю.** Мировая динамика как объект моделирования (к пятидесятилетию первого доклада Римскому клубу) / С. Ю. Малков, А. В. Кортаев, О. И. Давыдова // Компьютерные исследования и моделирование. — 2022. — Т. 14. — № 6. — С. 1371–1394. DOI: 10.20537/2076-7633-2022-14-6-1371-1394; EDN: LLECEN
7. **Антонов, А. И.** Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики / А. И. Антонов, В. А. Борисов. — Москва : КЛЮЧ-С, 2006. — 192 с.
8. **Архангельский, В. Н.** Факторы рождаемости / В. Н. Архангельский. — Москва : ТЕИС, 2006. — 344 с. EDN: QOPDZV
9. **Архангельский, В. Н.** Анализ изменений брачно-семейного состава населения Москвы по данным переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. / В. Н. Архангельский. — Москва : Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы. 2023. — 24 с. EDN: VLLRJN
10. **Иванова, А. Е.** Возможен ли естественный прирост населения России в ближайшие 10 лет? / А. Е. Иванова, Ю. Э. Плетнева, С. Ю. Сивоплясова [и др.] // Экономика. Налоги. Право. — 2021. — Т. 14. — № 2. — С. 32–43. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43; EDN: OQJZWD

11. **Кузьмин, А. И.** Жизненные стратегии как регуляторы демографического поведения семьи и населения / А. И. Кузьмин, Т. В. Примак, А. А. Кузьмина // Экономика Региона. — 2011. — № 3(27). — С. 63–70. DOI: 10.17059/2011-3-7; EDN: OFMWEN
12. **Ропеное, D.** Beyond the nuclear family-A statistical portrait of the changing family in Sweden / D. Popenoe // Journal of Marriage and the Family. — 1987. — Vol. 49. — P. 173–183.
13. **Lesthaeghe, R. J.** US Presidential Elections and the Spatial Pattern of the American Second Demographic Transition / R. J. Lesthaeghe, L. Neidert // Population and Development Review. — 2009. — Vol. 35(2). — P. 391–400.
14. **Антонов, А. И.** Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке / А. И. Антонов // Экономические стратегии. — 2016. — № 1. — С. 40–43. EDN: VPCGIN
15. **Вишневский, А. Г.** Эволюция российской семьи. Кризис семейных ценностей с исторической точки зрения / А. Г. Вишневский // Экология и жизнь. — 2008. — № 7. — С. 4–11. EDN: MSUMMZ
16. **Гурко, Т. А.** Институт семьи в постиндустриальных обществах / Т. А. Гурко // Ценности и смыслы. — 2011.- № 4(13). — С. 26–44. EDN: OPZEGZ
17. **Голод, С. И.** Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2011. — 272 с.
18. **Чернова, Ж. В.** Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценка эффективности / Ж. В. Чернова // Женщина в российском обществе. — 2011. — № 3(60) — С. 44–51. EDN: OJMXKB
19. **Чернова, Ж. В.** Незавершенная гендерная революция / Ж. В. Чернова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019 — № 2(150). — С. 222–242. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.10; EDN: IAWQYE
20. **Van de Kaa, D. J.** Universal History And Population Change Universal History And Population Change / D. J. Van de Kaa // Demografia. — 2010. — Vol. 53. — No. 5. — P. 5–20.
21. **Волков, А. Г.** Эволюция российской семьи в XX веке / А. Г. Волков // Мир России. — 1999. — № 4. — С. 47–57. EDN: WXPBJS
22. **Голод, С. И.** И Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи / С. И. Голод // Социологические исследования. — 2008.- № 1(285). — С. 40–49. EDN: IPWLWL

Сведения об авторе:

Доброхлеб Валентина Григорьевна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН; Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4864-8231; РИНЦ AuthorID: 312761.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-17-27

THE STATE AND DYNAMICS OF FAMILY STRUCTURES IN MODERN RUSSIA AS A CHALLENGE TO ITS CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

Valentina G. Dobrokhleb

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)
Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS
(6, room Fotieva str., Moscow, Russia, 1119333)*

E-mail: vdobrokhleb@mail.ru

For citation:

Dobrokhleb V.G. The state and dynamics of family structures in modern Russia as a challenge to its civilizational development. *Narodonaselenie. [Population]*. 2024. Vol. 27. № 51. P. 17-27. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-17-27 (in Russ.)

Abstract. *The study examines aggravation of the problems of demographic dynamics and the state of family structures in modern Russia as a challenge to its civilizational development. The objectives of the work are: to consider theoretical approaches to the dynamics of family and marriages in the country, to analyze the state of the marital structure of the Russian population, as well as the structure of families with children; to substantiate the conclusion that transition from small to large families in Russia is a way to overcome depopulation and preserve the Russian civilization. UN analysts conclude that by the middle of the 21st century, Russia will lose its status as one of the most populated countries in the world – in 2022 Russia ranked 9th in the ranking of the most populated countries. Aggravation of the problems of demographic dynamics, primarily the increasing depopulation, is becoming the most significant challenge to the civilizational development of the country. Marital status of the population of modern Russia is of particular interest for our study. The marriage structure shows that at the age of over 16, one third of the country's population has not indicated a marital status or has never been married, almost one in five residents of our country (19.5%) can be classified as «marriage wrecks», and only less than half of Russians (49.0% of the population of marriageable ages) are married, and among them 4.4% of the population aged 16+ are in an unregistered marriage. At the same time, the interest in marriage remains significant for the residents of our country – in 2022 the marriage rate was 7.2%. According to the latest All-Russian Population Census, the share of families with children under the age of 18 with one child is 49%, with two children – 38%, with three – 10%, with four – 2%, with five or more – 1%. Overcoming civilizational challenges, including demographic ones, is conditioned by effective strategies in the social and political spheres. Social construction of a better future in the demographic sphere is the most urgent and difficult goal of modern Russia.*

Keywords: *civilization, demographic dynamics, family structure, marital structure, demographic policy.*

References and Internet sources

1. Storch A. Kurs politicheskoy ekonomii. Ch. 2. Teoriya tsivilizatsii. [*The Course of Political Economy. Part 2. Theory of Civilizations*]. Moscow. Ekonomicheskaya Gazeta [Economic Gazette Publishers]. 2008. 357 p. (in Russ.)
2. Kuzyk B.N., Yakovets Yu.V. Tsivilizatsiya: teoriya, istoriya, dialog, budushcheje. [*Civilization: Theory, History, Dialogue, Future*]. Vol. 1. Moscow. 2006. 768 p. (in Russ.)
3. Yakovets Yu.V. Novaya paradigma teorii, istorii i budushchego mira tsivilizatsii. [*New Paradigm of the Theory, History and Future of the World of Civilizations*]. Moscow. 2021. 534 p. (in Russ.)
4. Rybakovsky L.L. Demograficheskaya bezopasnost [The demographic security]. *Bezopasnost Evrazii [Security of Eurasia]*. 2003. № 33(13). P. 154–186. (in Russ.)
5. Meadows D.H., Meadows D.L., et. al. *The Limits to Growth*. A report for the Club of Rome's on the predicament of Mankind. New York. Universe Books. 1972. 211 p.
6. Malkov S.Y. u., Korotaev A.V., Davydova O.I. Mirovaya dinamika kak objekt modelirovaniya (k pyatidesyatiletuyu pervogo doklada Rimskomu klubu) [World dynamics as an object of modeling (for the fiftieth anniversary of the first report to the Club of Rome)]. *Kompyuternyye issledovaniya i modelirovaniye [Computer Research and Modeling]*. 2022. Vol. 14. No. 6. P. 1371–1394. DOI: 10.20537/2076-7633-2022-14-6-1371-1394 (in Russ.)
7. Antonov A.I., Borisov V.A. Dinamika naseleniya Rossii v 21 veke i priority demograficheskoy politiki [*Dynamics of Russia's Population in the 21st Century and Priorities of the Demographic Policy*]. Moscow. 2006. 192 p. (in Russ.)

8. Arkhangelsky V. N. Faktory rozhdayemosti [*Factors of Fertility*]. Moscow. 2006. 344 p. (in Russ.)
9. Arkhangelsky V. N. Analiz izmenenij brachno-semejnogo sostava naseleniya Moskvy po dannym perezpisej naseleniya 2002, 2010 i 2020 gg. [*Analysis of the Changes in the Marital-Family Composition of Moscow Population According to the Population Census Data for 2002, 2010 and 2020*]. Moscow. 2023. 24 p. (in Russ.)
10. Ivanova A. E., Pletneva Yu. E., Sivoplyasova S. Yu., Sigareva E. P., Arkhangelsky V. N. Vozmozhnen li jestestvennyj prirost naseleniya Rossii v blizhaishije 10 let [Is natural population growth in Russia possible in the next 10 years?]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [*Economics, Taxes and Law*]. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 32–43. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43 (in Russ.)
11. Kuzmin A. I., Primak T. V., Kuzmina A. A. Zhiznennyje strategii kak regulatory demograficheskogo povedeniya semi i naseleniya [Vital Strategies as regulators of the demographic behavior of a family and a person]. *Ekonomika Regiona* [*Economy of Regions*]. 2011. No. 3(27). P. 63–70. DOI: 10.17059/2011-3-7 (in Russ.)
12. Popenoe D. Beyond the nuclear family—A statistical portrait of the changing family in Sweden. *Journal of Marriage and the Family*. 1987. Vol. 49. P. 173–183
13. Lesthaeghe R. J., Neidert L. US Presidential elections and the spatial pattern of the American Second Demographic Transition. *Population and Development Review*. 2009. Vol. 35(2). P. 391–400.
14. Antonov A. I. Krizis familisticheskoy tsivilizatsii v 21 veke [Crisis of familistic civilization in the XXI century]. *Ekonomicheskiye strategii* [*Economic Strategies*]. 2016. No. 1. P. 40–42. (in Russ.)
15. Vishnevsky A. G. Evolyutsiya rossijskoj semi. krizis semejnnyh tsennostej s istoricheskoy tochkoi zreniya [Evolution of Russian family. The crisis of family values from historical point of view]. *Ekologiya i zhizn* [*Ecology and Life*]. 2008. No. 7. P. 4–11. (in Russ.)
16. Gurko T. A. Institut semji v postindustrialnykh obshchestvakh [Family institute in postindustrial societies]. *Tsennosti i smysly* [*Values and Meanings*]. 2011. No. 4(13). P. 26–44. (in Russ.)
17. Golod S. I. Semya i brak: istoriko-sotsiologicheskij analiz psikhologiya [Family and Marriage]. St. Petersburg. Petropolis. 2011. 272 p. (in Russ.)
18. Chernova Zh. V. Semejnaya politika sovremennoy Rossii: gendernyj analiz i otsenka effektivnosti [Family policy in modern Russia: gender analysis and efficiency assessment]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [*The Woman in Russian Society*]. 2011. No. 3(60). P. 44–51. (in Russ.)
19. Chernova Zh. V. Nezavershonnaya gendernaya revolyutsiya [The unfinished gender revolution]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyje peremeny* [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*], 2019. No. 2(150). P. 222–242. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.10 (in Russ.)
20. Van de Kaa D. J. Universal history and population change. *Demografia*. 2010. Vol. 53. No. 5. P. 5–20.
21. Volkov A. G. Evolyutsiya rossijskoj semi v 20 veke [Evolution of Russian Family in the 20th century]. *Mir Rossii* [*Universe of Russia. Sociology. Ethnology*]. 1999. No. 4. P. 47–57. (in Russ.)
22. Golod S. I. Sotsiologo-demograficheskij analiz sostoyaniya i evolyutsii semi [Russian family's state and evolution — sociological demographic analysis]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [*Sociological Studies*]. 2008. No. 1(285). P. 40–49. (in Russ.)

Information about the author:

Dobrokhleb Valentina Grigorievna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4864-8231; Elibrary AuthorID: 312761.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37
EDN: PABRMG

ОПОРНЫЕ ТОЧКИ МНОГОДЕТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Журавлева Е. К. *, Копцева О. А.

Благотворительный фонд социального развития
(127434, Россия, Москва, Красностуденческий проезд, 4–1–221)

*E-mail: 777.74@mail.ru

Для цитирования:

Журавлева Е. К., Копцева О. А. Опорные точки многодетности в условиях трансформации современной России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 28-37. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37 EDN: PABRMG

Аннотация. Статья посвящена описанию факторов (опорных точек) многодетности в современной России на основе анализа данных, полученных авторами в ходе многолетних научных исследований. Важнейшей опорой многодетности выступает многопоколенность семьи, где родители получают поддержку со стороны бабушек и дедушек, а также других родственников в деле воспитания детей. В качестве опорных точек многодетности авторы называют также тип семьи (патриархальный или эгалитарный), систему ценностей, включая религию, поселенческий статус, правовой статус семьи и родителей, уровень образования отцов семейства, матримониальное поведение и репродуктивные установки современной молодежи. Важным фактором многодетности выступает социальная политика государства в её аспекте поддержки семьи. Авторы делают вывод о том, что изменились характеристики современной российской многодетности: переход от вынужденной многодетности к осознанной; многодетность постепенно становится признаком благосостояния, престижа и высокого социального статуса; высшее образование родителей вовсе не является препятствием для многодетности, а высшее образование отцов — напрямую стимулирует многодетность; сожительства не только приобретают такую же легитимность, как и юридически оформленные семейные союзы, и не ограничивают себя числом рождённых детей, появляется феномен внебрачной многодетности и другое. Авторы уделяют значительное внимание вопросу статуса семьи как субъекта права. В настоящее время семья посредством деятельности её членов становится субъектом, обладающим частной собственностью, в связи с чем она претендует на наделение функциями юридического лица, в связи с этим возрастает значимость вопроса о правосубъектности семьи: в интересах современной многодетной семьи — стать общепризнанным субъектом российского права, быть причисленной не только к субъектам тех или иных правоотношений, но права в целом.

Ключевые слова: факторы многодетности, многопоколенная семья, патриархальная семья, эгалитарная семья, матримониальное поведение, репродуктивные установки.

© Журавлева Е. К., Копцева О. А., 2024.

Выступая на Всемирном русском народном собрании, Президент России В. В. Путин подчеркнул: «Многодетность, большая семья должны стать новым образом жизни для всех народов России... Поддержка семьи, материнства, детства должна охватывать работу всех без исключения сфер государственного управления, нашу экономическую, социальную, инфраструктурную политику, просвещение и образование, здравоохранение... У многих наших народов, слава Богу, сохраняется традиция крепкой многопоколенной семьи, где воспитываются четверо, пятеро и больше детей. Вспомним, что и в русских семьях у многих наших бабушек, прабабушек детей было и по семь, и по восемь, и того больше человек. Давайте эти замечательные традиции сберегать и возрождать»¹. В соответствии с Указом Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи», в 2024 г. реализуется многовекторная и разноуровневая программа по поддержке и популяризации образа многодетной семьи.

По данным Минтруда и Правительства Москвы, в 2014–2023 гг. число многодетных семей увеличилось в России с 1,5 млн до 2,5 млн, в Москве — с 93 тыс. до 196 тыс.², но при этом рождаемость и численность населения в стране сокращаются. С чем связаны эти разнонаправленные тренды? До недавнего времени в общественном сознании глубоко была закреплена формулировка «много детей — это нищета, безответственность, девиантное поведение, все они выпрашивают себе у государства денег, льготы». В последние годы эта формулировка теряет популярность. На предпринимательском бизнес-форуме «Трансформация 3. Цифровая экономика», прошедшем в Москве в 2018 г., было опрошено 400 его участ-

ников, являющихся собственниками своего дела, от которого имеют стабильный доход (в возрасте 30–35 лет — 24%, 36–40 лет — 47%, 41–45 лет — 29%; 64% мужчин и 36% женщин). Оказалось, что у 53% опрошенных бизнесменов семьи многодетные, что семья для деловых людей — одна из важнейших жизненных ценностей и фактор высокого социального статуса и показатель успешности. Предприниматели также отметили, что имеют возможность и потребность содержать несколько детей, и считают, что в их воспитании должны принимать участие широкий круг близких родственников: 65% бизнесменов считают, что семья должна быть многопоколенной, что отношения с бабушками и дедушками очень важны, а детей необходимо воспитывать ответственно на принципах преемственности.

В 2019–2020 гг. было проведено социологическое исследование на тему «Многодетная семья в условиях пандемии COVID-19», в котором участвовали ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Институт демографии, миграции и регионального развития, Благотворительный Фонд социального развития, АНО Центр помощи многодетным семьям «МногоМама». В исследовании приняли участие 1998 граждан России, имеющих многодетные семьи (трое и более несовершеннолетних детей) из большинства субъектов РФ, крупных и малых городов, сельской местности. Определение системы мер семейной политики, необходимых для стимулирования рождаемости в современных условиях и для поддержки многодетных семей, было целью данного исследования, а выявление мнения многодетных родителей относительно ценностей семейной жизни — одной из его задач [1, с. 19].

Современные многодетные семьи по распределению ролей в семье либо эгалитарные (когда супруги на равных участвуют в воспитании детей, экономическом обеспечении и так далее), либо традиционно-патриархальные (отец — кормилец, добытчик средств, мама занимается хозяйством, детьми). Тип семьи влияет на статус брака и число детей в семье. Патриархальный тип семьи ориентирует на официальную реги-

¹ Выступление Президента России В. В. Путина на пленарной сессии Всемирного русского народного собрания 28 ноября 2023 года // Всемирный русский народный собор: [сайт]. — URL: <https://vrns.ru/documents/plenarnoe-zasedanie-khkhv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora/> (дата обращения: 20.02.2024).

² Сергей Собянин: В Москве за 10 лет стало почти в три раза больше многодетных семей // Правительство Москвы: [сайт]. — URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/1299/9122050/> (дата обращения: 20.02.2024).

страцию брака в 90% случаев. Патриархальный тип культуры семейных отношений отметили 42% респондентов, эгалитарный тип — 43%; 6% опрошенных сказали, что в их семье главой семьи является мать, она в основном принимает ответственные решения в семье и обеспечивает материальное благополучие членов семьи; 9% затруднились охарактеризовать тип культуры распределения ролей в своей семье. Многодетные семьи в основном счастливы: 51% многодетных супругов считают, что у них сложилась вполне счастливая семья, 47% ответили, что у них сложилась нормальная семья, где есть и хорошие и плохие стороны семейных отношений. Только 1,5% респондентов характеризуют свою многодетную семью как в целом несчастливую. Тип культуры семейных отношений оказывает влияние на благополучие членов семьи. Оказалось, что 60% семей патриархального типа культуры отношений — счастливые, среди семей эгалитарного типа таковых 50%, среди семей, а где отмечен матриархат, счастье испытывают только 25% семей.

Многодетные супруги говорят о том, что важна поддержка не только от государства или общественных организаций, но важна и поддержка от родных — родителей, бабушек и дедушек, других родственников. Так легче переживаются и преодолеваются трудности, которые неизбежны в жизни любой семьи, формируется благоприятный морально-психологический климат в семье: среди респондентов из счастливых многодетных семей 70% отмечают, что их поддерживают родственники, 24% — живут без такой поддержки. Те супруги, которые считают свою многодетную семью несчастливой, в какой-то мере поддерживаются родственниками (41%), но чаще (55%) не имеют такой поддержки [1, с. 20].

По результатам наших исследований, есть ряд факторов, влияющих на принятие решений о многодетности. Мы систематизировали их и назвали опорными точками многодетности. В многодетных семьях может быть три ребёнка, а может и больше. Именно то, что влияет на это «больше», как раз и отражают опорные точки многодетности.

Решающим фактором современной многодетности, смысловым и опорным пунктом является многопоколенность семьи. Поддержка близких родственников, помощь и участие в воспитании детей позволяет распределить нагрузку между представителями старшего поколения. Если у семьи есть бабушки, дедушки и другие родственники и оказываемая ими поддержка, то в такой семье рождается больше детей. Без такой поддержки труднее решиться на многодетность. В многопоколенных семьях молодые супруги раньше рожают первого ребёнка, а в семьях без поддержки бабушек и дедушек рождение первого и последующих детей откладывается на более поздние сроки [2, с. 68]. Самый частый интервал между рождением первого и второго ребёнка в большой многопоколенной семье — 2 года. Наибольший интервал между рождением первого и второго ребёнка в 10 и более лет наблюдается в семьях, где поддержка со стороны бабушек и дедушек не оказывается. Кроме того, многопоколенность семьи взаимосвязана со статусом брака. Как правило, в многодетных семьях на поддержку близких родственников можно рассчитывать, состоя в официальном браке [2, с. 68].

Затем, мы выделили не менее влиятельный фактор — это тип семьи. С точки зрения рождаемости, патриархальная семья даже в условиях столичного города более многодетная (шесть и более детей), а эгалитарная семья ограничивает себя до трёх-четырёх детей [2, с. 64].

Также важна система ценностей, которая закладывается в детстве. На систему ценностей ключевое влияние оказывают семейные традиции, духовно-нравственное воспитание, религия. Если человек причисляет себя к какой-либо религии, он больше склонен к полноте семьи и зарегистрированному браку. Система ценностей формирует социальные нормы и степень осознанности родителей в выборе числа детей. Те родители, которые изначально ориентированы на многодетность, выбирают большее количе-

30

ство детей, чем те, кто идёт к многодетности «постепенно» и «по обстоятельствам» [3, с. 66, 68].

Функции семьи. Если сравнить функции семьи менее чем столетней давности и нынешние проявления этих же функций, мы увидим значительные различия. Утрачена ключевая хозяйственная функция семьи, по-другому транслируется и осуществляется воспитательная функция. Информатизация общества приводит к снижению значения семьи в эмоциональном плане. Развивающаяся индустрия услуг вторгается в сексуальную и даже репродуктивную функции семьи. Институционализация семьи теряет свой смысл в зависимости от степени делегирования семьёй исполнения своих функций иным социальным институтам (государство, общественные организации) и другим юридическим и физическим лицам [4, с. 55]. Такая тенденция становится причиной ряда негативных явлений, влияющих, в том числе на демографическую ситуацию (разводы, внебрачные связи, система ювенальной юстиции как форма излишней опеки и вмешательства в семью, детско-родительские конфликты, иждивенческие настроения относительно государства и др.). Эволюция функций семьи оказала влияние на то, что в области права всё ярче проявляются попытки полного включения семейных отношений в область гражданского права, отказа от выделения семьи как самостоятельного субъекта права, источника правоотношений, основанных, прежде всего на духовно-нравственных началах [4, с. 55].

Одним из известных факторов многодетности является поселенческий статус. Проведённое исследование подтверждает факт, что чем крупнее населённый пункт, тем ниже рождаемость у его жителей. Чем менее урбанизирован регион, в котором большинство жителей живут в частных домах с прилегающим к ним земельным участком, тем более комфортными условиями это является для проживания расширенной, многопоколенной семьи. По данным ВЦИОМ, большинство россиян предпочли бы жить в частных домах. Идеал большинства

россиян — небольшой коттеджный посёлок с детской площадкой, садом и местом под машину поблизости³.

Уровень образования отцов. Статус отца положительно влияет на многодетность. Большее количество детей в семье (шесть и более) смогли себе позволить те отцы, которые имеют высшее образование. При этом, чем выше уровень образования у мужчины, тем больше он ориентирован на то, чтобы узаконить отношения с супругой [3, с. 66]. А среди менее образованных мужчин чаще распространена форма сожительства. Роль отца как равноценного родителя очень значима для статуса мужчин, имеющих детей. При провозглашённом гендерном равноправии в реализации прав по воспитанию детей, на практике отцы чаще сталкиваются с имитацией декларируемых возможностей. Мужчины, претендующие на воспитание своих детей, стали чаще заявлять о своих правах. Но существующие социальные стереотипы и отсутствие правовой базы (в том числе, регламентирующей практику и полномочия органов социальной защиты и комиссий по делам несовершеннолетних) не позволяют отцам в полной мере реализовать свои права.

Социальная политика государства в части поддержки семьи должна быть направлена не на отдельных индивидуумов, а на семью в целом. Необходима чёткая и ясная последовательность и система мер социальной политики, она должна быть понята как взрослым, так и вступающей во взрослую жизнь молодёжи. Если рассматривать семью как хозяйственно-экономическую единицу, то на первый план выходит задача — создание государством условий для самостоятельной хозяйственно-экономической деятельности семьи. Важны критерии оценки вклада многодетных родителей в экономику страны и правильное к нему отношение общества. Тогда многодетная семья выступает не как обуза для бюджета страны, а как полноценная часть экономики государства.

³ Данные исследования о жилье, в котором россияне проживают и хотели бы жить // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnoe-zhile-glazami-rossijan> (дата обращения: 21.02.2024).

Правовой статус семьи. В российском законодательстве семья не является субъектом права, практически отсутствуют в РФ нормы, определяющие взаимодействие института семьи и государства, не определены права семьи в целом, социальные гарантии, обеспечивающие её самостоятельное существование и функционирование. Как уже отмечалось, деятельность государства функционально ориентирована на индивидуума. Ссылка на социальный характер семьи верна, но это не отрицает возможности её правового определения. Попав в сферу правового регулирования, семья становится социально-правовым явлением, что даёт возможность включить в её определение как социальные, так и правовые признаки. Значимым фактором воспроизводства многодетной семьи могло бы стать приобретение ею отсутствующей сегодня экономической и правовой субъектности [5, с. 198–200].

Правовой статус родителей. Действующее российское законодательство, оперируя категориями «семья», «родители», «материнство», «отцовство», не содержит их определений и толкований. Установление материнства, как правило, не представляет проблемы: акт рождения ребёнка нагляден и происходит, обычно, в родильных домах, при свидетелях. Проблема же отцовства является объективно сложнее и вызывает большое количество судебных споров и коллизий.

Многодетность будущих семей взаимосвязана с матримониальным поведением и репродуктивными установками современной молодёжи. «Бесспорной ценностью всех поколений россиян является семья. О том, что создания семьи и наличия детей нет в их жизненных планах, говорят не более 4% как старшего, так и младшего поколений россиян. Но для первых задача создания прочной семьи и воспитания хороших детей уже могла быть реализована в силу возраста, а для молодёжи — это скорее ещё цель, которую они планируют достичь.» [6, с. 359]. Современные молодые люди, стремясь создать достаточно прочную материальную базу для будущей семьи, вынуж-

дены откладывать создание своей семьи и рождение детей. Учитывая, что репродуктивные намерения молодёжи формируются в условиях системы разносторонней (хотя и не всегда достаточной) материальной и социальной поддержки многодетных семей, возникшей в России в 1990-е гг., молодёжь заранее рассчитывает не только на национальные традиции помощи многодетным, но и на внимание государства [7].

С точки зрения демографии, современное определение понятия «многодетность» осталось неизменным — это семья, в которой проживают трое и более детей (как родные, так и приёмные). Изменились признаки (характеристики) современной российской многодетности, отличительными чертами которой являются следующие:

1. Переход от вынужденной многодетности к осознанной.

2. Многодетность постепенно становится признаком благосостояния, показателем престижа и высокого социального статуса.

3. Высшее образование родителей не является препятствием для многодетности, а высшее образование отцов — напрямую стимулирует многодетность.

4. Многодетность становится возможной в нуклеарных семьях (где бабушки и дедушки не проживают совместно с детьми, но регулярно с ними контактируют).

5. Второй демографический переход характеризуется индивидуализацией демографического поведения. В частности, социальства не только приобретают такую же легитимность, как и юридически оформленные семейные союзы, но и не ограничивают себя числом рождённых детей. Появляется феномен внебрачной многодетности.

6. В силу преобладания городского населения, многодетность более распространена в городах. Современная многодетность преимущественно ограничена рамками урбанистического образа жизни с ограниченной жилплощадью: малые квартиры, отсутствие пространства для жизни и развития детей. Урбанизация также разрывает межпоколенческие родственные связи (родители живут, как правило, отдельно от детей, взаимодействуют с ними дистанционно).

7. Современная многодетная семья как хозяйственно-экономическая единица отчуждена от средств производства и от результатов собственного труда (в настоящее время семья не производит валовый/материальный продукт для поддержания собственной жизнедеятельности (продукты питания и другое), основным доходом семьи являются, как правило, денежные средства, в лучшем случае заработная плата, в худшем случае — социальные пособия, пенсии и подобное.

8. В постиндустриальную эпоху наметилась тенденция рурализации — возвращение части населения из городов в сельскую местность, где больше жизненного пространства и возможен возврат к земле как к средству производства и альтернативному ресурсу благосостояния.

9. Многодетность будущих семей имеет взаимосвязь с репродуктивными установками молодёжи. Из них демотивирующими факторами выступают недостаточная осведомлённость по ключевым аспектам брака (правовая, финансовая, информационная безграмотность в отношении репродуктивного здоровья), а мотивирующими факторами являются система ценностей, включающая в себя религию, семейные традиции, духовно-нравственное воспитание.

Среди причин, которые существенно влияют на желание россиян иметь детей, мотивируют их быть многодетными родителями, около двух третей респондентов называли наличие материального достатка, уверенность в завтрашнем дне и собственное или арендованное постоянное жильё. С большим отрывом по уровню значимости, по мнению наших респондентов, расположились другие факторы, которые мешают россиянам рожать двоих и более детей. Почти в каждом четвёртом ответе указывались материальные причины, демотивирующие многодетность: нехватка развитой социальной инфраструктуры (учреждений медицины, образования, культуры для детей и родителей) и недостатки системы материальной поддержки от государства. Кроме этого, указывались субъективные факторы — отсутствие желания иметь

детей и недостаток надёжных спутников жизни.

В свободной форме респонденты давали важные для анализа демографической политики государства ответы на вопрос «Чего, прежде всего, не хватает россиянам, чтобы рожать двоих и более детей?». Многодетные родители критикуют государство и СМИ за недостаток позитивной информации и пропаганды ценности семейной организации жизни человека, указывают на недостатки деятельности социальных служб, пробелы в законодательстве, которые позволяют социальным службам произвольно решать вопросы изъятия из семьи детей из-за низкой материальной обеспеченности. Родители поднимают вопросы развития системы образования и здравоохранения, государственной идеологии и вопросы веры. Существенным недостатком общественной системы воспитания, по мнению респондентов, является эгоизм и инфантилизм значительной части молодых людей, которые в зрелом возрасте неспособны создать нормальную счастливую семью.

Исследования вопросов многодетности в столичном городе — Москве — привели авторов к выводу: «Специфика современной многодетности обусловлена доминированием ценностей, связанных скорее с эмоциональной, чем с экономической значимостью детей. Основным направлением государственного регулирования многодетности в России остаётся политика, направленная на поддержание определённого уровня жизни детей из многодетных семей, и стабильность такой политики привела к тому, что столичная молодёжь уже при формировании семейных ориентиров рассматривает льготы многодетным как обязательную государственную помощь, а не как стимул к рождению нескольких детей. Чтобы сделать городскую многодетность привлекательной, требуется дополнение существующих финансовых мер целевой информационной политикой» [8, с. 288].

Комплексный долговременный национальный проект «Семья», о котором было объявлено Президентом России в его Послании Федеральному Собранию РФ 29 фев-

раля 2024 г.⁴, направлен на решение демографических проблем современного российского общества. Важнейшей задачей нашего общества является преодоление депопуляционных процессов через сохранение преемственности семейных ценностей, обеспечить демографический подъём в России при условии объединения различных мер социально-экономической, социокультурной, миграционной и демографиче-

ской политики [9]. По результатам нескольких социологических исследований, а также на основе анализа соответствующей правовой базы авторами предлагалось к обсуждению конкретные меры по решению демографических проблем, стоящих перед современной Россией [10; 11]. Важен именно системный характер этой программы, всех мероприятий, усилий государства и общества по народосбережению, преодолению негативных демографических тенденций и разворот к расширенному воспроизводству населения.

⁴ Послание Президента России Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года // Президент России: [сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 02.03.2024).

Литература и Интернет-источники

1. **Журавлева, Е. К.** Мнение многодетных родителей о ценностях семейной жизни в современной России / Е. К. Журавлева, О. А. Копцева // IV Всероссийский демографический форум с международным участием: сборник тезисов (Москва, 2–3 декабря 2022 г.) / Отв. ред. Т. К. Ростовская ; ФНИСЦ РАН. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — С. 19–20. DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-405-5.2022; DFSKNC
2. **Копцева, О. А.** Факторы, влияющие на развитие современной многодетной семьи в условиях мегаполиса / О. А. Копцева, Е. К. Журавлева // Сегодня и завтра российской экономики. — 2016. — № 77. — С. 61–72. EDN: WWCYBX
3. **Копцева, О. А.** Факторы, влияющие на создание современной многодетной семьи (на примере Москвы) / О. А. Копцева, Е. К. Журавлева // Вопросы политологии и социологии. — 2015. — № 3(12). — С. 64–71. EDN: VVDIQP
4. **Журавлева, Е. К.** Трансформация семьи и демографическая политика России: Монография / Е. К. Журавлева, О. А. Копцева; предисл. А. В. Гусева. — Москва : Экономическое образование, 2017. — 174 с. DOI: 10.26653/2017/978-5-7425-0184-8; EDN: YWGXRБ
5. **Журавлева, Е. К.** Укрепление института семьи как мера для решения демографических задач / Е. К. Журавлева, О. А. Копцева // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. Т. 2: Коллективная монография / ред. Н. М. Римашевская и В. Г. Доброхлеб. — Москва : Экономическое образование, 2018. — 216 с. — С. 195–200. DOI: 10.26653/2017/978-5-7425-0189-3 (книги); EDN: NGGOCY
6. **Горшков, М. К.** Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) / М. К. Горшков. — Москва : Новый хронограф, 2011. — 672 с. EDN: SUOSUJ
7. **Александрова, О. А.** Социальное управление: как помочь молодежи реализовать в профессии и не откладывать создание семьи / О. А. Александрова, Д. О. Ковалева // Самоуправление. — 2022. — № 3. — С. 116–121. EDN: DPWHCQ
8. **Русанова, Н. Е.** Специфика многодетной семьи в столице: особенности государственного регулирования / Н. Е. Русанова, Е. К. Журавлева // Государственное управление. — 2019. — № 77. — С. 274–291. DOI: 10.24411/2070-1581-2019-10028; EDN: LXHRGO
9. **Локосов, В. В.** Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски / В. В. Локосов // Вестник Российской академии наук. — 2020. — Т. 90. — No. 3. — С. 251–258. DOI: 10.31857/S086958732003010X; EDN: BOPSEX
10. **Журавлева, Е. К.** Решение демографических задач государственной властью и гражданским обществом / Е. К. Журавлева // Сегодня и завтра российской экономики. — 2013. — № 62. — С. 43–50. EDN: RWUMDP

11. **Журавлева, Е. К.** Укрепление института семьи как мера для решения демографических задач // Е. К. Журавлева // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2016. — № 4. — С. 52–63. EDN: XCHDLN

Сведения об авторах:

Журавлева Елена Константиновна, президент Благотворительного фонда социального развития; эксперт Общероссийской общественной организации «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 777.74@mail.ru; РИНЦ AuthorID: 880103.

Копцева Ольга Алексеевна, к. филос. н., доцент, эксперт Благотворительного фонда социального развития, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: olgakoptseva@mgn.ru; РИНЦ AuthorID: 350528.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37

SUPPORTING POINTS OF LARGE FAMILIES IN THE TRANSFORMATION OF MODERN FAMILY

Elena K. Zhuravleva*, Olga A. Koptseva

*Charitable Foundation for Social Development
(4–1–221 Krasnostudensky passage, Moscow, Russia, 127434)*

*E-mail: 777.74@mail.ru

For citation:

Zhuravleva E. K., Koptseva O. A. Supporting points of large families in the transformation of modern family. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 28–37. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-28-37 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to description of the factors (supporting points) of large families in modern Russia based on the analysis of data obtained by the authors in the course of many years of scientific research. The most important support of large families is their multigenerational character, where parents receive support from grandparents, as well as other relatives in raising children. The authors also name type of family (patriarchal or egalitarian), system of values including religion, settlement status, legal status of family, legal status of parents, education level of family fathers, matrimonial behavior and reproductive attitudes of modern youth as the supporting points of large families. An important factor in having many children is social policy of the state concerning family support. The authors conclude that the characteristics of modern Russian large families have changed. In particular, they point to some distinctive features: transition from forced large families to conscious ones; large families are gradually becoming a sign of well-being, an indicator of prestige and high social status; higher education of parents is not at all an obstacle to having large families, and higher education of fathers directly stimulates large families; cohabitation not only acquires the same legitimacy as legally formed family unions, but also does not limit itself to the number of children born, the phenomenon of illegitimate large families appears, etc. The authors pay a considerable attention to the issue of the status of family as a subject of law. Currently, through the activities of its members, family becomes a subject owing private property, in connection with which it claims to be endowed with the functions of a legal entity, and consequently, importance of the issue of the legal personality of the family increases: it is in the interests of modern large family — to become a generally recognized subject of Russian law, to be ranked not only among the subjects of certain legal relations, but law in general.*

Keywords: *factors of large families, supporting points of large families, multigenerational family, patriarchal family, egalitarian family, legal status of family, matrimonial behavior, reproductive attitudes.*

References and Internet sources

1. Zhuravleva E. K. Koptseva O. A. Mneniye mnogodetnykh roditeley o tsennostyakh semeynoy zhizni v sovremennoy Rossii [The opinion of parents with many children about the values of family life in modern Russia]. 4 Vserossiyskiy demograficheskiy forum s mezhdunarodnym uchastiyem: sbornik tezisev [Proceedings of the IV All-Russian Demographic Forum with International Participation]. (Moscow, December 2–3, 2022). Ed. T. K. Rostovskaya. Moscow. FNISTs RAN [FCTAS RAS]. 2022. P. 19–20. DOI: 10.19181/forum.978-5-89697-405-5.2022 (in Russ.)
2. Koptseva O. A. Zhuravleva E. K. Faktory, vliyayushchiye na razvitiye sovremennoy mnogodetnoy sem'i v usloviyakh megapolisa [Factors affecting development of a modern large family in metropolis]. *Segodnya i zavtra rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy]. 2016. No. 77. P. 61–72. (in Russ.)
3. Koptseva O. A. Zhuravleva E. K. Faktory, vliyayushchiye na sozdaniye sovremennoy mnogodetnoy sem'i (na primere Moskvyy) [Factors affecting creation of a modern large family (on the example of Moscow)]. *Voprosy politologii i sotsiologii* [Issues of Political Science and Sociology]. 2015. No. 3(12). (in Russ.)
4. Zhuravleva E. K., Koptseva O. A. Transformatsiya sem'i i demograficheskaya politika Rossii [Family Transformation and Demographic Policy of Russia]. Preface A. V. Gusev. Moscow. Ekonomicheskoye obrazovaniye [Economic Education]. 2017. 174 p. DOI: 10.26653/2017/978-5-7425-0184-8 (in Russ.)
5. Zhuravleva E. K. Ukrepleniye instituta sem'i kak mera dlya resheniya demograficheskikh zadach [Strengthening the institution of the family as a measure for solving demographic problems]. *Nastoyashcheye i budushcheye sem'i v menyayushchemsya mire* [The Present and the Future of Family in a Changing World]. Vol. 2. Eds. N. M. Rimashevskaya and V. G. Dobrokhleb. Moscow. Ekonomicheskoye obrazovaniye [Economic Education]. 2018. P. 195–200. DOI: 10.26653/2017/978-5-7425-0189-3 (in Russ.)
6. Gorshkov M. K. Rossiyskoye obshchestvo kak ono yest': (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki) [Russian Society as It Is. Experience of Sociological Diagnostics]. Moscow. Novyy khronograf [New Chronograph]. 2011. 672 p. (in Russ.)
7. Aleksandrova O. A., Kovaleva D. O. Sotsial'noye upravleniye: kak pomoch' molodezhi realizovat'sya v professii i ne otkladyvat' sozdaniye sem'i [Social management: how to help young people realize themselves in the profession and not postpone creation of a family]. *Samoupravleniye* [Self-Government]. 2022. No. 3. P. 116–121. (in Russ.)
8. Rusanova N. E., Zhuravleva E. K. Spetsifika mnogodetnoy sem'i v stolitse: osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya [Specifics of a large family in the capital: features of state regulation]. *Gosudarstvennoye upravleniye* [State Administration]. Electronic Bulletin. 2019. No. 77. P. 274–291. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10028 (in Russ.)
9. Lokosov V. V. Demograficheskoye razvitiye Rossii: dinamika i sotsial'no-ekonomicheskiye riski [Population change in Russia. Dynamics and socioeconomic risks]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2020. Vol. 90. No. 3. P. 251–258. DOI:10.31857/S086958732003010X (in Russ.)
10. Zhuravleva E. K. Resheniye demograficheskikh zadach gosudarstvennoy vlast'yu i grazhdanskim obshchestvom [Solving demographic problems by state power and civil society]. *Segodnya i zavtra rossiyskoy ekonomiki* [Today and Tomorrow of the Russian Economy]. 2013. No. 62. P. 43–50. (in Russ.)

11. Zhuravleva E. K. Ukrepleniye instituta sem'i kak mera dlya resheniya demograficheskikh zadach [Strengthening the institution of the family as a measure for solving demographic problems]. Nauchnoye obozreniye. Seriya 1. Ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]. 2016. No. 4. P. 52–63. (in Russ.)

Information about the authors:

Zhuravleva Elena Konstantinovna, President of the Charitable Foundation for Social Development; expert of the All-Russian public organization «National Parent Association for Social Support of Family and Protection of Family Values», Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 777.74@mail.ru; Elibrary AuthorID: 880103.

Koptseva Olga Alekseevna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Expert of the Charitable Foundation for Social Development, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: olgakoptseva@mgn.ru; Elibrary AuthorID: 350528.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-38-52
EDN: WXKWZY

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИИ НА СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЧИСЛО ДЕТЕЙ У СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Синельников А. Б.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1/46)

E-mail: sinalexander@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФ № 23–28–00518 «Социальное конструирование жизненных стратегий семей с разным числом детей: социолого-демографические исследования». – URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00518/>.

Для цитирования:

Синельников А. Б. Влияние миграционной истории на семейное положение и число детей у современных русских мужчин и женщин // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 38-52. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-38-52; EDN: WXKWZY

Аннотация. В статье анализируются данные 30-го раунда исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения», проведённого НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и ООО «Демоскоп» в 2021 году. Респонденты, которые принимали участие в этом раунде, были разделены на три группы: 1 — люди, которые родились в тех же городах и сёлах, где живут сейчас; 2 — люди, которые родились в других местах, но поселились в этом населённом пункте в возрасте моложе 16 лет (как правило, их привезли родители); 3 — люди, которые переселились на своё нынешнее место жительства в возрасте 16 лет и старше. Многие респонденты из группы 1, которые никогда никуда не переселялись, ничего не хотят менять в своей жизни. Поэтому они чаще остаются одинокими и (или) бездетными, и реже имеют трех и более детей, чем респонденты из групп 2 и 3. Однако в группе 3 много людей сожительствует со своими партнёрами или партнёршами без регистрации брака, а доля бездетных среди сожителей в разы больше, а среднее число детей у них меньше, чем у законных супругов. По мнению автора, на переселение в другой регион или в другую страну способны в основном люди, которые не боятся связанных с этим трудностей. Те из них, для которых семья и дети являются жизненно важными ценностями, не опасаются также и трудностей, связанных с созданием семьи. В семьях мигрантов установка на создание семьи с несколькими детьми чаще передаётся от родителей к сыновьям, чем к дочерям.

Ключевые слова: мужчины, женщины, миграционное поведение, миграционная история, брачный статус, законный брак, сожительство, семья, число детей.

Введение

Влияние миграции на рождаемость обычно рассматривается только в отношении внешней миграции из стран с высокой рождаемостью в страны с низкой рождаемостью [1; 2, с. 196–199, 301–305]. Внутренняя миграция может увеличивать общие коэффициенты рождаемости там, куда приезжают мигранты, большинство из которых составляют люди в активных репродуктивных возрастах, и соответственно снижать уровень рождаемости там, откуда они уезжают. Но не все жители бедных регионов, даже среди молодёжи, решаются на переселение. Как личности, мигранты заметно отличаются от местных уроженцев, которые никуда не переезжают. Для переезда на постоянное место жительства в другой город или регион надо быть готовым к неудобствам проживания в съёмных квартирах или комнатах, либо в общежитиях, к физически тяжёлому, морально неприятному и не всегда хорошо оплачиваемому труду (например, в строительстве или жилищно-коммунальном хозяйстве), к жизни среди чужих людей, а иногда и к пренебрежительному отношению к себе с их стороны. Ещё недавно многие так называемые коренные жители столицы и других мегаполисов считали иногородних «лимитчиков» людьми второго сорта, хотя их собственные родители когда-то тоже могли быть «лимитчиками». Вместе с тем, многие люди, даже если они недовольны условиями, в которых живут, не хотят никаких изменений, чтобы не осложнять себе жизнь. Нежелание куда-то уезжать нередко сочетается у них с нежеланием создавать семью, о которой надо заботиться, а если она уже есть, то с неспособностью сохранить её в случае конфликтов с супругами.

Целью этой статьи является изучение связи между семейным положением (брачный статус, число детей) и миграционным поведением мужчин и женщин в России. Различия между семейным положением местных уроженцев и мигрантов зависят и от того, что многие из них являются выходцами из среднеазиатских и закавказских стран, а также из республик Северного Кавказа, где

большинство населения по своему отношению к семейной жизни заметно отличается от основной массы коренных жителей регионов, где поселились эти мигранты [3]. Поэтому здесь анализируются данные только о тех мигрантах, которые считают себя русскими по национальности. Различия по показателям рождаемости между регионами России с преимущественно русским населением относительно невелики [4–5]. Сравнение русских переселенцев с русскими же местными уроженцами даёт возможность установить, как влияют на формирование и сохранение семьи психологические особенности личности мигрантов, а не этнические и религиозно обусловленные различия в отношении к семейной жизни между ними и коренным населением.

В этой связи были выдвинуты три гипотезы: № 1 — распределение по брачному статусу и по числу детей среди мигрантов должно быть иным, чем среди местных уроженцев, которые никуда не переезжали; № 2 — взрослые люди, которых ещё в детстве их родители перевезли на новое место жительства, ближе по семейному положению к местными уроженцам, чем к мигрантам, которые сами приняли и реализовали решение о переезде в другой населённый пункт, будучи уже взрослыми; № 3 — миграция по-разному влияет на семейное положение мужчин и женщин.

Основным источником информации является база микроданных 30-го раунда исследования РМЭЗ-2021 (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения), которое было проведено в 2021 г. НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН¹. Общее число респондентов в репродуктивных возрастах от 18 до 49 лет, считающих себя русскими и ответивших на вопросы о семейном положении и годе прибытия в населённые пункты, где они проживали на момент опроса, — 3321 человек. Анализ распределения по брачному статусу и числу детей, прово-

¹ Сайт обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). — URL: <https://www.hse.ru/rf/ms> (дата обращения: 19.11.2023).

дился отдельно для мужчин и женщин от 18 до 49 лет. Среди них выделялся возрастной интервал 40–49 лет. Респонденты были разделены на три группы: 1 — люди, которые родились в тех же городах и сёлах, где живут сейчас; 2 — родившиеся в других местах, но поселившиеся в этом населённом пункте в возрасте моложе 16 лет (как правило, их привезли родители); 3 — люди, которые переселились на своё нынешнее место жительства в возрасте 16 лет и старше.

Влияние миграции на семейное положение мужчин.

В группе 1 почти две пятых (39%) среди мужчин от 18 до 49 лет никогда не состояли

в браке. Это почти в три раза больше, чем в группе 3 (14%) (рис. 1). Группа 2 занимает по этому показателю, который составляет 26%, промежуточное положение между группами 1 и 3. Доля разведённых среди мужчин в этих возрастах невелика, потому что очень многие из них создают новые семьи с регистрацией брака или без этого [6]. Но все же данный показатель заметно выше в группе 1 (7%), чем в группах 2 и 3, в которых доля разведённых составляет от 2 до 4%. В то же время женатые, то есть состоящие в законном браке, составляют менее половины в группе 1 (44%). В этой группе доля женатых лишь на 5% больше доли никогда не состоявших в браке, но заметно меньше, чем доля женатых в группе 2 (58%)

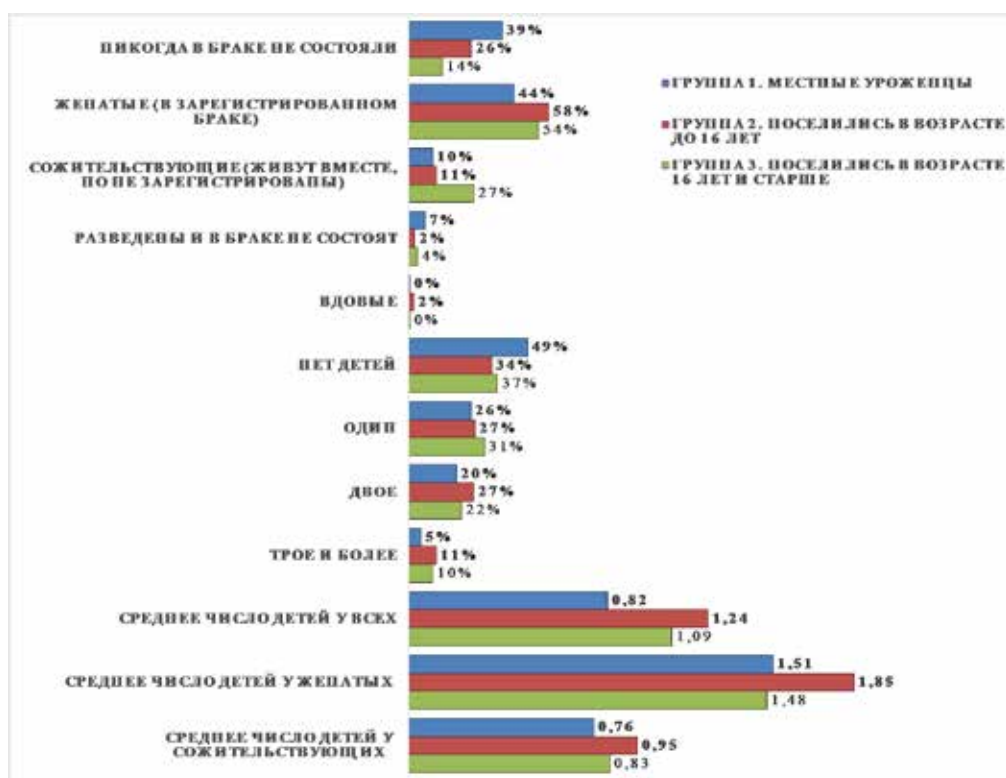

Рис. 1. Распределение русских мужчин от 18 до 49 лет по брачному статусу и числу детей, в % к числу респондентов в группе с данной миграционной историей

Fig. 1. Distribution of Russian men aged 18–49 by marital status and number of children, as % of the number of respondents in the group with a given migration history

Источник: составлено автором по базе данных РМЭЗ-2021 (сумма долевых показателей не во всех группах равна 100% как из-за округлений до процентов без десятичных знаков, так и потому, что отдельные респонденты, число которых незначительно, не указали ни одного из представленных здесь вариантов брачного статуса).

и в группе 3 (54%). Пониженная доля женатых в группе 1 не компенсируется повышенной долей сожителей, которая составляет лишь 10%. Это примерно столько же, как и в группе 2 (11%), но почти в три раза меньше, чем в группе 3 (27%).

Чем больше холостых, тем больше и бездетных. Среди мужчин от 18 до 49 лет, которые никогда не состояли в браке, почти ни у кого нет и детей (97% в группе 1, 98% — в группе 2 и 94% — в группе 3). Среди всех мужчин в этих возрастах соответствующие показатели в этих же группах составляют 49%, 34% и 37%. В группе 1 бездетных даже больше, чем малодетных, то есть имеющих одного или двоих детей (46%, в том числе 26% однопородных и 20% двухдетных). В группах 2 и 3 большинство составляют малодетные. Доля многодетных, то есть имеющих трёх и более детей, невелика (10–11%), но все же в два раза больше, чем в группе 1 (5%). Среднее число детей в группе 1 составляет лишь 0,82, то есть меньше одного ребёнка. В группах 2 и 3 эти показатели несколько больше (1,24 и 1,09 соответственно), но тоже очень низкие. Среднее число детей у женатых больше, чем у всех мужчин, вместе взятых, но тоже невелико — 1,51 в группе 1, 1,85 — в группе 2 и 1,48 — в группе 3. У сожителей эти показатели намного меньше. Они составляют менее одного ребёнка на одного мужчину: 0,76 в группе 1, 0,95 — в группе 2 и 0,83 — в группе 3. Однако речь идёт о респондентах в репродуктивных возрастах. Многие из них ещё будут иметь детей.

Характерные для широкого возрастного диапазона от 18 до 49 лет повышенные процентные доли холостых и разведённых в «оседлой» группе 1 по сравнению с «мигрантскими» группами 2 и 3 могут объясняться более поздним вступлением в брак, а также более длительным периодом между разводом и созданием новой семьи среди местных уроженцев по сравнению с приезжими, т.е. с группами 2 и 3. Но такая ситуация сохраняется и в конце этого диапазона, т.е. в интервале от 40 до 49 лет включительно, когда распределение по числу детей мало отличается от итогового к концу жиз-

ненного пути, а структура по брачному статусу может в дальнейшем существенно измениться только из-за разводов или в результате овдовения, которое среди мужчин моложе 50 лет происходит редко. Данные по мужчинам в возрастах от 40 до 49 лет представлены на рис. 2.

Даже в возрасте 40–49 лет в группе 1 каждый седьмой мужчина (14%) никогда не был женат, каждый десятый (10%) разведён и не вступил в новый брак, каждый четвёртый (23%) не имеет детей. Это намного больше, чем в группах 2 и 3 (5–6% холостых, 4–7% разведённых и 12–17% бездетных соответственно). Доля многодетных в группе 1 составляет лишь 8%, что вдвое ниже, чем в группах 2 и 3 (16–19%). Доля сожителей в группах 1 и 2 составляет от 12 до 14%, в группе 3—28%, то есть в 2 раза больше. Среднее число детей, которое в этих возрастах уже близко к итоговому, в группе 1 составляет 1,29 у всех мужчин и 1,68 у женатых, в группе 2—1,80 и 2,07, в группе 3—1,49 и 1,76. Все эти показатели намного ниже уровня простого замещения поколений. Во всех группах сожители имеют, в среднем, значительно меньше детей, чем женатые.

Влияние миграции на семейное положение женщин

Распределение по брачному статусу среди женщин от 18 до 49 лет близко к соответствующему распределению среди мужчин в тех же возрастах (рис. 3). Но средний возраст вступления в брак у женщин на 2–3 года ниже, чем у мужчин. Поэтому, среди женщин меньше никогда не состоявших в браке, чем среди мужчин из соответствующих групп. Однако в случае развода женщины с детьми имеют меньше возможностей вновь вступить в брак, чем их бывшие супруги, и доля разведённых среди женщин несколько больше, чем среди мужчин.

Отчасти из-за более раннего вступления в брак и соответственно большей средней продолжительности пребывания в браке доля бездетных среди женщин от 18 до 49 лет меньше, а среднее число детей —

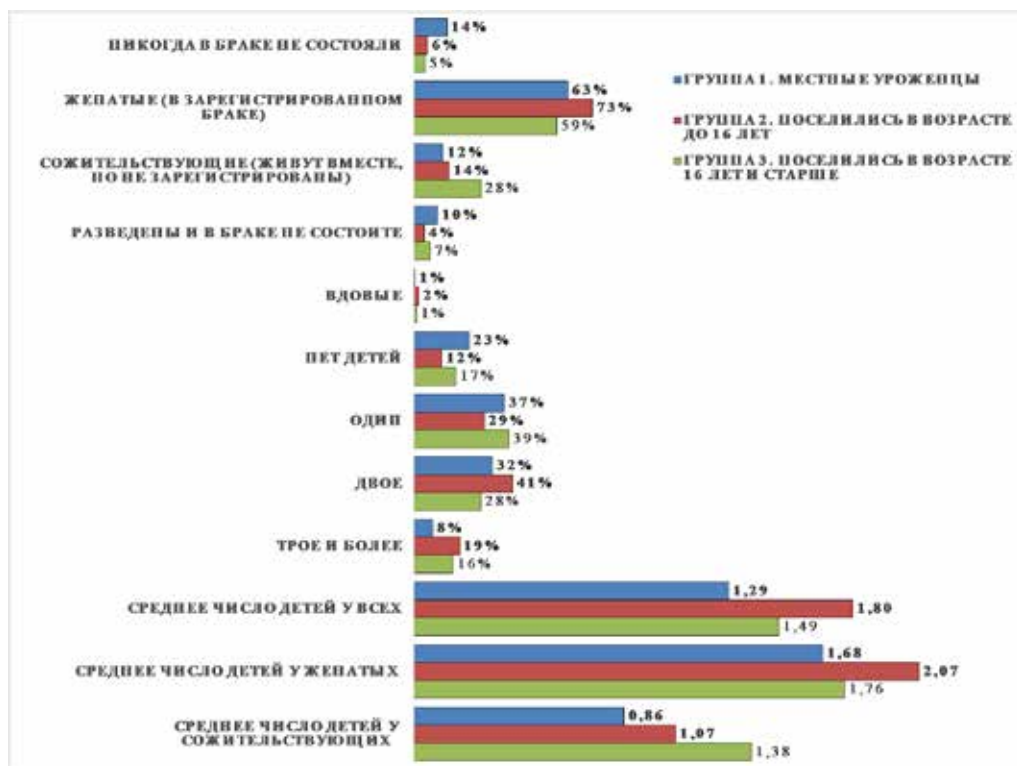
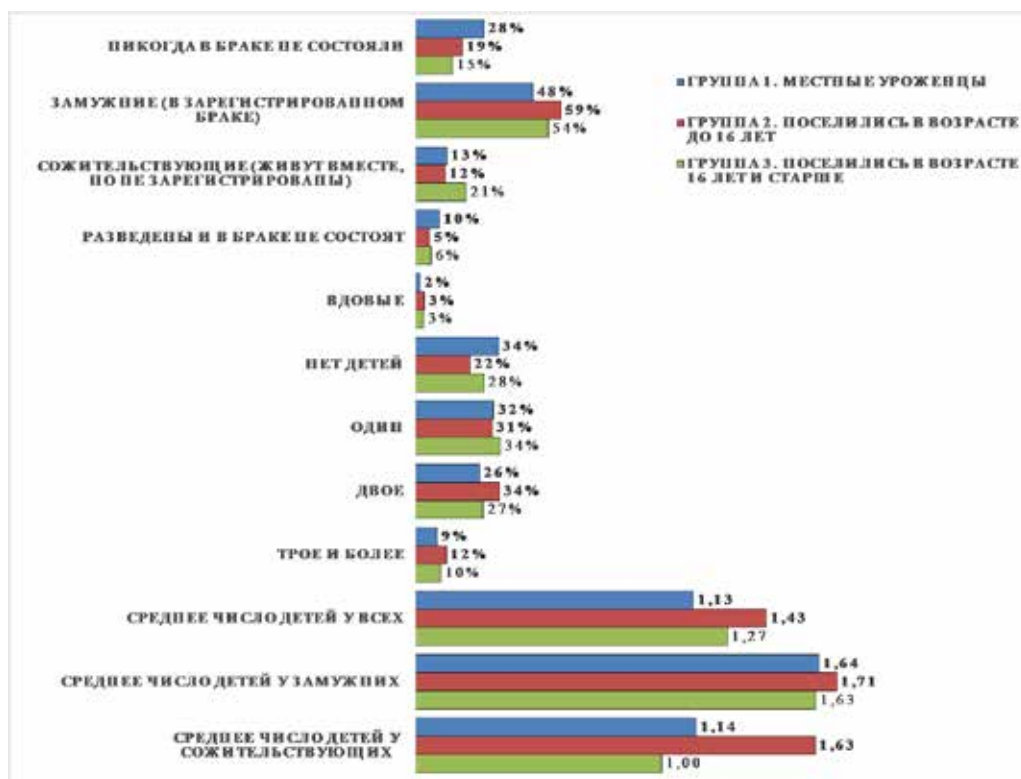

Рис. 2. Распределение русских мужчин от 40 до 49 лет по брачному статусу и числу детей, в % к числу респондентов в группе с данной миграционной историей
 Fig. 2. Distribution of Russian men aged 40–49 by marital status and number of children, as % of the number of respondents in the group with a given migration history

больше, чем у мужчин. В отличие от холостых мужчин, не так уж мало женщин, которые никогда не состояли в браке, но все же имеют детей. Их доля среди незамужних составляет 14% в группе 1, 21% — в группе 2 и 10% — в группе 3. Правда, почти у всех из этих незамужних матерей есть только один ребёнок.

В первой группе среднее число детей составляет 1,13 у всех и 1,64 у замужних и 1,14 — у сожительствующих, во второй группе — 1,43, 1,71 и 1,63, в третьей — 1,27, 1,63 и 1,00. В первой и третьей группах сожительствующие имеют гораздо меньше детей, чем замужние. В третьей группе разница между замужними и сожительствующими

составляет лишь 0,08. Это меньше статистической погрешности. Следует иметь в виду, что в число детей входят и рождённые от бывших супругов или партнёров. В сожительствах такие ситуации имеют место намного чаще, чем в законных браках. Многие разведённые женщины (да и мужчины), имеющие детей, создают новую семью без регистрации брака. Хотя сожительство, которое ради приличия обычно называют «гражданским браком», широко распространено в нашей стране и считается социально приемлемой формой семейного положения, оно намного чаще практикуется теми, кто когда-то прошёл через развод, чем теми, у кого не было такого опыта.

Рис. 3. Распределение русских женщин от 18 до 49 лет по брачному статусу и числу детей, в % к числу респондентов в группе с данной миграционной историей

Fig. 3. Distribution of Russian women aged 18–49 by marital status and number of children, as % of the number of respondents in the group with a given migration history

Источник: составлено автором по базе данных РМЭЗ-2021 (сумма долевых показателей не во всех группах равна 100% так как отдельные респонденты, число которых незначительно, не указали ни одного из представленных здесь вариантов брачного статуса).

По данным опроса, проведённого фондом «Общественное мнение» (ФОМ) 1–3 июля 2022 г. (1500 респондентов из 104 населённых пунктов на территории 53 субъектов РФ), среди мужчин и женщин, состоящих в зарегистрированном браке, только 19% имели опыт развода, а среди живущих вместе без регистрации и считающих себя супругами — 50%². У женщин в возрасте 40–49 лет среднее число детей очень близко к итоговому. Расчёты на основании возрастных коэффициентов рождаемости показывают, что к моменту дости-

жения верхней границы репродуктивного возраста (50 лет) оно может увеличиться не более, чем на 0,02–0,03 пункта. Структура по брачному статусу, существующая в этом возрастном интервале, в дальнейшем может меняться, причем не в лучшую сторону, главным образом из-за прекращения браков в результате их распада или смерти мужей. Распределение женщин 40–49 лет по брачному статусу и по числу детей представлено на рис. 4.

В этом возрасте доля никогда не состоявших в браке среди женщин заметно меньше, чем среди мужчин. Однако среди женщин, так же, как и среди мужчин, первич-

² Разводы: «уважительные» и «неуважительные» причины // ФОМ, 14 июля 2022 года. – URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750> (дата обращения: 12.02.2024).

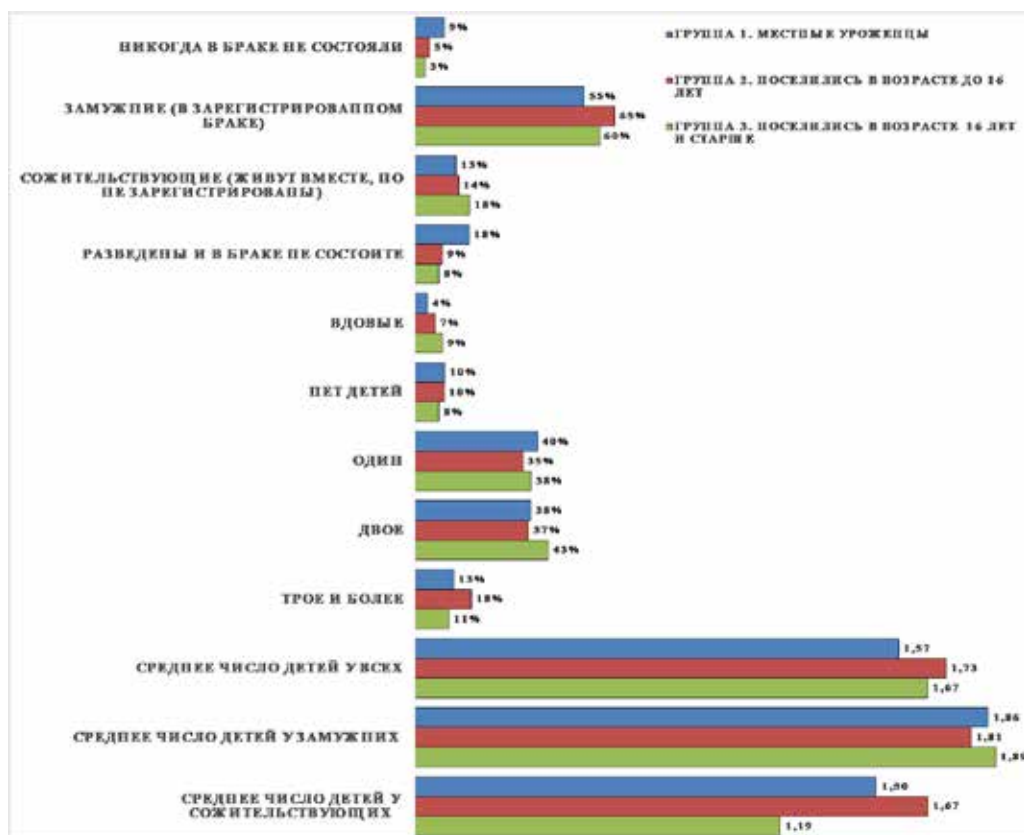

Рис. 4. Распределение русских женщин от 40 до 49 лет по брачному статусу и числу детей, в % к числу респондентов в группе с данной миграционной историей

Fig. 4. Distribution of Russian women aged 40–49 by marital status and number of children, as % of the number of respondents in the group with a given migration history

Источник: составлено автором по базе данных РМЭЗ-2021. (сумма долевых показателей не во всех группах равна 100%, так как отдельные респонденты, число которых незначительно, не указали ни одного из представленных здесь вариантов брачного статуса).

ное окончательное безбрачие в группе 1 встречается гораздо чаще, чем в группах 2 и 3 (9% против 5% и 3% соответственно). То же самое относится и к вторичному безбрачию после развода. Среди женщин этого возраста разведены и не состоят в новом браке 18% в 1-й группе против 8–9% во 2-й и 3-й группе. Эти показатели заметно выше, чем у мужчин-ровесников из тех же групп. В этом возрасте первичное безбрачие чаще встречается у мужчин, а вторичное — у женщин, причём не только после разводов, но и после смерти супругов. Доля вдов (не считая вновь вступивших в брак)

в 1-й группе (4%) заметно меньше, чем во 2-й (7%) и особенно в 3-й (9%, т.е. почти каждая десятая). Уровень смертности среди мужчин в возрастах 40–49 лет весьма высок, особенно в тех регионах с неблагоприятными условиями для нормальной жизни, откуда уезжают мигранты. К тому же у многих женщин этого возраста мужа старше их, то есть подвержены более высокому риску смертности. Овдовевшие женщины в возрастах старше 40 лет часто переезжают поближе к своим взрослым детям, которые в своё время уехали в другие города и регионы.

В группах 1 и 2 сожительство среди женщин 40–49 лет встречается примерно так же часто (13–14%), как и у мужчин (12–14%). В группе 3 сожительницы составляют 18%. Это лишь на 4–5% выше, чем в других группах женщин (различия не значимы), но на 10% меньше, чем среди мужчин из той же 3-й группы (28%). Доля бездетных среди женщин 40–49 лет составляет 10% в 1-й и 2-й группах и 8% в 3-й группе. Это меньше, чем среди мужчин из тех же групп, которые являются их ровесниками. Дело не только в том, что среди мужчин больше тех, кто никогда не вступает в брак, но и в том, что мужчины в таких случаях почти никогда не имеют детей, а женщины, которые не могут или не хотят выходить замуж, часто все-таки желают стать матерями и рожают «для себя» детей от сожителей или даже от случайных связей. Лишь немногим более чем у каждого из десятого из холостых мужчин в этом возрасте есть дети (11%), а среди их незамужних ровесниц — у каждой второй (51%). Эти данные относятся ко всем мужчинам и всем женщинам данного возраста, независимо от их миграционной истории, так как число никогда не состоявших в браке респондентов в отдельных группах недостаточно велико для того, чтобы рассчитывать долю бездетных среди них.

Влияние миграции на бездетность и многодетность

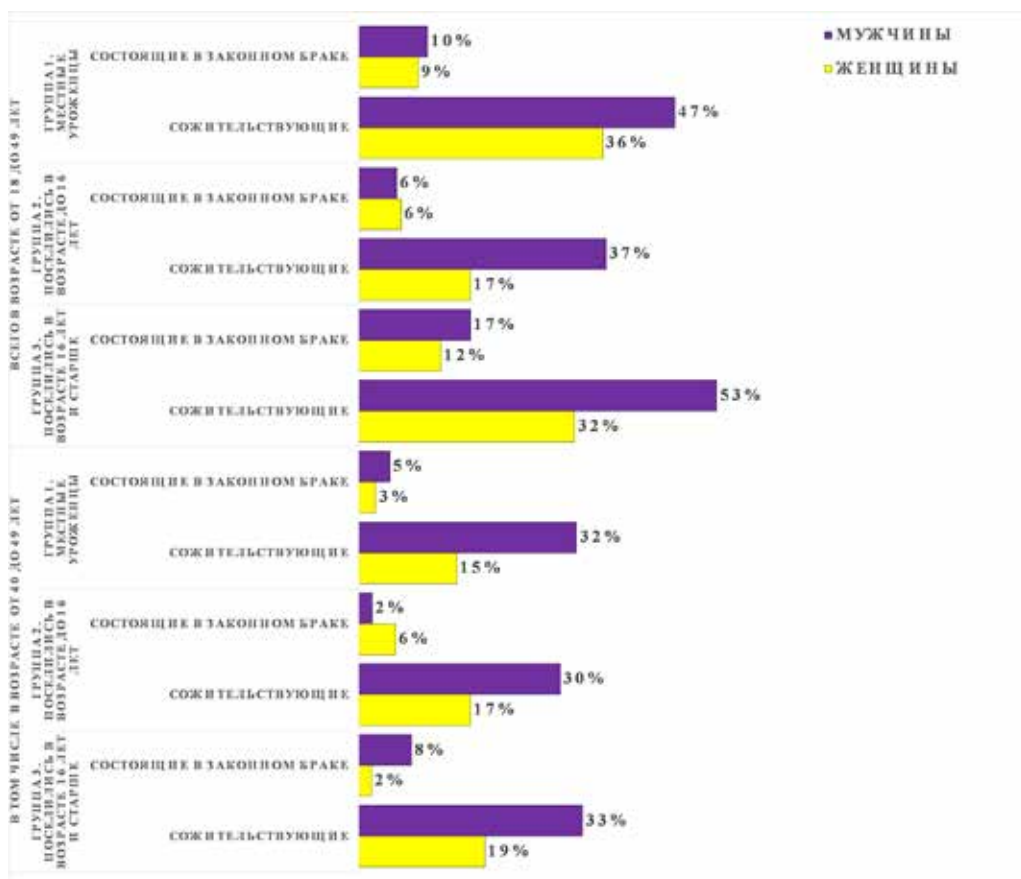
Многие из приезжих мужчин вступают в брак или сожительствуют с местными женщинами старше себя, у которых есть как своё жилье, так и дети. Эти женщины не всегда способны иметь ещё детей из-за проблем со здоровьем. Кроме того, сожительницы могут подозревать своих партнёров в корыстных намерениях, прежде всего в отношении жилья, из-за чего не регистрируют брак и не рожают детей. Поэтому среди приезжих мужчин очень многие остаются в статусе сожительствующих даже к 40 или 50 годам. Среди сожительствующих мужчин много бездетных, в том числе и в этом возрасте.

Местные мужчины тоже далеко не всегда доверяют своим приезжим сожителям, которые могут быть заинтересованы в браке с ними по прагматическим мотивам. Многие из этих женщин рожают детей без согласия своих сожителей. Таким путём часто (но не всегда), удаётся предотвратить разрыв отношений и даже добиться регистрации брака. Среди сожительствующих женщин во всех группах бездетность распространена значительно меньше, чем среди сожительствующих мужчин, но все же гораздо больше, чем среди замужних женщин (рис. 5).

Среди сожительствующих пар многодетность распространена меньше, а дети являются общими реже, чем среди законных супругов. Поэтому дифференциацию частоты многодетности в зависимости от пола и миграционной истории респондентов имеет смысл рассматривать прежде всего для зарегистрированных браков (рис. 6). Доля имеющих трех и более детей среди женатых мужчин от 40 до 49 лет в группах 2 и 3 составляет 21–22%. Это в два раза больше, чем в группе 1 (11%). У замужних женщин различия между тремя группами женщин меньше статистической погрешности: в группе 1 этот показатель равен 18%, в группе 2–20%, в группе 3–15%.

Межпоколенная преемственность многодетного отцовства и материнства в контексте миграционной истории семей и индивидов

По данным исследования ценностей семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019), проведённого в 2018–2019 гг. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ при участии автора этой статьи и охватившего более 1200 семейных пар (независимо от регистрации брака) [7], среди мужчин в возрасте от 46 до 60 лет, которые родились и выросли в малодетных семьях (с одним или двумя детьми), только 13% сами имеют трех и более детей. А среди мужчин, чьи родители имели трех и более детей, 33% стали многодетными отцами. Среди женщин,

Рис. 5. Доля не имеющих детей, в % к числу состоящих в законном браке и сожительствующих респондентов в группе русских мужчин и женщин соответствующего возраста с данной миграционной историей

Fig. 5. Share of childless respondents as % of those legally married and cohabitants in the group of Russian men and women of the corresponding age with a given migration history

Источник: составлено автором по базе данных РМЭЗ-2021.

происходящих из семей с одним или двумя детьми, многодетными матерями стали 17%, а среди воспитанных в многодетных семьях — 24%. Различия между шансами выходцев из малодетных и многодетных семей на то, чтобы стать многодетными родителями статистически значимы как у мужчин ($p < 0,001$), так и у женщин ($p < 0,05$). Но у женщин это различие составляет только 7%, а у мужчин — 20%, то есть в три раза больше (рис. 7).

Гипотеза № 1 о различиях по семейному положению между мигрантами и местными

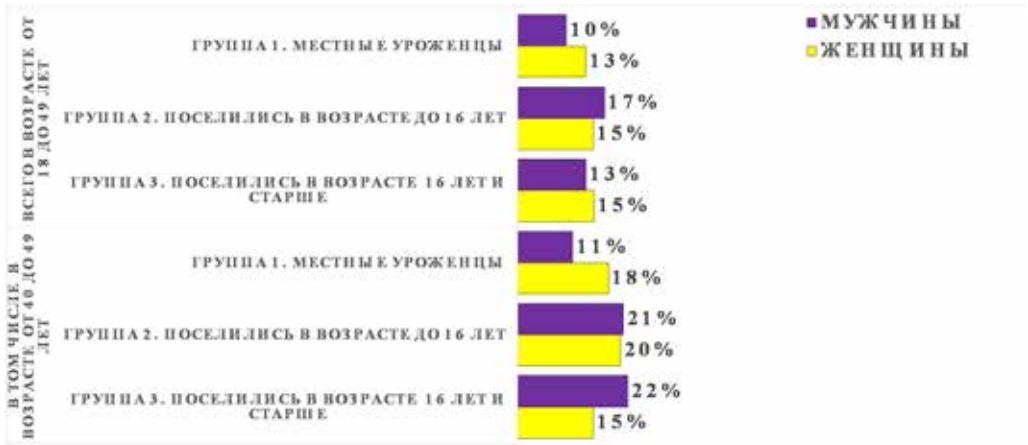
уроженцами подтвердилась. Как среди земляков мигрантов, которые никуда не уезжали, так и среди коренных жителей регионов, куда они переехали, есть много людей, не желающих ничего менять в своей жизни, поскольку изменения (в том числе вступление в брак и рождение детей) часто связаны с неудобствами. Многие мужчины и женщины, которые всегда поступают только так, как сами хотят, игнорируя интересы близких им людей, вообще остаются одинокими, либо сожительствуют или даже вступают в брак, но не имеют детей, либо не мо-

гут наладить отношения с супругами и партнёрами, что приводит к распаду семьи. Конечно, не все местные уроженцы и даже не большинство из них ведут себя таким образом, но они поступают так чаще, чем мигранты, которые не боятся трудностей.

Гипотеза № 2 частично подтвердилась в отношении брачного статуса, но не в от-

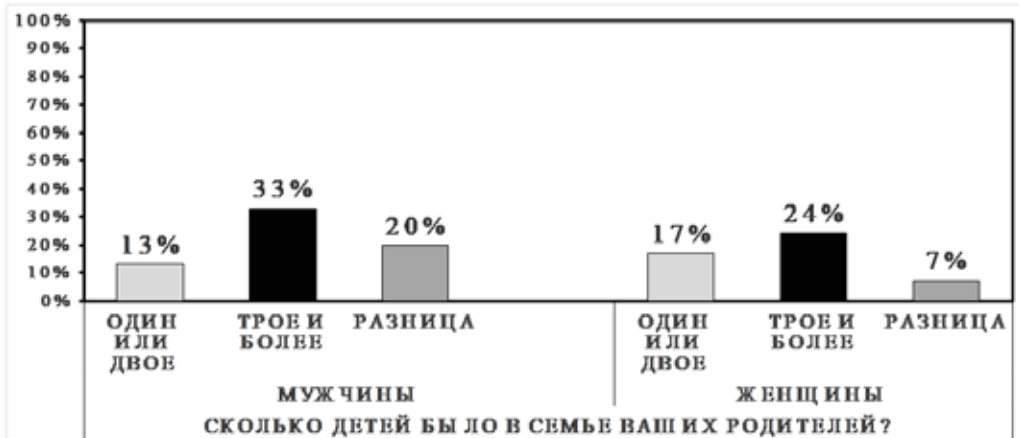
ношении числа детей. Люди, которые в детстве переселились в другие населённые пункты вместе с родителями, по некоторым из показателей семейного положения оказались либо ближе к тем, которые, будучи уже взрослыми, сами приняли и реализовали решение о миграции, чем к местным

Рис. 6. Доля имеющих 3 и более детей, в % к числу респондентов в группе русских женатых мужчин и замужних женщин соответствующего возраста с данной миграционной историей

Fig. 6. Share of respondents having 3 or more children as % of those in the group of legally married Russian men and women of the corresponding age with a given migration history

Источник: составлено автором по базе данных РМЭЗ-2021.

Рис. 7. Доля имеющих 3 и более детей среди мужчин и женщин в возрасте от 46 до 60 лет, состоящих в законном браке или в сожительстве, в зависимости от числа детей в семьях их родителей, %

Fig. 7. Share of men and women aged 46–60 having 3 or more children and being in legal marriage or cohabitation, depending on the number of children in their parents' families, %

Источник: расчёты по базе данных СеДОЖ-2019.

уроженцам, либо резко отличаются и от тех, и от других.

Гипотеза № 3 подтвердилась. Миграция иначе влияет на брачное и репродуктивное поведение у мужчин, чем у женщин. Многие из одиноких мигрантов образуют пары с местными жителями, в том числе и ради решения жилищной проблемы. Поэтому большая разница в возрасте и наличие детей у местных далеко не всегда мешает приезжим создавать семьи с ними. В наше время законному браку часто предшествует продолжительное сожительство [8, с. 50–78]. Но многие сожительствующие не доверяют друг другу. Поэтому они не оформляют свои отношения в ЗАГСе и не решаются на рождение детей. Особенно часто такое недоверие проявляют местные по отношению к приезжим. Установление причин широкой распространённости сожительства в нашей стране не было задачей этой статьи, но анализ данных показал, что на это сильно влияет миграция.

Даже если у сожительствующей пары есть общие дети, её шансы на распад намного больше, чем у законных супругов с родными для них обоими детьми, но все же значительно меньше, чем у законных супружеских пар, которые не имеют общих детей. По данным исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»), проведённого в России в 2004–2011 гг. в рамках международной программы Generation and Gender, среди брачно-партнёрских союзов, возникших в 1990–1999 гг., распались до момента опроса (независимо от того, был ли этот союз официально расторгнут) 68% законных супружеских пар без общих детей и 28% — с детьми, а среди сожительствующих пар соответственно 88% и 44%. [8, с. 106]. Дети — более важное препятствие к разрыву отношений между их родителями, чем регистрация брака. По данным опроса ВЦИОМ, проведённого в 2021 г., на вопрос «Представьте себе пару, которая решила развестись. На Ваш взгляд, что может им помешать это сделать?» респонденты, которые могли одновременно выбрать хоть все перечисленные в анкете помехи, препятствующие рас-

торжению брака, чаще всего (31%) указывали на невозможность «поделить» детей между родителями³.

Чем больше масштабы внутренней миграции, тем больше в стране людей, которые не опасаются трудностей, связанных с адаптацией к условиям жизни на новом месте. Многие из них не боятся и других изменений в своей жизни, включая создание, увеличение и сохранение семьи, хотя это сулит для них немало проблем. Приезжие реже остаются безбрачными и бездетными, но чаще создают многодетные семьи, чем местные уроженцы. Эти особенности семейно-демографического поведения нередко наследуются детьми мигрантов, которых родители привезли с собой в том возрасте, когда формируются установки на семейно-детный или, напротив, на одиночно-холостяцкий образ жизни. Они не сталкиваются с проблемами адаптации к условиям жизни в чужом городе или регионе, которые уже решили их родители и которые приходится решать взрослым одиноким мигрантам.

Если мигранты привезли с собой детей и решили все проблемы адаптации, то, когда их дети становятся взрослыми, они имеют лучшие условия для вступления в брак и рождения нескольких детей, чем мигранты, которые приехали, уже будучи взрослыми, но ещё не имея своей семьи. Поэтому доля состоящих в законном браке и среднее число детей в группе 2 больше, не только чем в группе 1, но и чем в группе 3. Но у мужчин эти различия между группами весьма заметны, а у женщин они невелики и статистически не значимы. Если приезжие мужчины и женщины ещё не имеют семьи, то и тем, и другим, приходится самостоятельно преодолевать немалые трудности, чтобы адаптироваться к новым условиям жизни. Но если мигрируют целые семьи, то во многих из таких случаев мужья сперва приезжают одни и самостоятельно решают проблемы, связанные с устройством на

³ От брака до развода: 1990–2021 // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (дата обращения: 17.01.2024).

новом месте, а после этого перевозят к себе жён и детей.

Если масштабы внутренней миграции увеличатся, это может быть симптомом роста готовности людей к изменениям в своей жизни. При этом возможно и некоторое повышение рождаемости, но не до уровня простого замещения поколений. Среднее число детей у внутренних переселенцев больше, чем у местных уроженцев, но намного меньше этого уровня, который может быть достигнут если многодетных семей станет в несколько раз больше как среди местных уроженцев, так и среди внутренних мигрантов.

Среди всех национальностей, вместе взятых, приезжие отличаются от местных уроженцев не только меньшим процентом бездетных, но и более высокой долей имеющих трех и более детей, в том числе и потому, что многие мигранты являются выходцами из государств Центральной Азии и северокавказских республик РФ, где широко распространена многодетность. Среди русских мигрантов доля многодетных в 2-й и 3-й группах женатых респондентов тоже больше, чем в 1-й, но явно недостаточна для замещения поколений. Почти во всех регионах РФ с преимущественно русским населением среднее число детей на одну женщину меньше двух [4; 5]. Миграция из одних этих регионов в другие мало влияет на рождаемость по стране в целом. Однако и внутри России мигрантами часто становятся жители сел, поселков городского типа и небольших городов, где рождаемость выше, чем в больших городах, куда они переселяются.

Доля многодетных среди женатых мужчин от 40 до 49 лет, прибывших на нынешнее место жительства в детстве вместе с родителями, почти такая же, как среди их ровесников, которые переселились на новое место уже будучи взрослыми (рис. 6). Это может означать, что и те, и другие унаследовали родительские установки на число детей. Хотя не надо преувеличивать степень этой преемственности. По данным СеДОЖ-2019, даже среди состоящих в браке или в сожительстве людей в возрасте от 46 до 60 лет, которые родились и вырос-

ли в многодетных семьях, подавляющее большинство (67% мужчин и 76% женщин) имеют не более двух детей. Вероятность стать многодетными родителями зависит и от многих других факторов, которые еще предстоит установить в процессе дальнейших социологических исследований, в том числе и от готовности к преодолению затруднений, включая и проблемы, связанные с миграцией.

Заключение

Чем больше масштабы внутренней миграции, тем больше в стране людей, которые не опасаются трудностей, связанных с адаптацией к условиям жизни на новом месте. Многие из них не боятся и других изменений в своей жизни, включая создание, увеличение и сохранение семьи, хотя это создаёт для них немало проблем. Анализ данных исследований показал, что приезжие реже остаются безбрачными и бездетными и чаще создают многодетные семьи, чем местные уроженцы. Эти особенности демографического поведения мигрантов часто наследуются их сыновьями, но не теми, которые родились на новом месте, когда семья уже адаптировалась к местным условиям, а теми, кого родители привезли с собой в том возрасте, когда формируются установки на то или иное поведение во взрослой жизни.

Среднее число детей у внутренних переселенцев больше, чем у местных уроженцев. Различия по числу детей между местными и приезжими среди мужчин больше, чем среди женщин. Многие мужчины сперва переезжают одни и самостоятельно решают проблемы, связанные с устройством на новом месте, а после этого к ним присоединяются жены и дети. Если масштабы внутренней миграции увеличатся, это может быть симптомом роста готовности людей к изменениям в своей жизни. При этом возможно и некоторое повышение рождаемости, но не до уровня простого замещения поколений.

Основные меры демографической политики в России сводятся к помощи мате-

рям с детьми, а не семьям в полном составе. Это основано на убеждении, что создание многодетных семей зависит почти исключительно от жён и матерей, а роль мужей и отцов второстепенна. Согласно закону о материнском (семейном) капитале, распоряжаться им могут лишь женщины. Судя по приведённым выше данным, формирование многодетных семей зависит от отцов не меньше, чем от матерей. Следует найти такие стимулы, которые могут повлиять на решения мужчин о том, сколько детей должно быть в их семьях. Если дети рождены в браке, а их отцы не в разводе с

матерями, то надо дать им право распоряжаться материнским капиталом наряду с жёнами, чтобы повысить авторитет мужей и отцов в семьях, а мужчин — в обществе [9, с. 363–365].

Еще важнее дать родителям, особенно отцам, возможность самим лучше обеспечивать свои семьи, а не рассчитывать лишь на помощь государства. Многодетным родителям, особенно если они являются единственными кормильцами семьи, следует предоставить значительные налоговые льготы. Семья должна полагаться прежде всего на собственные силы.

Литература и Интернет-источники

1. **Волан, С.** Рождаемость во Франции — самая высокая в Европе. Причина в иммигрантах? / С. Волан, Ж. Пизон, Ф. Эран // Демографическое обозрение. — 2020. — Т. 7. — № 1. — С. 118–126. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10823; EDN: KNZFQT
2. **Вишневецкий, А. Г.** Демографическая история и демографическая теория / А. Г. Вишневецкий. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 368 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1706-2; EDN: МНХЕМГ
3. **Казенин, К. И.** Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материале Северного Кавказа / К. И. Казенин // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 1. — С. 48–59. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-04; EDN: XQCXJJ
4. **Кишенин, П. А.** Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений / П. А. Кишенин. — Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 86–120. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18810; EDN: SKYDAW
5. **Синельников, А. Б.** Преемственность многодетности от поколения к поколению / А. Б. Синельников // Социология. — 2023. — № 5. — С. 33–50. EDN: PYZLFH
6. **Захаров, С. В.** Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? / С. В. Захаров, Е. В. Чурилова, В. С. Агаджанян // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3. — № 1. — С. 35–51. DOI: 10.17323/demreview.v3i1.1762; EDN: WFEIZP
7. И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов по результатам социологических исследований / отв. ред. А. И. Антонов. — Москва : У Никитских ворот, 2022. — 272 с. EDN: JHDLWS
8. Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; НИУ «Высшая школа экономики». — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 344 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2554-8; EDN: FKJKMO
9. **Синельников, А. Б.** Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ / А. Б. Синельников. — Москва : Перо, 2022. — 392 с. EDN: BQQGDE

Сведения об авторе:

Синельников Александр Борисович, д.соц.н., проф. Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sinalexander@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8651-8593; РИНЦ AuthorID: 77067.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-38-52

INFLUENCE OF MIGRATION HISTORY ON MARITAL STATUS AND THE NUMBER OF CHILDREN AMONG MODERN RUSSIAN MEN AND WOMEN

Alexander B. Sinelnikov

Lomonosov Moscow State University
(1/46 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991)

E-mail: e-mail: sinalexander@yandex.ru

Funding:

The study was funded by the Russian Scientific Foundation grant No. 23-28-00518 «Social construction of life strategies for families with different numbers of children: socio-demographic studies». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00518/>.

For citation:

Sinelnikov A. B. Influence of migration history on marital status and the number of children among modern Russian men and women. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 51. P. 38-52. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-38-52 (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes data from the 30th round of the study “Russian Monitoring of the Economic Situation and Public Health” conducted by the National Research University Higher School of Economics and Demoscope LLC in 2021. The respondents who took part in this round were divided into three groups. Group 1 includes people who were born in the same towns and villages where they live now. Group 2 — people who were born in other places, but settled in this locality before the age of 16. As a rule, they were brought by their parents. Group 3 consists of people who moved to their current place of residence at the age of 16 and older. Many respondents from group 1, who have never moved anywhere, do not want to change anything in their lives. Consequently, they are more likely to remain single and/or childless and less likely to have three or more children than respondents from groups 2 and 3. However, in group 3, many people cohabit with their partners without marriage registration. The proportion of childless cohabitants is many times higher, and the average number of children they have is much less than that of legal spouses. According to the author, only those people who are not afraid of the difficulties associated with resettlement to another region or to another country are capable of it. Those of them for whom family and children are vital values are also not afraid of the difficulties associated with starting a family. In migrant families, the mindset of starting a family with several children is more often passed on from parents to sons than to daughters.*

Keywords: *men, women, migration behavior, migration history, marital status, legal marriage, cohabitation, family, number of children.*

References and Internet sources

1. Volant S., Pison G., Héran F. Rozhdaemost' vo Frantsii — samaya vysokaya v Yevrope. Prichina v immigrantakh? [French fertility is the highest in Europe. Because of its immigrants?]. *Demograficheskoe obozreniye [Demographic Review]*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 118–126. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10823 (in Russ.)
2. Vishnevsky A. G. Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya: kurs lektсий. [*Demographic History and Demographic Theory. Course of lectures*] Moscow. Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki [HSE Publishing House]. 2019. 368 p. (in Russ.)
3. Kazenin K. I. Vliyaniye migratsii na rozhdaemost': sopostavleniye imeyushchihsya gipotez na materiale Severnogo Kavkaza [Impact of migration on fertility: key hypotheses facing evidence from North Caucasus]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 48–59. (in Russ.)

4. Kishenin P. A. Regional'naya differentsiatsiya rozhdamosti v Rossijskoj Federatsii: optika real'nyh pokolenij. [Regional differentiation of fertility in the Russian Federation: cohort perspectives]. Demograficheskoe obozrenije [Demographic Review]. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 86–120. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18810 (in Russ.)
5. Sinelnikov A. B. Prejemstvennost' mnogodetnosti ot pokoleniya k pokoleniyu. [The succession of having many children from generation to generation]. Sotsiologiya. [Sociology]. 2022. No. 6. P. 33–50. (in Russ.)
6. Zakharov S. V., Churilova E. V., Aghajanyan V. S. Rozhdamost' v povtornykh soyuzakh v Rossii: pozvolyajet li vstuplenije v novyj supruzheskij soyuz dostich' ideala dvukhdetnoj sem'i? [Fertility in higher-order marital unions in Russia: does a new partnership allow for the realization of the two-child ideal?]. Demograficheskoe obozrenije [Demographic Review]. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 35–51. DOI: 10.17323/demreview.v3i1.1762 (in Russ.)
7. I vmeste, i vroz': sotsiologiya vzaimnykh predstavlenij suprugov (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovanij) [Both Together and Apart: Sociology of Mutual Representations of Spouses According to the Results of Sociological Research]. Ed. A. I. Antonov. Moscow. Izdatel'stvo «U Nikitskikh vorot» [Publishing house At the Nikitsky Gate]. 2022. 272 p. (in Russ.)
8. Naselenie Rossii 2019: dvadtsat' sed'moj ezhegodnyj demograficheskij doklad. [Russia's Population in 2019: 27th Annual Demographic Report]. Executive editor S. V. Zakharov. NIU «Vysshaya shkola ekonomiki» [Higher School of Economics]. Moscow. Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki [HSE Publishing House]. 2022. 344 p. (in Russ.)
9. Sinelnikov A. B. Braki i razvody v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskij analiz [Marriages and Divorces in Modern Society: Sociological Analysis]. Moscow. Pero [Pero Publishing House]. 392 p. (in Russ.)

Information about the author:

Sinelnikov Alexander Borisovich, Doctor of Sociology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sinalexander@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8651-8593; Elibrary AuthorID: 77067.

Статья поступила в редакцию 25.02.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65
EDN: SXALOH

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН? ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ¹

Козырева П. М.^{1,2*}, Смирнов А. И.¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
(109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, 5, корпус 1)

²НИУ «Высшая школа экономики»
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20)

*E-mail: pkozyreva@isras.ru

Для цитирования:

Козырева П. М., Смирнов А. И. Кто в доме хозяин? Гендерные особенности принятия решений в современной российской семье // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51 – С. 53-65. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65; EDN: SXALOH

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ «Высшая школа экономики» (RLMS-HSE)» осуществлён динамический анализ представлений мужчин и женщин, состоящих в зарегистрированном браке и проживающих вместе без регистрации отношений, о своём влиянии на принятие решений в семье. Анализ охватывает 2006–2021 годы. Раскрываются современные тенденции изменения самооценок степени влияния респондентов на принятие решений в семье, роль различных факторов, определяющих формирование семейных решений. Показано, что сложившееся распределение власти между супругами при выработке решений в семье характеризуется высокой устойчивостью, но за завесой подобной стабильности нередко скрываются разнообразные и динамичные изменения частного порядка, подталкивающие к переосмыслению понимания механизма принятия таких решений. Поскольку процесс выработки семейных решений определяется возрастом, уровнем образования, наличием работы супругов, количеством детей в семье и другими обстоятельствами, влияние которых опосредуется гендерными особенностями, мужа и жёны воспринимают свою роль и влияние при принятии этих решений по-разному. Но в целом, жёны, продолжающие контролировать домашнюю сферу, заметно выше, чем их мужья оценивают свою влияние при принятии решений в семье. Хотя власть во многом определяет способность и возможность конкретного человека влиять на других людей и принимаемые ими решения, мужчины и женщины, состоящие в браке, редко связывают свою влияние при принятии решений в семье с обладанием властью как таковой. Но в то же время ощущение своей влияния в семье является важной детерминантой социального самочувствия супругов.

Ключевые слова: власть, влияние, гендерные различия, принятие решения, семья.

© Козырева П. М., Смирнов А. И., 2024.

¹ В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

Одним из главных направлений эволюции российской семьи является её трансформация от традиционной семьи, где роли обычно распределяются в соответствии с укоренившимися патриархальными представлениями и гендерными стереотипами, к современной эгалитарной, где развиваются разнообразные формы семейных отношений, доминирует равенство прав и обязанностей супругов, равноправие мужа и жены в различных сферах семейной жизни. Этот переход, начало которому, как и во всех индустриально развитых странах, было обусловлено главным образом увеличением числа работающих женщин [1, с. 400], в нынешних условиях опирается на более прочный фундамент современных преобразований.

Несмотря на то, что традиционные взгляды на гендерные роли ещё укоренены в сознании россиян, происходит постепенное их размывание за счёт формирования многообразия моделей семьи и личных отношений [2]. Появление и распространение новых форм семейной жизни включает поступательное, хотя и не всегда последовательное, выравнивание позиций мужчин и женщин в вопросах семейной жизни, включая распределение ролей при принятии решений в семье.

Теоретическая и эмпирическая база исследования

Большинство решений в семье вырабатываются совместными усилиями или наблюдается доминирующее влияние разных членов семьи на их принятие. В связи с этим в научной литературе анализируются разнообразные модели принятия решений в семье. Например, экономисты рассматривают различные модели принятия экономических решений: от унитарных моделей, или моделей общих предпочтений, до разнообразных коллективных. Подробный анализ этих моделей, в том числе с точки зрения влияния отдельных членов домохозяйства на разные уровни решений и на различных стадиях жизненного цикла се-

мьи содержится в ряде работ российских учёных [3; 4].

Социологи подходят к рассмотрению этих проблем более широко, затрагивая весь спектр решений, которые принимаются в семье. При этом влияние членов семьи на принятие решений чаще всего анализируется исходя из сложившегося типа властных отношений в семье, главным образом распределения власти в супружеских парах. В основе различных концепций, объясняющих наличие определенных форм властных отношений в семье, чаще всего лежит ресурсный подход.

Первоначально при изучении механизма принятия семейных решений в понятие «ресурсы» вкладывались высокий доход, а также высокий образовательный и профессиональный статус [5; 6]. Но затем ряд учёных стали рассматривать супружескую власть как комплексное понятие, которое не может быть объяснено только экономическими факторами [7; 8]. В дальнейшем появилось немало работ, посвящённых обсуждению различных аспектов семейной власти, которые в той или иной мере затрагивают проблемы выработки решений в семье [9–15].

В России активное изучение данной проблематики началось в конце 1990-х — начале 2000-х годов. До этого понятие семейной власти очень редко упоминалось в социологических работах, наиболее употребляемым был термин «глава семьи» [16, с. 51–54]. В постсоветский период изучение механизма принятий семейных решений получило развитие в исследованиях лидерства в семье, которое рассматривается как ключевой параметр, определяющий ролевую структуру и функционирование семьи, формирующий отношения доминирования и подчинения, влияния и ответственности [17–19]. Понимание того, что определяет ту или иную позицию, какие функции приписываются таким ролям, как «глава семьи», «лидер», «кормилец», имеет определённое содержательное значение при анализе механизмов жизнедеятельности домохозяйства [20, с. 83].

В семье власть может быть сосредоточена в руках одного человека или распределена более или менее равномерно между членами семьи. В первом случае говорят об авторитарной системе отношений, во втором — об эгалитарной. Но в то же время многие исследования выявляют сложную структуру распределения отношений власти в российских семьях, наличие различных параметров, определяющих эти отношения [21]. Распределение власти между супругами и другими членами семьи характеризует то, насколько каждый из них отвечает за принятие и реализацию решений в различных сферах функционирования семьи [17]. Принятие решений в семье, в свою очередь, может быть объективным критерием главенства мужа или жены, что не исключает того, что принадлежность решающего голоса мужу или жене зависит от типа семьи. В эгалитарных семьях решения чаще принимаются супругами совместно, независимо от сферы жизнедеятельности. В традиционных семьях это касается преимущественно досуга. В финансовой и хозяйственной сферах чаще всего решение принимает жена [22]. Уже длительное время исследования фиксируют трансформацию традиционной семейной иерархии в России, которая сопровождается перераспределением власти в семье. Так, ещё в советские времена была обнаружена тенденция роста женского лидерства в семье и повышения роли женщины в принятии семейных решений [16, с. 51–53], что привело к ослаблению мужского доминирования в семье.

В исследованиях постсоветского периода при наличии указанных тенденций акценты стали расставляться по-иному. Они, в частности, показывают, что результатом постепенного ослабления роли мужчин при распределении власти в семье стало не столько укрепление женского лидерства, сколько то, что семья начала функционировать и развиваться в большей мере на основе равноправия супругов [23], более заметным стало упрочение эгалитарной модели в распределении домашних обязанностей и ресурсов домохозяйств, возобладание принципов гендерного равенства при рас-

пределении ролей в семье, в том числе при принятии и реализации семейных решений². Причём более широкое распространение эгалитарных представлений о распределении гендерных ролей в семье получило среди молодёжи по сравнению с остальными возрастными группами [24].

Результаты исследований свидетельствуют о продолжающейся трансформации взглядов россиян на гендерные роли в семье, что вызывает необходимость дальнейшего изучения характера и особенностей этих перемен. В настоящей работе предпринята попытка, опираясь на предыдущий опыт исследований, осуществить динамический анализ представлений мужчин и женщин, состоящих в официальном браке или проживающих вместе без оформления отношений, о степени своего влияния на принятие решений, касающихся различных сфер семейной жизни.

Оценочная шкала включала позиции: «очень сильно влияет», «влияет», «не влияет», «совсем не влияет». Самоопределение респондентов в социальном пространстве осуществлялось в трёх основных измерениях — по девятиступенчатым шкалам материального благосостояния (от 1 — «нищие» до 9 — «богатые»), власти (от 1 — «совсем бесправные» до 9 — «обладают большой властью») и уважения (от 1 — «совсем не уважают» до 9 — «очень уважают»). В ходе анализа рассматривались три иерархических уровня, объединяющие по три ступени: нижний, средний и верхний. Средние значения и стандартные отклонения рассчитывались на основе несокращённых ответов с помощью шкал, включающих девять ступеней, исключая ответы респондентов, которые отказались или затруднились ответить на поставленный вопрос.

Информационную базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ «Высшая школа экономики» (RLMS-HSE)»³. Анализ основывается на дан-

² Равенство в семье: от деклараций к реальности? // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735> (дата обращения: 30.07.2023).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) проводится НИУ «Выс-

ных двух волн мониторинга, включающих необходимые сведения: 15-я волна (осень 2006 г.) и 30-я волна (осень 2021 г.).

Оценка степени влияния на принятие семейных решений

Считается, что брак будет более успешным при условии, если максимум решений принимается совместно, и, следовательно, ответственность за их правильность принадлежит обоим супругам в равной мере. В таких семьях супруги в одинаковой степени обладают властью, что не позволяет ни одному из них занять лидирующую позицию. Подобные подходы более всего соответствуют современным реалиям, в которых развивается модель эгалитарной семьи. Вместе с тем, анализ данных RLMS-HSE вы-

шая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rhms> и <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms>).

явил существенные различия в оценках степени влияния супругов на принятие семейных решений.

Женщины, состоящие в зарегистрированном браке, продолжают контролировать домашнюю сферу и выше, чем мужчины, оценивают своё влияние на принятие большинства семейных решений (табл. 1). Особенно значительной оказывается их роль и ответственность, когда речь идёт о решениях, связанных с повседневными покупками продуктов питания, хозяйственных и других подобных товаров, воспитанием и образованием детей. Единственной сферой, где в настоящее время заметно некоторое преобладание мужчин, главным образом по доле лиц с очень сильным влиянием, оказываются решения о крупных покупках, хотя в 2006 г. здесь наблюдалась картина, близкая к гендерному паритету. При этом исследование не выявило каких-либо существенных изменений в оценках за анализируемый период.

Таблица 1

Позитивные оценки своего влияния на принятие решений в семье: мужчины и женщины, состоящие в зарегистрированном браке, % к кому это относится

Table 1

Positive assessments of their influence on decision-making in the family: men and women in a registered marriage, % to whom it applies

Сфера принятий решений	2006 г.				2021 г.			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Очень сильно влияет	Влияет	Очень сильно влияет	Влияет	Очень сильно влияет	Влияет	Очень сильно влияет	Влияет
О сбережениях, о том, куда и сколько денег вложить	19,4	66,1	31,3	62,5	21,9	65,0	27,3	64,8
О повседневных покупках продуктов питания, хозяйственных товаров	8,2	45,3	42,2	53,6	8,9	51,4	41,3	54,8
О крупных покупках – товарах длительного пользования, автомобиле	23,2	66,2	28,1	63,2	28,8	64,0	20,7	67,0
Об отношениях с родителями	–	–	–	–	13,4	58,5	18,2	62,4
Об образовании детей	14,2	62,5	27,8	61,5	14,4	63,9	27,3	60,1
О проведении семьёй свободного времени, выходных, отпуска	11,3	66,8	19,8	65,9	15,9	70,5	22,8	70,8

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Оценки и мужчин, и женщин, проживающих вместе без регистрации своих отношений, выглядят гораздо скромнее (табл. 2). В наибольшей мере этого относится к решениям, касающимся сбережений, отношений с родителями и образования детей. Подобные расхождения с различными вариациями можно объяснить тем, что многие мужчины и женщины, проживающие без

регистрации отношений, чаще, чем супруги, состоящие в официальном браке, принимают решения по тем или иным вопросам самостоятельно или пользуются определённым преимуществом при их принятии. Во многих таких семьях каждый партнёр по мере возможности старается оберегать свою автономию, не посягая на суверенитет другого.

Таблица 2

Позитивные оценки своего влияния на принятие решений в семье: мужчины и женщины, проживающие вместе без регистрации отношений, % к кому это относится

Table 2

Positive assessments of their influence on decision-making in the family: men and women living together without registering their relationships, % to whom it applies

Сфера принятий решений	2006 г.				2021 г.			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Очень сильно влияет	Влияет	Очень сильно влияет	Влияет	Очень сильно влияет	Влияет	Очень сильно влияет	Влияет
О сбережениях, о том, куда и сколько денег вложить	13,5	62,5	24,7	59,5	13,6	59,1	23,5	57,0
О повседневных покупках продуктов питания, хозяйственных товаров	4,7	45,4	35,9	55,3	9,0	48,6	35,4	55,6
О крупных покупках – товарах длительного пользования, автомобиле	17,2	63,6	24,5	57,3	18,2	66,2	19,7	59,3
Об отношениях с родителями	–	–	–	–	8,5	53,3	14,4	52,5
Об образовании детей	5,8	52,5	25,0	52,8	7,1	51,6	26,7	51,7
О проведении семьёй свободного времени, выходных, отпуска	8,8	62,3	14,9	65,7	10,1	66,5	22,2	66,7

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Но в целом преобладающими сегодня являются семьи, в которых супруги в большей мере ориентированы на обеспечение равенства полов или совместное обсуждение семейных решений, тогда как стремление обоих супругов избежать ответственности за принятие решений встречается не часто. Только от 7 до 20% мужчин и от 4 до 20% женщин полагают, что не влияют или совсем не влияют на принятие решений в своей семье. Кроме того, не более 5% муж-

чин и 4% женщин практически полностью отодвинуты или сами отстранились от выработки семейных решений. Подобная отстранённость может означать как максимум зависимости, так и максимум свободы; как максимум самостоятельности, так и максимум обособленности, уединённости. В остальных семьях, составляющих значительное большинство, решения вырабатываются совместными усилиями. Но при этом могут быть разные варианты участия

супругов в принятии решений, при которых семье удобнее функционировать. Классический вопрос о том, кто является главой семьи, сегодня заменяется вопросом, кто принимает основные решения в семейных делах [25, с. 125].

С возрастом участие в выработке семейных решений чаще всего снижается, но у мужчин и женщин эти изменения выглядят по-разному. Так, согласно результатам корреляционного анализа, в группе респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, значимые связи во всех рассматриваемых отношениях выявлены только у мужчин (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Наиболее тесные связи обнаружены между возрастом и оценками степени влияния мужчин на решения, касающиеся образования детей, проведения семьёй свободного времени, выходных и отпуска, крупных покупок и сбережений (коэффициент корреляции от 0,205 до 0,301). У женщин значимые связи обнаружены только в отношении решений об образовании детей (0,292) и проведения свободного времени (0,148). Что касается респондентов, которые живут вместе без регистрации отношений, то значимые связи выявлены у мужчин только в отношении решений, касающихся крупных покупок (0,147) и проведения свободного времени (0,133), тогда как у женщин — в отношении решений об образовании детей (0,232).

Наиболее высоко оценивают свою значимость при принятии решений в семейных делах женщины в возрасте от 30 до 60 лет. При этом женщины, независимо от формы семейно-брачных отношений, чаще полагают, что оказывают очень сильное влияние на решения о сбережениях, за исключением 18–29 летних. Если среди опрошенных женщин среднего и пожилого возраста таких около трети, то среди молодых — только одна из шести опрошенных. В свою очередь мужчины выше оценивают собственную весомость при принятии решений о крупных покупках в молодом и среднем возрасте, тогда как в пожилом возрасте эти оценки заметно падают. Доминирование женщин при принятии семейных решений

о повседневных покупках продуктов питания, хозяйственных товаров практически одинаково проявляется во всех возрастных когортах.

Исследование показало, что и мужчины, и женщины с более высоким образованием охотнее берут на себя ответственность при выработке семейных решений, чем менее образованные. Причём самые высокие оценки принадлежат женщинам с высшим образованием. Выше четверти женщин с высшим образованием, состоящих в официальном браке, оценивают своё влияние на принятие большинства решений как очень сильное, а в отношении решений о повседневных покупках эта доля превышает половину.

Согласно данным RLMS-HSE, уже в течение нескольких десятилетий охват женщин высшим образованием опережает соответствующие показатели для мужчин, и отмечается рост доли пар, в которых жена более образована, чем муж [26]. Наличие этих тенденций вкупе с тем, что женщинам с высшим образованием принадлежат самые высокие оценки своего влияния на принятие семейных решений, отчасти объясняет доминирование женщин в этой сфере распределения власти. Как справедливо подмечено, современная образованная и экономически самостоятельная женщина не может жить по домохозяйским правилам [25, с. 125]. При этом семьи с высоким образованием обоих супругов чаще ориентированы на партнёрские отношения [27]. Анализ выявил незначительные различия в оценках степени своего влияния на принятие решений в семье между городскими и сельскими мужчинами, а также между городскими и сельскими женщинами. Можно только отметить, что мужчины и женщины, проживающие в региональных центрах, заметно чаще других характеризовали своё влияние как очень сильное, а также то, что оценки сельских мужчин оказались самыми низкими, лишь немногие из них оценили своё влияние как очень сильное.

Гораздо лучше прослеживается у мужчин и женщин зависимость ощущения своей значимости при выработке семейных ре-

шений от наличия работы, которая является главным источником финансовых и материальных ресурсов семьи. В большинстве случаев самые высокие оценки принадлежат работающим женщинам, состоящим в зарегистрированном браке, тогда как самые низкие — неработающим мужчинам, проживающим со своими партнёрами без регистрации отношений. Единственной сферой мужского доминирования являются решения о крупных покупках, которые принимаются мужчинами, состоящими в зарегистрированном браке (очень сильно влияют — 32%; влияют — 64%). Позитивные оценки у них встречаются в полтора раза чаще, чем у неработающих и не зарегистрировавших свои отношения мужчин (соответственно 12 и 53,5%) и женщин (12 и 55%). Вместе с тем зависимость этой оценки от размера заработка на основной работе оказалось слабой.

Но в то же время мужчины и, ещё в большей степени, женщины, которые стараются при любой возможности делать сбережения, копить деньги, считающие, что нужно иметь деньги на «чёрный день», т.е. отличающиеся повышенной финансовой ответственностью, выше оценивают своё влияние на принятие семейных решений, касающихся сбережений, приобретения товаров длительного пользования, повседневных покупок и организации семейного отдыха. Среди зарегистрировавших свой брак мужчины и женщины, которые полностью согласны с соответствующими утверждениями, по сравнению с совсем несогласными доля лиц с самой высокой самооценкой в указанных сферах принятия решений вырастает в 2,5–3 раза.

Зависимость ощущения собственного влияния при формировании семейных решений от наличия и количества детей у мужчин и женщин более или менее чётко проявляется только в сфере, касающихся образования детей. Доля лиц, позитивно оценивающих своё влияние на принятие таких решений, повышается при увеличении количества детей от 1–2-х до 3-х и более у мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, с 74,5 до 86%, тогда как у жен-

щин — с 85 до 92%. Иначе выглядит картина в группе не зарегистрировавших свои отношения. Более половины таких пар имеют только одного ребёнка, тогда как среди аналогичных супружеских пар с зарегистрированными отношениями таких только около трети, а остальные имеют двух и более детей. Среди таких мужчин доля полагающих, что они в той или иной мере оказывают влияние на принятие решений об образовании детей, составила 63%, тогда как среди женщин — 81%. Когда речь идёт только о детях младше 18 лет, то позитивные оценки вырастают до 94–96%.

Чем интенсивнее забота респондентов о своих детях, тем выше активность их участия в принятии соответствующих решений. В группе зарегистрировавших брак доля респондентов, позитивно оценивающих своё влияние на принятие решений об образовании детей, нарастает с 71% среди женщин, которые практически не занимаются уходом за своими детьми, до 92% среди тех, кто ухаживает каждый день. В отношении мужчин данный рост составил соответственно с 60 до 91%. Ещё более значительным оказался этот рост в группе респондентов, которые живут без регистрации отношений (женщины — с 55 до 94%; мужчины — с 46 до 77,5%). Менее тесной является связь между частотой, с которой респонденты ухаживают за пожилыми родственниками, и степенью их влияния на принятие решений, затрагивающих отношения с родителями.

Ощущение обладания властью и оценка влияния на принятие семейных решений

Состоящие в браке женщины заметно выше, чем мужчины оценивают своё участие в выработке большинства решений в семье, но в то же время они немного, но уступают мужчинам по самооценкам своего властного статуса (табл. 3). Самые большие различия наблюдаются в молодом возрасте.

Связи между оценками степени влияния респондентов на принятие семейных решений и самооценками властного стату-

Таблица 3

**Зависимость самооценки положения на шкале власти
от формы семейно-брачных отношений**

Table 3

Dependence of self-assessment of the position on the power scale
on the form of family and marriage relations

Форма семейно-брачных отношений	2006 г.						2021 г.					
	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N
	Нижний	Средний	Верхний				Нижний	Средний	Верхний			
Мужчины												
Состоят в зарегистрированном браке	47,8	47,2	5,0	3,66	1,679	2207	35,4	53,4	11,2	4,31	1,736	2231
Проживают вместе, но не зарегистрированы	57,8	37,6	4,6	3,36	1,632	368	43,0	49,6	7,4	3,93	1,707	475
Женщины												
Состоят в зарегистрированном браке	48,7	47,7	3,6	3,59	1,603	1998	35,6	54,5	9,9	4,23	1,683	2224
Проживают вместе, но не зарегистрированы	53,3	41,9	4,8	3,45	1,605	358	43,5	50,8	5,7	3,81	1,641	487

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

са очень слабые. Во всех рассматриваемых отношениях значимые связи были обнаружены только у мужчин. В 2021 г. показатели корреляции здесь составили от 0,112 до 0,142. Что касается женщин, то у них хотя и значимые, но ещё менее тесные связи выявлены в двух из шести рассматриваемых отношениях. Но сопоставимым по значимости оказался только показатель взаимосвязи между оценками своего влияния на принятие решений о проведении свободного времени семьёй и самооценками властного статуса. Показатели связи между оценками влияния респондентов обоего пола на принятие решений в семье и самооценками положения на шкалах материального благосостояния и уважения оказались гораздо слабее.

То, что ощущение власти повышает оценку влияния на принятие семейных решений, которое довольно чётко проявляется только у мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, находит выражение главным образом в росте доли лиц, оценивающих это влияние как «очень сильное» и сокращении доли тех, кто полагает, что

«не влияет» на принятие таких решений. В этом случае при последовательном переходе от группы респондентов, занимающих три нижние ступени на шкале власти, к группе респондентов, занимающих три верхние ступени, рост доли самых высоких оценок влияния на различные семейные решения составляет от 1,5 до 2,5 раз.

Оценка своего влияния на принятие семейных решений является одним важных критериев супружеской власти. Но, как показывает исследование, многие россияне, в большинстве своём женщины, не связывают свою влияние при принятии семейных решений с обладанием властью, а супружеская власть не воспринимается ими как собственно «власть». Под семейной властью «принято понимать способность одного члена семьи изменять поведение или влиять на поведение других членов» [23, с. 190]. Однако в обыденных представлениях россиян обладание властью в большей степени отождествляется с могуществом, силой, способностью влиять на «других», не распространяя это на «своих». Говоря о супружеской власти, супруги чаще предпочи-

тают акцентировать внимание не на таких характеристиках, приписываемых власти, как её способность управлять, контролировать, оказывать давление, добиваться подчинения и послушания, а на обеспечении равноправия супругов, равном распределении ответственности. Даже большинство из тех, кто настойчиво подчёркивает особую роль и ответственность женщины в семье, в то же время убеждены в необходимости поддержания высокого уровня равенства или сотрудничества при выработке семейных решений. Ассоциации к «принятию семейных решений» у супругов чаще согласуются с категориями, относящимися не к власти как возможности навязывать свою волю, а к равенству и справедливости.

Ощущение собственной влиятельности при принятии семейных решений является одной из детерминант социального самочувствия. Анализ показал, что нарастающие оценки своего влияния на принятие решений в семье заметно повышают удовлетворённость жизнью как у мужчин, так и у женщин. Наиболее значительным этот рост оказался в сфере принятия решений о сбережениях, а наименьшим — решений, касающихся крупных покупок и образования детей. Так, в 2021 г. в группе респондентов, зарегистрировавших свой брак, доля лиц, полностью или скорее удовлетворённых своей жизнью в целом, увеличилась с 43% среди мужчин, которые не замечают своего влияния на решения о сбережениях, до 62% среди тех, кто считает это влияние очень сильным. Среди женщин, состоящих в зарегистрированном браке, анало-

гичный рост составил с 45 до 62%. В отношении принятия решений об образовании детей такое повышение составило у мужчин с 36 до 44%; у женщин — с 35 до 40%. И в то же время имеется и более существенное отличие. Оказалось, что удовлетворённость жизнью женщин, состоящих как в зарегистрированном, так и в незарегистрированном браке, практически не зависит от оценки своего влияния на решения о крупных покупках.

***

Исследование показало, что современные тенденции изменения влиятельности супругов при принятии семейных решений не отличаются динамичностью. Несмотря на возросшее семейное разнообразие, доминирующими на сегодня являются эгалитарные и партнерские механизмы принятия решений, касающихся семейных дел. Но при сохранении приверженности к равноправию, вовлечённость продолжающих контролировать домашнюю сферу женщин в выработку решений, особенно затрагивающих бюджетную и хозяйственно-бытовую сферы семьи, оказывается намного выше, чем вовлечённость мужчин. В обыденных представлениях мужчин и женщин, состоящих в браке, способность влиять на решения, принимаемые в семье, не отождествляется с обладанием властью как таковой. При этом самооценка влиятельности определяется в большей мере исходя из представлений о равенстве прав и справедливости, чем о власти как таковой.

Литература и Интернет-источники

1. **Смелзер, Н.** Социология: пер. с англ. / Н. Смелзер. — Москва : Феникс, 1994. — 688 с.
2. **Лежнина, Ю. П.** Трансформация гендерных ролей в современной России / Ю. П. Лежнина // Общественные науки и современность. — 2013. — № 4. — С. 165–176. EDN: QZHSFD
3. **Попова, Д. О.** Теоретические модели принятия решений в домохозяйствах / Д. О. Попова, О. В. Синявская // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. — 2011. — № 14. — С. 121–142.
4. **Левин, М. И.** Экономика семьи, принятие решений домохозяйствами / М. И. Левин, К. А. Матророва // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. — 2017. — № 3. — С. 168–171. EDN: VRUWPR
5. **Blood, R.** Husbands and Wives: the dynamics of married living / R. Blood, D. Wolfe. — Glencoe, Ill : Free Press, 1960. — 293 p.

6. **Heer, D. M.** The Measurement and Bases of Family Power: An Overview / D. M. Heer // Marriage and Family Living. — 1963. — Vol. 25. — No. 2. — P. 133–139.
7. **Rodman, H.** Marital Power in France, Greece, Yugoslavia and the United States: A Cross-National Discussion / H. Rodman // Journal of Marriage and the Family. — 1967. — Vol. 29. — No. 2. — P. 320–324.
8. **Safilios-Rothschild, C.** The study of family power structure: A review 1960–1969 / C. Safilios-Rothschild // Journal of Marriage and the Family. — 1970. — Vol. 32. — No. 4. — P. 539–552.
9. **Hadley, T.** The Measurement of Family Power: A Methodological Study / T. Hadley, T. Jacob // Sociometry. — 1976. — Vol. 39. — No. 4. P. — 384–395.
10. **Falbo, T.** Power strategies in intimate relationships / T. Falbo, L. A. Peplau // Journal of Personality and Social Psychology. — 1980. — No. 38(4). — P. 618–628.
11. **Szinovacz, M. E.** Changing family roles and interactions / M. E. Szinovacz // Marriage and Family Review. — 1984. — No. 7(3–4). — P. 163–201.
12. **Lee, Ch.** Family structure and Influence in family Decision Making / Ch. Lee, S. Beatty // Journal of Consumer Marketing. — 2002. — Vol. 19. — № 1. — P. 24–41. DOI: 10.1108/07363760210414934; EDN: EAPNLT
13. **Esping-Andersen, G.** The incomplete revolution: Adapting to women's new roles / G. Esping-Andersen. — Cambridge : Polity Press. — 2009. — 214 p.
14. **Thomas, P. A.** Family Relationships And Well-being / P. A. Thomas, Liu Hui, D. Umberson // Innovation in Aging. — 2017. — No. 1(3). — P: 1–11. DOI: 10.1093/geroni/igx025
15. **Crapo, J. S.** Multidimensional Family Development Theory: A Reconceptualization of Family Development Theory / J. S. Crapo, K. Bradford // Journal of Family Theory and Research. — April 2021. — Vol. 13. — No. 2. — P. 202–223.
16. **Гурко, Т. А.** Отношения мужчин и женщин в браке / Т. А. Гурко, П. Босс // Семья на пороге третьего тысячелетия. — Москва : Центр общечеловеческих ценностей, 1995. — С. 35–70. EDN: YJRGDF
17. **Крюкова, Т. Л.** Лидерство и социальная власть как факторы групповой динамики семьи / Т. Л. Крюкова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2011. — Т. 17. — № 4. — С. 193–198.
18. **Чирикова, А. Е.** Женское лидерство и семейные роли: социологический анализ / А. Е. Чирикова // Россия и современный мир. — 2011. — № 1. — С. 149–162. EDN: NEDGBH
19. **Кучмаева, О. В.** Семейные роли в современной российской семье: традиции и современность / О. В. Кучмаева // Культурное наследие России. — 2016. — № 2. — С. 66–72. EDN: WCGFXV
20. **Козина, И. М.** Что определяет статус «кормильца» семьи? / И. М. Козина // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 83–89.
21. **Трубицына, Л. В.** Феномен распределения власти в семье (в отношениях между супругами) / Л. В. Трубицына, М. С. Лазебная // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10. — № 5. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PSMN522.pdf> (дата обращения: 28.07.2023). EDN: PCKPLH
22. **Арутюнян, М. Ю.** Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами / М. Ю. Арутюнян // Семья и социальная структура: сб. статей / под ред. М. С. Мацковского и др. — Москва : ИСИ, 1987. — С. 53–70.
23. **Бадонов, А. М.** Проблема формирования властных отношений в семье / А. М. Бадонов // Власть. — 2023. — № 2. — С. 188–193. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9559; EDN: NNLJBY
24. **Ефанова, О. А.** Современная российская семья в условиях изменения гендерных отношений / О. А. Ефанова, М. П. Пискалова-Паркер // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 26–36. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.3; EDN: VTKOQO
25. **Голод, С. И.** Современные немоногамные модели семьи / С. И. Голод // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. — С. 111–126.

26. **Зинченко, Д. И.** Ассортативность браков по уровню образования: изменения в связи с экспансией высшего образования в России / Д. И. Зинченко // Демографическое обозрение. — 2021. — Т. 8. — № 4. — С. 81–105. DOI: 10.17323/demreview.v8i4.13877; EDN: XCZVXH
27. **Дорошина, И. Г.** Исследование особенностей супружеских отношений в семьях с разным уровнем образования / И. Г. Дорошина // Сибирский психологический журнал. — 2010. — № 37. — С. 96–99. EDN: NEDEXR

Сведения об авторах:

Козырева Полина Михайловна, д.соц.н., первый заместитель директора, Институт социологии ФНИСЦ РАН; зав. Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: pkozyreva@isras.ru; ORCID: 0000-0002-3034-8521; РИНЦ AuthorID: 346897.

Смирнов Александр Ильич, д.соц.н., ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: smir_al@bk.ru; ORCID: 0000-0001-7078-6203; РИНЦ AuthorID: 678594.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65

WHO IS THE HEAD IN THIS HOUSE? GENDER FEATURES OF DECISION-MAKING IN MODERN RUSSIAN FAMILY

Polina M. Kozyreva^{1,2*}, Alexander I. Smirnov¹

¹*Institute of Sociology of the FCTAS RAS
(5, korp.1 Bolshaya Andronievskaya str, Moscow, Russia, 109544)*

²*Higher School of Economics
(20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000).*

*E-mail: pkozyreva@isras.ru

For citation:

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Смирнов А. И. Who is the head in this house? Gender features of decision-making in modern Russian family. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 53-65. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-53-65 (in Russ.)

Abstract. *On the basis of the data from the «Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS HSE)» a dynamic analysis of the perceptions of men and women about their influence on decision-making in the family was carried out. The analysis covers 2006–2021. There are examined modern trends in the change in self-assessments of the degree of influence on decision-making in the family, as well as the role of various factors that determine formation of family decisions. It is shown that the existing distribution of power between spouses in making decisions in the family is characterized by a fairly high stability, but behind the veil of such stability, various and quite dynamic changes of a particular order are often hidden, prompting a rethinking of the understanding of the very mechanism for making such decisions. Since the process of family decision-making is determined by age, level of education, a spouse's job, the number of children in the family, and other circumstances, the influence of which is mediated by gender specifics, husbands and wives perceive their role and influence in making these decisions differently. But in general, wives who continue controlling the domestic sphere are assessing their influence in making decisions in the family noticeably higher than their husbands. Although power largely determines the ability of a particular person to influence other people and the decisions they make, married men and women rarely associate their influence in family decision-making with*

the possession of power as such. But at the same time, feeling of being influential in the family is an important determinant of the social well-being of spouses.

Keywords: power, influence, gender differences, decision-making, family.

References and Internet sources

1. Smelser N. *Sotsiologiya [Sociology]*. Transl. from English. Moscow. Phoenix. 1994. 688 p. (in Russ.)
2. Lezhnina Yu. P. Transformatsiya gendernykh roley v sovremennoy Rossii [Transformation of gender roles in modern Russia]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World]*. 2013. No. 4. P. 165–176. (in Russ.)
3. Popova D. O., Sinyavskaya O. V. Teoreticheskiye modeli prinyatiya resheniy v domokhozyaystvakh [Theoretical models of decision-making in households]. SPERO. *Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory [SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Overviews]*. 2011. No. 14. P. 121–142. (in Russ.)
4. Levin M. I., Matrosova K. A. *Ekonomika sem'i, prinyatiye resheniy domokhozyaystvami [Family economics, decision-making by households]*. Vestnik VGU. Seriya: Ekonomika i upravleniye [Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management]. 2017. No. 3. P. 168–171. (in Russ.)
5. Blood R., Wolfe D. *Husbands and Wives: the Dynamics of Married Living*. Glencoe, Ill. Free Press. 1960. 293 p.
6. Heer D. M. The measurement and bases of family power: an overview. *Marriage and Family Living*. 1963. Vol. 25. No. 2. P. 133–139.
7. Rodman H. Marital power in France, Greece, Yugoslavia and the United States: A cross-national discussion. *Journal of Marriage and the Family*. 1967. Vol. 29. No 2. P. 320–324.
8. Safilios-Rothschild C. The study of family power structure: A review 1960–1969. *Journal of Marriage and the Family*. 1970. Vol. 32. No 4. Decade Review. Part 1. P. 539–552.
9. Hadley T., Jacob T. The measurement of family power: A methodological study. *Sociometry*. 1976. Vol. 39. No. 4. P. 384–395.
10. Falbo T., Peplau L. A. Power strategies in intimate relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. No. 38(4). P. 618–628.
11. Szinovacz M. E. Changing family roles and interactions. *Marriage and Family Review*. 1984. No. 7(3–4). P. 163–201.
12. Lee Ch., Beatty S. Family structure and Influence in family Decision Making. *Journal of Consumer Marketing*. 2002. Vol. 19. No 1. P. 24–41.
13. Esping-Andersen G. *The Incomplete Revolution: Adapting to Women's New Roles*. Cambridge. Polity Press. 2009. 214 p.
14. Thomas P. A., Hui L., Umberson D. Family relationships and well-being. *Innovation in Aging*. 2017. No. 1(3). P. 1–11. DOI: 10.1093/geroni/igx025
15. Crapo J. S., Bradford K. Multidimensional family development theory: A reconceptualization of family development theory. *Journal of Family Theory and Research*. April 2021. Vol. 13. No. 2. P. 202–223.
16. Gurko T. A., Boss P. Otnosheniya muzhchin i zhenshchin v brake [Relationships between men and women in marriage]. Sem'ya na poroge tret'yego tysyacheletiya [Family on the Threshold of the Third Millennium]. Moscow. Tsentri obshchechelovecheskikh tsennostey [Center of Universal Values]. 1995. P. 35–70. (in Russ.)
17. Kryukova T. L. Liderstvo i sotsial'naya vlast' kak faktory gruppovoy dinamiki sem'i [Leadership and social power as factors of group dynamics of the family]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Kostroma State University]. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 193–198. (in Russ.)
18. Chirikova A. E. Zhenskoye liderstvo i semeynyye roli: sotsiologicheskiy analiz [Female leadership and family roles: a sociological analysis]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]. 2011. No. 1. P. 149–162. (in Russ.)

19. Kuchmaeva O. V. Semeynnye roli v sovremennoy rossiyskoy sem'ye: traditsii i sovremennost [Family roles in modern in Russian family: traditions and modernity]. *Kul'turnoye naslediyе Rossii [Cultural Heritage of Russia]*. 2016. No. 2. P. 66–72. (in Russ.)
20. Kozina I. M. Chto opredelyayet status «kormil'tsa» sem'i? [What determines the status of the «breadwinner» of the family?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2000. No. 11. P. 83–89. (in Russ.)
21. Trubitsyna L. V., Lazebnaya M. S. Fenomen raspredeleniya vlasti v sem'ye (v otnosheniyakh mezhdru suprugami) [The phenomenon of distribution of power in the family (in relations between spouses)]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya [World of Science. Pedagogy and Psychology]*. Vol. 10. No. 5. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/30PSMN522.pdf> (Accessed: 28 July 2023). (in Russ.)
22. Arutyunyan M. Yu. Raspredeleniye obyazannostey v sem'ye i otnosheniya mezhdru suprugami [Distribution of duties in family and relations between spouses]. *Sem'ya i sotsial'naya struktura [Family and Social Structure]*. Ed. M. S. Matskovsky. Moscow. 1987. P. 53–70. (in Russ.)
23. Badonov A. M. Problema formirovaniya vlastnykh otnosheniy v sem'ye [The problem of the formation of power relations in the family]. *Vlast [The Authority]*. 2023. No. 2. P. 188–193. (in Russ.)
24. Efanova O. A., Pisklakova-Parker M. P. Sovremennaya rossiyskaya sem'ya v usloviyakh izmeneniya gendernykh otnosheniy [Modern Russian family under the conditions of changing gender relations]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 26–36. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.3 (in Russ.)
25. Golod S. I. Sovremennyye nemonogamnyye modeli sem'i [Modern non-monogamy models of family]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodn'ya. Sbornik nauchnykh trudov Sotsiologicheskogo instituta RAN [St. Petersburg Sociology Today. Collection of scientific works of the Sociological Institute RAS]*. St. Petersburg. 2010. P. 111–126. (in Russ.)
26. Zinchenko D. I. Assortativnost' brakov po urovnyu obrazovaniya: izmeneniya v svyazi s ekspansiyey vysshego obrazovaniya v Rossii [The expansion of higher education and its impact on patterns of union formation and assortative mating: evidence from Russia]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2021. Vol. 8. No. 4. P. 81–105. DOI: 10.17323/demreview.v8i4.13877 (in Russ.)
27. Doroshina I. G. Issledovaniye osobennostey supruzheskikh otnosheniy v sem'yakh s raznym urovнем obrazovaniya [Research of features of matrimonial attitudes in families with different educational level]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*. 2010. No. 37. P. 96–99. (in Russ.)

Information about the authors:

Kozyreva Polina Mikhailovna, Doctor of Sociology, First Deputy Director, Institute of Sociology of the FCTAS RAS; Head, Centre for Longitudinal Studies at the Institute of Social Policy, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: pkozyreva@isras.ru; ORCID: 0000-0002-3034-8521; Elibrary AuthorID: 346897.

Smirnov Alexander Il'yich, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: smir_al@bk.ru; ORCID: 0000-0001-7078-6203; Elibrary AuthorID: 678594.

Статья поступила в редакцию 06.09.2023, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-66-80
EDN: NWCHXJ

РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ МУЖЧИН

Тонких Н. В.*, Камарова Т. А., Маркова Т. Л.

Уральский государственный экономический университет
(620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45)

*E-mail: tonkihnv@usue.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00614 «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие». – URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

Для цитирования:

Тонких Н. В., Камарова Т. А., Маркова Т. Л. Родительское благополучие глазами российских мужчин // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № S1. – С. 66-80. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-66-80; EDN: NWCHXJ

Аннотация. В статье показана актуальность изучения современных практик отцовства, обобщены результаты эмпирических данных западной социологии о факторах и гендерной специфике благополучия родителей. Авторы представляют новые результаты поискового исследования детерминант родительского благополучия. С помощью качественных методов семантического анализа содержания нарративов были выделены базовые маркеры родительского благополучия в представлениях российских мужчин (в порядке убывания значимости): «взаимоотношения и забота о детях/семье»; «обеспеченность: доход, работа, жилье»; «здоровье»; «благополучность и успешность детей», «полная семья». Выявлена дифференциация ассоциативных представлений о родительском благополучии в зависимости от наличия детей и их возраста. В группе отцов, чьи дети старше 14 лет, снижается актуальность материального фактора, растёт значимость социального успеха и достижений детей. Молодые бездетные мужчины чаще связывают свои представления о родительском благополучии с финансовой обеспеченностью, при этом главным фундаментом всё же считают доверительные взаимоотношения, гармонию, счастье и любовь. Эмпирика сформирована с помощью телефонного интервью, период проведения: апрель – июнь 2023 г. Дизайн исследования повторяет авторский «женский» проект 2022 г., что позволило выявить специфику мужских представлений. В отличие от женщин, для мужчин незначим фактор времени, уделяемого детям; мужчины тесно связывают родительское благополучие с семейным, чаще упоминают необходимость полной семьи, подчёркивают важность взаимоотношений не только с детьми, говорят об общесемейной атмосфере. В мужской парадигме преобладает деятельностный подход, выражающийся в возможности проявлять заботу о детях и семье. Исследование подтверждает необходимость применения принципа адресности в развитии технологий популяризации ценности родительства с учётом половозрастных характеристик и брачного статуса.

Ключевые слова: родительское благополучие, семейное благополучие, гендер, мужчины, родительство, отцовство, гендерные исследования.

© Тонких Н. В., Камарова Т. А., Маркова Т. Л., 2024.

Постановка проблемы

Современное общество переживает масштабные экономические, социальные, технологические и социокультурные трансформации, в результате которых на наших глазах происходят глубинные изменения института брака, семьи и родительства [1]. Пристальное внимание западных и российских исследователей к проблематике родительства и родительского благополучия продиктовано снижением рождаемости, кризисом института семьи, нарушением традиционного баланса социальных ролей отцов и матерей.

В течение долгого времени основное внимание научного сообщества было сконцентрировано на проблемах материнства, семьи и детства. Вопросам изучения положения мужчины/отца в социуме, отцовства и отцовских практик уделялось значительно меньше внимания. Основные теоретические и эмпирические исследования проблематики отцовства в современном обществе проводились в западных странах, где данные проблемы широко представлены в научном дискурсе [2–4]. Негативные тенденции в семейно-брачной сфере, высокий уровень разводов, смертности, нарастающие тренды девиантного поведения среди родителей-мужчин стали причиной пристального внимания к институту отцовства и в российском обществе [5].

В отечественном научном дискурсе последних лет представлена широкая палитра теоретических подходов и эмпирических исследований проблематики отцовства в российском обществе [6–9]. Отмечается трансформация отцовских практик, стремительно растёт запрос общества на вовлечённое, ответственное отцовство, предполагающее не только выполнение отцом инструментальной роли отстранённого добытчика, но и эмоциональную вовлечённость в повседневную заботу о детях, в выполнение домашних обязанностей и другое [10]. Эти тенденции зачастую становятся причиной физического и психологического стресса отцов, находящегося под прессингом высоких ожиданий матерей

и общества, провоцируют конфликты между маскулинной и отцовской идентичностью [11] и становятся причиной конфликтов между семьёй и работой.

Описанные тенденции актуализируют изучение феномена отцовского благополучия, его составляющих и детерминант. Понимание родительских ценностей, установок, мотивов и социальных практик современных мужчин становится отправной точкой для поиска решений проблем рождаемости и благополучия российских семей. В направлении исследования родительского благополучия женщин и мужчин уже предприняты первые шаги [12; 13], однако в целом можно констатировать, что на данный момент проблема социального конструирования гендерных представлений о родительском благополучии мало изучена. Целью исследования является эмпирическая оценка представлений мужчин о родительском благополучии, выявление отличий в мужских и женских мнениях.

Обзор исследований родительского благополучия отцов

Проблемы родительского благополучия отцов и матерей изучаются с психологической и социально-экономической позиций. Принимая во внимание тот факт, что проблематика родительского благополучия в целом и отцовского благополучия в частности гораздо шире дискутируется в западной литературе, обзор литературы выполнен в основном с опорой на западные теоретические и эмпирические исследования.

В западной литературе существует широкий пласт исследований, направленных на всестороннее изучение гендерных различий в оценках благополучия родителей. Отмечается, что различия в переживаемом опыте отцов и матерей неизменно влияют на их восприятие своего родительского благополучия. Американские исследователи, опираясь на данные трёх исследований с совокупной репрезентативной выборкой ($N = 18000$), пришли к выводу, что родительство оказывает благотворное

влияние на отцов. В сравнении с бездетными мужчинами, отцы выше оценивали свой уровень психологического и эмоционального благополучия. В гендерном разрезе отцы отмечали относительно более высокий уровень счастья в процессе ухода и общения с детьми в сравнении с матерями [14]. Эти результаты коррелируют с данными, полученными в ходе других исследований, согласно которым матери имеют более высокий уровень стресса и более низкую оценку родительского благополучия по сравнению с отцами, особенно при наличии детей более младшего возраста или рождении последующих детей [15].

Эмпирические исследования свидетельствуют о нелинейной и противоречивой связи между родительством и благополучием [16]. Хотя родительство в целом оказывает устойчивое положительное влияние на удовлетворённость жизнью, это влияние нивелируется финансовыми и временными затратами на воспитание детей. Родительское благополучие детерминировано рядом семейных факторов, таких как возраст [17], пол [18] и количество детей, структура семьи [19], семейное положение [20] и трудовая деятельность родителей [21]. Ниже представлены результаты эмпирических данных, полученных в ходе исследований за рубежом, посвящённых проблематике факторов родительского благополучия.

Исследование учёных из Швейцарии [19], проведённое на выборке респондентов (N = 3615) с различными современными формами отцовства (биологические отцы, отчимы, усыновители, приёмные отцы), проживающих в немецкоязычных странах Центральной Европы, свидетельствует, что уровень отцовского благополучия выше в полных семьях, воспитывающих родных (кровных) детей. Другие формы современного отцовства связаны с ухудшением благополучия независимо от социально-демографических аспектов и отношений в паре. Британские исследователи [20] отмечают, что отцы, постоянно состоящие в браке, имеют более высокий уровень самоо-

ценки здоровья и меньшее количество проблем с психическим здоровьем, чем отцы, не состоящие постоянно в браке.

Международная группа исследователей из Германии и США [18], сопоставив данные опросов за 2010, 2012 и 2013 гг. в рамках American Time Use Survey Well-being Module, сделала вывод, что отцы испытывают больший стресс при воспитании дочерей и разнополых детей по сравнению с воспитанием сыновей. Матери также отмечают большую усталость и стресс при воспитании детей, если в семье только девочки. Учёные предполагают, что это связано с необходимостью уделять больше интеллектуальной и эмоциональной энергии девочкам, в том числе девочкам в семьях с разнополыми детьми. Результаты американского исследования родителей с детьми в возрасте до 22 лет The National Survey of Families and Households (N = 6228) [17] показали, что родители, чей старший ребёнок не достиг пятилетнего возраста, отмечают более высокую удовлетворённость отношениями со своими детьми, самооценку, самоэффективность и меньшую депрессию, чем родители, чей старший ребёнок находится в школьном или подростковом возрасте. В целом субъективное благополучие родителей в значительной степени детерминировано возрастом ребёнка и характером взаимоотношений в семье.

Результаты эмпирических исследований, направленных на изучение влияния проводимого с детьми времени на благополучие родителей, демонстрируют, что родители имеют более высокий уровень субъективного благополучия во время занятий с детьми, чем во время других видов деятельности [22]. В то же время только матери ассоциируют ощущение дефицита времени с более низким благополучием [23]. Основной вывод по результатам представленного обзора западной социологии: существует гендерная специфика самооценки детерминант благополучия родителей. Представляется интересным эмпирически сопоставить мнения российских мужчин

и женщин об элементах их родительского благополучия.

Методика исследования

При формировании исследовательского подхода мы опирались на теоретические и методологические концепции, используемые российскими и зарубежными учёными при изучении отцовства. Во-первых, на понимание отцовства как индивидуальной и рефлексивной социальной практики, обусловленной ролевыми функциями отца и состоящей из множества структурных компонентов, на которые влияют различные факторы [2; 24–27]. Во-вторых, на концептуальные принципы формирования гендерных ролей и взаимосвязи маскулинности и феминности как атрибутов гендерной реальности, которые, с одной стороны, фиксируют различие между маскулинностью и феминностью, с другой стороны — акцентируют их комплементарность [9; 28; 29]. В-третьих, на исследование, направленные на изучение трансформации института отцовства, кризиса патриархальной маскулинности с фокусом на генеративное поведение мужчин, которое понимается как «совокупность репродуктивного поведения и реализации родительства, целью которого является «генерация» людей нового поколения» [9, с. 78], на теорию трансформации социальных ролей отцов и матерей, паттернов их взаимодействия и родительских практик [30].

С целью обеспечения сопоставимости женских и мужских позиций дизайн настоящего исследования повторяет проект 2022 года. Тогда предметом исследования были ассоциации российских женщин по поводу понятия «родительское благополучие» ($N = 335$) [13]. Российским мужчинам в ходе телефонного интервью тоже был задан вопрос: «С чем у Вас ассоциируется понятие «родительское благополучие»?». Ключевым признаком по аналогии с «женским» проектом определено наличие детей. Выделено три группы респондентов: мужчины-родители, проживающие с детьми младше 14 лет; мужчины-родители, имеющие детей

старше 14 лет; бездетные мужчины. Достаточный объем выборки для обеспечения валидности исследования определялся по логике формулы $n = a \times 100$, где n — объем выборки; a — количество групп по существенному признаку. Достаточная численность выборки определена в размере 300 человек: $N = 3 \times 100$. Регионы проживания не контролировались, так как по опыту прошлых исследований территориальный признак не оказывает значимого влияния на мнения респондентов по поводу родительства [13]¹.

Ассоциации мужчин с родительским благополучием

Количественная характеристика состава респондентов представлена в табл. 1. Численность мужчин в группах бездетных и имеющих детей младше/старше 14 лет почти одинакова (более 100 человек в каждой группе). Представителей молодёжи до 35 лет незначительно больше, чем старших возрастов; 68,4% опрошенных состоят в брачных отношениях (официальных либо гражданских); основную долю в структуре занятости составляют специалисты и служащие. В отличие от женщин, мужчины реже отмечали статус наёмного сотрудника. Доля предпринимателей, самозанятых и фрилансеров — 10,6%.

¹ Исследование проводилось с 5 апреля по 15 июня 2023 года. Рекрутинг информантов выполнялся через цифровые каналы корпоративных информационно-коммуникационных ресурсов крупных и крупнейших предприятий Свердловской области, большинство которых являются региональными подразделениями федеральных организаций торговли (ритейл), промышленного и телекоммуникационного сектора. Приглашение на интервью распространялось также через социальные сети и в среде работающих студентов-заочников уральских и сибирских вузов. Всем респондентам предлагалось поделиться регистрационной ссылкой на интервью со своими знакомыми, воспитывающими детей. В итоге проведено 377 телефонных интервью, массив нарративов о восприятии родительского благополучия обрабатывался при помощи семантического контент-анализа. Каждый нарратив подвергался тематическому кодированию, вычленились траектории смыслов. Индивидуальные смысловые траектории объединялись в коллективные, что послужило основой для выделения обобщающих «мужских» маркеров родительского благополучия. Параллельно с кодированием учитывалась статистика количества слов и тем в каждом нарративе, фиксировалась частота упоминания семантических единиц «счастье», «любовь», «забота», «взаимопонимание», «достаток».

Отвечая на вопрос «С чем у Вас ассоциируется понятие „родительское благополучие“?», респонденты-мужчины пользовались преимущественно краткими, но ёмкими формулировками. Среднее количество слов в ответе на 20,9% меньше, чем в женских вариантах [13]. Большинство ответив-

ших мужчин (74,3%) ассоциативно выделяют только одну тематическую характеристику родительского благополучия (маркер родительского благополучия); частота формулировок с выделением двух смысловых траекторий — 21,8%; трёх — 3,7%.

Таблица 1

Характеристика респондентов

Table 1

Characteristics of the respondents

Характеристика	Значение
Количество ответивших, человек, в том числе:	377
бездетные	123
младшему ребёнку до 14 лет	125
с детьми старше 14 лет	129
Среднее количество детей у респондентов с детьми	1,4
Структура по возрасту, %:	
15–35 лет	56,0
36 лет и старше	44,0
Структура по месту проживания, %:	
город — административный центр региона	44,0
другой город	50,9
село/деревня/посёлок	5,0
Доля респондентов с высшим образованием, %	54,6
Структура по категориям персонала, %:	
специалист/служащий	25,7
руководитель	22,8
ведущий специалист	21,8
рабочий	6,4
предприниматель/ самозанятый/фрилансер	10,6
другое/нет ответа	12,7
В настоящее время заняты, %	86,5
Брачный статус, %:	
женат/официальный брак	56,8
сожительство/гражданский брак	11,7
не женат	31,6
Среднее количество тем в ответе, единиц	1,3
Среднее количество слов в ответе, единиц	3,4
Частота использования слова «счастье», %	8,2
Частота использования слова «достаток», %	6,1
Частота использования слова «взаимопонимание», %	5,0
Частота использования слова «любовь», %	4,8
Частота использования слова «забота», %	3,7

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования.

Семантический анализ частоты упоминаний позволил выявить топ-5 ключевых слов-смыслов, которые мужчины связывают с родительским благополучием: «счастье», «достаток», «взаимопонимание», «любовь» и «забота». Эти слова встречаются как самостоятельная семантическая единица (существительное) и в составе словосочетаний. Например: «семейное счастье», «финансовый достаток», «наличие взаимопонимания в семье», «забота о себе и близких». Слово «счастье» мужчины используют в формулировках в 2 раза реже, чем женщины. У мужчин наблюдается сравнительно высокая вариативность в определении чувств, соответствующих состоянию родительского благополучия. Если объединить упоминания слов «счастье», «любовь» и «забота», то суммарно частота ассоциаций родительского благополучия с ощущением и проявлением чувств приближена к женскому (16,7% — мужчины; 18,8% — женщины).

Выделено четыре базовых «мужских» маркера родительского благополучия, к которым отнесены коллективные смысловые траектории с частотой упоминания более 10%: «взаимоотношения и забота» (48,5%); следующее по степени важности — «обеспеченность: доход, работа, жильё» (24,4%); «здоровье» (13,8%); «благополучность и успешность детей» (11,9%). В табл. 2 представлен полный ранжированный список маркеров в порядке убывания. Не удалось закодировать 6,1% высказываний (у женщин — 0,9%). Сложность идентификации связана с отсутствием либо размытостью позиции у респондента по поводу заданного вопроса (ответы «ни с чем», «всё здорово», «не имею понятия», «жизнь», «это круто», «сон» и подобное). В том числе не закодированы ответы, демонстрирующие отсутствие желания иметь детей: «чайлдфри»; «когда не женился и не завёл детей»; «не имею понятия, детей не планирую заводить». Хотя подобных ответов всего 1,1%, это тревожный сигнал, актуализирующий разработку политики целевой пропаганды привлекательности не только материнства, но и отцовства.

В группе мужчин, имеющих детей младше 14 лет, приоритетность того или иного

маркера совпадает со средними оценками, однако материальный аспект (обеспеченность) реже увязывается с родительским благополучием; чаще отмечаются социальные аспекты: важность здоровья детей и наличие жены. В данной группе респондентов маркер «полная семья» с некоторой натяжкой может быть отнесён к базовым элементам родительского благополучия — его частота упоминания близка к 10% (9,2%). Для отцов, у которых дети старше 14 лет, ранговый номер маркера благополучности и успешности детей поднимается с 4-го на 2-е место, при этом важность взаимоотношений ниже на 8 процентных пунктов. Частота упоминания темы здоровья детей, как и в первой группе, выше средних значений, но существенно снижается актуальность проблемы полной семьи (частота 2,9%). По авторским предположениям, данный факт можно объяснить тем, что дети выросли и не требуют ухода (традиционная женская функция); кроме того, в группе мужчин старших возрастов сравнительно выше уровень разводов.

В группе бездетных мужчин количество базовых элементов сокращается до двух маркеров с одновременным ростом показателя частоты их упоминания: «Взаимоотношения и забота» (52,9%); «Обеспеченность: доход, работа, жильё» (33,3%). Опрошенные бездетные мужчины в 3,1 раза чаще проводят параллель между родительским благополучием и возможностью обеспечить собственных родителей. Вместе с тем в этой группе самый высокий запрос на счастливую и благоприятную атмосферу в семье, гармонию и доверительные отношения.

Отметим, что закономерность роста значимости финансовой составляющей родительского благополучия для бездетной молодёжи характерна и для женщин. «Мужской» и «женский» перечни маркеров родительского благополучия имеют как сходства, так и различия (рис. 1). Количество маркеров совпадает, 8 из 10 маркеров имеют одинаковые коллективные смысловые траектории, выявлено отличие по двум пунктам. В «мужском» списке по понятным причинам отсутствует мар-

Таблица 2

Сравнительная структура маркеров родительского благополучия по частоте использования тематических единиц, % от количества респондентов

Table 2

Comparative structure of the markers of parental well-being by the frequency of use of thematic units, % of the number of respondents

Маркеры родительского благополучия по тематическим кодам	Всего	В том числе в группах респондентов по наличию и возрасту младшего ребёнка		
		Есть (до 14 лет)	Есть (старше 14 лет)	Бездетные
1. Взаимоотношения и забота	48,5	48,7	40,6	52,9
1.1. Помощь и поддержка каждого члена семьи, взаимоуважение, взаимопонимание и доверительные отношения в семье	16,5	11,9	24,6	18,7
1.2. Счастливая семья, благоприятная атмосфера, гармония	15,7	16,2	7,3	20,3
1.3. Забота и ответственность о детях	10,3	13,0	7,3	8,1
1.4. Взаимоотношения с детьми: доверие ребёнка, любовь, взаимопонимание, любовь детей	6,1	6,5	1,5	8,1
1.5. Забота о каждом члене семьи	4,5	6,0	2,9	3,3
1.6. Любовь	3,7	3,8	5,8	2,4
2. Обеспеченность: доход, работа, жильё	24,4	18,9	17,4	33,3
2.1. Финансы, наличие возможности обеспечить семью и детей, дать им образование	22,0	1,1	14,5	30,9
2.2. Уютное жильё, дом	1,6	18,9	1,5	3,3
2.3. Стабильный заработок	1,3	1,1	1,5	1,6
3. Здоровье	13,8	17,3	17,4	6,5
3.1. Здоровые дети	13,3	16,2	17,4	6,5
3.2. Здоровье родителя	5,3	6,0	8,7	2,4
4. Благополучность и успешность детей	11,9	10,3	21,7	8,9
4.1. У детей всё хорошо: благополучны, счастливы, самореализованы, успешны, самостоятельны	10,3	9,7	18,8	6,5
4.2. Хорошие дети: ими можно гордиться, они воспитаны, образованны, адекватны, успешны	1,9	0,5	2,9	3,3
5. Полная семья	7,4	9,2	2,9	7,3
6. Эмоциональное состояние родителя: ощущение спокойствия, счастья и уверенности, хорошее настроение, радость, самодостаточность	5,0	4,9	2,9	6,5
7. Стабильность, безопасность, помощь государства	4,0	4,9	4,4	2,4
7.1. Стабильность, стабильность в завтрашнем дне, в стране, в будущем детей, в безопасности	3,2	3,8	2,9	2,4
7.2. Государственная поддержка	1,1	1,6	1,5	0,0
8. Наличие детей	2,9	4,3	1,5	1,6
9. Благополучие и возможность обеспечить собственных родителей	2,7	1,6	1,5	8,1
10. Время	2,7	2,2	1,5	4,1
10.1. Возможность уделять время детям, совместный отдых, культурные мероприятия	1,6	0,5	1,5	3,3
10.2. Наличие времени на себя, совмещение родительства с саморазвитием, с работой, баланс между работой и личной жизнью	1,6	1,6	1,5	1,6

Источник: составлено авторами по результатам исследования. Частота упоминания маркера рассчитана от количества ответивших респондентов (377 человек). Сумма частот подпунктов маркера не совпадает с его частотой, так как в одном высказывании респондента может быть несколько смысловых нюансов по одному и тому же маркеру.

кер «Наличие сил на материнство»; вместо него появился новый трек, связанный со

«стабильностью, безопасностью, помощью государства».

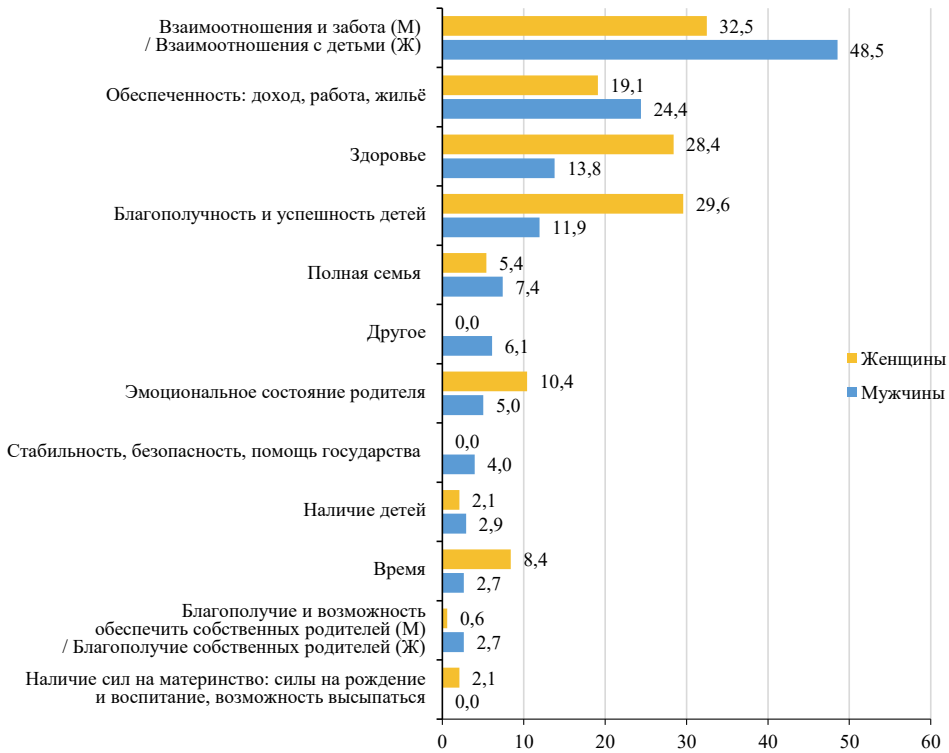

Рис. 1. Сопоставление частоты маркеров родительского благополучия, %

Fig. 1. Comparison of the frequency of parental well-being markers, %

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования.

Тема взаимоотношений по значимости доминирует у представителей обоих полов, при этом для женщин она в основном связана только с взаимоотношениями с детьми (доверие ребёнка, любовь, взаимопонимание, благоприятная атмосфера). У мужчин данная тема имеет более широкую смысловую окраску и включает несколько треков (см. табл. 2): для них важно иметь «тыл» — поддержку жены; важно взаимопонимание со всеми членами семьи, а не только с детьми. Примеры мужских нарративов: «находиться на одной волне»; «семья, которая тебя ждёт»; «атмосфера счастья и любви, взаимопонимание и искренность». Мужчи-

ны значимо чаще (в 1,4 раза) связывают родительское благополучие с полной семьёй, где есть и мама, и папа: «Папа, мама и ребёнок должны быть всегда рядом, и как можно меньше было поводов для горечи и слез». Иными словами, у мужчин родительское благополучие тесно связано с семейным. Ещё одно принципиальное отличие мужского взгляда выражается в деятельностной форме его проявления: мужчины ощущают состояние родительского благополучия через наличие возможности заботиться о детях, нести ответственность за семью: «возможность кормить, одевать, делать подарки, возможность дать образование своему

ребёнку», «обеспечение потребностей семьи», «забота о себе и близких». Важность проявлять заботу о всех членах семьи отражается также в теме «Благополучие и возможность обеспечить собственных родителей» — частота упоминания этого маркера у мужчин в 4,4 раза выше, чем у женщин.

Семантика мужских ответов позволяет сделать вывод, что фундаментом для ответственного и благополучного отцовства служит финансовая основа. Маркер «Обеспеченность: доход, работа, жильё» в «мужском» списке по частоте упоминания занимает 2-е место, у женщин — 4-е. Гендерная специфика проявляется в следующих аспектах. В отличие от женщин, мужчины чаще говорят не только о хорошем, но и стабильном заработке. В группе родителей, воспитывающих детей младше 14 лет, мужчины упоминают тему жилья в 11 раз чаще женщин. В мужской картине мира фактор времени для детей незначим: если у женщин он входит в перечень базовых маркеров родительского благополучия, то у мужчин частота его упоминания незначительна — 2,7% (в группе отцов детей младше 14 лет — 2,2%). При этом мужчины делают акцент не на времени для совместного отдыха с детьми, а на возможности выделять время для себя, своего развития, обеспечения баланса между работой и личной жизнью.

Барьерами благополучного родительства в группе бездетных мужчин являются страхи перед ответственностью за семью («это тяжёлый труд, забота о детях и ответственность») и финансовые риски (частота маркера финансовой возможности обеспечить семью в 30 раз выше, чем в группе отцов детей младшей возрастной группы).

Выводы

Проведённое исследование позволило подтвердить сформулированную ранее, на основе обобщения женских мнений, авторскую трактовку понятия «родительское благополучие», как «успешное функционирование родителя, выражающееся в наличии здоровья, в переживании счастья и удовлетворённости жизнью на основе облада-

ния положительного опыта выполнения социально-воспитательных, медицинских и экономических функций родителя» [13].

Научная новизна полученных результатов раскрывается в четырех аспектах. Во-первых, выделены базовые элементы родительско-отцовского благополучия: «Взаимоотношения и забота», «Обеспеченность: доход, работа, жильё», «Здоровье», «Благополучность и успешность детей», «Полная семья». Во-вторых, выявлена дифференциация представлений мужчин в зависимости от наличия детей, возраста и брачного статуса. В-третьих, определено, что список маркеров родительского благополучия в целом у мужчин и женщин совпадает. У мужчин отсутствует маркер «наличие сил на материнство», но добавляется маркер, который не встречался у женщин: «стабильность, безопасность, помощь государства». В-четвертых, определены отличия в мужских и женских мнениях, которые выражаются в разном уровне значимости (частоте упоминания) того или иного маркера.

Подтверждено сохранение стереотипов о роли мужчины как основного добытчика в семье. В женском ранжированном списке маркер «Обеспеченность: доход, работа, жильё» находится на четвертом месте, в мужском — на втором. В женских нарративах смысловой акцент делается на слово «нужны» (деньги, жильё и так далее), в мужском варианте — иметь возможность, «дать» (обеспечить, сделать подарки, оплатить учёбу детей и так далее). Мужчинам важна возможность получения стабильного и достойного заработка, позволяющего заботиться и содержать как минимум четырёх членов семьи.

В отличие от женщин, для мужчин понятие родительского благополучия тесно связано с благополучием всей семьи. Тема взаимоотношений по частоте упоминания на первом месте у представителей обеих гендерных групп, однако женщины говорят о доверительном общении с ребенком, тогда как мужчины отмечают важность доверительных отношений между всеми членами семьи. Мужчины ощущают свою ответственность за благополучие не только де-

тей, но и всей семьи, в том числе собственных родителей. Характеризуя свои ассоциации с родительским благополучием, мужчины значимо чаще отмечают темы полной семьи, темы любви и гармонии в семье.

Результаты исследования представляют практическую значимость для Федерального совета отцов при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка и Всероссийской Общественной Организации поддержки института семьи и традиционных семейных ценностей «Союз отцов». Формирование законодательных инициатив в области политики продвижения ценности родительства должно реализовываться на основе принципа адресности при выбо-

ре методов воздействия на репродуктивно-семейное поведение целевой аудитории в зависимости от половозрастных характеристик и семейного состояния. Актуальна разработка системы управленческих моделей формирования позитивных семейно-родительских установок для разных категорий граждан, в том числе: технологии создания привлекательного образа отцовства для молодёжи; пропаганда повторных браков и деторождений в случае разводов; коррекция представлений о родительском благополучии для бездетных неженатых мужчин. Формирование ценностей семьи и родительства должно начинаться с дошкольного периода становления личности.

Литература и Интернет-источники

1. **Гурко, Т. А.** Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи / Т. А. Гурко // Социологический журнал. — 2020. — Т. 26. — № 1. — С. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052; EDN: ENPYWR
2. **Мальцева, Д. В.** Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии / Д. В. Мальцева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2010. — № 5(99). — С. 272–289. EDN: QZPZPN
3. **Ильдарханова, Ч. И.** Состояние и трансформация института отцовства: обзор зарубежных исследований / Ч. И. Ильдарханова, В. Н. Барсуков // Гуманитарий Юга России. — 2019. — Т. 8. — № 6. — С. 211–227. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.6.14; EDN: SZLDUP
4. **Безрукова, О. Н.** Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований / О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 4(158). — С. 232–272. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.948; EDN: НХВАМV
5. **Синельников, А. Б.** Супружество, отцовство и материнство в российском обществе / А. Б. Синельников // Социологический журнал. — 2015. — Т. 21. — № 4. — С. 132–148. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3068; EDN: VDXQBF
6. **Ильдарханова, Ч. И.** Проблема отцовства как феномен родительства: социализационный подход / Ч. И. Ильдарханова, Г. З. Габдрахманова // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. — 2019. — № 17. — С. 172–177. EDN: GJFQVL
7. **Безрукова, О. Н.** Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция / О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова // Социологические исследования. — 2022. — № 2. — С. 94–106. EDN: GWBHIM
8. **Римашевская, Н. М.** Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества / Н. М. Римашевская, М. М. Малышева, М. П. Пискалова-Паркер // Народонаселение. — 2017. — № 2(76). — С. 28–41. EDN: ZDQTLF
9. **Ильдарханова, Ч. И.** Концептуализация понятия «генеративное поведение мужчин»: методологические возможности гендерного подхода / Ч. И. Ильдарханова, О. Н. Калачикова // Казанский экономический вестник. — 2019. — № 5(43). — С. 77–84. EDN: USDJFK
10. **Янак, А. Л.** Отцовская вовлеченность в семьях различных типов / А. Л. Янак // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2018. — № 2(50). — С. 124–131. EDN: XWPOOD
11. **Рождественская, Е. Ю.** Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность / Е. Ю. Рожде-

- стенская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 5(159). — С. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676; EDN: DMPPZW
12. **Гурко, Т. А.** Динамика благополучия отцов и матерей, имеющих несовершеннолетних детей / Т. А. Гурко // Социологическая наука и социальная практика. — 2021. — Т. 9. — № 3(35). — С. 59–72. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8433; EDN: RVSCGB
  13. **Тонких, Н. В.** Родительское благополучие глазами российских женщин / Н. В. Тонких // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 4. — С. 42–54. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.4; EDN: KXNETY
  14. **Nelson-Coffey, S. K.** Parenthood is associated with greater well-being for fathers than mothers / S. K. Nelson-Coffey, M. Killingsworth, K. Layous et al. // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2019. — Vol. 5. — No. 9. — P. 1378–1390. DOI: 10.1177/0146167219829174
  15. **Skreden, M.** Parenting stress and emotional wellbeing in mothers and fathers of preschool children / M. Skreden, H. Skari, U. F. Malt et al. // Scandinavian Journal of Public Health. — 2012. — Vol. 40. — No. 7. — P. 596–604. DOI: 10.1177/1403494812460347
  16. **Pollmann-Schult, M.** Parenthood and life satisfaction: why don't children make people happy? / M. Pollmann-Schult // Journal of Marriage and Family. — 2014. — Vol. 76. — No. 2. — P. 319–336. DOI: 10.1111/jomf.12095
  17. **Nomaguchi, K. M.** Parenthood and psychological well-being: clarifying the role of child age and parent-child relationship quality / K. M. Nomaguchi // Social Science Research. — 2012. — Vol. 41. — No. 2. — P. 489–498.
  18. **Negraia, D. V.** Mothers' and fathers' well-being: does the gender composition of children matter? / D. V. Negraia, J. E. Yavorsky, D. Dukhovnov // Journal of Marriage and Family. — 2021. — Vol. 83. — No. 3. — P. 820–844. DOI: 10.1111/jomf.12739
  19. **Waldvogel, P.** Contemporary fatherhood and its consequences for paternal psychological well-being — a cross-sectional study of fathers in Central Europe / P. Waldvogel, U. Ehlerl // Frontiers in Public Health. — 2016. — Vol. 4. — P. 199. DOI: 10.3389/fpubh.2016.00199
  20. **Baldwin, S.** Mental health and wellbeing during the transition to fatherhood: a systematic review of first time fathers' experiences / S. Baldwin, M. Malone, J. Sandall, D. Bick // JBI Database of Systematic Reviews and Implementation Reports. — 2018. — Vol. 16. — No. 11. — P. 2118–2191. DOI: 10.11124/jbisrir-2017-003773
  21. **Nomaguchi, K.** Parenting stress among low-income and working-class fathers: the role of employment / K. Nomaguchi, W. Johnson // Journal of Family Issues. — 2016. — Vol. 37. — No. 11. — P. 1535–1557. DOI: 10.1177/0192513X14560642
  22. **Musick, K.** How parents fare: mothers' and fathers' subjective well-being in time with children / K. Musick, A. Meier, S. Flood // American Sociological Review. — 2016. — Vol. 81. — No. 5. — P. 1069–1095. DOI: 10.1177/0003122416663917
  23. **Nomaguchi, K. M.** Time strains and psychological well-being: do dual-earner mothers and fathers differ? / K. M. Nomaguchi, M. A. Milkie, S. M. Bianchi // Journal of Family Issues. — 2005. — Vol. 26. — No. 6. — P. 756–792. DOI: 10.1177/0192513X05277524
  24. **LaRossa, R.** The modernization of fatherhood: a social and political history / R. LaRossa. — Chicago : University of Chicago Press, 1997. — 320 p.
  25. **Pleck, E. H.** Fatherhood ideals in the United States: historical dimensions / E. H. Pleck, J. H. Pleck // The role of the father in child development / ed. M. Lamb. — New York : John Wiley & Sons, 1997. — P. 33–48.
  26. **Кон, И. С.** Мужчина в меняющемся мире / И. С. Кон // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2009. — № 3(56). — С. 186–195. EDN: UDZTXJ
  27. **Безрукова, О. Н.** Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов / О. Н. Безрукова // Социологические исследования. — 2013. — № 11(355). — С. 118–130. EDN: RFXAPT
  28. **Кон, И. С.** Гендер и маскулинность, сыновья и отцы / И. С. Кон // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — Т. 15. — № 1. — С. 48–64. EDN: ORRCKJ

29. **Котлярова, О. В.** Мужественность и женственность, маскулинность и феминность как фундаментальные свойства в формате гендеристики / О. В. Котлярова // *Universum: филология и искусствоведение*. – 2015. – № 9–10(22). – URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/2650>. EDN: SKPWRI
30. **Карпова, А. Ю.** Трансформация социальных практик ответственного отцовства в девиантные формы социальной активности / А. Ю. Карпова, А. О. Савельев, С. А. Кузнецов // *Векторы благополучия: экономика и социум*. – 2021. – № 4(43). – С. 107–118. DOI: 10.18799/26584956/2021/4(43)/1130; EDN: DDROPU

Сведения об авторах:

Тонких Наталья Владимировна, к.э.н., доцент, зав. лабораторией Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: tonkihvn@usue.ru, ORCID: 0000-0003-2957-7607; РИНЦ AuthorID: 291009.

Камарова Татьяна Александровна, к.э.н., доцент Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: kta@usue.ru, ORCID: 0000-0003-0087-9310; РИНЦ AuthorID: 624022.

Маркова Татьяна Леонидовна, к.соц.н., доцент, доцент Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: markova_tl@usue.ru, ORCID: 0000-0002-2520-6836; РИНЦ AuthorID: 739740.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-66-80

PARENTAL WELL-BEING THROUGH THE EYES OF RUSSIAN MEN

Natalia V. Tonkikh*, Tatiana A. Kamarova, Tatiana L. Markova

*Ural State University of Economics
(62 8-Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620144)*

*E-mail: tonkihvn@usue.ru

Funding:

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00614) "Researching the Impact of Digital Employment on Fertility and Parental Well-Being". – URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

For citation:

Tonkikh N. V., Kamarova A. T., Markova T. L. Parental well-being through the eyes of Russian men. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 66-80. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-66-80 (in Russ.)

Abstract. *The article problematizes the relevance of studying modern paternity practices, summarizes the results of empirical data from Western sociology on the factors and gender specifics of parental well-being. The authors present new findings of an exploratory study of the determinants of parental well-being. With the help of qualitative methods of semantic analysis of the content of written narratives, the basic markers of parental well-being in the perceptions of Russian men were identified (in descending order of importance): "relationships and care for children/family"; "security: income, work, housing"; "health"; "well-being and success of children", "complete family". The differentiation of associative ideas about parental well-being depending on the presence of children and their age was examined. In the group of fathers whose children are older than 14 years, the relevance of the material factor decreases, the importance of social success and achievements of children grows. Young childless men are significantly more likely to associate their ideas about parental well-being with financial security, still considering trusting relationships, harmony, happiness and love as the*

main foundation. The empirics was formed using a standard online survey technology, the period of conducting: April – June 2023. The design of the study follows the author's "women's" project of 2022, that made it possible to identify gender specifics. Unlike women, the factor of time devoted to children is insignificant for men; they closely associate parental well-being with family well-being, mention the need for a complete family much more often, emphasize the importance of relationships not only with children, and talk about a general family atmosphere. The male paradigm is dominated by an activity approach, expressed in the ability to take care of children and family. The study confirms the need to apply the principle of targeting in the development of technologies for popularizing the value of parenthood, taking into account gender and age characteristics and marital status.

Keywords: parental well-being, family well-being, gender, men, parenthood, fatherhood, gender studies.

References and Internet sources

1. Gurko T. A. Teoreticheskiye podkhody k izucheniju transformatsii instituta sem'i [Theoretical approaches towards studying the transformation of the family institution]. *Sotsiologicheskij zhurnal [Sociological Journal]*. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052 (in Russ.)
2. Maltseva D. V. Teoreticheskiye podkhody k izucheniju ottsovstva v sovremennoj zapadnoj sotsiologii [Theoretical approaches to studying paternity in modern Western sociology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]*. 2010. No. 5(99). P. 272–289. (in Russ.)
3. Ildarkhanova Ch. I., Barsukov V. N. Sostojaniye i transformatsiya instituta ottsovstva: obzor zarubezhnykh issledovaniy [The state and transformation of the fatherhood institute: a review of foreign studies]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanitarians of the South of Russia]*. 2019. Vol. 8. No. 6. P. 211–227. (in Russ.)
4. Bezrukova O. N., Samoylova V. A. Ottsovstvo i podderzhka ottsov: trendy sovremennykh zarubezhnykh issledovaniy [Fatherhood and support for fathers: trends in modern foreign studies]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]*. 2020. No. 4(158). P. 232–272. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.948 (in Russ.)
5. Sinelnikov A. B. Supruzhestvo, ottsovstvo i materinstvo v rossijskom obshchestve [Marriage, fatherhood and motherhood in Russian society]. *Sotsiologicheskij zhurnal [Sociological Journal]*. 2015. Vol. 21. No. 4. P. 132–148. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.5068 (in Russ.)
6. Ildarkhanova Ch. I., Gabdrakhmanova G. Z. Problema ottsovstva kak fenomen roditel'stva: sotsializatsionnyj podkhod [The problem of fatherhood as a phenomenon of parenthood: socialization approach]. *Nauchnyje trudy Tsentra perspektivnykh ekonomicheskikh issledovaniy [Scientific Works of the Center for Advanced Economic Research]*. 2019. No. 17. P. 172–177. (in Russ.)
7. Bezrukova O. N., Samoylova V. A. Ottsovstvo v sovremennoj Rossii: smysly, tsennosti, praktiki i mezhpokolencheskaja transljatsija [Fatherhood in modern Russia: meanings, values, practices and intergenerational translation]. *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]*. 2022. No. 2. P. 94–106. DOI: 10.31857/S013216250016970-0 (in Russ.)
8. Rimashevskaya N. M., Malysheva M. M., Pisklakova-Parker M. P. Balans professional'nykh i semejnykh rolej ottsov kak zalog ustojchivosti sem'i i obshchestva [Balancing fathers: matching professional and family roles as a cornerstone of society's sustainability]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. No. 2(76). P. 28–41. (in Russ.)
9. Ildarkhanova Ch. I., Kalachikova O. N. Kontseptualizatsija ponjatija «generativnoje povedeniye muzhchin»: metodologicheskije vozmozhnosti gendernogo podkhoda [Conceptualization of the term "generative behavior of men": methodological potential of gender approach]. *Kazanskij ekonomicheskij vestnik [Kazan Economic Bulletin]*. 2019. No. 5(43). P. 77–84. (in Russ.)
10. Janak A. L. Otcovskaja povlechennost' v sem'jakh razlichnykh tipov [Father involvement in different types of families]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Sotsial'nyje nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences]*. 2018. No. 2(50). P. 124–131. (in Russ.)

11. Rozhdestvenskaya E. Yu. Vovlechjonnoje otcovstvo, zabotlivaja maskulinnost' [Involved fatherhood, caring masculinity]. Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. 2020. No. 5(159). P. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676 (in Russ.)
12. Gurko T. A. Dinamika blagopoluchija otsov i materej, imejushchikh nesovershennoletnikh detej [Dynamics of well-being of fathers and mothers with minor children]. Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika [Sociological Science and Social Practice]. 2021. Vol. 9. No. 3(35). P. 59–72. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8433 (in Russ.)
13. Tonkikh N. V. Roditel'skoje blagopoluchije glazami rossijskikh zhenshchin [Parental well-being: Russian women's view]. Narodonaselenie [Population]. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 42–54. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.4 (in Russ.)
14. Nelson-Coffey S. K., Killingsworth M., Layous K. et al. Parenthood is associated with greater well-being for fathers than mothers. Personality and Social Psychology Bulletin. 2019. Vol. 45. No. 9. P. 1378–1390. DOI: 10.1177/0146167219829174
15. Skreden M., Skari H., Malt U. F. et al. Parenting stress and emotional wellbeing in mothers and fathers of preschool children. Scandinavian Journal of Public Health. 2012. Vol. 40. No. 7. P. 596–604. DOI: 10.1177/1403494812460347
16. Pollmann-Schult M. Parenthood and life satisfaction: why don't children make people happy? Journal of Marriage and Family. 2014. Vol. 76. No. 2. P. 319–336. DOI: 10.1111/jomf.12095
17. Nomaguchi K. M. Parenthood and psychological well-being: clarifying the role of child age and parent-child relationship quality. Social Science Research. 2012. Vol. 41. No. 2. P. 489–498. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2011.08.001
18. Negraia D. V., Yavorsky J. E., Dukhovnov D. Mothers' and fathers' well-being: does the gender composition of children matter? Journal of Marriage and Family. 2021. Vol. 83. No. 3. P. 820–844. DOI: 10.1111/jomf.12739
19. Waldvogel P., Ehler U. Contemporary fatherhood and its consequences for paternal psychological well-being — a cross-sectional study of fathers in Central Europe. Frontiers in Public Health. 2016. Vol. 4. P. 199. DOI: 10.3389/fpubh.2016.00199
20. Baldwin S., Malone M., Sandall J., Bick D. Mental health and wellbeing during the transition to fatherhood: a systematic review of first time fathers' experiences. JBI Database of Systematic Reviews and Implementation Reports. 2018. Vol. 16. No. 11. P. 2118–2191. DOI: 10.11124/jbisrir-2017-003773
21. Nomaguchi K., Johnson W. Parenting stress among low-income and working-class fathers: the role of employment. Journal of Family Issues. 2016. Vol. 37. No. 11. P. 1535–1557. DOI: 10.1177/0192513X14560642
22. Musick K., Meier A., Flood S. How parents fare: Mothers' and fathers' subjective well-being in time with children. American Sociological Review. 2016. Vol. 81. No. 5. P. 1069–1095. DOI: 10.1177/0003122416663917
23. Nomaguchi K. M., Milkie M. A., Bianchi S. M. Time strains and psychological well-being: do dual-earner mothers and fathers differ? Journal of Family Issues. 2005. Vol. 26. No. 6. P. 756–792. DOI: 10.1177/0192513X05277524
24. LaRossa R. The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 320 p.
25. Pleck E. H., Pleck J. H. Fatherhood ideals in the United States: historical dimensions. The Role of the Father in Child Development. Ed. M. Lamb. New York: John Wiley & Sons, 1997. P. 33–48.
26. Kon I. S. Muzhchina v menjajushchemsja mire [Man in a changing world]. Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Foundation for the Humanities]. 2009. No. 3(56). P. 186–195. (in Russ.)
27. Bezrukova O. N. Otsovstvo v transformirujushchemsja obshchestve: ozhidaniya materej i praktiki otsov [Fatherhood in transforming society. Mothers' expectations and fathers' practices]. Sotsiologicheskije issledovanija [Sociological Studies]. 2013. No. 11(355). P. 118–130. (in Russ.)
28. Kon I. S. Gender i maskulinnost', synov'ja i ottsy [Gender and masculinity, sons and fathers]. Zhurnal

- sotsiologii i sotsial'noj antropologii [*The Journal of Sociology and Social Anthropology*]. 2012. Vol. 15. No. 1. P. 48–64. (in Russ.)
29. Kotlyarova O. V. Muzhestvennost' i zhenstvennost', maskulinnost' i feminnost' kak fundamental'nyje svoystva v formate genderistiki [Masculinity and femininity, maleness and womanliness as fundamental properties in the format of genderistics]. *Universum: filologija i iskusstvovedenije* [*Universum: Philology and Art History*]. 2015. No. 9–10(22). Available at: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/2650>. (in Russ.)
30. Karpova A. Yu., Saveliev A. O., Kuznetsov S. A. Transformatsija sotsial'nykh praktik otvetstvennogo otsovstva v deviantnyje formy sotsial'noj aktivnosti [Transformation of social practices of responsible fatherhood into deviant forms of social activity]. *Vektory blagopoluchija: ekonomika i sotsium* [*Journal of Wellbeing Technologies*]. 2021. No. 4(43). P. 107–118. DOI: 10.18799/26584956/2021/4(43)/1130 (in Russ.)

Information about the authors:

Tonkikh Natalia Vladimirovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Laboratory, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: tonkihmv@usue.ru, ORCID: 0000-0003-2957-7607; Elibrary AuthorID: 291009.

Kamarova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Economics, Assistant Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: kta@usue.ru, ORCID: 0000-0003-0087-9310; Elibrary AuthorID: 624022.

Markova Tatiana Leonidovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Assistant Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: markova_tl@usue.ru, ORCID: 0000-0002-2520-6836; Elibrary AuthorID: 739740.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93
EDN: SVSZVZ

СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ С ДЕТЬМИ

Назарова И. Б.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

*E-mail: inna-nazarova@mail.ru

Для цитирования:

Назарова И. Б. Старшее поколение: особенности коммуникации с детьми // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 81-93. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93; EDN: SVSZVZ

Аннотация. На основе данных «Комплексного наблюдения условий жизни населения» 2022 г. (КОУЖ-2022), репрезентативного для всех субъектов РФ (опрошено более 100 тыс. человек) даётся анализ особенностей коммуникаций членов семьи в самой семье и с вне её по вопросам поддержки и заботы. Чем старше родители, тем больше они нуждаются в помощи своих детей: пожилые в возрасте 70 лет и более нуждаются в уходе во время болезни — 86,9%, в помощи по хозяйству — 82,1%, в покупке продуктов и вещей — 78,5%, в денежной помощи — 72,9%. Получают денежную помощь от детей треть родителей (27,8%). Более половины родителей (57,2%) в возрасте 60–65 лет и большинство в возрасте 80 лет и старше (77,7%) отмечают, что дети ухаживают за ними во время болезни. Какой-либо один вид поддержки оказывается для 12,3% родителей, два вида — 16,4%, три — 17,9%, четыре — 12,8%, 5–14,1% (никакой помощи не получают 26,5%). Родители также помогают своим детям в возрасте до 18 лет, проживающим отдельно, например, пенсионеры в возрасте 70 лет и старше помогают в воспитании внуков (51,2%), передают деньги (34,3%), продукты (14,1%), покупают вещи (8,6%). С возрастом родственные связи всё реже подкрепляются встречами и общением «на близкой дистанции». В предпенсионном возрасте (55–59 лет) не встречаются с друзьями, родственниками или коллегами, хотя бы раз в неделю 18,4%, в возрасте 60–64 года — 19,8%, 65–69 лет — 24,2%, 70–74 года — 27,6%, 75–79 лет — 31,1%, 80 лет и старше — 37,8%. Родители и дети поддерживают друг друга материально и физически, вместе с тем значимым является передача традиций и ценностей сохранения семейных связей от старшего поколения к младшему.

Ключевые слова: семья, пожилые, родители, старшее поколение, забота.

Необходимость выстраивания отношения к старшему поколению для многих стран стало вызовом и показателем человечности, стабильности и финансовой устойчивости. Увеличение доли людей старшего возраста и старение населения привлекает внимание экспертов к представителям старшей группы, их проблемам и изменению социума в этой связи в целом. Поддержка и забота становятся актуальными в исследованиях потребностей и проблем представителей старшего поколения (см., например [1]). Россияне считают, что прежде всего пожилым приходится сталкиваться с проблемой бедности — низкие пенсии (71%), ухудшения здоровья — наличием различных болезней (44%), а также ощущением ненужности, невостребованности (19%) и одиночества (17%)¹. Более того десятая часть пожилых людей не видят в своём положении ничего хорошего [2]. На наш взгляд, достойное и спокойное старение зависит от близкого окружения: родные (супруг, дети) в первую очередь могут поддержать своих близких в повседневной жизни и сложных обстоятельствах. Вместе с тем, часть пожилых (в том числе, нуждающихся) такую помощь не получают. В данной работе будет рассмотрено положение пожилых людей во взаимодействии с близкими людьми: супругами, детьми, с теми, от кого возможно получить различного рода поддержку материальную и физическую.

В своей работе мы опираемся на концепцию человеческого потенциала, исходя из того, что человеческий потенциал является совокупностью имеющихся демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определённых социально-исторических и природно-географических условий [3]. Старшее поколение является значительной частью нашего населения по своей доле в общей численности населения, и значимой частью

общества по своей роли в сохранении основных российских ценностей: социализации молодого поколения, сохранения семьи, трудолюбия, заботы о близких. С одной стороны, представители старшего поколения готовы реализовывать свой потенциал в сфере семьи, трудовой деятельности. С другой — представители старшего поколения нуждаются в поддержке, сохранении и возможности реализации своего потенциала.

Пожилые люди: взаимоотношения с семьёй и обществом

Российское общество — традиционное, в нем преобладают ценности уважительного отношения к старшим с позитивной оценкой их вклада в социум: пожилой человек в отражении общественного мнения прежде всего — мудрый, опытный, добрый, щедрый. Представители старшего поколения отзываются о себе также преимущественно в позитивном ключе [2]. Жизненный опыт и возможности пожилых людей можно и нужно использовать в социальной и экономической сфере [4]. Независимость и самостоятельность пожилых часто вписывают в рамки концепции активного долголетия. Подразумевается, что залогом активного долголетия являются социальные связи, досуг и увлечения, непрерывное образование, саморазвитие, здоровье, трудовая деятельность [5].

Одиночество — один из основных факторов, присутствующих в жизни пожилого человека, который негативно влияет на его самочувствие [6]. Напротив, долгожительство связано с востребованностью человека в семье и обществе на протяжении жизни [7]. Наличие семьи, супруга, детей является для человека основной ценностью и мотивацией к долгой жизни: люди стремятся дольше жить в первую очередь чтобы увидеть внуков, помогать детям, не оставлять одиноким супругу(а). И только во вторую очередь — сугубо личные ценности: пожить для себя, не работая, полностью использовать свои накопления, подольше поработать и в пенсионном возрасте [8]. Пожилые люди нуждаются в помощи близ-

¹ Продолжительность жизни в России: желания и реальность // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii-zhelaniya-i-realnost> (дата обращения: 17.12.2023).

ких [9]. Но для них важно также оказывать поддержку молодому поколению и активно участвовать в общественной жизни [10; 11].

В работе используется база данных Росстата — Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ)². КОУЖ организуется во всех субъектах РФ с охватом в 2022 г. 60 тыс. домохозяйств по репрезентативной выборке (при этом опрашиваются все члены обследуемых домохозяйств, более 100 тыс. человек). В расчётах используются данные, взвешенные по переменной, предложенной Росстатом. Респонденты от 15 лет и старше составили: 45,3% мужчин и 54,7% женщин. Большинство жителей проживают в городских населённых пунктах 75,2%, в сельских — 24,8% (в возрасте 70–74 года 75,3% проживают в городской местности, в возрасте 75–79 лет — 79,1%, а в возрасте 80 лет и больше — 74,5%).

Результаты исследования

Брачный статус пожилых людей. Половина участников исследования состоят в заре-

² Данные Росстата: Комплексное наблюдение условий жизни населения — 2022. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 20.11.2023).

гистрированном браке (55,0%), наибольшая доля состоящих в браке — в возрасте 35–39 лет — 70,1% (рис. 1). Далее в каждой возрастной группе доля людей, состоящих в браке, уменьшается: 60–64 года — 60,9%; 65–69—54,2%; 70–74—46,7%; 75–79 лет — треть (36,6%), в группе старше 80 лет — пятая часть (22%). Одновременно увеличивается доля вдовцов/вдов, в целом по выборке — каждый десятый (12,0%), как и в возрасте 50–59 лет (10,6%), 60–64—19,3%, в группе 65–69—30,0%, 75–79 лет — половина (54,7%), и большинство в группе старше 80 лет — 72,9%. Результаты исследований показывают, что доминирующей ценностью в старшем возрасте становится само наличие близкого человека, возможность совместного с ним проживания, вовлеченность в общую деятельность [12].

В незарегистрированном браке проживают прежде всего молодые — каждый десятый (20–24 года — 9,7%; 25–29 лет — 9,4%) и затем, с возрастом таких людей, не регистрирующих брак, становится меньше. В возрасте 30–34 года и 35–39 лет разводится каждый десятый (8,7% и 11,3% соответственно), затем доля разводов возрастает до максимума (17,9%) в группе 50–54 лет, начиная снижаться в предпенсионном возрасте.

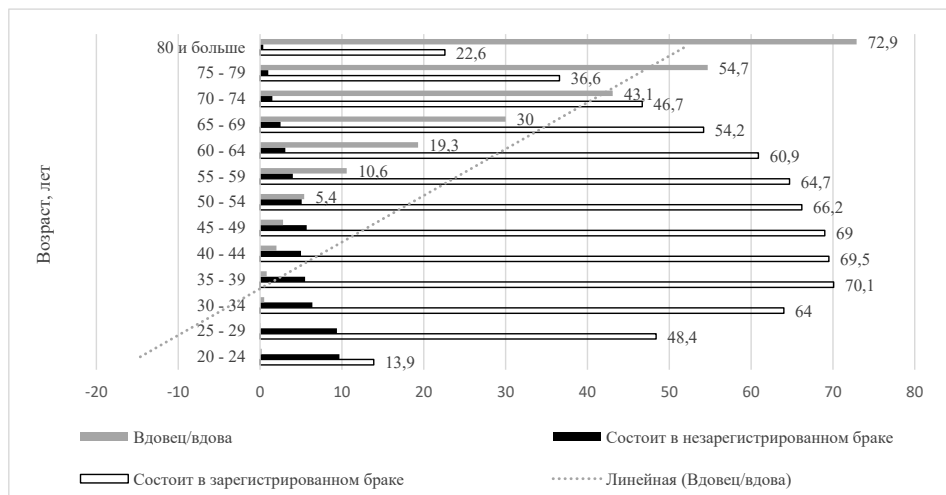

Рис. 1. Брачный статус супругов, %

Fig. 1. Marital status of spouses, %

Источник: КОУЖ-2022, расчёты автора.

Чем старше возрастная группа, тем меньше доля людей, никогда не состоявших в браке.

Подавляющее большинство проживают в домохозяйстве постоянно (99,5%), а чаще регулярно отсутствуют в связи с работой, учёбой в другом населённом пункте — это представители молодых членов семьи (в возрасте 18–19 лет — 3,2%; 20–24 года — 2,3%). В то время, как в возрасте 60–64 лет — 0,2%, а старше этого возраста проживают исключительно в домохозяйстве. Большинство супругов проживают вместе (99,8%). Чаще других раздельно проживают молодые супруги в возрасте 18–19 лет — 2,2%, а предпенсионного и пенсионного возраста — 0,2–0,3%. Именно среди представителей старшей группы больше людей, чей брак подтверждается совместным проживанием.

В качестве причин раздельного проживания супругов наиболее частое — наличие у супруга (супруги) другого места жительства, что встречается прежде всего у старшего поколения супругов, проживающих раздельно: в группе 60–64 года — 86,3%; 50–54—79,0%; 30–34—73,6%; 25–29 лет — 70,9% (напротив, реже остальных называют причину, связанную с собственностью жилья, представители старшей группы 70–74 года (39,8%). Причиной раздельного проживания может являться помещение одного из супругов в институциональное учреждение (отмечено в супружеских

парах возрастных групп: 25–29 лет — 6,2%; 35–39—2,3%; 40–44—12,3%; 45–49—0,7%; 50–54 года — 4,8%). Также были названы и другие причины проживания раздельно.

Взаимоотношения с детьми. В целом 38,9% родителей ответили, что дети различного возраста (включая несовершеннолетних) проживают отдельно. Чем старше супружеская пара, тем старше их дети, и дети начинают покидать «родительское гнездо». Но в некоторых случаях дети объединяются со своими пожилыми родителями: треть пожилых (30,9%) старше 80 лет отметили совместное проживание с детьми (рис. 2). Практически четвертая часть пенсионеров в возрасте 60 лет и старше также проживают со своими детьми.

Дети, которые живут отдельно от родителей, преимущественно проживают с ними в одном населённом пункте (59,6%), половина (49,6%) — в другом, в том числе в другом субъекте РФ, незначительная часть (1,8%) — в другой стране. В редких случаях (0,1%) родители не знают, где проживают их дети (нет сведений об их нахождении)³.

Несмотря на то, что дети не живут рядом с родителями, они могут оказывать им поддержку: денежную помощь получают менее трети родителей (27,8%), треть ответили, что такую помощь не получают (32,7%),

³ Сумма составляет более 100%, поскольку в семье может быть несколько детей, которые живут в различных населённых пунктах.

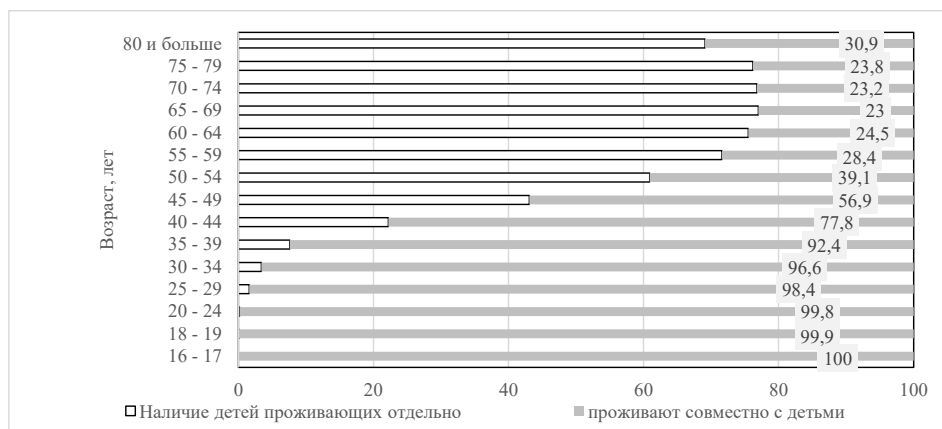

Рис. 2. Наличие детей, проживающих совместно с родителями или отдельно, %

Fig. 2. Presence of children living with parents or separately, %

Источник: КОУЖ-2022, расчёты автора.

значительная часть в помощи не нуждаются (39,5%), следовательно, нуждаются — большинство (60,5%). Половина участников исследования (49,3%) ответили, что дети, проживающие отдельно, помогают по хозяйству, треть (30,5%) считают, что в этом нет необходимости, в то время как нужда-

ются большинство (69,5%). Треть сообщили, что дети, проживающие отдельно, покупают продукты, вещи (35,1%), нуждаются в этом — большинство (62,5%) (нет — 37,5%). Чем старше родители, тем чаще дети оказывают им различные виды помощи (табл. 1).

Таблица 1

Структура помощи родителям, которую оказывают дети проживающие отдельно (в возрасте 18 лет и более), %

Table 1

Types of assistance provided to parents by children living separately (aged 18 years or over), %

Ответ	Возраст родителей, лет								
	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70–74	75–79	80 и больше
Дети оказывают денежную помощь									
Да	8,2	10,4	14,6	20,5	30,1	38,2	45,0	48,7	41,0
Нет	42,0	36,7	35,7	34,3	31,4	30,3	29,5	26,1	27,6
Нет необходимости	49,8	52,9	49,7	45,2	38,5	31,5	25,5	25,2	31,4
Дети покупают продукты, вещи									
Да	11,0	15,3	19,7	26,7	35,7	45,3	53,1	58,4	63,7
Нет	38,8	33,3	32,1	28,9	26,5	24,0	23,8	19,4	18,0
Нет необходимости	50,2	51,4	48,2	44,3	37,8	30,7	23,1	22,1	18,3
Дети помогают по хозяйству									
Да	32,7	34,2	38,2	44,3	51,3	56,1	62,4	63,	68,9
Нет	26,2	23,3	22,2	19,6	19,3	19,0	18,6	17,3	16,7
Нет необходимости	41,1	42,5	39,6	36,1	29,4	24,9	19,0	19,7	14,3
Дети ухаживают во время болезни									
Да	32,0	36,3	43,1	48,8	57,2	64,7	71,1	73,5	77,7
Нет	26,5	22,9	2,2	17,9	17,3	15,6	14,8	12,9	11,5
Нет необходимости	41,5	40,8	36,7	33,3	25,5	19,7	14,1	13,6	10,8

Источник: КОУЖ-2022, расчёты автора.

Исследователи обосновывают необходимость поддержки тех людей, которые не могут самостоятельно себя обслуживать, но также законодательно признать уход за родственником, утратившим способность к самообслуживанию, трудовой функцией, (подлежащей оплате исходя из минимального размера оплаты труда, законодательно закрепить сохранение рабочего места для осуществляющего уход, на весь период ухода и/или предоставле-

ние ему неоплачиваемого отпуска на длительный период) [14].

Более половины подтвердили, что дети, проживающие отдельно, ухаживают за ними во время болезни (55,3%), четвертая часть в уходе не нуждается (26,9%). Половина родителей указали, что получают какую-то ещё помощь (52,9%), а нуждаются в каких-либо других видах помощи помимо материальной и физической — 73,5%. Чем старше родители, тем больше они нуждаются

ся в помощи своих детей: пожилые в возрасте 70 лет и более указали, что нуждаются прежде всего в уходе во время болезни — 86,9%, в помощи по хозяйству — 82,1%, в покупке продуктов и вещей — 78,5%, в деньгах — 72,9% (табл. 1). Чем старше родители, тем чаще дети (проживающие отдельно) оказывают им материальную помощь. Например, родители в возрасте 70–79 лет получают помощь в 45,0–48,7% случаев, но при этом только каждый четвёртый ответил, что в помощи не нуждается. Но на этом фоне выделяется возрастная группа восьмидесятилетних — не нуждается каждый третий (31,4%).

Другой вид материальной помощи детей, проживающих отдельно от родителей — покупка для них вещей, продуктов: треть «молодых» пенсионеров получают эту помощь (35,7%), и две трети — старше 80 лет (63,7%). А не нуждаются в такой помощи треть или пятая часть пенсионеров. То же самое происходит и с оказанием помощи по хозяйству: чем старше родители, тем чаще они нуждаются в помощи и чаще её получают (не нуждаются треть «молодых» пенсионеров и только 14,3% в возрасте 80 лет и старше).

Самая распространённая помощь, которую дети оказывают своим родителям, даже если проживают отдельно — это уход во время болезни: более чем половине родителей (57,2%) в возрасте 60–65 лет оказывается такая помощь и только четвёртая часть в такой помощи не нуждаются, и оказывается помощь для большинства в возрасте 80 лет и старше (77,7%), а нет необходимости только для десятой части самых старших родителей. Следовательно, значительная часть детей вынуждены в той или иной степени решать задачи, связанные с уходом за родителями. Причём во всех видах помощи пожилые женщины нуждаются чаще, чем мужчины. А женщины в возрасте от 30 лет и до 60 (то есть включая предпенсионный возраст) испытывают эффект двойных нагрузок, осуществляя заботу (уход) за своими детьми (дошкольниками и школьниками) и родителями, кроме этого, 58% из них полный рабочий день заняты на работе [13].

Родители, проживающие в сельских населённых пунктах, чаще нуждаются в помощи своих детей, чем проживающие в городе: в денежной помощи нуждаются 58,7% городских родителей и 64,8% — жителей села, в помощи по хозяйству — 65,4% и 79,1%, в покупке продуктов, вещей — 59,7% и 69,2%, в уходе во время болезни — 70,9% и 78,0%.

В целом отметили, что получают хотя бы какую-то помощь от своих детей 73,5%, только какой-то один вид помощи 12,3% родителей, два вида помощи — 16,4%, три вида — 17,9%, четыре вида помощи — 12,8%, более четырёх видов помощи — 14,1%. Никакой помощи не получают и не нуждаются в помощи 26,5%. В возрасте 60–64 года более трёх видов помощи получает десятая часть родителей (13,0%), 65–69 лет — 15,7%, и старше 70–79 лет — пятая часть, 80 и старше — каждый четвёртый. Каждый десятый в возрасте 80 лет и старше никакой помощи не получает (11,2%).

Всего 8,1% родителей, нуждающихся в помощи своих детей в возрасте 18 лет и более, проживающих отдельно, указали, что дети не оказывают им никакой помощи и 6,1% родителей, старше трудоспособного возраста. Среди малоимущих родителей, 15,1% указали, что дети не оказывают им никакой помощи и среди неработающих инвалидов — 7,1%.

Родители, не получающие никакой помощи от своих детей, проживающих отдельно, дали объяснение: у детей отсутствует материальная возможность (70,8%), не хватает времени (25,0%) — чаще всего речь идёт о детях пожилых людей в возрасте 60 лет и старше, не могут оказывать помощь по состоянию здоровья (4,1%), не поддерживают отношений с родителями (17,5%). Проблема отсутствия взаимодействий или плохие отношения детей и родителей частично могут быть объяснены нетерпимыми отношениями к пожилым людям, которые существуют в российском обществе, например, у каждого пятого в возрасте 30–44 года возникают негативные ассоциации в отношении пожилых и чаще остальных они считают, что у пожилых

портится характер и возникают трудности в общении [2].

Результаты исследований, проведённых в российских регионах, показывают — пожилым людям необходима поддержка, поскольку они сталкиваются с различными препятствиями в реализации функции заботы о себе и супруге, что связано с падением благосостояния абсолютного большинства пожилых семей, ростом социальной дифференциации, изменением стратегий жизнеобеспечения. При этом сами пожилые стараются не утруждать родных и близких [15].

Помощь детям. Родители также помогают своим детям в возрасте до 18 лет, проживающим отдельно, например, пенсионеры в возрасте 70 лет и старше помогают в воспитании, в том числе внуков (51,2%), оказывают денежную помощь (34,3%), помогают в обеспечении продуктами (14,1%), покупают вещи (8,6%). В целом треть родителей в возрасте 55 лет и старше, осуществляют ежедневно уход за детьми (своими или чужими) без оплаты, что демонстрирует выполнение ролей родителей, бабушек и дедушек (рис. 3).

В большей степени ухаживают за детьми родители и(или) молодые бабушки (дедушки): каждая десятая бабушка в возрасте 55–69 лет. Так или иначе уход за детьми осуществляют каждый третий — четвёртый пожилой родитель. И даже самые старшие (от 80 лет и старше) принимают участие в уходе (воспитании) каждый день или реже — 9,5% (из них каждый день — 2,5%). Иными словами, пожилые люди стараются помогать и быть полезными на протяжении жизни, даже в преклонном возрасте. К сожалению, за последние 90 лет среднее число внуков у российских бабушек и дедушек сократилось почти в семь раз: если в 1926 г. на 100 бабушек и дедушек приходилось 542 внука, то в 2019-м — только 81 [16]. Взаимопомощь детей и родителей является важной составляющей жизни и коммуникаций между поколениями. Вместе с тем это не всегда заменяет обычное общение между родственниками.

Социальный капитал. Предполагается, что с возрастом человек должен накопить социальный капитал в том числе в части общения, напротив, становится больше людей, которые отвечают, что у них нет чело-

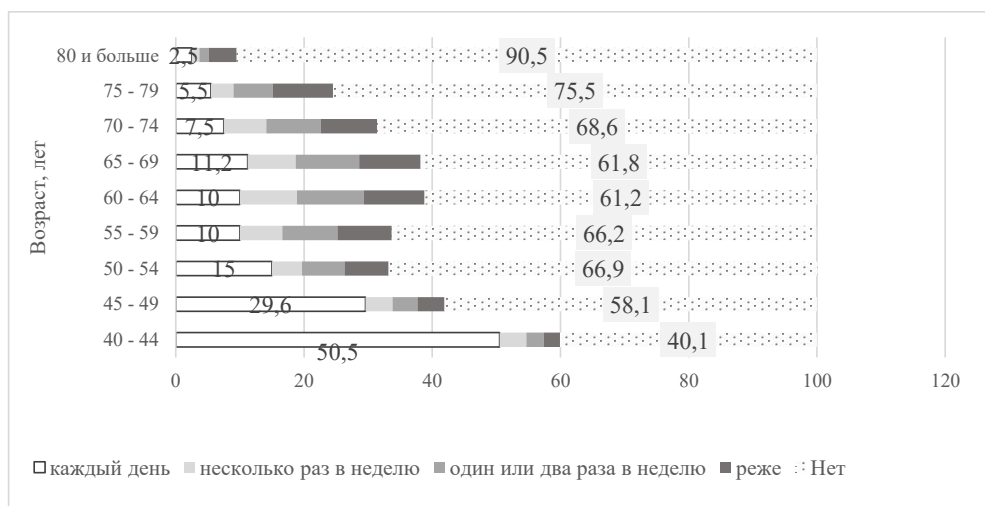

Рис. 3. Структура ухода за детьми (своими или чужими без оплаты), %

Fig. 3. Structure of care for children (own or someone else's without payment), %

Источник: КОУЖ-2022, расчёты автора.

века, с которым можно обсудить вопросы личного характера. Например, среди молодых людей таковых 2,1%, а в 50–54 года — в два раза больше (4,1%), в предпенсионном возрасте (55–59 лет), когда человек включён в том числе в трудовой коллектив — 4,6%. А у самых старших: в возрасте 75–79 лет — 7,4%, 80 лет и старше — почти каждый десятый (8,5%). Каждому десятому старику практически не с кем общаться.

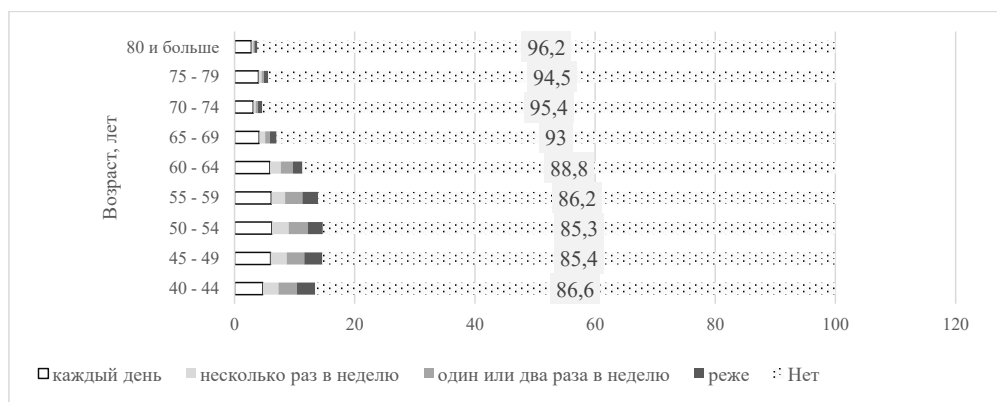
Что касается помощи, то здесь ситуация обстоит хуже: десятая часть молодых людей в возрасте 16–17 лет (10,4%) ответили, что в случае необходимости, нет возможности просить о помощи человека, который не является членом домохозяйства. Для людей 75–79 лет эта проблема актуальна на уровне 16,2%, а для людей 80 и старше — на уровне 19,9%.

Родственные связи с возрастом все реже подкрепляются встречами и общением «на близком расстоянии». В предпенсионном возрасте 55–59 лет каждый пятый (18,4%) не встречается с друзьями, родственниками или коллегами, хотя бы раз в неделю; и каждый пятый в возрасте 60–64 года (19,8%). В возрасте 65–69 лет — каждый четвёртый (24,2%), 70–74 — каждый третий (27,6%), 75–79 — каждый третий (31,1%), и ещё хуже ситуация обстоит у стариков (80 лет и больше) — 37,8%. В целом

взрослое население проводит своё свободное время в общении с друзьями (73,7%). Каждый десятый (12,4%) — за компьютером, мобильными устройствами. Люди практически перестали читать книги — это досуг меньшинства (4,1%), в библиотеку ходят единицы (0,3%). Занимаются домашними делами 3,1%, смотрят телевизор — 1,6%. Общаются с людьми через интернет каждый день или почти каждый день 80,7%, но с возрастом люди реже пользуются интернетом для ежедневного общения: в возрасте 60–64 года — 59,0%, 80 и больше — 33,3% (один или несколько раз в неделю — 25,8%, от случая к случаю — 40,9%).

Оказывает уход нуждающимся в особой помощи лицами, проживающим в домохозяйстве, в среднем каждый десятый представитель взрослого населения (чаще в возрасте от 20 до 65 лет с максимумом в возрасте 45–59 лет — дети пожилых и старых родителей) (рис. 4). Но даже люди в возрасте 80 лет и старше осуществляют тот или иной уход за человеком, который в нём нуждается. Такой уход также можно отнести к одному из видов общения, которое с возрастом становится реже.

Люди в старшем возрасте меньше пользуются интернетом, менее мобильны и их ровесники, близкие люди уходят из жизни [17; 18], поэтому круг общения сужается.

Рис. 4. Структура ухода за нуждающимися в особой помощи лицами, проживающими в домохозяйстве, %

Fig. 4. Structure of care for persons in need of special assistance living in the household, %

Источник: КОУЖ-2022, расчёты автора.

При этом результаты исследований показывают, что по мнению людей старше 60 лет долголетие связано не только с материальной обеспеченностью (85,8%) и здоровьем (25,1%), но и с возможностью коммуникации: мобильностью (31,1%), необходимостью другим людям (41,4%), возможностью заботиться о близких и семье (32,6%) [19]. Супружеская забота в семье пожилых супругов является самостоятельной ценностью и необходимой основой их повседневной жизни, характеризуется ответственностью, осознанностью принятия на себя обязанности заботиться друг о друге.

Заключение

Общение детей и родителей, их взаимная поддержка и забота являются важной составляющей жизни близких людей, подтверждением важности семейных ценностей. Более половины родителей и детей имеют возможность общения на близком расстоянии, поскольку проживают в одном населённом пункте со своими родителями. Треть пожилых людей самого старшего возраста проживают совместно со своими детьми и скорее всего могут получать необходимую заботу в постоянном режиме.

Даже если родители и дети не живут совместно, они оказывают поддержку друг другу. С увеличением возраста родителей, частота материальной помощи от детей уве-

личивается, но и необходимость в их помощи также возрастает. Пожилые в возрасте 70 лет и старше нуждаются прежде всего в уходе во время болезни (86,9%), в помощи по хозяйству (82,1%), в покупке продуктов и вещей (78,5%), в денежной помощи (72,9%). Каждый десятый в возрасте 80 лет и старше никакой помощи не получает (11,2%). Очевидно, что значительная часть пожилых родителей нуждаются в помощи, но её не получают, в том числе в силу отсутствия у детей возможности оказать поддержку. В наиболее сложной ситуации могут находиться люди из числа малоимущих, инвалиды, которые не получают поддержку от своих детей.

Чем старше человек, тем чаще у него возникает проблема с отсутствием общения и возможности обратиться за помощью к кому-либо помимо члена домохозяйства. Каждому десятому старику практически не с кем общаться. Не к кому обратиться за помощью в возрасте 75–79 лет — 16,2%, а в 80 лет и старше — каждому пятому (19,9%).

Наличие близкого человека является ценностью в любом возрасте, поскольку как родители, так и дети нуждаются в различных видах поддержки, которую они могут получить. Физическая и финансовая поддержка также могут являться поводом и возможностью коммуникации, а следовательно, могут носить позитивную психологическую окраску.

Литература и Интернет-источники

1. **Доброхлеб, В. Г.** Демографическое старение в России и новая социальная реальность / В. Г. Доброхлеб // *Народонаселение*. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6; EDN: SCLQUP
2. **Ляликова, С. В.** Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе / С. В. Ляликова, И. Б. Назарова, В. М. Карпова, // *Социологические исследования*. — 2023. — № 10. — С. 104–115. DOI: 10.31857/S013216250028308-1; EDN: AJGAFY
3. **Локосов, В. В.** Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В. В. Локосов // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1. EDN: FFFZUND
4. **Барсуков, В. Н.** Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории / В. Н. Барсуков // *Экономические и социальные перемены, факты, тенденции прогноз*. — 2016. — № 1(43). — С. 195–213. EDN: VMLZDR
5. **Калачикова, О. Н.** Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия / О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, Л. Н. Нацун // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — 2023. — № 1. — С. 20–45. DOI: 10.14515/

- monitoring.2023.1.2209; EDN: TYOGUM
6. **Козырева, П. М.** Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте / П. М. Козырева, А. И. Смирнов // Социологическая наука и социальная практика. — 2022. — Т. 10. — № 4. — С. 46–63. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9282; EDN: WIQWFW
  7. **Боженкова, К. А.** Психологические особенности людей пожилого возраста / К. А. Боженкова // Приволжский научный вестник. — 2016. — № 3(55). — С. 130–132. EDN: VRBVLN
  8. **Хасанова, Р. Р.** Самоохранительное поведение населения как фактор продолжительности жизни / Р. Р. Хасанова // Здоровье населения и среда обитания. — 2013. — № 5(242). — С. 43–46. EDN: QAKARL
  9. **Колесов, А. А.** Продолжительность здоровой жизни как ресурс снижения рисков демографического старения / А. А. Колесов, О. Н. Калачикова // Вопросы территориального развития. — 2023. — Т. 11. — № 2. — С. 1–14. DOI: 10.15838/tdi.2023.2.64.5; EDN: KLBQBW
  10. **Гринин, В. М.** Демографическое старение в России на современном этапе / В. М. Гринин, Э. И. Шестемирова // Вестник РАМН. — 2015. — Т. 70 — № 3. — С. 348–354. DOI: 10.15690/vramn.v70i3.1332; EDN: TZUFIR
  11. **Антонов, А. И.** Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие / А. И. Антонов, И. Б. Назарова, В. М. Карпова, С. В. Ляликова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 131–143. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.11; EDN: TVZORY
  12. **Елютина, М. Э.** Супружеская забота как способ ведения жизни в пожилой семье / М. Э. Елютина, С. Г. Ивченков, Л. В. Колязина // Социологические исследования. — 2019. — № 5. — С. 55–64. DOI: 10.31857/S013216250004955-3; EDN: BFQSJW
  13. **Kartseva, M. A.** Sandwiched women: Health behavior, health, and life satisfaction / M. A. Kartseva, A. A. Peresetsky // Russian Journal of Economics. — 2023. — Vol. 9. — No. 3. P. 306–328. DOI: 10.32609/j.ruje.9.106825; EDN: XXRVYQ
  14. **Присяжная, Н. В.** Анализ проблем обеспечения в России долговременного ухода за лицами, утратившими способность к самообслуживанию / Н. В. Присяжная, О. Н. Бобровская, Е. Г. Калецкий // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2023. — Т. 31. — № 4. — С. 578–586. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-4-578-586; EDN: ADATUU
  15. **Елютина, М. Э.** Социальная экзистенция старости: архив мнений / М. Э. Елютина. — Саратов : Саратовский университет, 2017. — 148 с. EDN: XNFHBB
  16. **Багирова, А. П.** Прародительский труд: оценка рисков неустойчивости/перегруженности уральских бабушек и дедушек / А. П. Багирова, Д. Янь // Социальная политика и социология. — 2023. — Т. 22. — № 1(146). — С. 14–22. EDN: YONXIZ
  17. **Корнилова, М. В.** Компьютерные и интернет-технологии в жизни пожилых людей: возможности и риски / М. В. Корнилова // Власть. — 2018. — Т. 26. — № 6. — С. 62–69. DOI: 10.31171/vlast.v26i6.5891; EDN: YBKGXR
  18. **Галкин, К. А.** Стратегии использования Интернета старшим поколением / К. А. Галкин, О. А. Парфенова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 91–101. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.8; EDN: XGXNFG
  19. **Воронина, Л. И.** Государственная стратегия по поддержке активного долголетия и физической активности пожилых граждан / Л. И. Воронина, Е. В. Зайцева, Т. И. Касьянова // Социально-политические науки. — 2022. — № 4. — С. 195–207. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-195-207; EDN: IDWFTT

Сведения об авторе:

Назарова Инна Борисовна, д.э.н., главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; РИНЦ AuthorID: 75816.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93

OLDER GENERATION: FEATURES OF COMMUNICATION WITH CHILDREN

Inna B. Nazarova

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: inna-nazarova@mail.ru

For citation:

Nazarova I. B. Older generation: features of communication with children. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 81-93. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93 (in Russ.)

Abstract. *Based on data from a comprehensive observation of the living conditions of the population, representative of all regions of the Russian Federation (more than 100 thousand people were surveyed), an analysis is given of the characteristics of communications between family members within the family itself and with external contractors on the issues of support and care. The older the parents, the more they need help from their children: 86.9% elderly people aged 70 years or more need care during illness 82.1% need help with housework, 78.5% with buying food and things, 72.9%. need monetary assistance One third of parents (27.8%) receive financial assistance from their children. More than half (57.2%) of parents aged 60–65 years and the majority of those aged 80 years and older (77.7%) report that their children take care for them during illness. One type of support is provided for 12.3% of parents, two types of help — for 16.4%, three — 17.9%, four — 12.8%, five — 14.1% (26. 5% do not receive any help). Parents also help their children under the age of 18 who live separately, for example, pensioners aged 70 years and older help in raising their grandchildren (51.2%), give them money (34.3%), food (14.1%), buy things (8.6%). With age, family ties are less and less often reinforced by meetings and “close-range” communication. At pre-retirement age (55–59 years) 18.4% people do not meet with friends, relatives or colleagues at least once a week, at the age of 60–64–19.8%, 65–69 years — 24.2%, 70–74 years — 27.6%, 75–79 years — 31.1%, and the situation is even worse for people aged 80 years and older — 37.8%. Parents and children support each other financially and physically; at the same time, it is important to pass on the traditions and values of preserving family ties and transmitting family values from the older generation to the younger.*

Keywords: *family, the elderly, parents, older generation, care.*

References and Internet sources

1. Dobrokhleb V. G. Demograficheskoye starenie v Rossii i novaya sotsial'naya real'nost' [Demographic aging in Russia and new social reality]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6 (in Russ.)
2. Lyalikova S. V., Nazarova I. B., Karpova V. M. Osobennosti vospriyatiya pozhihlyh lyudej v rossijskom obshchestve [Features of perception of elderly people in Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 2023. No. 10. P. 104–115. DOI: 10.31857/S013216250028308-1 (in Russ.)
3. Lokosov V. V. Chelovecheskij potentsial: kontseptual'nyje podhody i metodiki izmereniya [Human potential: conceptual approaches and measurement methods]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1 (in Russ.)
4. Barsukov V. N. Trudovaya aktivnost' naseleniya pensionnogo vozrasta kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Labor activity of the population of retirement age as a factor in socio-economic development of the territory]. *Ekonomicheskie i sotsial'nyje peremeny, fakty,*

- tendentsii prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2016. No. 1(43). P. 195–213 (in Russ.)
5. Kalachikova O. N., Korolenko A. V., Natsun L. N. Teoretiko-metodologicheskije osnovy issledovaniya aktivnogo dolgoletiya [Theoretical and methodological foundations of active longevity research]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. 2023. No. 1. P. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2209 (in Russ)
  6. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Sotsial'naya izolyatsiya i odinochestvo v pozhilom vozraste [Social isolation and loneliness in old age] Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]. 2022. Vol. 10. No. 4. P. 46–63. (in Russ)
  7. Bozhenkova K. A. Psihologicheskije osobennosti lyudej pozhilogo vozrasta [Psychological characteristics of elderly people]. Privolzhskij nauchnyj vestnik [Privolzhsky Scientific Bulletin]. 2016. No. 3(55). P. 130–132. (in Russ)
  8. Khasanova R. R. Samosohranitel'noje povedeniye naseleniya kak faktor prodolzhitel'nosti zhizni [Self-preservation behaviour of the population as a factor of life expectancy]. Zdorov'je naseleniya i sreda obitaniya [Public Health and Life Environment — PH&LE]. 2013. No. 5(242). P. 43–46. (in Russ)
  9. Kolesov A. A., Kalachikova O. N. Prodolzhitel'nost' zdorovoj zhizni kak resurs snizheniya riskov demograficheskogo stareniya [Healthy life expectancy as a resource for reducing the risks of demographic aging] Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial Development Issues]. 2023. Vol. 11. No. 2. C. 1–14. DOI: 10.15838/tdi.2023.2.64.5 (in Russ)
  10. Grinin V. M., Shestemirova E. I. Demograficheskoye starenie v Rossii na sovremennom etape [Demographic ageing in Russia at the present stage]. Vestnik RAMN [Annals of the Russian Academy of Medical Sciences]. 2015. Vol. 70. No. 3. P. 348–354 (in Russ)
  11. Antonov A. I., Nazarova I. B., Karpova V. M., Lyalikova S. V. Porog nastupleniya starosti: ob"ektivnyje priznaki i sub"ektivnoje vospriyatije [Threshold of old age: Objective signs and subjective perception]. Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 131–143. DOI:10.19181/population.2023.26.3.11 (in Russ.)
  12. Elyutina M. E., Ivchenkov S. G., Kolyazina L. V. Supruzheskaya zabota kak sposob vedeniya zhizni v pozhiloy sem'je [Married care as living means in an elderly family]. Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological Studies]. 2019. No. 5. P. 55–64. DOI 10.31857/S013216250004955–3 (in Russ.)
  13. Kartseva M. A., Peresetsky A. A. Sandwiched women: Health behavior, health, and life satisfaction. [Russian Journal of Economics]. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 306–328. DOI: 10.32609/j.ruje.9.106825
  14. Prisyazhnaya N. V., Bobrovskaya O. N., Kaletsky E. G. Analiz problem obespecheniya v Rossii dolgoremennogo uhoda za litsami, utrativshimi sposobnost' k samoobsluzhivaniyu [The analysis of problems of supporting long-term nursing of individuals who lost their ability to self-care in Russia]. Problemy sotsialnoj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine]. 2023. Vol. 31. No. 4. P. 578–586 DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-4-578-586 (in Russ.)
  15. Elyutina M. E. Sotsial'naya ekzistentsiya starosti: arkhiv mneniy [Social Existence of Old Age: Archive of Opinions]. Saratov. Saratovskiy universitet [Saratov University]. 2017. 148 p. (in Russ.)
  16. Bagirova A. P., Neshataev A. V. Praroditel'skij trud: otsenka riskov nevestrebovannosti/peregruzhennosti ural'skikh babushek i dedushek [Grandparental labor: assessing the risks of lack of demand/overload of Ural grandparents]. Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]. 2023. Vol. 22. No. 1(146). P. 14–22. (in Russ.)
  17. Kornilova M. V. Komp'yuternye i internet-tekhnologii v zhizni pozhilyh lyudej: vozmozhnosti i riski [Computer and Internet technologies in the lives of older people: opportunities and risks]. Vlast' [The Authority]. 2018. Vol. 26. No. 6. P. 62–69. DOI: 10.31171/vlast.v26i6.5891 (in Russ.)
  18. Galkin K. A., Parfenova O. A. Strategii ispol'zovaniya Interneta starshim pokoleniem [Strategies for use of the Internet by the older generation]. Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 91–101. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.8; EDN: XGXNFG (in Russ.)

19. Voronina L. I., Zaytseva E. V., Kasyanova T. I. Gosudarstvennaya strategiya po podderzhke aktivnogo dolgoletiya i fizicheskoy aktivnosti pozhilyh grazhdan [State strategy to support active longevity and physical activity of elderly citizens]. *Sotsial'no-politicheskie nauki [Sociopolitical Sciences]*. 2022. No. 4. P. 195–207. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-195-207 (in Russ.)

Information about the author:

Nazarova Inna Borisovna, Doctor of Economics, Main Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8086-1617; Elibrary AuthorID: 75816.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ К СЕМЬЕ И ДЕТЯМ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106
EDN: RGQIRV

БРАЧНОЕ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Абдульязнов А. Р., Рустамова Г. М.*

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(420111, Россия, Казань, ул. Лево-Булачная, 36А)

*E-mail: rustamova.gulshat@inbox.ru

Для цитирования:

Абдульязнов А. Р., Рустамова Г. М. Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 94-106. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106; EDN: RGQIRV

Аннотация. Естественная убыль населения продолжает фиксироваться в большинстве регионов России. Одним из приоритетных факторов, влияющих на продолжение депопуляции населения страны, выступает изменение в репродуктивном поведении молодёжи, которое выражается в откладывании заключения официального брака и рождения детей на более поздний возрастной период 25–35 лет, либо полный отказ от деторождения. Данная тенденция выступает весомым фактором сокращения численности и самой молодёжи, а следовательно и количества женщин фертильного возраста. Согласно данным Росстата, к 2035 г. численность населения в возрасте 14–35 лет в России сократится почти на 10%, а численность российских женщин в активном репродуктивном возрасте 20–29 лет — почти вдвое. Проанализированы ключевые элементы брачного и репродуктивного поведения молодёжи, которыми выступают два взаимосвязанных процесса: вступление в официальный зарегистрированный брак (проведён анализ возрастных коэффициентов брачности по полу в разрезе федеральных округов) и процесса рождения первого и последующих детей (проведён анализ возрастных коэффициентов рождаемости) с отслеживанием динамики показателей за 21-летний период с пятилетней периодичностью за 2001, 2006, 2011, 2016 и 2021 годы в разрезе населения возрастных групп: 16–17 лет; 18–24 лет; 25–34 лет; 35–49 лет; 50–70 лет (анализ за 2001 и 2006 гг. возрастной группы 35–70 лет). Результаты проведённого исследования подтвердили, что отличительной особенностью современного брачного и репродуктивного поведения молодёжи в России является откладывание брачного и репродуктивного дебюта на более поздний возрастной этап, преимущественная ориентация на малодетный или среднететный образ жизни, при этом одной из основных характеристик первого этапа создания семьи выступает добрачное сожительство.

Ключевые слова: молодёжь, семья, семейная идентичность, брачное поведение, рождаемость, репродуктивные планы, демографическая идентичность, депопуляция.

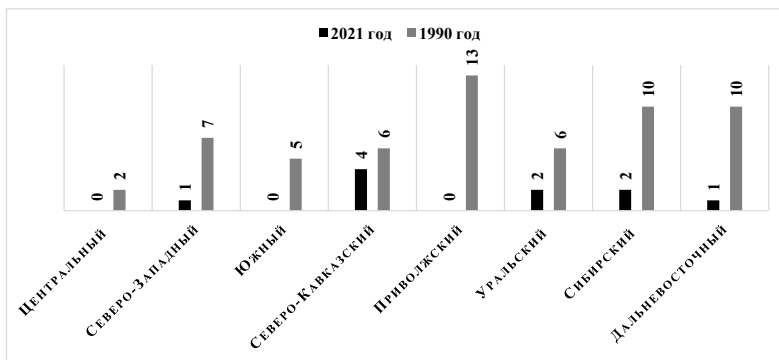

Введение

Исследование процессов естественного движения населения в России показывает сохранение тенденции депопуляции населения. Анализируя эволюцию процесса естественного прироста населения в разрезе субъектов РФ можно констатировать стремительный процесс уменьшения доли регионов с естественным приростом их населения: если в 1990 г. показатель прироста населения был характерен для 59 субъектов, то к 2021 г. данный показатель снизился до 10 субъектов. Наибольшее падение за 31 год в разрезе федеральных округов (ФО) России характерно для Приволжского, Дальнево-

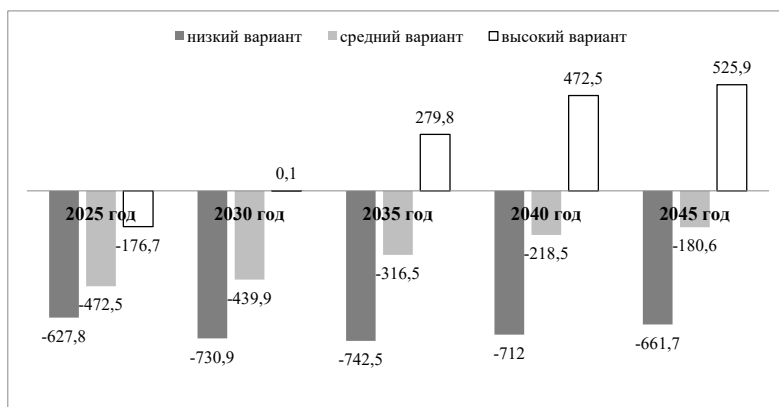
сточного, Сибирского и Южного федеральных округов (рис. 1).

Согласно низкому и среднему варианту прогноза Росстата отрицательная динамика показателя численности населения в России продлится до 2045 г. (рис. 2). Принятый в 2020 г. Федеральный Закон «О государственной молодёжной политике в Российской Федерации», согласно которому были расширены возрастные границы молодёжи с 14–30 до 14–35 лет, существенно увеличил долю данной категории в общей численности населения страны с 17,7% до 26,3%, что не изменило масштаба депопуляции населения в России.

Рис. 1. Динамика числа субъектов РФ с естественным приростом населения по федеральным округам, единиц

Fig. 1. Dynamics of the number of subjects RF with natural population growth by federal districts
Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Рис. 2. Изменение численности населения по вариантам прогноза в России, тыс. человек

Fig. 2. Population change by forecast options in Russia, thousand people
Источник: Демографический прогноз. Изменение численности населения по вариантам прогноза // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 05.03.2024).

В составленном авторами статьи рейтинге субъектов РФ по доле родившихся у матерей в возрасте до 25 лет включительно от общего числа родившихся в 2021 г. первое место занимает Республика Дагестан с показателем 44%, последнее — Санкт-Петербург с показателем 15%. Фиксируется устойчивая тенденция сдвига основной доли рождений к материнским возрастам старше 25, 30 и 35 лет. Данный сдвиг начался в России в 1990-е гг., а в западных странах — ещё в 1970-х гг. [1]. Даже у регионов, входящих в первую пятёрку данного рейтинга, показатели не приблизились к 50%. Кроме Дагестана это Чеченская Республика (43%); Забайкальский край (35%); Республика Тыва (35%); Кабардино-Балкарская Республика (33%)¹. На современном этапе общественного развития ключевым фактором данной тенденции выступило изменение приоритета ценностей в сознании российской молодёжи, в котором, прежде всего, закрепился тренд на приоритетность выстраивания карьеры и повышения финансовой независимости в ущерб созданию семьи и рождению детей, что ощутимо влияет на её идентификационные характеристики, в том числе, затрагивая репродуктивные планы молодого поколения [2; 3].

Методология и источники данных

Брачное и репродуктивное поведение молодёжи выступает одним из ключевых элементов в понимании термина демографическая идентичность молодёжи, в целом тесно связанной с особенностями процесса формирования идентичности человека. Роль идентичности проанализирована несколькими поколениями учёных в сфере психологии, философии, антропологии, социологии и других наук (Э. Эриксон, Д. Г. Мид, И. Гофман, Т. Л. Визенгрунд, Г. Зиммель, Ч. Тейлор, Б. Э. Гидденс). На современном этапе термин «идентичность» в социальных науках трактуется, чаще всего, исходя из позиций теорий эссенциализма, примордиализма и конструктивизма (К.

Гирц, Ю. В. Бромлей, П. Ван дер Берг, П. Бергер, Т. Лукман). Вместе с тем, ряд учёных заняли критическую позицию в отношении роли и понимания термина «идентичность» (Р. Брубейкер, А. Мелуччи). Данные исследователи считают, что двусмысленное понятие «идентичность» необходимо разделить на более простые понятия: категоризация, самоидентификация, общность и другие более узкие по смыслу понятия [4].

В современной России ощутимый вклад в изучение брачного и репродуктивного поведения молодёжи вносит группа исследователей Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская) [5; 6], научная школа Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (С. В. Полутин, Т. М. Дадаева) [7; 8], татарстанские учёные Р. И. Зинурова, А. Р. Тузиков [9] и другие. Ежегодные демографические доклады Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, комплекс исследований и научных публикаций позволяют вести системный анализ данного вопроса и осуществлять экспертную консультативную поддержку органов государственной власти субъекта в принятии стратегических решений в вопросах региональной демографической и социальной политики [10–12].

Источником фактической информации при проведении исследования послужили данные Росстата и его территориальных органов², выборочное обследование Росстата «Семья и рождаемость: основные результаты выборочного обследования» (2009 г.), всероссийский опрос ВЦИОМ «Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели» (2021 г.), данные Всероссийской переписи населения, данные экспертов ООН по прогнозированию рождаемости в мировом масштабе в разрезе возрастных категорий населения. Для описания результатов исследования были использованы методы сравнения данных и передвижки возрастов, вторичный анализ статистических данных.

¹ Естественное движение населения в Российской Федерации за 2021 год // Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_106/Main.htm (дата обращения: 05.03.2024).

² Витрина статистических данных // Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 06.06.2023).

Роль процессов идентичности в формировании брачных и родительских планов молодёжи

Вопреки модернизационным процессам, происходящим во всех сферах жизни российского общества и изменениям самого института брака в стране, он продолжает воспроизводить традиционные для российского общества духовно-нравственные образцы. За последние годы для защиты сложившегося с демографической точки зрения безопасного пути развития института семьи и брака в России введены и законодательные меры. Одним из ключевых выступил указ Президента России «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³.

Институт семьи остаётся основополагающим и базовым фактором социализации личности, прежде всего в формировании значимого для демографического развития государства комплекса идентичностей, который включает три компонента: 1) семейная идентичность — выступает ключевой составляющей социальной идентичности и представлена осознанием человека своей принадлежности и тождественности к семье как к социальной группе [13]; 2) демографическая идентичность — процесс, направленный на определение жизненных сценариев социально-демографической группы, связанных прежде всего, с намерением вступления в брак и с рождением детей; 3) семейно-детная идентичность — непосредственная реализация жизненных сценариев по вступлению в брак, созданию семьи, рождению первого и последующих детей, приобщению к семейному образу жизни.

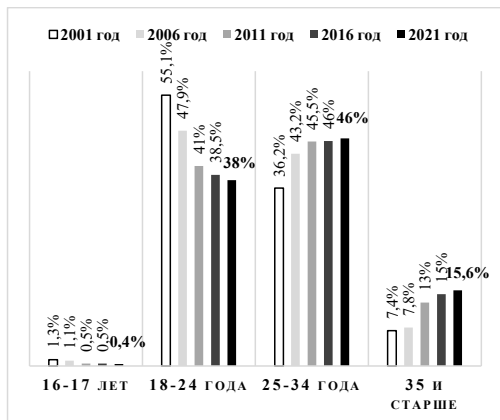
Адаптация индивида в обществе происходит за счёт ресурсов и потенциала семьи, в современных малочисленных семьях за-

частую отсутствует опыт межпоколенных связей, единственный ребёнок — это скорее реакция на норму, которая существует в обществе, на современном этапе молодёжь до вступления в официальный брак начинает опыт своей семейной жизни с добрачного сожительства, как известно, оно включает практически все элементы официально зарегистрированного брака: проверку совместности в характере, в целях совместной жизни, в интимных отношениях, кроме одного из самых приоритетных компонентов семейного образа жизни — чувства ответственности за свою семью и детей.

Анализ ключевых параметров брачного и репродуктивного поведения российской молодёжи

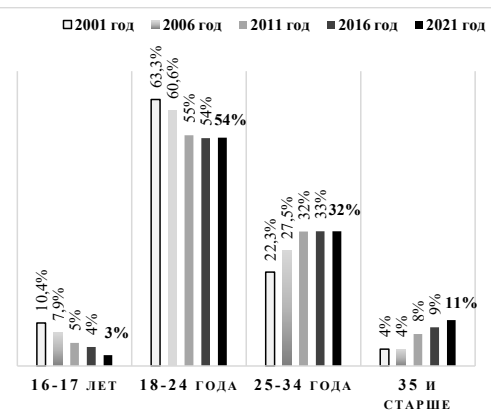
Для характеристики брачного и репродуктивного поведения российской молодёжи авторы исследовали процессы брачности и рождаемости в России за 2001, 2006, 2011, 2016 и 2021 годы. Анализ статистики выявил тенденцию подъёма и снижения общего числа заключённых браков среди возрастных категорий граждан 16-49 лет. Но при этом идёт стабильное снижение доли браков, заключаемых молодыми мужчинами и женщинами до 25 лет в общем количестве браков. За 2001-2021 гг. произошло уменьшение доли вступившей в брак молодёжи до 25 лет: на 15% у мужчин и на 14% у женщин, в то же время доля вступившей в брак молодёжи до 35 лет сократилась незначительно: на 2% у мужчин и на 3% у женщин. Процесс снижения брачности среди населения в возрастной группе 16-17 лет и 18-24 лет (школьная и студенческая молодёжь), и увеличение доли вступающей в брак молодёжи в возрастной категории 25-34 лет (работающая молодёжь) прослеживается на протяжении изучаемых временных периодов 2001, 2006, 2011, 2016 и 2021 годов. Важной тенденцией является также увеличение показателей брачности в возрастной категории населения России 35-49 лет: с 2001 по 2021 г. и среди мужчин, и среди женщин объём увеличения составил около 3% (рис.4а и 4б).

³ Указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Сайт Президента Российской Федерации. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 05.03.2024).

Рис. 4а. Динамика вклада возрастных коэффициентов брачности мужчин в суммарный коэффициент брачности

Fig. 4a. Dynamics of age-specific marriage coefficients for men

Рис. 4б. Динамика вклада возрастных коэффициентов брачности женщин в суммарный коэффициент брачности

Fig. 4б. Dynamics of age-specific marriage coefficients for women

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

В разрезе федеральных округов страны данные тенденции имели неравномерный характер: наименьшее падение показателя брачности на 1000 человек соответствующего возраста среди возрастных категорий молодежи до 25 лет характерно для Дальне-

восточного ФО как для мужского, так и для женского населения, наибольший показатель среди мужчин характерен для Приволжского ФО, а среди женщин до 25 лет — для Центрального ФО (табл. 1).

Структура брачности в федеральных округах РФ по полу и возрасту в 2001–2021 гг. (на 1000 женщин и мужчин соответствующего возраста)*

Таблица 1

Marriage structure in federal districts of Russian Federation by gender and age in 2001–2021 (per 1000 men and women of the corresponding age)

Table 1

Возраст, лет	РФ		ПФО		ЦФО		СКФО***		СЗФО		ЮФО		СФО		ДВФО		УФО	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
2001 год																		
16-17	1,3	11,4	1,4	11,2	1,5	12,3	0,6	9,1	1,0	8,3	1,5	16,6	1,6	11,1	1,1	9,6	1,5	11,3
18-24	53,2	70,5	60,1	74,4	53,6	73,8	40,5	59,8	45,9	65,9	56,7	74,1	56,7	69,1	39,6	63,5	58,0	73,4
25-34	34,9	24,9	33,1	22,0	35,8	27,1	36,4	20,7	37,4	28,8	35,9	23,7	33,6	24,2	35,7	28,6	36,5	26,4
35 и старше**	7,0	4,5	5,5	3,5	7,7	5,0	6,4	3,6	8,0	5,2	7,3	4,6	6,5	4,2	8,1	5,4	7,5	4,9
2006 год																		
16-17	0,9	8,9	0,9	8,4	0,9	8,5	0,6	10,5	0,6	6,2	1,0	12,5	1,2	9,0	0,7	6,8	1,1	9,1
18-24	48,0	69,1	53,0	72,5	45,9	67,3	39,4	66,1	41,2	63,1	50,5	73,3	51,9	69,5	39,7	64,3	51,8	71,6
25-34	43,3	31,4	42,1	28,6	42,3	32,4	48,5	27,6	44,6	36,1	43,9	29,4	42,4	31,3	43,1	35,2	44,7	33,1
35 и старше**	7,9	4,6	6,2	3,6	8,2	4,8	7,8	3,7	9,4	5,5	7,5	4,2	8,0	4,7	10,0	6,2	8,9	5,3

2011 год																		
16-17	0,7	7,6	0,7	6,9	0,6	6,4	0,0	1,7	0,6	5,4	0,6	9,1	0,8	8,1	0,6	6,3	0,7	7,9
18-24	48,6	75,8	56,1	82,3	45,0	71,9	34,7	57,4	41,0	70,6	49,7	79,0	51,8	75,6	38,7	72,5	55,3	81,7
25-34	54,6	44,1	55,3	43,4	53,0	44,3	61,0	34,2	57,9	52,2	55,3	42,2	54,2	45,1	53,8	47,6	57,6	47,6
35-49	15,4	10,5	13,3	8,8	15,5	10,7	73,7	43,7	18,5	13,1	14,6	9,9	16,3	11,0	18,5	13,7	16,9	11,9
2016 год																		
16-17	0,5	5,1	0,4	4,8	0,4	3,6	0,2	4,7	0,4	3,8	0,7	11,6	0,8	7,5	0,6	6,8	0,7	5,8
18-24	35,4	61,0	37,3	61,3	34,7	60,4	30,0	60,2	31,8	57,9	75,2	132,3	37,8	59,6	30,7	62,3	40,4	63,5
25-34	41,7	36,0	40,3	34,3	42,5	37,8	36,1	19,9	46,3	44,9	83,5	69,7	40,6	35,8	42,9	41,3	42,3	37,7
35-49	13,3	10,4	11,5	9,0	13,8	10,8	8,70	5,4	16,4	13,1	26,4	20,2	13,3	10,5	15,6	12,9	14,5	11,6
2021 год																		
16-17	0,3	2,9	0,3	2,8	0,2	2,0	0,1	2,8	0,2	1,8	0,4	3,8	0,6	4,2	0,7	4,7	0,4	2,8
18-24	34,5	60,1	37,0	62,7	33,5	58,4	24,2	53,1	30,9	55,3	36,4	66,0	38,0	60,2	32,7	58,6	41,1	65,1
25-34	42,2	35,5	40,1	32,2	45,2	39,8	30,6	16,7	47,8	44,5	42,6	35,1	41,9	35,4	40,0	37,0	43,6	37,0
35-49	14,0	12,1	12,0	10,3	15,2	13,1	6,9	5,0	16,8	14,5	14,1	12,0	15,1	12,8	14,9	13,8	15,0	13,4

* при формировании данных учтены административно-территориальные изменения, происшедшие в РФ в 2001–2021 гг., ФО: ПФО – Приволжский, ЦФО – Центральный, СКФО – Северо-Кавказский, СЗФО – Северо-Западный, ЮФО – Южный, СФО – Сибирский, ДВФО – Дальневосточный, УФО – Уральский.

** формирование статистических данных о возрастной группе 35–49 лет осуществляется Росстатом после 2010 г. (данные в возрастной группе 35 и старше лет за 2001, 2006 гг. охватывают возрастной период от 35 до 70 лет)

*** в 2001 г. без учёта данных по Чеченской Республике.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Тенденция снижения интенсивности заключения браков в возрастной группе до 25 лет характерна для России ещё с конца 1970-х годов: с 1979 по 2001 гг. среди мужчин и женщин этот показатель уменьшился почти вдвое (табл. 2) [14].

Таблица 2
Возрастные коэффициенты брачности мужчин и женщин в 1979 и 2001 годах, %

Age coefficients of marriage of men and women in 1979 and 2001, %

Table 2

Возраст, лет	1979 год		2001 год	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
до 18	2,1	14,4	1,4	11,7
18-24	103,6	120,7	54,8	72,5
25-34	35,1	25,7	34,9	25,5
35 и старше	8,4	5,3	7,0	4,5

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

В 2001 г. на возрастную группу до 25 лет приходилось более 53% рождений, на группу 25–34 лет — 38%. За 2001–2021 гг. соотношение рождаемости среди данных воз-

растных категорий молодёжи изменилось в сторону уменьшения рождаемости в группе до 25 лет (табл. 3, рис. 5).

Таблица 3
Возрастные коэффициенты рождаемости в России за 2001–2021 гг., %

Table 3
Age birth rate in the Russian Federation in 2001–2021, %

Возраст	Годы				
	2001	2006	2011	2016	2021
16–17	1,9	7,0	6,8	5,3	3,1
18–24	20,6	38,2	38,4	37,1	27,6
25–34	14,4	31,5	42,3	48,4	39,5
35–49	1,2	3,3	6,5	9,1	9,0

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

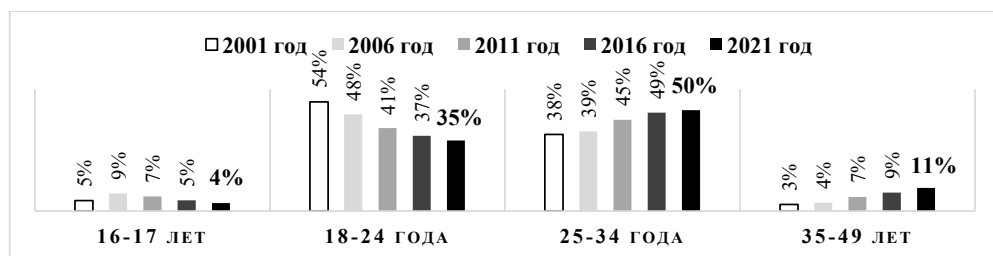

Рис. 5. Динамика вклада возрастных коэффициентов рождаемости в суммарный коэффициент рождаемости в Российской Федерации в 2001–2021 годах

Fig. 5. The dynamics of the age-related birth rate in the total birth rate in the Russian Federation in 2001–2021 years

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Согласно прогнозам отдела народонаселения ООН в мире снижение вклада в суммарный коэффициент рождаемости возрастной группы 20–24 лет к 2050 г. составит 26%, при этом вклад возрастной группы 25–

34 лет, напротив, увеличится до 51%, продолжится увеличение рождаемости и у возрастной группы 35 лет и старше и к 2050 г. её вклад достигнет 17% (табл. 4).

Таблица 4
Прогноз ООН о вкладе возрастных групп в рождаемость, %

Table 4
The forecast of the United Nations on the contribution of age groups to the birth rate, %

Возрастная группа	1990 год	2020 год	2050 год	2100 год
Моложе 20 лет	10	8	6	4
20–24 года	34	28	26	21
25–34 года	43	48	51	56
35 лет и старше	13	16	17	19
Всего:	100	100	100	100

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022. — URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/World-Population-Prospects-2022> (дата обращения: 05.03.2024).

За четыре года (2017–2020 гг.) ВЦИОМ зафиксировал снижение доли респондентов, выразивших свою ориентацию на брачно-

семейное поведение на 7% и рост желаемого возраста для вступления в брак на один год, как у мужчин, так и у женщин (табл. 5).

Результаты опроса ВЦИОМ «Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели»

Таблица 5

Results of a survey by the All-Russian Public Opinion Research Center
«Marriage, joint life, marriageable age: in search of an optimal model»

Table 5

Показатель	2017 год	2020 год
Предпочитают вступить в брак и жить в семье %	78	71
Желательный возраст для вступления в брак: мужчины, лет	27	28
Желаемый возраст для вступления в брак: женщины, лет	23	24

Источник: ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli?ysclid=luv1ty37md601346450> (дата обращения: 05.03.2024).

Как показывает анализ демографической статистики в России, самое низкое значение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) было зафиксировано в 1999 г. — 1,16. Прирост населения в России стал возможен только в 2013–2015 гг. благодаря мерам по поддержке рождаемости в стране, начиная с 2006 года. Таким образом, СКР вырос до 1,78 ребёнка на женщину и соответствовал примерно уровню 1990-х гг., но с 2016 г. наметилось снижение и значение СКР составило 1,76, к 2019 г. значение коэффициента опустилось до 1,5⁴. В 2020–2021 гг. СКР оставался почти на том же уровне — 1,5. Напомним, что указом Президента России⁵ в рамках национальной цели «Сохранения населения, здоровья и благополучия людей» первым целевым показателем названо «обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации» и в рамках национального проекта «Демография» — достижение к 2024 г. СКР 1,95–2,05 ребёнка на женщину. Одним из факторов благоприятного развития данного сценария является

поддержка рождения третьих детей в семье и в целом многодетности в российских семьях. Вместе с тем, данные исследований в России показывают, что наиболее популярностью среди россиян пользуется модель семьи с двумя детьми. Данная тенденция берет своё начало ещё в 1970-х годах. Иметь трёх и более детей основная масса родителей под влиянием социальных норм малодетности не хочет, в том числе, при условии помощи в удовлетворении основных потребностей в питании, одежде, месте жительства, обучении и в здравоохранении [15].

Выборочное обследование «Семья и рождаемость», проведённое Росстатом в 2009 г. в 30 субъектах в разрезе всех ФО РФ, показало, что среди выбранных позиций в рейтинге степени важности личных жизненных целей мужчин и женщин в России на первом месте находится воспитание детей, на четвёртом месте — жить в зарегистрированном браке с супругом (супругой), в своей семье, на шестом месте — вырастить двоих детей и на двенадцатом последнем месте рейтинга — иметь троих детей (табл. 6) [13]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г. средний размер семьи, входящей в состав частных домохозяйств, где взрослые моложе 35 лет с детьми моложе

⁴ Естественное движение населения в Российской Федерации за 2021 год // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_106/Main.htm (дата обращения: 28.08.2023).

⁵ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития России до 2030 года» от 21 июля 2020 г. № 474 // Сайт Президента Российской Федерации. — URL: <https://kremlin.ru>. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 (дата обращения: 28.02.2024).

18 лет был по РФ 3,6 человека, с наименьшим показателем среди субъектов в Магаданской области и Санкт-Петербурге — 3,4 человека и с наибольшим показателем 4,5 человека — в Республике Ингушетия (рис. 6)⁶

Заключение

В условиях многовекторности и разнообразия ключевых жизненных целей молодое поколение в России все больше откладывает задачи, связанные с вступлением

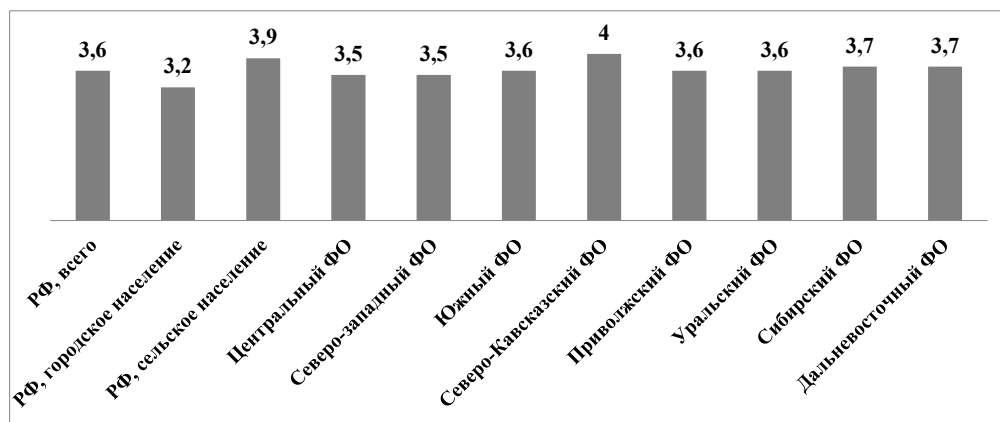
Таблица 6
Оценка степени важности личных жизненных целей (цели, касающиеся вопросов брачного и репродуктивного поведения, с оценкой из 5 возможных баллов)

Table 6

Women and men evaluate the degree of importance for them of personal life goals (goals related to issues of marital and reproductive behavior, with a score out of 5 possible points)

Место	Жизненные цели	Женщины (средний балл)	Мужчины (средний балл)
1	Воспитать ребёнка	4,88	4,81
4	Жить в зарегистрированном браке с супругом (супругой), своей семьёй	4,25	4,46
6	Вырастить двоих детей	4,04	4,22
12	Иметь троих детей	2,19	2,46

Источник: Семья и рождаемость: основные результаты выборочного обследования. 2009 год: стат. сборник / Росстат. – Москва: ИИЦ «Статистика России», 2010. – 112 с. – С.25.

Рис. 6. Средний размер семейной ячейки, входящей в состав частных домохозяйств, где взрослые моложе 35 лет с детьми моложе 18 лет, человек (по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.)

Fig. 6. Average family unit size of private households with adults under 35 years of age with children under 18 years of age, persons (according to the 2020 All-Russian Population Census)

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

⁶ Материалы Всероссийской переписи населения 2020 года: Том 8 «Число и состав домохозяйств», таблица 11 «Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, где взрослые моложе 35 лет, по размеру и числу детей моложе 18 лет», таблица 12 Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, где взрослые моложе 35 лет, по размеру и числу детей моложе 18 лет по субъектам РФ. – URL: Росстат. Итоги ВПН-2020. Том 8. Число и состав домохозяйств (дата обращения: 05.03.2024).

в официальный брак, созданием семьи, рождением первого ребёнка, последующим рождением второго и третьего детей, ориентируясь на малосемейный или среднесемейный образ жизни, либо практикует отказ от деторождения или рождения больше

одного ребёнка, пытаюсь вначале получить и завершить образование, найти высокооплачиваемую работу, организовать достойные жилищно-финансовые условия. Усиление данной тенденции будет характерно в той или иной степени для нашей страны на протяжении всего XXI века.

Немаловажными тенденциями выступает и наличие таких явлений, как развод, сожительство, внебрачное рождение детей, развитие новых репродуктивных технологий, усиление которых связано с их легитимизацией в обществе. Изменения в этих во-

просах являются индикаторами, подтверждающими процессы трансформации, происходящие в институте брака, при этом они отличаются в различных субъектах и федеральных округах РФ. В рамках государственной демографической политики необходимо усилить работу по возрождению ценности семейно-детного образа жизни и прийти к компромиссному взаимодействию государства с молодым населением страны с учётом их репродуктивных интересов и потребностей общества в воспроизводстве населения.

Литература и Интернет-источники

1. **Ильдарханова, Ч. И.** Демографическая идентификация молодёжи: к постановке проблемы / Ч. И. Ильдарханова, Г. М. Рустамова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2022. — Т. 15. — № 1. — С. 80–94. EDN: ОКРССR
2. **Вишневский, А. Г.** Демографическая ситуация в России: долговременные тенденции / А. Г. Вишневский // Международный демографический форум. Материалы заседания (Воронеж, 22–24 октября 2020 г.). — Воронеж : Цифровая полиграфия, 2020. — С. 29–36. EDN: ВКWECД
3. **Зубок, Ю. А.** Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодёжи / Ю. А. Зубок // Научный результат. Социология и управление. — 2022. — Т. 8. — № 3. — С. 10–30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2; EDN: CUCVFI
4. **Маккарти, Дж. Р.** Исследования семьи: основные понятия: учебное пособие / Дж. Р. Маккарти, Р. Эдвардс ; пер. с англ. И. Н. Тартаковской ; науч. ред. Е. Ю. Рождественская ; НИУ «Высшая школа экономики». — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 343 с. DOI:10.17323/978-5-7598-1315-6
5. Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / отв. ред. С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. — Москва : Проспект, 2023. — 448 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023
6. **Ростовская, Т. К.** Благополучие глазами молодых супругов: анализ экспертных интервью / Т. К. Ростовская // Человеческий капитал. — 2022. — Т. 1. — № 5–1(161). — С. 143–148. DOI: 10.25629/НС.2022.05.16; EDN: GHOQZN
7. **Полутин, С. В.** События прошлого в исторической памяти молодёжи национальных регионов Приволжского федерального округа / С. В. Полутин, А. В. Булавин, О. Е. Зубов, Т. В. Нагаева // Регионоведение. — 2021. — Т. 29 — № 1. — С. 191–215. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215; EDN: YDQBZV
8. **Дадаева, Т. М.** Модели семейного взаимодействия в представлениях городской молодёжи / Т. М. Дадаева // Социальные процессы современной России: Международная научно-практическая конференция (Нижний Новгород, 19–20 ноября 2020 года). Том 1. — Нижний Новгород : Научно-исследовательский социологический центр, 2020. — С. 452–456. EDN: GZZARS
9. **Зинурова, Р. И.** Социальное здоровье молодёжи: качество жизни и национальная безопасность / Р. И. Зинурова, А. Р. Тузиков // Управление устойчивым развитием. — 2023. — № 1(44). — С. 39–46. DOI: 10.55421/2499992X_2023_1_39; EDN: VEKWBK

10. Демографический доклад — 2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения. Монография / ред. Ч. И. Ильдарханова. — Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2020. — 578 с. DOI: 10.51285/dem2020; EDN: VMHQHF
11. Демографический доклад — 2021. Ретроспективы и перспективы воспроизводства населения Республики Татарстан (2000–2020 гг.) / ред. Ч. И. Ильдарханова. — Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2022. — 306 с. DOI: 10.51285/978-5-9690-0961-5; EDN: YCZSET
12. Демографический доклад — 2022. Социодемографический капитал Республики Татарстан в контексте национальной безопасности (2019–2021 гг.) / ред. Ч. И. Ильдарханова. — Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2022. — 352 с. DOI: 10.51285/978-5-9690-1058; EDN: GEISRA
13. **Антонов, А. И.** Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования: монография / А. И. Антонов, А. Б. Синельников, Е. Н. Новоселова [и др.]. — Москва : ИНФРА-М, 2018. — 540 с. DOI: 10.12737/monography_5c0f6266dcb8e1.84482306; EDN: YQGNGH
14. Население России 2001: девятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневецкий; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. — Москва : Книжный дом «Университет», 2002. — 175 с.
15. **Городилина, М. В.** Семейная идентичность современной молодёжи в контексте биографической памяти поколений: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.05 «Социальная психология» / Городилина Марина Валерьевна. — Москва, 2020. — 20 с. EDN: QCYOMW

Сведения об авторах:

Абдульязнов Артур Рашидович, к.соц.н., ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: gailj_07@bk.ru, ORCID: 0000-0002-2188-4277; РИНЦ AuthorID: 1031102.

Рустамова Гульшат Махмудовна, младший научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, аспирант Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: rustamova.gulshat@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-7346-0348; РИНЦ AuthorID: 1140695.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106

MATING AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Artur R. Abdulzyanov, Gulshat M. Rustamova*

*Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences
(36A Levo-Bulachnaya str., Kazan, Russia, 420111)*

*E-mail: rustamova.gulshat@inbox.ru

For citation:

Abdulzyanov A. R., Rustamova G. M. Mating and reproductive behavior of modern Russian youth. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 51. P. 94-106. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106 (in Russ.)

Abstract. *Steady natural population decline continues to be recorded in most regions of Russia. One of the priority factors influencing the continued depopulation of the country's population is a change in the reproductive behavior of young people, which is expressed in postponing official marriage and birth of children to a later age period of 25–35 years, or a complete refusal to have children. This*

trend is a significant factor in reducing the number of young people themselves, and consequently the number of women of fertile age. According to Rosstat, by 2035 the population aged 14–35 years in Russia will decrease by almost 10%, and the number of Russian women in the active reproductive age of 20–29 years will almost halve. There are analyzed the key elements of the marital and reproductive behavior of young people, which are two interrelated processes: entry into an official registered marriage (an analysis of age-specific marriage rates by gender by federal districts was carried out) and the process of having the first and subsequent children (an analysis of age-specific fertility rates was carried out) with tracking of the dynamics indicators for a 21-year period with a five-year periodicity for 2001, 2006, 2011, 2016 and 2021 by population of four age groups of active reproductive age: 16–17 years; 18–24 years; 25–34 years; 35–49 years; 50–70 years (analysis for 2001 and 2006 of the age group 35–70 years). The results of the study confirmed that a distinctive feature of modern marital and reproductive behavior of young people in Russia is postponement of marital and reproductive debut to a later age stage, predominant focus on a small or medium-child lifestyle, while one of the main characteristics of the first stage of creating a family is premarital cohabitation.

Keywords: youth, family, family identity, marital behavior, fertility, reproductive plans, demographic identity, depopulation.

References and Internet sources

1. Ildarhanova Ch. I., Rustamova G. M. Demograficheskaya identifikatsiya molodozhi: k postanovke problemy [Demographic identification of youth: toward a problem statement]. Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences]. 2022. Vol. 15. No. 1. P. 80–94. (in Russ.)
2. Vishnevsky A. G. Demograficheskaya situatsiya v Rossii: dolgovremennyye tendentsii [Demographic situation in Russia: long-term trends.] Proceedings of the International Demographic Forum. Voronezh, October 22–24, 2020. Voronezh. Tsifrovaya poligrafiya [Digital printing]. 2020. P. 29–36. (in Russ.)
3. Zubok Yu. A. Izmenyayushchayasya sotsial'naya real'nost': refleksiya teoreticheskikh i empiricheskikh aspektov sotsiologicheskogo issledovaniya molodozhi [Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth]. Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye [Scientific Result. Sociology and Management]. 2022. Vol. 8. No. 3. P. 10–30. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2 (in Russ.)
4. McCarthy J. R., Edwards R. Issledovaniya sem'i: osnovnyye ponyatiya: uchebnoye posobiye [Family Studies: Basic Concepts]. Textbook. (Transl. from English by I. N. Tartakovskaya). Ed. E. Yu. Rozhdestvenskaya. NIU «Vysshaya shkola ekonomiki» [Higher School of Economics]. Moscow. Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, [Higher School of Economics Printing House]. 2018. 343 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1315-6 (in Russ.)
5. Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo poryadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu [Russian Society and State in the Context of the Formation of a New World Order: The Demographic Situation in 2022]. Eds. S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya. FNISCRAN [FCTAS RAS]. Moscow. Prospect. 2023. 448 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023 (in Russ.)
6. Rostovskaya T. K. Bлагopoluchiye glazami molodykh suprugov: analiz ekspertnykh interv'yuu [Well-being through the eyes of young spouses: analysis of expert interviews]. Chelovecheskiy kapital [Human Capital]. 2022. Vol. 1. No. 5(161). P. 143–148. DOI: 10.25629/HC.2022.05.16 (in Russ.)
7. Polutin S. V., Bulavin A. V., Zubov O. E., Nagaev T. V. Sobytiya proshlogo v istoricheskoy pamyati molodozhi natsional'nykh regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga [Events of the past in the historical memory of the youth in the ethnic regions of the Volga Federal District]. Regionologiya. [Russian Journal of Regional Studies]. 2021. Vol. 29. No. 1. P. 191–215. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215 (in Russ.)

8. Dadaeva T. M. Modeli semeynogo vzaimodeystviya v predstavleniyakh gorodskoy molodozhi [Models of family interaction in the ideas of urban youth]. *Sotsial'nyye protsessy sovremennoy Rossii [Social Processes in Modern Russia]*. Proceedings of the international scientific and practical conference (Nizhny Novgorod, November 19–20, 2020). Vol. 1. Nizhny Novgorod. 2020. P. 452–456. (in Russ.)
9. Zinurova R. I., Tuzikov A. R. Sotsial'noye zdorov'ye molodozhi: kachestvo zhizni i natsional'naya bezopasnost' [Social health of youth: quality of life and national security]. *Upravleniye ustoychivym razvitiyem [Managing Sustainable Development]*. 2023. No. 1(44). P. 39–46. DOI: 10.55421/2499992X_2023_1_39 (in Russ.)
10. Demograficheskiy doklad — 2020. Demograficheskoye samochuvstviye Respubliki Tatarstan: statisticheskiy monitoring i refleksii naseleniya [Demographic Report 2020. Demographic well-being of the Republic of Tatarstan: Statistical Monitoring and Reflections of the Population]. Ed. Ch. I. Ildarkhanova. Kazan. Izd-vo Akademii nauk RT [Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences]. 2020. 578 p. DOI: 10.51285/dem2020 (in Russ.)
11. Demograficheskiy doklad — 2021. Retrospektivy i perspektivy vosproizvodstva naseleniya Respubliki Tatarstan (2000–2020 gg.) [Demographic Report 2021. Retrospectives and prospects for the reproduction of the population of the Republic of Tatarstan (2000–2020)]. Ed. Ch. I. Ildarkhanova. Kazan. Izd-vo Akademii nauk RT [Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences]. 2022. 306 p. DOI: 10.51285/978-5-9690-0961-5 (in Russ.)
12. Demograficheskiy doklad — 2022. Sotsiodemograficheskiy kapital Respubliki Tatarstan v kontekste natsional'noy bezopasnosti (2019–2021 gg.) [Demographic Report 2022. Socio-Demographic Capital of the Republic of Tatarstan in the Context of National Security (2019–2021)]. Ed. Ch. I. Ildarkhanova. Kazan. Izd-vo Akademii nauk RT [Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences]. 2022. 352 p. DOI: 10.51285/978-5-9690-1058-1 (in Russ.)
13. Antonov A. I., Sinelnikov A. B., Novoselova E. N., et.al. Semeyno-detnyy obraz zhizni: rezul'taty sotsiologo-demograficheskogo issledovaniya [Family and Child Lifestyle: Results of a Socio-Demographic Study]. Moscow. INFRA-M. 2018. P. 277. DOI: 10.12737/monography_5c0f6266dcb8e1.84482306 (in Russ.)
14. Naseleniye Rossii 2001: devyatyy yezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2001: Ninth Annual Demographic Report]. Ed. A. G. Vishnevsky. Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN, Tsentr demografii i ekologii cheloveka [Institute of National Economic Forecasting RAS. Center for Demography and Human Ecology]. Moscow. Knizhnyy dom «Universitet» [University Publishers]. 2002. 175 p. (in Russ.)
15. Gorodilina M. V. Semeynaya identichnost' sovremennoy molodozhi v kontekste biograficheskoy pamyati pokoleniy [Family Identity of Modern Youth in the Context of the Biographical Memory of Generations]. Author's abstract of the Cand. Diss. Moscow. 2020. 20 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Abdulzyanov Artur Rashidovich, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: gailj_07@bk.ru; ORCID: 0000-0002-2188-4277; Elibrary AuthorID: 1031102

Rustamova Gulshat Makhmudovna, Junior Researcher, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences; Postgraduate Student, Advanced Economic Research Center of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: rustamova.gulshat@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-7346-0348; Elibrary AuthorID: 1140695.

Статья поступила в редакцию 10.12.2023, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119
EDN: YXWVNE

ИНФАНТИЛЬНЫЕ ИЛИ ОТВЕТСТВЕННЫЕ: СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В БРАЧНО-СЕМЕЙНОЙ И РЕПРОДУКТИВНОЙ СФЕРАХ

Александрова О. А.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)
НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ)
(115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9)*

E-mail: a762rab@mail.ru

Для цитирования:

Александрова О. А. Инфантильные или ответственные: студенческая молодёжь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 107-119. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119; EDN: YXWVNE

Аннотация. В последние десятилетия в российском обществе наблюдаются тенденции, негативно сказывающиеся на демографической динамике: увеличение возраста вступления в брак, откладывание рождения первого ребёнка, ориентация на малое число детей, высокие показатели числа разводов и абортов. И уже общим местом стали упреки современной молодёжи в гедонизме и инфантилизме, озабоченности в первую очередь собственной карьерой и материальным обустройством, а не созданием семьи. Однако последнее входит в противоречие с артикулируемой молодёжью системой ценностей, в которой первые места неизменно занимает «семья». В статье предпринята попытка ответить на вопрос, имеет ли место ценностный сдвиг или даже конфликт, или же одно является необходимым условием реализации другого. Эмпирической основой послужили результаты социологического исследования, цель которого состояла в выявлении представлений и установок студенческой молодёжи, касающихся новых тенденций в области брачно-семейных отношений и репродуктивного поведения. Полученные данные говорят о том, что молодёжь, действительно, настроена откладывать заключение брака и рождение первого ребёнка на более поздние сроки. Однако, судя по тому, какие ассоциации преимущественно вызывает слово брак; какие смыслы вкладываются респондентами в рождение ребёнка; каким им видится идеальное количество детей и число детей, на которое ориентируются они сами; каково их отношение к многодетным семьям, оказанию помощи старшим поколениям, причины этого — не в снижении ценности семьи и родительства. И не в инфантилизме: напротив, в ответах звучит тема «ответственности», которая во многом сопрягается с возможностью надёжно обеспечить семью. Подобные установки являются реакцией молодёжи на сложившийся социально-экономический контекст, соответственно, изменения моделей репродуктивного поведения можно ожидать при его существенной корректировке, переходе от набора ситуативных мер к полноценной социальной политике.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, брак, семья, дети, родители, семейные отношения, репродуктивное поведение, ценности, установки.

Постановка проблемы

В последние десятилетия в российском обществе наблюдаются тенденции, негативно сказывающиеся на демографической динамике: увеличение возраста вступления в брак, откладывание рождения первого ребёнка, ориентация на малое число детей, высокие показатели числа разводов и аборт. Подобные сдвиги говорят об изменениях в брачно-семейных и репродуктивных установках. Уже общим местом стала констатация того, что современная молодёжь, в том числе девушки, в первую очередь озабочены собственной карьерой и материальным обустройством, а не созданием семьи; что с учётом раннего начала половой жизни приводит к распространению добрачных отношений, при этом сожитительство, более благозвучно именуемое «гражданским браком», становится не просто их формой, но нередко и принципиальной позицией. На этом фоне стало принято упрекать молодёжь в гедонизме, эгоцентризме, инфантилизме, а применительно к самому институту семьи говорить о его девальвации в глазах новых поколений россиян. Кажется, что негативно влияющая на брачно-семейное и репродуктивное поведение ориентация молодёжи на материальные ценности и индивидуальное развитие входит в противоречие с артикулируемой ею же системой ценностей, в которой первые места неизменно занимает «семья». Однако, действительно ли имеет место ценностный конфликт? Поиску ответов на этот вопрос и было посвящено исследование, цель которого состояла в изучении брачно-семейных и репродуктивных установок молодёжи, в данном случае — студенческой.

Степень разработанности проблемы

Процесс формирования и трансформации ценностей, их классификация, природа взаимодействия давно находятся в фокусе внимания исследователей. В своё время М.Рокич предложил различать имеющие экзистенциальный характер терминальные ценности и ценности инструменталь-

ные, отражающие устойчивые представления об эффективных средствах достижения ценностей-целей. В свою очередь Н.И.Лапин описывает ценностную структуру как иерархическую систему с малоподвижными полюсами и двумя группами способных перемещаться вверх и вниз «средних» ценностей, при этом ценности второго порядка могут возвыситься до ценностного ядра либо, напротив, стать ценностями третьего порядка, а последние — поднаться в группу «ядерного резерва» либо стать частью ценностного «хвоста» [1]. Психологи говорят о трёх формах существования ценностей: выработанных общественным сознанием идеалах; воплощении этих идеалов в объективированной или материальной форме; элементе психологической структуры личности, факте сознания, детерминанте отношений индивида с окружающей средой, мотивов его поведения [2].

Очевидно влияние, которое на идеалы и ценности, в том числе затрагивающие сферу брачно-семейных отношений, оказывают экономические и социальные перемены. Так, возможность (в силу развития экономики, технологий, социального государства) на приемлемом уровне удовлетворять первичные потребности ведёт к формированию более высоких социальных запросов, связанных с качеством жизни, самореализацией личности и так далее. На этом фоне одни видят ключевую причину снижения рождаемости в исчезновении экономической мотивации деторождения, а другие настаивают на аксиологической природе эволюции демографических процессов, полагая, что, хотя смена семейной экономики рыночно-индустриальным капитализмом и важна, семейная мораль способна противостоять развалу личных установок на рождаемость [3].

Применительно к ценностям российской молодёжи также сложились две точки зрения. Одна состоит в том, что ценности инструментализируются, приоритет отдаётся ценностям материального порядка и индивидуализма, ценности же семьи и родительства имеют тенденцию к разрушению, чему способствует нарастание инфантилизма,

связанного с неуверенностью в будущем «тяготения к эскапизму и откладыванию значимых решений» [4], а также порождённой виртуализацией общения эмоциональной незрелостью и «аутизацией» [5]. Другая — в том, что ценности семьи и родительства у молодёжи по-прежнему высоки, ассоциативный ряд в отношении этих понятий у молодого и старшего поколений сходен [6]. И тот, и другой взгляд основываются на данных социологических исследований, согласно которым в системе ценностей молодёжи одновременно в качестве ведущих присутствуют ценности семьи, материального благополучия, здоровья, карьеры, дружбы, свободы. Методологическое разрешение проблемы подобного смешения ценностей ищется на пути их рассмотрения в трех измерениях: «социально-биологическом» (где присутствуют семья, здоровье и друзья), «материально-экономическом» (работа, карьера, деньги) и «институциональном» (по сути — гражданском, связанном с отношением к власти, стране, религии и тому подобному) [7].

Эмпирические данные были собраны в ходе социологического исследования¹, включавшего в себя массовый опрос и серию фокусированных групповых интервью. Респондентами выступили студенты всех ступеней обучения Финансового университета при Правительстве РФ (московская площадка), было опрошено 395 человек (62% — девушки и 38% — юноши). Основную часть составили 17–19-летние (34%) и 21–22-летние (55%) респонденты, в подавляющем большинстве — холостые/незамужние (4% респондентов находятся в зарегистрированном браке, 9% — сожительствуют); 45% — коренные москвичи, 9% — прибыли из городов-миллионников, 29% — из городов с населением свыше 100 тыс. человек; остальные — из малых городов и сел (последних — 5%). Более половины опрошенных работают: 32% — на постоянной

основе, 26% — имеют нерегулярную занятость. Чуть более половины респондентов в качестве основных источников средств назвали помощь родителей, 33% — свою заработную плату, 6% — зарплату супруга/сожителя («партнёра»), 9% — стипендию. Что касается проживания, то 18% — живут одни и 13% — с супругами или сожителями, остальные — с родителями (преимущественно) или другими родственниками. Почти половина респондентов выросла в семье с двумя детьми, ещё 36% были единственным ребёнком, остальные — выходцы из многодетных семей. Анкета и сценарий четырёх фокус-групп (по 6 участников, по полам юноши и девушки) включали в себя три содержательных блока: выяснение отношения молодёжи к современным тенденциям в сфере брачных, внутрисемейных отношений и репродуктивного поведения.

Результаты исследования

Мнения респондентов о серьёзности изменений в брачно-семейных отношениях разделились: 58% они кажутся незначительными, 39% — радикальными. При этом 53% считают произошедшие изменения в целом положительными, в качестве таковых в ответах на открытый вопрос практически все отмечали усиление равноправия полов и самостоятельности женщин. Среди негативных тенденций назывались рост числа разводов, откладывание заключения брака и рождения детей и в принципе несерьёзный подход к созданию семьи. По вопросам о браке, рождении детей, внутрисемейных отношениях абсолютное большинство студентов находит общий язык с родителями и более старшими родственниками: 35% — в основном, у ещё 55% — незначительные расхождения. На радикальное несходство взглядов указали 10% респондентов.

Отношение к браку. В представлениях опрошенных студентов брак — это, прежде всего, «союз с целью создания семьи и рождения детей» — 26%, «логичный шаг в развитии отношений между мужчиной и женщиной» — 20% и «показатель серьёзности отношений между мужчиной и жен-

¹ Речь идёт о выпускной квалификационной работе «Отношение московского студенчества к новым тенденциям в сфере материнства и детства», подготовленной в 2019 г. студентками факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве РФ Елдиковой А. Т. и Садык В. М. под научным руководством автора.

щиной» — 16% (ещё 13% расшифровали его как «общий быт и общий семейный бюджет», остальные варианты ответов набирали 1–4% голосов). Слова «семья», «любовь», «ответственность» чаще всего повторялись и в ответах на открытый вопрос о связанных с браком ассоциациях, и в качестве причин, побуждающих заключать браки, чаще всего назывались «любовь» — 29% и «желание создать семью, родить детей» — 28% (ещё 17% респондентов выбрали вариант «традиции», 14% — «беременность/рождение ребёнка» и 11% — «желание стать независимыми от родителей»). Особенно часто мотив любви и желания родить ребёнка называли девушки, юноши же чаще указывали на фактор незапланированной беременности и силу традиций. Респонденты, у которых есть взаимопонимание со старшим поколением, видят в браке показатель серьёзности отношений и логичный шаг в их развитии; те же, у кого его нет — «лишнюю волокиту с документами» и «ни к чему не обязывающий штамп в паспорте».

Наиболее подходящим для вступления в брак большинству респондентов (59%) видится возраст 25–30 лет, остальные разделилась пополам — на указавших более юный возраст и на тех, кто считает, что возраст не имеет значения. В ходе фокус-групп все участники отмечали разницу возраста вступления в брак для мужчин и женщин: *«Для парней это возраст 25–30 лет или даже выше, потому что мужчина должен жениться тогда, когда может материально обеспечить себя и взять ответственность за семью»*. Некоторые настаивали на том, что это относится и к женщинам: *«Самый приемлемый возраст — после 30 лет, когда оба уже состоялись как личности, имеют определённый опыт за плечами и точно осознают, что готовы к созданию семьи»*.

Причину того, что они сами не состоят в браке, респонденты объясняли тем, что им ещё не встретился подходящий человек (40%), своей неготовностью к столь ответственному шагу (24%), а также отсутствием возможности (своей или партнёра) содержать семью (19%). При этом, если 17–19-летние респонденты в основном объясняли

свой холостой/незамужний статус тем, что пока не встретили подходящего человека, то среди 20–22-летних оказалось больше всего тех, кто в качестве причин называли возражения родителей либо принципиально негативное отношение к институту брака со стороны партнёра; 23–25-летние чаще других ссылались на невозможность содержать семью, а ещё более взрослые — на неготовность к такому серьёзному шагу их партнёра.

«Подходящий» для брака человек должен быть верным (22%), умным (16%), честным (15%) и добрым (9%), разделять взгляды и интересы (17%). Отметим, что те респонденты, кто видит в браке «союз с целью создания семьи и рождения детей» чаще других выбирали «высокий социальный статус», «материальное положение» и «доброту»; те, кто считает брак показателем серьёзности отношений, чаще выбирали «верность» и «интеллект». Имеющие постоянную работу респонденты реже, чем живущие на средства родителей или «партнёра», фиксировались на материальном положении и социальном статусе и чаще — на личных качествах будущего спутника жизни. Примечательна связь с атмосферой в родительской семье: респонденты, выросшие в счастливой семье, чаще выбирали «честность» и «доброту», в «нормальной семье, где были как хорошие, так и плохие моменты» — «чувство юмора» и «хорошее воспитание»; в неблагополучной — «высокий социальный статус».

Неверный выбор чреват разводом, причинами которого являются измены (18%), спешка при заключении брака (16%), разные взгляды на жизнь (13%), быт (11%), оставшие чувства (10%). Выходцы из семей с хорошим психологическим климатом чаще указывали на вредные привычки или нежелание одного из супругов иметь детей, а из неблагополучных — семейное насилие. Жители крупных городов чаще называли измены и поспешность с заключением брака, малых городов — быт и измены, селяне — быт. С разводом связан вопрос о сохранении брака ради детей. По общему мнению участников фокус-групп, де-

лать этого не стоит: «Зачем им жить в семье, где мама с папой постоянно ругаются? Лучше позаботиться об их психическом здоровье и растить в доброй атмосфере, пусть даже и с одним родителем».

Были обсуждены и «гражданские браки» — более подробно на фокус-группах. Отношение к ним неоднозначное: противники видят в них риски («самый весомый — финансовая незащищённость, если они решат разойтись, может возникнуть трудность с разделом имущества и детей»), способ избежать ответственности («люди не готовы брать на себя ответственность за партнёра, им кажется, что если они узаконят брак, то будут обязаны что-то делать»), причём «боятся ответственности и мужчины, и женщины») или её несимметричность («это односторонняя ответственность: девушка отвечает за быт парня, а он за неё — нет»). Особенно чётко разница во мнениях проявилась при обсуждении появившейся в СМИ идеи приравнивания «гражданского брака» к официальному после 6 лет сожительства. Одна часть участников, независимо от пола, выступала против (если люди долго живут вместе, и у них всё хорошо, то государству не стоит вмешиваться), другая — за (если причина — в боязни ответственности, то если такой «брак» длится долго, государство «должно помочь людям принять решение»). В рамках массового опроса положительно идею оценили 55% респондентов. Скорее или резко отрицательно — те, кто воспринимает брак как союз для создания семьи и рождения детей, как логичный шаг в отношениях между мужчиной и женщиной, как показатель серьёзности отношений. Заметим, что те, кто относится к этой идее положительно, позитивно настроены и в отношении брачного договора; и наоборот — неприятие «узаконивания» сожительства сочетается с отрицательным отношением к брачному контракту. Как бы то ни было, перед тем, как заводить детей, брак надо заключить (мнение всех участников), поскольку тогда меньше вероятность того, что отец уйдёт (а если и уйдёт, то будет легче взыскать алименты), и будет лучше атмосфера в семье («Не надо

будет никому доказывать, чей это ребёнок, не будет травмироваться его психика. Появление детей до брака принуждает заключить брак — это минус»).

Репродуктивные установки и поведение. По мнению 81% опрошенных, сегодня молодёжь вступает в половые отношения в 16–18 лет (ещё 13% полагают, что в более юном возрасте). Первый опыт половой жизни лучше всего получить в возрасте 16–18 (мнение 34%) или 19–22 лет (30%), ещё 32% полагают, что важен не возраст, а встреча с подходящим человеком. На то, что вступление в интимные отношения должно быть привязано к регистрации брака, указали лишь 2%. О контрацепции сами респонденты чаще всего узнавали из Интернета (31%) и от друзей (22%), заметно реже — от родителей (15%) и из школьных уроков (11%). Из ведущих половую жизнь (таковых — 74%), подавляющее большинство (84%) предохраняется — с целью предотвращения беременности (59%) и венерических заболеваний (36%). Это соответствует общей установке на планируемую беременность (87%). Однако не всем это удаётся: 2% студенток сами делали аборт, а у 54% респондентов есть прошедшие через аборт знакомые. При этом 73% полагают, что никакой аборт не считается безопасным, среди его наиболее распространённых последствий: бесплодие (31%), гормональные нарушения (23%), заболевания органов малого таза (11%), а также «моральные терзания из-за совершенного» (23%). Заметим, что последствие в виде осуждения со стороны окружающих назвали лишь 9%.

Абсолютное большинство (81%) респондентов относится к женщинам, сделавшим аборт, нейтрально, полагая, что это — их личное дело. Разногласия возникают по вопросу, кто должен принимать решение об аборте (53% — должно приниматься совместно, 45% — женщиной). Среди причин абортов чаще всего назывались незапланированный характер беременности (29%) и низкий уровень жизни (24%), заметно реже — отсутствие мужа (12%) и принципиальное нежелание иметь детей 13%. Юноши чаще в качестве причин абортов указы-

вали на наличие другого ребёнка/детей, отсутствие мужа, принципиальное нежелание иметь детей; девушки — на давление родственников, состояние здоровья матери или ребёнка, низкий уровень жизни. В качестве приемлемых оправданий для аборта чаще других назывались риск для жизни и здоровья матери (35%) и обнаружение отклонений в развитии плода (23%). В то же время более четверти респондентов полагают приемлемым совершение аборта в случае, если «не хватает средств на воспитание ребёнка» (19%) или «рождение ребёнка резко снижает уровень жизни его матери/семьи» (8%). При этом респонденты с нейтральным отношением готовы принять в качестве оправданий низкий уровень жизни и медицинские показания; со скорее отрицательным — только угрозу жизни и здоровью матери или отклонения в развитии плода; с резко отрицательным — никакие причины не считают уважительными. Большинство участников фокус-групп относятся к сделавшим аборт женщинам также нейтрально («так же, как к другим женщинам, ни в коем случае не с осуждением») и считают запрет абортов нецелесообразным: «Аборт оправдан, если ребёнок будет иметь какое-либо заболевание или отклонения. Во всех остальных случаях хочется задать такой женщине вопрос, о чем она думала. Но я не поддерживаю запрет абортов, так как, если это незапланированный ребёнок, он окажется в детдоме, либо в семье, где его не будут любить». Они также разделились пополам на тех, кто полагает, что решение об аборте должно быть совместным, и тех, кто считает это прерогативой женщины, но указывали на моральные издержки именно для женщин: «Оба должны принимать решение, но окончательное решение — за женщиной. Потому что это ей жить с мыслью, что она не стала началом новой жизни».

Обратимся к репродуктивным предпочтениям. По мнению 57% респондентов, идеально иметь двоих детей, 33% — троих. Применительно же к себе чуть более половины (53%) респондентов ориентируются на двоих детей, каждый четвёртый — на троих, 13% планируют рождение одно-

го ребёнка. При этом девушки чаще хотят иметь одного или двоих детей, юноши чаще либо вовсе не желают иметь детей, либо хотят иметь троих и более детей. В ходе массового опроса наиболее подходящим для рождения первого ребёнка назывался возраст 23–26 лет. Мнение участников фокус-групп — 25–30 лет: «в этом возрасте родители и финансово, и морально состоялись, готовы брать ответственность за ребёнка». И юноши, и девушки подчёркивали: рожать детей нужно тогда, когда ты можешь дать им любовь и внимание, а самое главное — материально обеспечить. Материальные соображения прозвучали и в ответах на вопрос об отношении к отцам, берущим декретный отпуск (поддержало большинство): «И отец, и мать стремятся сделать жизнь ребёнка счастливой, поэтому не важно, кто будет в декрете. В нашем мире важно материальное положение. Поэтому если женщина может заработать больше, и им обоим комфортно при таком решении, то все в порядке».

Планирующие в будущем иметь детей (таких 94%) делали акцент на том, что дети нужны для продолжения рода (36%), для того, «чтобы было кого любить и о ком заботиться» (27%), что «настоящей семьи без детей не бывает» (17%) и что «в доме веселее, когда там есть дети» (13%). Из тех очень немногих, кто не планирует иметь детей, одна часть объясняла это желанием пожить для себя (21%), тем, что дети мешают карьере (17%), серьёзно «ограничивают свободу делать то, что хочешь» (10%), доставляют много хлопот (3%), вообще нелюбовью к детям, а другая часть — боязнью ответственности за ребёнка (10%), беременности и родов (7%), наличия у ребёнка имеющихся в роду генетических заболеваний (7%), либо отсутствием жилищных условий (10%), финансовых возможностей (7%), здоровья (3%). Наблюдается зависимость между репродуктивными установками и степенью взаимопонимания «отцов и детей». Если взгляды со старшим поколением совпадают, то среди таких респондентов практически нет тех, кто не хочет иметь детей, а те немногие, кто заявляет о нежелании, объясняют

его стремлением пожить для себя (преходящий фактор). Не желающие иметь детей респонденты, у которых есть незначительные расхождения во взглядах со старшим поколением, объясняют свою позицию, прежде всего, объективными причинами (финансовыми затруднениями и отсутствием жилищных условий), а также тем, что дети ограничивают свободу действий. У тех же студентов, которые радикально расходятся во взглядах с родителями, нежелание иметь детей связано с нелюбовью к детям как таковым, с предостережением о том, что они доставляют много хлопот.

Респондентам было также предложено высказать своё отношение к двум противоположным моделям репродуктивного поведения — многодетности и осознанной бездетности (childfree). Согласно полученным данным, 88% респондентов знают, что такое childfree, и, по словам 54% опрошенных, среди их знакомых есть те, кто разделяет эти взгляды. При этом 90% респондентов нейтрально относятся к исповедующим философию childfree, исходя из того, что выбор жизненной позиции в этом вопросе — сугубо индивидуальный; на негативное отношение указали 7%, а 3% признались, что сами придерживаются подобных взглядов. С учётом отмеченных ранее зависимостей не удивительно, что респонденты, чьи взгляды на семью совпадают со старшим поколением, относятся к childfree отрицательно; если взгляды незначительно расходятся — отношение нейтральное; если же расходятся кардинально — относятся с одобрением. Большинство участников фокус-групп не имеет знакомых, исповедующих childfree, но к такой позиции относятся без осуждения, подчёркивая, что *«childfree не равно не любить детей или не способность иметь детей, это — осознанный выбор, сделанный людьми по тем или иным причинам. У всех разные представления о жизни. Все видят свою реализацию в разных сферах, в том числе, отличных от создания семьи. Я их не осуждаю, это нормально, если у них другое счастье в жизни»*. Кроме того, те участники фокус-групп, кто связывает философию childfree с гедонистическими установка-

ми и страхом ответственности за маленького человека, уверены, что рано или поздно взгляды изменятся: *«У меня есть такие знакомые. Они придерживаются такого стиля жизни, потому что боятся ответственности, хотя и пожить в своё удовольствие, не обременять себя лишними обязанностями. Но однажды они, все же, захотят завести семью и быть родителями»*. В то же время, участники, негативно относящиеся к исповедующим взгляды childfree, выразились весьма резко: *«Если человек считает, что жизнь без детей лучше, пусть на нем закончится его род. Такие люди обществу не нужны. Это глупо»*.

Что касается отношения к многодетности, абсолютное большинство (91%) имеют знакомых, выросших в многодетных семьях. Большинство ассоциаций, выбранных респондентами из предложенных им суждений о многодетных семьях, — положительные, а больше других набрали голосов (каждое около 14%) такие: «у выходцев из многодетной семьи всегда есть на кого положиться, в такой семье очень развита взаимопомощь», «дети из многодетной семьи вырастают более самостоятельными», «старшие дети помогают по хозяйству и следят за младшими». Из негативных ассоциаций более других набрали голосов (каждое около 5%) следующие: «в многодетной семье невозможно нормально воспитать детей, так как у родителей не хватает сил и времени на всех», «дети из многодетных семей чувствуют себя ущемлёнными, так как их родителям не хватает средств, чтобы покупать им вещи как у других детей». Среди респондентов, у которых многодетные семьи вызывают негативные ассоциации, преобладают не имеющие родных братьев или сестёр, а также знакомых — выходцев из многодетных семей. Преобладали отрицательные ассоциации и у самых молодых респондентов, полагающих, что «многодетные семьи плодят нищету», «много детей заводят безответственные люди» и так далее. Более взрослые респонденты чаще указывали на положительные ассоциации, такие как: «в многодетных семьях дети не вырастают эгоистами», «если в семье мно-

го детей, значит, родители любят друг друга». Участникам фокус-групп многодетная семья видится преимущественно в позитивном ключе: как та, «в которой все заботятся друг о друге; у детей всегда есть друг в лице брата и сестры; старшие дети помогают родителям заботиться о младших; все достаточно близко между собой». Хотя указывалось и на возможные проблемы: «Когда больше детей, во-первых, сложно с обеспечением, во-вторых, даже если семья — богатая, то все равно всем внимание в одинаковой мере не уделить. Пока ты за малыши следишь, больше уже «косячат» где-то, какой-то ребёнок связывается не с той компанией». Что касается побудительных мотивов рождения троих и более детей, то здесь мнения участников фокус-групп разделились. Если одна часть уверена в том, что побудить к этому может исключительно собственное желание и большая любовь к детям, то другая часть указала на льготы и пособия, предоставляемые государством многодетным семьям.

Респондентам было также предложено высказать своё отношение к использованию вспомогательных репродуктивных технологий — экстракорпоральному оплодотворению (ЭКО) и суррогатному материнству. К плюсам ЭКО респонденты отнесли, прежде всего, возможность забеременеть женщинам с проблемами репродуктивного здоровья (79%); существенно реже указывали на возможность забеременеть в зрелом возрасте (9%), использовать донорский биоматериал (7%), «отстреляться за один раз», родив часто получающуюся при ЭКО двойню (3%). А к минусам — дороговизну процедуры, притом, что беременность не гарантирована (52%) и опасность для здоровья женщины (29%). Что касается суррогатного материнства, то, по мнению почти двух третей респондентов, оно допустимо исключительно по медицинским показаниям: при бесплодии одного или обоих супругов (26%), наличии заболеваний, при которых беременность и роды полностью противопоказаны (24%), многократных выкидышах (14%). Ещё часть респондентов считает, что к нему могут прибегнуть вы-

шедшие из репродуктивного возраста женщины (14%) и одинокие мужчины (9%). На неприемлемость суррогатного материнства ни в какой ситуации указал 1% опрошенных. Общее мнение участников фокус-групп состояло в том, что «суррогатное материнство приемлемо для всех случаев, кроме цели сохранения фигуры».

Внутрисемейные отношения. В данном блоке речь шла об отношениях между супругами, родителями и детьми, а также между взрослыми детьми и родителями. Такая новая тенденция, как заключение брачных контрактов, воспринимается молодёжью: 35% опрошенных относится к этому положительно и ещё 34% — скорее положительно; о резко негативном отношении заявили 7%. Что касается ответственных за пополнение семейного бюджета, то здесь мнения разделились: 41% респондентов полагают, что неважно, кто вносит основной вклад, главное, чтобы оба супруга чувствовали себя комфортно, но 38% отводят роль главного добытчика мужчине. В отношении распоряжения заработанными супругами средствами мнения также разделились: большинство (61%) полагают, что все деньги должны направляться в семейный бюджет (заметим, что среди бывших сельчан вообще нет тех, кто думает иначе); 23% — что объединять деньги супругов нужно только для крупных покупок, в обычной же ситуации каждый сам тратит то, что заработал, и ещё 6% выступают за самостоятельное распоряжение каждым супругом своим заработком (заметим, что эту модель отрицают бывшие жители малых городов).

Абсолютное большинство респондентов в той или иной степени уверены в том, что при необходимости родители должны материально помогать своим взрослым детям (40% выбрали ответ «да» и 46% — «скорее, да»). И ещё больше (98%) декларируют аналогичную обязанность взрослых детей по отношению к представителям старшего поколения (в этом случае уже 70% выбрали ответ «да» и 28% — «скорее, да»). И, судя по результатам опроса, их родители так и поступают, во всяком случае, 91% респондентов указали, что их семьи помогают ба-

бушкам и дедушкам материально (на этот вид помощи указали 54%) или по хозяйству (28%), либо не помогают, но лишь потому, что те не нуждаются в помощи (10%). Пожилые родственники 93% респондентов поступают аналогично (помогают своим детям и внукам материально (26%) или по хозяйству (36%), а если не помогают, то потому, что в этом нет нужды (32%). В малых городах и сёлах, судя по результатам опроса, представители старшего поколения в основном оказывают своим детям и внукам материальную помощь.

Что касается вопроса, приемлемо ли сегодня взрослым детям жить с родителями, мнения респондентов разделилось почти пополам: 47% в той или иной степени полагают совместное проживание приемлемым (14% — «да», 33% — «скорее, да»), 54% не считают такую ситуацию приемлемой (13% — категорически). При этом к первой группе относятся студенты, живущие вместе с родителями, а также в основном не имеющие расхождений во взглядах на семью, а ко второй — те, кто живёт отдельно от родителей (одни либо с супругом/сожителем), а также радикально расходящиеся с ними во взглядах. Отметим также связь между мнениями о приемлемости проживания вместе с родителями и об обязанности родителей помогать взрослым детям: считающие совместное проживание с родителями приемлемым полагают, что родители должны при необходимости материально помогать детям, противники совместного проживания уверены в обратном. Правда, и на отсутствие у взрослых детей обязанности помогать родителям, в основном, указывают респонденты, проживающие одни или с супругом/сожителем.

Установки относительно распределения ролей в семье представляют собой смесь старого и нового. С одной стороны, более трех четвертей респондентов полагают, что семейные обязанности являются общим делом. С другой, есть обязанности, которые часть респондентов закрепляют за мужем или женой. Так, почти 70% полагают, что за ремонт и починку сломавшихся вещей отвечают мужчины; ещё часть опро-

шенных (правда, гораздо меньшая) вменяет им в обязанность оплату нарядов и развлечений (22%) или в целом содержание семьи (19%). К чисто женским обязанностям часть респондентов относит приготовление еды (44%), поддержание чистоты в доме (31%), заведывание семейным бюджетом в части планирования покупок, учёта расходов (14%). По мнению абсолютного большинства респондентов (87–91%), оба супруга должны: принимать решения относительно будущего семьи, заботиться обо всех ее членах, делать покупки, а также воспитывать детей (вне зависимости от их пола). Что касается подходов к воспитанию, то, по мнению 85% опрошенных, идеальная модель — это дружеские отношения с ребёнком, поскольку главное — это доверие (вариант ответа с акцентом на непререкаемость авторитета родителей, поскольку главное — это послушание, выбрали 7% респондентов). О дружбе и доверии как залого подлинного авторитета говорили и участники фокус-групп: *«Когда есть доверие, родитель автоматически становится для ребёнка авторитетом, ребёнок приходит к родителю за советом, прислушивается к нему».*

Выводы

Как показало наше исследование, студенческая молодёжь, действительно, настроена откладывать заключение брака и рождение первого ребёнка на более поздние сроки. Однако, судя по тому, какие ассоциации преимущественно вызывает слово брак; какие смыслы вкладываются респондентами в рождение ребёнка; каким им видится идеальное количество детей и то число детей, на которое ориентируются они сами; каково их отношение к многодетным семьям, к оказанию помощи старшим поколениям, причины этого отнюдь не в снижении ценности семьи и родительства. И не в инфантилизме (во всяком случае, у большинства): в ответах на разные вопросы, так или иначе, звучит тема «ответственности» (за жизнь маленького человека, за своего спутника), которая во многом сопрягается с возможностью надёжно обеспечить

семью, что, в свою очередь, увязывается с профессиональным становлением — своим и будущего супруга.

Но можно ли упрекать молодёжь за то, что она трезво оценивает реалии, кстати, уготованные ей предыдущими поколениями? Если в течение предшествующих лет сами представители государства признавали: именно семьи с детьми, в первую очередь, находятся в зоне риска бедности². Если являющееся условием для создания семьи решение «квартирного вопроса» многим молодым видится труднодостижимым [8]. Можно, конечно, ссылаться на прежние поколения, рожавшие в гораздо более скучные в материальном и бытовом плане времена. Однако, во-первых, то было время всеобщей и стабильной занятости; теперь же к ничего не гарантирующему рынку, а также все более уходящему от бессрочных трудовых договоров бюджетному сектору, добавляется цифровизация, грозящая исчезновением не одному десяtku профессий. Во-вторых, было бесплатное образование и медицинская помощь; теперь же коммерциализация затронула все без исключения ступени образования и государственное здравоохранение. Наконец, то была жизнь в относительно однородном с точки зрения потребительских возможностей обществе; нынешняя же молодёжь живёт в обществе с высоким уровнем избыточного неравенства и, как следствие, завышенными стандартами потребления, не соразмерными доходам большинства. Почти 20 лет назад на основе российской ста-

тистики и математического моделирования было убедительно показано: избыточное неравенство негативно влияет не только на экономический рост, но и на демографическую динамику, в том числе, способствуя снижению рождаемости. Потому что, задумываясь о детях, люди (особенно более чувствительная к мнению окружения молодёжь) исходят не из абсолютного размера своего дохода, а из сравнения своих потребительских возможностей с уровнем потребления референтных групп [9]. Тогда было предложено и решение: снижающая неравенство до нормальных величин комбинация прогрессивного налогообложения доходов и социальных трансфертов, подтягивающих доходы малообеспеченных слоёв. Однако, эти рекомендации так и не были претворены в жизнь, вместо этого, в полном соответствии с неолиберальной парадигмой, усилился крен в сторону селективной модели социальной политики и ужесточения критериев нуждаемости [10]. Да, на фоне экстраординарных событий, случившихся в 2020 и 2022 гг., размеры выплат пособий семьям с детьми, «материнского капитала» были увеличены, расширились возможности получения льготной ипотеки. Но достаточно ли ситуативных решений (без пересмотра всей социально-экономической политики) для того, чтобы молодёжь в ином свете увидела реалии, в которых ей предстоит растить детей, и, идя навстречу пожеланиям государства, массово согласилась бы становиться родителями и раньше, и чаще?

² Минтруд сообщил, что большая часть бедных в РФ — это семьи с детьми // Интерфакс, 4 июня 2021 года.

Литература и Интернет-источники

1. **Лапин, Н. И.** Ценности, группы интересов и трансформация российского общества / Н. И. Лапин // СОЦИС. — 1997. — № 3. — С. 14–24. EDN: MOXGHR
2. **Ежевская, Т. И.** Ценности как важный психологический ресурс личности / Т. И. Ежевская // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. — 2010. — № 2(22). — С. 55–59. EDN: MSXVMD
3. **Шестаков, К. А.** Детерминанты репродуктивного поведения или почему рожают больше трёх? / К. А. Шестаков // Семья и социально-демографические исследования. — 2014. — Апрель. — URL: <https://web.archive.org/web/20150203071654/http://demographia.net/journal/2014-04/shestakov> (дата обращения: 09.02.2024).

4. **Сабельникова, Е. В.** Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация / Е. В. Сабельникова, Н. Л. Хмелева // Образование и наука. — 2016. — № 3(132). — С. 89–105. DOI:10.17853/1994-5639-2016-3-70-105; EDN: VRBXHT
5. **Бочавер, А. А.** Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории / А. А. Бочавер, А. В. Жилинская, К. Д. Хломов // Современная зарубежная психология. — 2016. — Т. 5. — № 2. — С. 31–38. DOI:10.17759/jmfp.2016050204; EDN: WJIABT
6. **Исаков, А. В.** Родительство как ценность в современном российском обществе: автореф. дис. ... к. филос. н. по специальности 09.00.11 / А. В. Исаков. — Чита, 2016. — 24 с.
7. **Шереги Ф. И.** Политические установки студентов российских вузов / Ф. И. Шереги // СОЦИС. — 2013. — № 1(345). — С. 63–78. EDN: PMKWNH
8. **Александрова, О. А.** «Купить нельзя арендовать»: куда поставит запятую столичная молодёжь? / О. А. Александрова, Е. И. Борковская // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. — 2019. — Т. 9. — № 5(41). — С. 97–105. DOI:10.26794/2226-7867-2019-9-5-97-105; EDN: TRPMCN
9. **Шевяков, А. Ю.** Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А. Ю. Шевяков, А. Я. Кирута. — Москва : М–Студио, 2009. — 187 с.
10. **Александрова, О. А.** Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности / О. А. Александрова, А. В. Ярашева // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 1. — С. 4–21. DOI:10.26653/1561-7785-2018-21-1-01; EDN: URJAXQ

Сведения об авторе:

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., зам. директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН; проф. Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия. Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; РИНЦ AuthorID: 257224.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119

INFANTILE OR RESPONSIBLE: STUDENTS ABOUT NEW TRENDS IN THE MARRIAGE AND FAMILY AND REPRODUCTIVE SPHERES

Olga A. Aleksandrova

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

Financial University under the Government of the Russian Federation

(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

Research Institute of Healthcare Organization and Medical

Management of the Moscow Department of Healthcare

(9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)

For citation:

Aleksandrova O. A. Infantile or responsible: students about new trends in the marriage and family and reproductive spheres. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 51. P. 107-119. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119 (in Russ.)

Abstract. *In recent decades, Russian society has observed trends having a negative impact on demographic dynamics: an increase in the age of marriage, postponing the birth of the first child, a focus on a small number of children, and high rates of divorce and abortion. Reproaching modern youth with hedonism and infantilism, preoccupation primarily with their own career and material well-being, but not with starting a family, has become commonplace. However, the latter is in conflict*

with the value system articulated by young people, in which «family» invariably occupies the first place. The article attempts to answer the question of whether there is a value shift or even a conflict, or whether one is a necessary condition for the implementation of the other. The empirical basis was the results of a sociological study, the purpose of which was to identify the ideas and attitudes of student youth regarding new trends in the field of marriage and family relations and reproductive behavior. The data obtained indicate that young people are indeed inclined to postpone marriage and the birth of their first child to a later date. However, judging by what associations the word «marriage» predominantly evokes; what meanings are invested by respondents to the birth of a child; what they see as the ideal number of children and the number of children they themselves are guided by; what is their attitude towards large families, towards providing assistance to older generations, the reasons for this are not a decrease in the value of family and parenthood. And not in infantilism: on the contrary, in the answers, the theme of «responsibility» is largely associated with the ability to reliably provide for the family. Such attitudes are a reaction of young people to the current socio-economic context; accordingly, changes in the reproductive behavior patterns can be expected with its significant adjustment, transition from a set of situational measures to a full-fledged social policy.

Keywords: youth, students, marriage, family, children, parents, family relationships, reproductive behavior, values, attitudes.

References and Internet sources

1. Lapin N. I. Tsennosti, gruppy interesov i transformatsiya rossiyskogo obshchestva [Values, interest groups and transformation of Russian society]. SOTSIS [Sociological Studies]. 1997. No. 3. P. 14–24. (in Russ.)
2. Yezhevskaya T. I. Tsennosti kak vazhnyy psikhologicheskiy resurs lichnosti [Values as important psychological resource of a person]. Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya [Humanitarian Vector. Series: Pedagogy, Psychology]. 2010. No. 2(22). P. 55–59. (in Russ.)
3. Shestakov K. A. Determinanty reproduktivnogo povedeniya ili pochemu rozhayut bol'she trokh? [Determinants of reproductive behavior or why do they give birth more than three?] Sem'ya i demograficheskiye issledovaniya [Family and demographic research]. 2014. April. Available at: <https://web.archive.org/web/20150203071654/http://demographia.net/journal/2014-04/shestakov> (Accessed: 2 February 2024). (in Russ.)
4. Sabelnikova E. V., Khmeleva N. L. Infantilizm: teoreticheskiy konstrukt i operatsionalizatsiya [Infantilism: theoretical construct and operationalization]. Obrazovaniye i nauka [Education and Science Journal]. 2016. No. 3(132). P. 89–105. (in Russ.)
5. Bochaver A. A., Zhilinskaya A. V., Khlomov K. D. Perspektivy sovremennykh podrostkov v kontekste zhiznennoy trayektorii [Prospects of modern adolescents in the context of life trajectory]. Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 31–38. (in Russ.)
6. Isakov A. V. Roditel'stvo kak tsennost' v sovremennom rossiyskom obshchestve [Parenthood as a Value in Modern Russian Society]. Author's abstract of Cand. Diss. Chita. 2016. 24 p. (in Russ.)
7. Sheregi F. I. Politicheskiye ustanovki studentov rossiyskikh vuzov [Political attitudes of students of Russian universities]. SOTSIS [Sociological Studies]. 2013. No. 1(345). P. 63–78. (in Russ.)
8. Aleksandrova O. A., Borkovskaya E. I. «Kupit' nel'zya arendovat'»: kuda postavit zapyatuyu stolichnaya molodozh'? [Buy or rent: what do metropolitan youth chose?] Gumanitarnyye nauki. Vestnik finansovogo universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]. 2019. Vol. 9. No. 5(41). P. 97–105. (in Russ.)
9. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. Neravenstvo, ekonomicheskiy rost i demografiya: neissledovannyye vzaimosvyazi [Inequality, Economic Growth and Demography: Unexplored Relationships]. Moscow. M-Studio. 2009. 189 p. (in Russ.)

10. Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V. Usileniye selektivnosti sotsial'noy politiki i perspektivy snizheniya bednosti [Strengthening the selectivity of social policy and poverty reduction prospects]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 4–21. (in Russ.)

Information about the author:

Aleksandrova Olga Arkadyevna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAC RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; Elibrary AuthorID: 257224.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-120-131
EDN: MKZIDX

РЕПРОДУКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ В СЕМЬЕ: АБОРТ, КОНТРАЦЕПЦИЯ, ЭКО

Русанова Н. Е.^{1*}, Ерофеева Л. В.²

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
(125190, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 80, к. 45)

*E-mail: ner258@rambler.ru

Для цитирования:

Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В. Репродуктивные решения в семье: аборт, контрацепция, ЭКО // Народонаселение. – 2023. – Т. 27. – № 51. – С. 120-131. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-120-131; EDN: MKZIDX

Аннотация. Репродуктивные решения, подход к которым эволюционировал вместе с возможностями производства безопасного аборта и эффективной контрацепции, позволили сделать обратимой даже мужскую и женскую стерилизацию, а вспомогательные репродуктивные технологии стали применяться при необходимости восстановления фертильности, искусственно ограниченной для предохранения от нежелательной беременности. Регулирование рождаемости как демографическая, социальная, медицинская проблема общества стало больше зависеть от регулирования числа рождений в семье. Цель статьи — выявить тенденции принятия индивидуальных решений относительно рождения детей с учётом новых возможностей искусственного прерывания беременности, предохранения от нежелательной беременности, восстановления фертильности с помощью вспомогательных репродуктивных технологий. Информационную базу составили тематические данные официальной и отраслевой статистики, информационно-аналитические материалы, результаты социологических опросов разных лет, публикации российских и зарубежных учёных в области демографии и медицины, материалы профильных сайтов. Выявлено изменение приоритетов методов современной контрацепции по мере роста доступности программ, основанных на экстракорпоральном оплодотворении в России и других странах (рост мужской и женской стерилизации с криоконсервацией полового материала). Показана тенденция изменения отношения к «домашним абортам», усилившаяся после расширения масштабов телемедицины как вынужденной меры периода пандемии ковида. Выделены гендерные барьеры контрацепции в связи с ограниченными методами для мужчин и медико-социальные перспективы решения этой проблемы в разных странах.

Ключевые слова: репродуктивные решения, аборт, контрацепция, стерилизация, вспомогательные репродуктивные технологии, телемедицина.

Введение

Современные возможности индивидуального регулирования числа рождений позволяют принимать репродуктивные решения с учётом методов, изначально разработанных для взаимоисключающих целей. Например, общедоступность вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), основанных на экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО), изменила контрацептивное поведение и расширила вариативность репродуктивного поведения семей. Репродуктивное законодательство разных стран учитывает национальные особенности регулирования индивидуального числа рождений, и принятие обоснованных решений относительно числа детей в семье зависит от доступности и качества медицинской помощи при искусственном прерывании беременности, комфортности и надёжности контрацептивов, возможностей, альтернативных естественной фертильности. Обзоры новых мировых тенденций планирования семьи показывают их дифференциацию по странам, в связи с чем в статье ставятся задачи анализа места России в этих процессах. Источником информации для исследования направлений принятия индивидуальных решений о числе детей и времени их рождения являются данные официальной и отраслевой статистики, социологической информации, открытые публикации отечественных и зарубежных учёных.

Репродуктивное решение «не рожать сейчас» — аборт или контрацепция

Исторически самыми первыми способами регулирования рождаемости, направленными на сокращение числа нежелательных рождений, были инфантицид и аборт, которые всегда вызывали неоднозначную общественную реакцию. Постепенно убийство младенцев почти перестало практиковаться, но искусственное прерывание беременности в разные годы в зависимости от текущей демографической ситуации категорически запрещалось, полностью разрешалось или ограничивалось. К началу XXI в.

в мире доминирующей тенденцией стало их сокращение. Однако в последние годы в некоторых странах начался рост: например, в 2021 г. в Англии и Уэльсе было сделано 214869 аборт, максимум за всю историю и на 4 тыс. больше, чем в предшествующий год. Одной из причин стало расширение доступности телемедицинских консультаций, позволяющих прервать беременность самостоятельно, «своими руками» в домашних условиях, получив таблетки после видеоконтакта с врачом. Такая практика вводилась в 2020 г. как временная мера в пандемию COVID-19, затем в ходе общественных консультаций до 70% жителей Великобритании поддержали завершение программы, но домашние аборт были признаны одной из постоянных услуг телемедицины. При этом в опросе по заказу Ассоциации защиты нерождённых детей (SPUC) 15% женщин подтвердили, что прервали беременность под давлением, 71% респондентов выразили обеспокоенность самим фактом производства медикаментозного аборта дома после видеоконсультации, а 86% врачей общей практики высказали опасения по поводу реальной тенденции принуждения женщин к абортам¹.

Абортной политике периода пандемии предшествовали дискуссии о допустимости аборта, активизировавшиеся даже в странах, традиционно проводящих политику их строгого ограничения. Например, в Ирландии на референдуме о либерализации закона об абортах за отмену поправки к Конституции о защите жизни с момента зачатия проголосовали 66%, в результате чего был принят новый закон, разрешивший прерывание беременности до 12 недель во всех случаях, и на более позднем сроке при угрозе жизни или здоровью женщины, либо наличии признаков гибели плода во время беременности. В Польше, почти полностью запретившей искусственное прерывание беременности в 1990-е гг., социологический опрос в 2019 г. показал, что до 58% населения выступает за аборт до 12 недель

¹ Liczba aborcji w Anglii i Walii rekordowo wysoka // Vatican News, 07.07.2022. — URL: <https://www.vaticannews.va/pl/swiat/news/2022-07/liczba-aborcji-w-anglii-i-walii-rekordowo-wysoka.html> (дата обращения: 01.02.2024).

беременности независимо от причины². В России пандемия не изменила сложившуюся тенденцию к снижению числа абортующих (за 2010–2022 гг. на 42%)³, но добровольная востребованность в них сохраняется из-за сохранения мотивирующих причин: межличностных отношений в паре, материальных и жилищных проблем, ошибок контрацептивного поведения и прочих.

Такие изменения общественного отношения к абортам и медицинских возможностей их производства были учтены Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ), выпустившей в 2022 г. соответствующие рекомендации⁴. Альтернативой абортам является контрацепция, которая способствует реализации прав человека на принятие самостоятельного решения относительно числа детей, которых он хотел бы иметь, и интервалов между их рождением. Контрацепция направлена на удовлетворение репродуктивных потребностей и здоровья всего населения, что априори предполагает наличие «мужских» и «женских» методов, основанных на разных механизмах действия и имеющих разную эффективность, но большинство из них предназначено женщинам. Мужская контрацепция в разной степени распространена в странах Европы, Северной и Южной Америки, Азии и в Австралии [1; 2].

По данным ВОЗ, в мире из 1,9 млрд женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в услугах по планированию семьи нуждаются 1,1 млрд женщин. Современными методами контрацепции пользуются 874 млн из них, и 164 млн не имеют доступа к контрацептивам⁵. Эффективность контрацепции

измеряется числом случаев наступления беременности на 100 женщин, пользующихся этим методом, в год: очень эффективные (0–0,9 беременностей), эффективные (1–9), умеренно эффективные (10–19), низкоэффективные (20). За 2015–2022 гг. показатель удовлетворения потребностей в услугах по планированию семьи с помощью современных методов в среднем в мире составил около 77% (в 1990 г. — 67%). Динамика неодинакова в разных странах, что связано, в том числе, с различными культурными и религиозными традициями. Например, в Ирландии противозачаточные таблетки, доступные в большинстве стран с 1960-х гг., запрещались до 1978 г., а до 1992 г. официально назначались только супружеским парам. Сегодня среди барьеров — ограниченный выбор методов контрацепции; трудности в доступе к услугам по предохранению, особенно среди молодёжи, малоимущих и не состоящих в браке людей; побочные эффекты или их боязнь; низкое качество доступных контрацептивных услуг; предвзятое отношение пациентов и врачей к некоторым методам контрацепции; гендерные барьеры для доступа к услугам по предохранению. В 2022 г. среди замужних или имеющих постоянного партнёра женщин показатель использования всех методов контрацепции составил 65%, а современных методов — 59%⁶.

Из всех способов предохранения от нежелательной беременности меньше всего общественных протестов вызывают самые простые, но при этом самые ненадёж-

---

рилизацию, внутриматочные спирали (ВМС), имплантаты, инъекционные препараты, оральные контрацептивные таблетки, мужские и женские презервативы, методы вагинального барьера (включая диафрагму, цервикальный колпачок и спермицидную пену, желе, крем и губку), метод лечения лактационной аменореи (LAM), экстренная контрацепция и проч. Традиционные методы включают ритмические (основанные на информировании о фертильности и периодическое воздержание), абстиненцию и прочее // United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Family Planning 2022: Meeting the changing needs for family planning: Contraceptive use by age and method. UN DESA/POP/2022/TR/NO. 4.

⁶ Планирование семьи/методы контрацепции. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/family-planning-contraception> (дата обращения: 01.02.2024).

² Od zakazu aborcji do dostepnej aborcji. Czy Polska zmieni sie jak Irlandia // Noizz, 27.10.2020. — URL: <https://noizz.pl/spoleczenstwo/od-zakazu-aborcji-do-dostepnej-aborcji-czy-polska-zmieni-sie-jak-irlandia/93zg540#-:~:text=Polskie%20prawo%20nie%20jest%20tak,na%20trudne%20warunki%20%20C5%BCyowie%20ci%20C4%99%20C5%BCarnej> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Здравоохранение в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 179 с. — С. 63, 64.

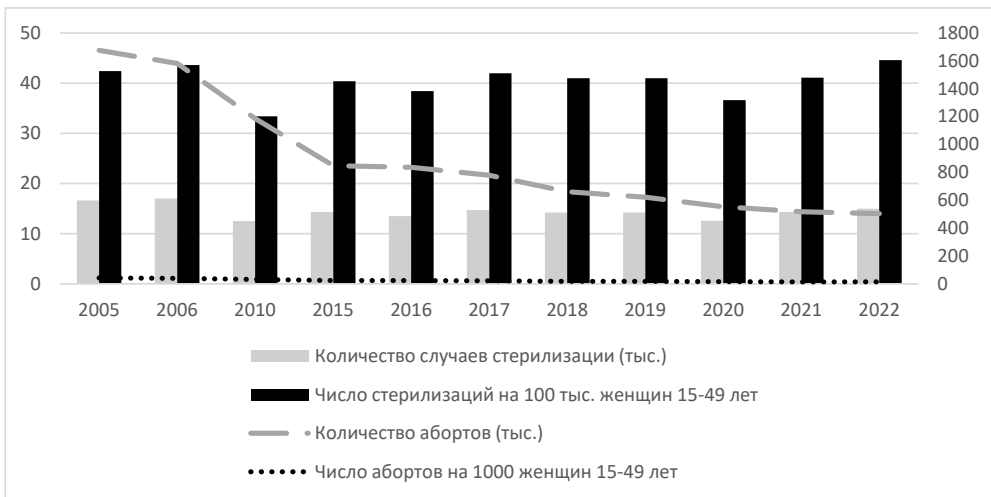
⁴ Руководство по уходу при прерывании беременности // ВОЗ. — URL: <https://www.who.int/ru/publications/item/9789240045163> (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ В аналитических целях методы контрацепции часто разделяются на современные и традиционные. Современные методы обычно включают женскую и мужскую сте-

ные и некомфортные календарные и барьерные методы, труднее всего воспринимаются прогрессивная и эффективная гормональная контрацепция, а также посткоитальные таблетки и стерилизация, долгое время считавшаяся необратимой. В России «медицинская стерилизация как специальное медицинское вмешательство в целях лишения человека способности к воспроизводству потомства или как метод контрацепции может быть проведена только по письменному заявлению гражданина в возрасте старше 35 лет или гражданина, имеющего не менее двух детей, а при наличии медицинских показаний и информированного добровольного согласия гражданина —

независимо от возраста и наличия детей»⁷. После максимума в 2006 г. число случаев стерилизации женщин в России снижалось, но после 2010 г. тренд изменился при сохранении тенденции к снижению числа и частоты аборт (рис. 1). Небольшое сокращение числа стерилизаций («плато») отмечалось в 2020 г., когда во время пандемии ковида было проведено 12,6 тыс. операций, а многие не жизненно важные операции были отложены.

⁷ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.). ст. 57 // Консультант-Плюс. — URL: consultant.ru (дата обращения: 01.02.2024).

Рис. 1. Динамика аборт и женской стерилизации в России в 2005–2022 годах

Fig. 1. Dynamics of abortions and female sterilization in Russia in 2005–2022

Источники: Здравоохранение в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2017. — 170 с. — С. 56, 58; Здравоохранение в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 179 с. — С. 63, 64.

Рост случаев женской стерилизации может быть связан с ростом информированности о самой процедуре и лучшей осведомленности населения о её реальных последствиях: чаще всего стерилизация по желанию женщины проводится параллельно с другой операцией, иногда во время чревосечения при вторых или последующих родах. Одновременно снижается востребованность других противозачаточных мето-

дов: число женщин, использующих гормональную контрацепцию, упало с 2010 г. более чем на 20% (с 4,6 тыс. до 3,8 тыс.), а тех, кто использует ВМС — на 88% (с 4,7 тыс. в 2010 г. до 2,5 тыс. в 2022 г.)⁸.

Стерилизация (как правило, «обычная» или «малоинвазивная» вазэктомия) до сих пор является в мире одним из двух обще-

⁸ Здравоохранение в России. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 179 с. — С. 63, 64.

доступных методов мужской контрацепции, и, по разным оценкам, в начале 2000-х гг. 40–60 млн человек проходили эту процедуру, а 5–10% пар выбирали её в качестве основного метода контроля числа рождений [3]. В 2011–2013 гг. в США 33,4% пар использовали стерилизацию (25,1% — женскую, 8,3% — мужскую), в мире — 30%, но в развивающихся странах — 10%⁹; затем в лидеры вышли англосаксонские страны, Северная Европа и Южная Корея. Начался рост популярности этой процедуры во Франции — в 2010 г. было проведено 1940 вазэктомий, в 2022 г. — 30288 (с 9,8 процедур на 100 тыс. мужчин 20–70 лет до 149,5); число женских стерилизаций снижалось, в 2021 г. сравнялось с мужским, а в 2022 г. на две женские стерилизации приходилось три мужские. За это время средний возраст мужчин при вазэктомии снизился с 44 лет до 41 года — за счёт относительно молодых «чайлд-фри», но 6,8% решившихся на операцию предварительно провели криоконсервацию¹⁰. В России нет достоверных данных по мужской стерилизации, но практикующие специалисты отмечают минимальную потребность в ней: «Число обращений ко мне за 42 года, наверное, уместится в пределах 30 человек. Причём треть из них обращались не по поводу вазэктомии, а по поводу реконструкции семенных путей»¹¹, то есть хотели восстановить фертильность.

Репродуктивное решение «родить во что бы то ни стало» — ЭКО или реверсирование?

Мужская и женская стерилизация как хирургическая операция может приводить к медицинским осложнениям и вызывать психологические проблемы, связанные

с добровольным отказом от возможности забеременеть: в течение 14 лет после стерилизации об этом сожалеет каждая восьмая женщина; среди женщин, стерилизованных в возрасте моложе 30 лет — каждая пятая, среди более старших — каждая двадцатая; каждая седьмая интересовалась восстановлением фертильности, а среди стерилизованных до 30 лет таких было 40%. Для мужчин вероятность наступления беременности на 1000 вазэктомий составляет 7,4 через год, 11,3 — через два, три и пять лет. 1–2% мужчин сожалеют о проведённой операции, а 6–8% женщин — о том, что их супруг/партнёр стерилизовал себя¹². В первое десятилетие XXI в. в США около 2% мужчин, сделавших вазэктомию, проводили затем восстановительную операцию [4], а 3–8% мужчин консультировались по этому поводу с врачом [5], но отказались из-за больших затрат и снижения вероятности успешной беременности. В Великобритании 16% всех мужчин моложе 70 лет перенесли вазэктомию, а поскольку повторные союзы составляют 40% всех браков, то значительная часть мужчин вступают в новые отношения и сожалеют о проведённой стерилизации. Среди других причин решения о восстановлении фертильности — потеря детей, уход детей из семьи после окончания школы, или изменение репродуктивных намерений семьи при улучшении финансового состояния¹³.

Восстановление мужской фертильности возможно с помощью реверсирования, которое относительно эффективно в течение 10 лет после вазэктомии, после чего частота оплодотворений снижается почти наполовину, и единственно возможным становится зачатие с помощью одной из программ ЭКО. По разным данным, частота «восстановленных» беременностей составляет 38–

⁹ Male and Female Sterilization: Procedures and Side Effects. April 22, 2022 // Human Life International: [сайт]. — URL: <https://www.hli.org/resources/permanent-sterilization/> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁰ Французы прибегают к вазэктомии // ИноСМИ: [сайт]. — URL: <https://inosmi.ru/20240215/frantsiya-267872337.html> (дата обращения: 01.02.2024).

¹¹ Медведев И. Частичная стерилизация и никакой вазэктомии: что думают врачи о «репродуктивной» инициативе Милонова 16.01.2024 // БФМ.РУ: [сайт] — URL: <https://www.bfm.ru/news/542184> (дата обращения: 01.02.2024).

¹² Male and Female Sterilization: Procedures and Side Effects. April 22, 2022 // Human Life International: [сайт]. — URL: <https://www.hli.org/resources/permanent-sterilization/> (дата обращения: 01.02.2024).

¹³ Laurance J. Vasectomy reversal: first cut isn't final. The Independent. 2009–03–30. — URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/health-and-families/health-news/vasectomy-reversal-first-cut-isn-t-final-1657039.html> (дата обращения: 01.02.2024).

89%, а ЭКО-беременностей — 17–36%¹⁴. Решение о беременности принимается с учётом специфики каждой пары потенциальных родителей, но подход к выбору зависит от возраста и репродуктивного здоровья женщины: если она не старше 38 лет и репродуктивно здорова, то при хороших перспективах хирургического реверсирования предпочтение отдаётся ему, при плохих — рекомендуется ЭКО-ИКСИ [6]; если женщина старше 38 лет, вероятность наступления беременности при реверсировании и при ЭКО-ИКСИ почти одинакова [7].

Регулирование числа рождений в семье: демографическая, социальная, медицинская проблема

В настоящее время широко признано, что всеобщий доступ к услугам и информации в области сексуального и репродуктивного здоровья, включая весь спектр безопасных и эффективных методов контрацепции, имеет основополагающее значение для прав и благополучия всего населения, а роль мужчин имеет важнейшее значение в достижении целей планирования семьи [8]. ВОЗ подчёркивает, что в современном обществе аборт нельзя рассматривать как метод регулирования рождаемости, им стала контрацепция, поэтому необходимо повышение информирования семей о новых методах контрацепции, их эффективности и перспективах¹⁵. Но до 40% молодых женщин считают, что их интерес и необходимость в контрацептивном консультировании не удовлетворяются [9].

В разные периоды жизни женщины репродуктивного возраста могут нуждаться в различных методах предотвращения нежелательной беременности, потребность в тех или иных методах контрацепции зависит от общества, религиозных убежде-

ний, социальной ситуации. В ответ на запросы некоторые страны предлагают телемедицинские аборт, обычно включающие телефонный звонок либо видеоконсультацию с сертифицированным удалённым поставщиком услуг и медикаментозный аборт с препаратами, которые можно принимать дома. Хотя общественное отношение к таким инициативам неоднозначное, они постепенно распространяются, приспособившись к национальному или региональному репродуктивному законодательству¹⁶. В России «домашний аборт» относится к опасным методам искусственного прерывания беременности и не входит в перечень разрешённых, хотя на форумах медицинских сайтов есть целевые запросы, чаще всего от несовершеннолетних, от желающих скрыть факт аборта, от пропустивших срок и прочее¹⁷. Чтобы усилить контроль, в 2023 г. Министерство здравоохранения РФ предложило меры дополнительного регулирования, распространения правила продаж ядосодержащих, психотропных и наркотических препаратов на средства для медицинского аборта¹⁸. Формально это не касается экстренной контрацепции, лекарств для которой продаётся на порядок больше, однако часть из них отличается от таблеток для медикаментозного аборта лишь дозировкой.

В конце 1990-х гг. на мировом фармакологическом рынке появились новые усовершенствованные гормоносодержащие средства контрацепции, но их использованию в России мешает «гормонофобия»: 22% женщин опасаются гормонов [10], хотя при правильном применении они облада-

¹⁶ Cassata C. What Role Will Telemedicine Abortions Play if Roe v. Wade Is Struck Down? // Health: [сайт]. — URL: <https://www.health.com/news/telemedicine-abortion-roe-v-wade> 27.05.2022 (дата обращения: 25.02.2024).

¹⁷ Например, сделать медикаментозный аборт // Пуз-Капануз.Ru: [сайт]. — URL: https://www.puzkarapuz.ru/consultation/detail/hochu_sdelat_medikamentoznyj_abort_6 (дата обращения: 23.02.2024).

¹⁸ Проект «Об утверждении Перечня лекарственных средств для медицинского применения, подлежащих предметно-количественному учёту» № 130851 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: [сайт]. — URL: <https://www.regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=130851#> (дата обращения: 20.02.2024).

¹⁴ Male and Female Sterilization: Procedures and Side Effects. April 22, 2022 // Human Life International: [сайт]. — URL: <https://www.hli.org/resources/permanent-sterilization/> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁵ Планирование семьи: универсальное руководство для поставщиков услуг по планированию семьи // ВОЗ: [сайт]. — URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/341461/9789289055505-rus.pdf?sequence=1> (дата обращения: 01.02.2024).

ют значимым контрацептивным эффектом, безопасны и обратимы. В 2021 г. исследование «Современные приоритеты контрацептивного поведения российских женщин трудоспособного возраста» показало, что в вопросах контрацепции женщины больше всего доверяют медицинским работникам [11], поэтому возрастает роль индивидуализированного консультирования — одного из базовых критериев ВОЗ, играющего важную роль для сохранения репродуктивного здоровья населения.

Исследование INASSCORE (International Active Surveillance study «Safety of Contraceptives: Role of Estrogens») с участием более 50 тыс. женщин показало, что во всех возрастах наиболее важными характеристиками контрацептива считаются надёжность и безопасность, но риск контрацептивных неудач на фоне приёма инновационных гормоносодержащих комбинированных оральные контрацептивов (КОК) ниже по сравнению с другими даже у женщин на пике фертильности (моложе 25 лет) [12]. Поскольку в любом возрасте важно минимальное влияние на общее состояние здоровья, современные КОК рекомендуются молодым женщинам, заинтересованным в долгосрочной надёжной контрацепции, в том числе имеющим детей и в период грудного вскармливания [13].

Стремительное распространение прогрессивных диагностических методов способствует раннему выявлению заболеваний — по обследованию 2013 г. из 390 москвичек 19–49 лет лишь у 8% не было гинекологических патологий, а 49% женщин 19–29 лет страдали нарушениями цикла и воспалительными заболеваниями тазовых органов¹⁹. Выбор контрацепции в возрасте старше 45 лет, когда большинство репродуктивных планов уже реализовано, связан с постепенным угасанием естественной фертильности, ухудшением гинекологического здоровья, появлением симптомов климактерия. Несмотря на это, по разным данным, 30–50% женщин 45–54 лет потен-

циально способны к зачатию²⁰, и обычно при наступлении беременности возникает вопрос об искусственном аборте, который часто протекает с осложнениями. Поскольку сохраняется фертильность, но снижается сексуальная активность, число половых партнёров, риск инфекций, передаваемых половым путём (ИППП), растёт вероятность экстрагенитальных патологий и гинекологических заболеваний, то при выборе контрацепции встаёт вопрос о её влиянии на возрастные изменения²¹.

Многие мужчины также готовы участвовать в контроле над числом рождений с помощью средств, к которым предъявляют определённые требования: отсутствие кратковременных или долговременных побочных эффектов, обратимость, быстрое действие, простота применения, безопасность для будущего потомства [14; 15]. Выбор может быть вынужденным — например, в одном из локальных китайских опросов 70% женщин поддерживали намерения своих мужей делать ежемесячные инъекции гормональных препаратов из-за невозможности применения эффективной женской контрацепции [16]. Однако общая перспектива потребности в современных мужских контрацептивах очевидна: 44–83% участников опроса, проведенного в Эдинбурге, Кейптауне, Шанхае и Гонконге, были готовы использовать мужские противозачаточные таблетки, менее всего востребованы импланты длительного действия [17].

По данным разных социологических опросов, отношение мужчин к современной контрацепции связано с их социальными характеристиками, гендерной политикой и дифференцируется не только по странам, но и внутри них: в Кении более половины опрошенных будут применять новые мужские контрацептивы, а в США — от 40% до 75% в разных группах респондентов

²⁰ Руководство по репродуктивной медицине / под ред. Б. Карра, Р. Блекулла, Р. Азиза. Пер. с англ. — Москва: Практика, 2015. — 832 с.; МакВэй Э., Джиллбууд Д., Хамбэг Р. Репродуктивная медицина и планирование семьи: Практическое руководство / под ред. В. Н. Прилепской и Г. Т. Сухих. Пер. с англ. — Москва: МЕДпрессинформ, 2016. — 368 с.

²¹ Национальные медицинские критерии приемлемости методов контрацепции. 4-е изд. — Москва: ВОЗ, 2009. — 178 с.

¹⁹ Дикке Г. Б. Контрацепция среди жительниц Москвы, страдающих гинекологическими заболеваниями. — URL: <https://pharmateca.ru/ru/archive/article/30015> (дата обращения: 01.02.2024).

[8]. Во Франции сформировалось движение за контрацептивное равноправие мужчин в целях поощрения их ответственности за предотвращение нежелательной беременности²². В России исследования мужской контрацепции фрагментарны и не позволяют обобщить результаты; например, проводимый авторами в марте 2024 г. опрос студентов одного из московских медицинских ВУЗов показывает, что молодые мужчины готовы принимать участие в планировании семьи, однако знают и применяют лишь барьерную контрацепцию, даже стерилизация известна не всем и не применяется никем из опрошенных.

* * *

Прогресс медицины приводит к увеличению продолжительности жизни и позволяет расширить практические возможности регулирования числа рождений в любой семье. Современное репродуктивное поведение позволяет менять решения о числе и времени рождения детей не только на протяжении всего репродуктивного возраста, но и после него. Во всех странах модифицируется общественное отношение к различным методам отказа от нежелательной беременности, требования к которым включают не только обязательность ожидаемого результата, но и безопасность для здоровья, и удобство применения, и доступность.

Актуальность репродуктивного регулирования сегодня отражает потребности стран в определённой динамике рождаемости, с одной стороны, и стремление населения к максимальной индивидуализации ре-

продуктивного выбора, с другой. Это ярко проявляется в непрекращающихся дискуссиях о роли аборта как метода регулирования рождаемости, который реагирует и на общественные (внешние) факторы (национальная абортная политика в период пандемии ковида), и на медицинские (внутренние) (практика «домашних абортов» с помощью телемедицинских консультаций).

Новую роль в принятии репродуктивных решений получили ВРТ, изначально внедрённые в клиническую практику для лечения бесплодия, а также совершенствование КОК. Программы криоконсервации и ИКСИ способствовали распространению считавшейся необратимой стерилизации, популярность которой была низкой, а приближение КОК к естественным процессам и комфортность применения обратили на них мужское внимание. Этические вопросы разделения контрацептивных рисков между партнёрами и «репродуктивная автономия» стали практическими, сняв бремя контроля над рождаемостью, которое долго лежало на женщинах. Социологические данные свидетельствуют о том, что культурные изменения могут привести к увеличению спроса на мужскую контрацепцию и предоставить мужчинам новые возможности, позволяющие активно участвовать в разделении ответственности за репродуктивный выбор семьи. Это общие тенденции для всех стран, но их национальные проявления зависят от текущей демографической ситуации и целей развития народонаселения. В России особое значение придается современным методам регулирования числа рождений, которые позволяют сохранить индивидуальную фертильность на протяжении всего репродуктивного возраста и способствуют повышению рождаемости.

²² Французы прибегают к вазэктомии // ИноСМИ: [сайт]. – URL: <https://inosmi.ru/20240215/frantsiya-267872337.html> (дата обращения: 01.02.2024).

Литература и Интернет-источники

1. **Heinemann, K.** Attitudes toward male fertility control: results of a multinational survey on four continents. / K. Heinemann, F. Saad, M. Wiesemes, S. White, L. Heinemann // Human Reproduction. — 2005. — Vol. 20. — No. 2. — P. 549–556.
2. **Martin, C. W.** Potential impact of hormonal male contraception: cross-cultural implications for development of novel preparations. / C. W. Martin, R. A. Anderson, L. Cheng [и др.] // Human Reproduction. — 2000. — Vol. 15. — No. 3. — P. 637–645. DOI: 10.1093/humrep/15.3.637
3. **Griffin, T.** How little is enough? The evidence for post-vasectomy testing. / T. Griffin, R. Toohar, K. Nowakowski, M. Lloyd, G. J. Maddern // The Journal of Urology. — 2005. — Vol. 174. — No. 1. — P. 29–36. DOI: 10.1097/01.ju.0000161595.82642.fc
4. **Sharma, V.** Vasectomy demographics and postvasectomy desire for future children: results from a contemporary national survey. / V. Sharma, B. V. Le, K. R. Sheth [и др.] // Fertility and Sterility. — 2013. — Vol. 99. — No. 7. — P. 1880–1885.
5. **Hsieh, M. H.** Markov modeling of vasectomy reversal and ART for infertility: how do obstructive interval and female partner age influence cost effectiveness? / M. H. Hsieh, M. V. Meng, P. J. Turek // Fertility and Sterility. — 2007. — Vol. 88. — No. 4. — P. 840–846. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2006.11.199
6. **Meng, M. V.** Surgery or assisted reproduction? A decision analysis of treatment costs in male infertility. / M. V. Meng, K. L. Greene, P. J. Turek // The Journal of Urology. — 2005. — Vol. 174. — No. 5. — P. 1926–1931. DOI: 10.1097/01.ju.0000176736.74328.1a
7. **Gerrard, E. R. Jr.** Effect of female partner age on pregnancy rates after vasectomy reversal. / E. R. Jr. Gerrard, J. I. Sandlow, R. A. Oster [и др.] // Fertility and Sterility. — 2007. — Vol. 87. — No. 6. — P. 1340–1344. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2006.11.038
8. **Wang, C.** Progress in male contraception: A brief summary of the Third International Congress on Male Contraception, May 2022. / C. Wang, D. Blithe, S. Page, D. Serfaty, R. Sitruk Ware // Andrology. — 2022. — Vol. 10. — No. 8. — P. 1460–1462. DOI: 10.1111/andr.13261
9. **Шереметьева, Е. В.** Индивидуальное консультирование молодых женщин по вопросам контрацепции в реальной клинической практике / Е. В. Шереметьева, Е. Н. Андреева // Проблемы репродукции. — 2022. — Т. 28. — № 4. — С. 89–96. DOI: 10.17116/repro20222804189; EDN: DYDXON
10. **Marshall, C.** Young Women's Contraceptive Decision Making: Do Preferences for Contraceptive Attributes Align with Method Choice? / C. Marshall, S. Guendelman, J. Mauldon, A. Nuru-Jeter // Perspectives on Sexual and Reproductive Health. — 2016. — Vol. 48. — No. 3. — P. 119–127. DOI: 10.1363/48e10116
11. **Армашевская, О. В.** Современные приоритеты контрацептивного поведения российских женщин трудоспособного возраста (по данным выборочного исследования) / О. В. Армашевская, Т. А. Соколовская, А. Ш. Сененко // Акушерство и гинекология. — 2021 — № 1. — С. 164–169. DOI: 10.18565/aig.2021.1.164-169; EDN: IPBJBZ
12. **Barnett, C.** Unintended pregnancy rates differ according to combined oral contraceptive — results from the INAS-SCORE study. / C. Barnett, J. Dinger, T. D. Minh, K. Heinemann // The European Journal of Contraception and Reproductive Health Care. — 2019. — Vol. 24. — No. 4. — P. 247–250. DOI: 10.1080/13625187.2019.1629412
13. **Dinger, J.** Impact of estrogen type on cardiovascular safety of combined oral contraceptives. / J. Dinger, T. Do Minh, K. Heinemann // Contraception. — 2016. — Vol. 94. — No. 4. — P. 328–339. DOI: 10.1016/j.contraception.2016.06.010
14. **Wang, C.** Hormonal approaches to male contraception / C. Wang, R. S. Swerdloff // Current Opinion of Urology. — 2010. — Vol. 20. — No. 6. — P. 520–524. DOI: 10.1097/MOU.0b013e32833f1b4a
15. **Nieschlag, E.** The struggle for male hormonal contraception / E. Nieschlag // Best Practice and Research. Clinical Endocrinology and Metabolism. — 2011. — Vol. 25. — No. 2. — P. 369–375. DOI: 10.1016/j.beem.2010.08.008

16. **Zhang, L.** The acceptability of an injectable, once-a-month male contraceptive in China / L. Zhang, L. H. Shah, Y. Liu, K. M. Vogelsong // *Contraception*. — 2006. — Vol. 73. — No. 5. — P. 548–553.
17. **Martin, C. W.** Potential impact of hormonal male contraception: cross-cultural implications for development of novel preparations / C. W. Martin, R. A. Anderson, L. Cheng [и др.] // *Human Reproduction*. — 2000. — Vol. 15. — No. 3. — P. 637–645. DOI: 10.1093/humrep/15.3.637

Сведения об авторах:

Русанова Нина Евгеньевна, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
 Контактная информация: e-mail: ner238@rambler.ru ORCID: 0000-0002-1859-2345; РИНЦ AuthorID: 76915.

Ерофеева Любовь Владимировна, старший преподаватель, Московский финансово-промышленный Университет «Синергия», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: LVErofeeva@synergy.ru.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-120-131

REPRODUCTIVE DECISIONS IN FAMILY: ABORTION, CONTRACEPTION, IVF

Nina E. Rusanova^{1*}, Lubov V. Erofeeva²

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Moscow University for Industry and Finance «Sinergy»
(80, build. 45 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125190)*

*E-mail: ner238@rambler.ru

For citation:

Rusanova N. E., Erofeeva L. V. Reproductive decisions in family: abortion, contraception, IVF. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 120-131. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-120-131 (in Russ.)

Abstract. *Reproductive decisions in modern families are based on reproductive goals, on the one hand, and the possibilities of their implementation, on the other. Reproductive solutions, the approach to which has evolved along with the possibilities of producing safe abortion and effective contraception, have made it possible even to make male and female sterilization reversible, and assisted reproductive technologies have become used when it is necessary to restore fertility, artificially limited to protect against unwanted pregnancy. Birth control as a demographic, social, and medical problem of society has become more dependent on regulating the number of births in a family. The purpose of the article is to identify trends in making individual decisions regarding birth of children, taking into account the new possibilities of artificial termination of pregnancy, protection against unwanted pregnancy, and fertility restoration using assisted reproductive technologies. The information base consists of thematic data from official state and medical statistics, information and analytical materials, results of sociological surveys from different years, publications by Russian and foreign scientists in the field of demography and medicine, materials from specialized websites. Changes in the priorities of modern contraceptive methods are identified as the availability of programs based on in vitro fertilization in Russia and other countries increases (growth of male and female sterilization with cryopreservation of sexual material). The trend of changing attitudes towards «home abortions» is shown, which intensified after the expansion of telemedicine as a necessary measure during the COVID-19 pandemic. The*

gender barriers of contraception in connection with limited methods for men and the medical and social prospects for solving this problem in different countries are highlighted.

Keywords: reproductive solutions, abortion, contraception, sterilization, assisted reproductive technologies, telemedicine.

References and Internet sources

1. Heinemann K., Saad F., Wiesemes M., White S., Heinemann L. Attitudes toward male fertility control: results of a multinational survey on four continents. *Human Reproduction*. 2005. Vol. 20. No. 2. P. 549–556.
2. Martin C. W, Anderson R. A, Cheng L, et al. Potential impact of hormonal male contraception: cross-cultural implications for development of novel preparations. *Human Reproduction*. 2000. Vol. 15. No. 3. P. 637–645.
3. Griffen T, et al. How little is enough? The evidence for post vasectomy testing. *The Journal of Urology*. 2005. Vol. 174. No. 29. P. 29–36. DOI: 10.1097/01.ju.00001161595.82642.fc
4. Sharma V., et al. Vasectomy demographics and postvasectomy desire for future children: results from a contemporary national survey. *Fertility and Sterility*. 2013. Vol. 99. No. 7. P. 1880–1885. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2013.02.032
5. Hsieh M. H, et al. Markov modeling of vasectomy reversal and ART: How do obstructive interval and female partner age influence cost-effectiveness? *Fertility and Sterility*. 2007. Vol. 88. No. 4. P. 840–846. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2006.11.199
6. Meng M. V, Greene K. L, Turek P. J. Surgery or assisted reproduction? A decision analysis of treatment costs in male infertility. *The Journal of Urology*. 2005. Vol. 174. No. 5. P. 1926–1931; discussion 1931. DOI: 10.1097/01.ju.0000176736.74328.1a
7. Gerrard E. R Jr, Sandlow J. I, Oster R. A, Burns J. R, Box L. C, Kolettis P. N. Effect of female partner age on pregnancy rates after vasectomy reversal. *Fertility and Sterility*. 2007. Vol. 87. No. 6. P. 1340–1344. DOI: 10.1016/j.fertnstert.2006.11.038
8. Wang C., Blithe D., Page S., Serfaty D., Sitruk Ware R. Progress in male contraception: A brief summary of the Third International Congress on Male Contraception, May 2022. *Andrology*. 2022. Vol. 10, No. 8. P. 1460–1462. DOI: 10.1111/andr.13261
9. Sheremetyeva E. V, Andreeva E. N. Individual'noye konsul'tirovaniye molodykh zhenshchin po voprosam kontratseptsii v real'noy klinicheskoy praktike [Individualized contraceptive counseling for young women in clinical practice]. *Problemy reproduktivnoy meditsiny [Russian Journal of Human Reproduction]*. 2022. Vol. 28. No. 4. P. 89–96. DOI: 10.17116/repro20222804189 (in Russ.)
10. Marshall C., Guendelman S., Mauldon J., Nuru-Jeter A. Young women's contraceptive decision making: Do preferences for contraceptive attributes align with method choice? *Perspectives on Sexual and Reproductive Health*. 2016. Vol. 48. No. 3. P. 119–127. DOI: 10.1363/48e10116
11. Armashvskaya O. V, Sokolovskaya T. A, Senenko A. Sh. Sovremennyye priorityety kontratseptivnogo povedeniya rossiyskikh zhenshchin trudospobnogo vozrasta (po dannym vyborochnogo issledovaniya) [Modern priorities of contraceptive behavior of Russian women of working age (according to a sample study)]. *Akusherstvo i ginekologiya. [Obstetrics and Gynaecology]*. 2021. No. 1. P. 164–169. DOI: 10.18565/aig.2021.1 (in Russ.)
12. Barnett C., Dinger J., Minh T. D., Heinemann K. Unintended pregnancy rates differ according to combined oral contraceptive – results from the INAS-SCORE study. *The European Journal of Contraception and Reproductive Health Care*. 2019. Vol. 24. No. 4. P. 247–250. DOI: 10.1080/13625187.2019.1629412
13. Dinger J., Do Minh T., Heinemann K. Impact of estrogen type on cardiovascular safety of combined oral contraceptives. *Contraception*. 2016. Vol. 94. No. 4. P. 328–339. DOI: 10.1016/j.contraception.2016.06.010
14. Wang C., Swerdloff R. S. Hormonal approaches to male contraception. *Current Opinion of Urology*. 2010. Vol. 20. No. 6. P. 520–524. DOI: 10.1097/MOU.0b013e32833f1b4a

15. Nieschlag E. The struggle for male hormonal contraception. *Best Practice and Research. Clinical Endocrinology and Metabolism*. 2011. Vol. 25. No. 2. P. 369–375. DOI: 10.1016/j.beem.2010.08.008
16. Zhang L., Shah I. H., Liu Y., et al. The acceptability of an injectable, once-a-month male contraceptive in China. *Contraception*. 2006. Vol. 73. No. 5. P. 548–553. DOI: 10.1016/j.contraception.2005.10.012
17. Martin C. W., Anderson R. A., Cheng L., et al. Potential impact of hormonal male contraception: cross-cultural implications for development of novel preparations. *Human Reproduction*. 2000. Vol. 15. No. 3. P. 637–645. DOI: 10.1093/humrep/15.3.637

Information about the authors:

Rusanova Nina Evgenievna, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

Contact information: e-mail: ner238@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-1859-2345; Elibrary AuthorID: 76915.

Erofeeva Lubov Vladimirovna, Senior Lecturer, Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russia

Contact information: e-mail: LVErofeeva@synergy.ru.

Статья поступила в редакцию 26.02.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146
EDN: ВННСХW

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ДЕТЯМ И РОДИТЕЛЬСТВУ: ГЕНДЕРНЫЕ И СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Вяльшина А. А.

*Институт аграрных проблем Саратовского научного центра РАН
(410012, Россия, Саратов, ул. Московская, 94)*

e-mail: anvyal@mail.ru

Для цитирования:

Вяльшина А. А. Отношение студентов к детям и родительству: гендерные и сельско-городские сопоставления // Народонаселение. – 2023. – Т. 27. – № 51. – С. 132-146. DOI:10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146; EDN: ВННСХW

Аннотация. С 2016 г. в России наблюдаются признаки демографического спада, причём впервые за много лет сокращение рождаемости затронуло и сельскую местность. Трансформация брачно-семейных, репродуктивных и детско-родительских ориентаций распространяется на все социально-демографические группы молодёжи, но по-разному интериоризируются выходцами из села и городскими жителями. В составе сельских юношей больше тех, для кого высокая ценность семьи и детей в системе жизненных ориентиров, кто отличается традиционными представлениями о распределении гендерных ролей, ориентирован на многодетность и успешность родительства. Сельские девушки характеризуются максимальными репродуктивными установками, детоцентричны и положительно ориентированы на родительство. При высоких ориентациях на достижение жизненного благополучия за счёт удачной карьеры и материальной независимости, они более вероятно родят желаемое число детей из-за высокой социальной регуляции репродуктивного поведения, характерной для сельского локального сообщества. Городских девушек отличает стремление к самореализации во многих сферах жизнедеятельности, что вынуждает их сокращать репродуктивные ориентации, несмотря на высокие нормативные представления о детях и родительстве. Реализация их репродуктивного потенциала заключается в развитии инструментов эффективного сочетания материнства и возможностей индивидуального саморазвития. Городские юноши представляют собой наименее заинтересованную в семье и детях группу, среди них выше доля тех, кто склонен считать детей финансово и морально затратным фактором, они характеризуются минимальными репродуктивными установками. Сделан вывод о необходимости разработки инструментов государственной семейной политики, учитывающих, с одной стороны, специфические потребности и предпочтения разных социально-демографических групп молодёжи, а с другой — нацеленных на согласование индивидуальных интересов саморазвития потенциальных родителей и демографических целей развития российского общества.

Ключевые слова: отношение к детям, родительство, молодёжь, студенты, социологические исследования.

Постановка проблемы

Результаты исследований отмечают наличие двух основных моделей рождаемости в современной России — городской и сельской. Городская модель характеризуется более поздним возрастом рождения детей и низкими нормами детности, в то время как сельская ориентируется на традиционную модель семьи, высокую норму детности и более раннее родительство [1; 2]. Аналитики подчёркивают, что репродуктивное поведение жи-

телей российских городов становится всё более похожим на модели рождаемости, характерные для стран Запада [3]. Кроме того, для жителей сельской местности статистически подтверждаются менее заметные изменения возрастного профиля материнства и среднего возраста вступления в брак [3, с. 106–107]. Однако разрыв между городской и сельской рождаемостью начал сокращаться. Более того, с 2015 г. сельская рождаемость впервые за много лет стала ниже городской (рис. 1).

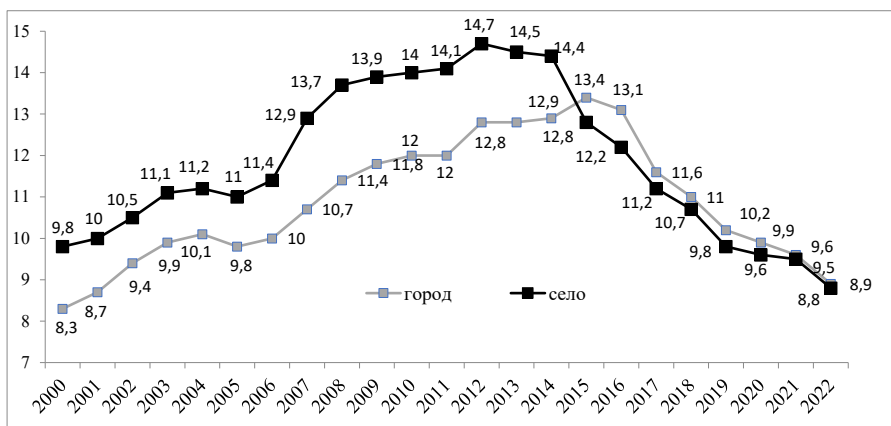

Рис. 1. Общий коэффициент рождаемости в зависимости от места проживания, %

Fig. 1. Total fertility rate by place of residence, %

Источник: данные Росстата.

Существующие различия в моделях репродуктивного поведения между городскими и сельскими жителями определяются не только разными репродуктивными установками, гендерными стереотипами и брачно-семейными предпочтениями. Главными причинами являются, во-первых — продолжающаяся трансформация института семьи, брака и родительства в современном обществе, во-вторых — разная степень интериоризации подобных установок, стереотипов и предпочтений городской и сельской молодёжью, и в-третьих — неравномерность распространения ценностей постмодерна и индивидуализма в населённых пунктах разной численности населения и отдалённости от мегаполисов. Главной задачей современных исследований является анализ осо-

бенностей протекания трансформационных процессов в репродуктивном поведении молодёжи из одного поколения, но повзрослевших в разных пространственных условиях развития, и оценка вклада этих изменений в детерминацию общих демографических процессов в стране.

Цель исследования заключается в изучении различий в отношении к детям и родительству современной молодёжи на примере студентов Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова в зависимости от места рождения и проживания до начала учёбы. Гендерные сопоставления включены в анализ в качестве ключевого социально-демографического признака дифференциации установок, стереотипов, предпочтений

и намерений, определяющих модели брачного, репродуктивного и родительского поведения индивидов. Главными задачами исследования являются: 1) анализ различий в репродуктивных установках юношей и девушек в зависимости от места рождения (город/сельская местность); 2) исследование системы их жизненных ценностей и ориентиров, а также места семьи и детей в ней; 3) изучение отношения студентов к детям и родительству и различий в нём между городскими и сельскими респондентами; 4) анализ мнения студентов относительно мер повышения рождаемости и выявления особенностей их восприятия между молодыми горожанами и сельчанами.

Обзор литературы

Исследователи считают процессы урбанизации и демографического перехода тесно взаимосвязанными. Теория демографического перехода связывает появление идеала небольшой семьи с установками и предпочтениями, характерными для городской жизни, а различия в рождаемости между сельскими и городскими районами объясняют пространственными проявлениями различных темпов структурных изменений в обществе [4]. Городская жизнь не только увеличивает прямые финансовые затраты на воспитание детей, но и альтернативные издержки семей из-за многообразия возможностей социально-экономической мобильности в городах. Кроме того, городская экономика более подвержена негативным последствиям экономических спадов, хотя и возможностей их нейтрализации имеет больше. Демографы считают, что влияние городского образа и стиля жизни на структуру затрат и рисков семей является неотъемлемой частью роли урбанизации в изменении рождаемости [5].

Учёные школы социальной диффузии, напротив, рассматривают различия в рождаемости между сельскими и городскими районами как вторичные проявления внутри системы однородных культурных сообществ, подверженных снижению рождаемости [6; 7]. Расширение социальных, экономических, транспортных и коммуникационных связей

в городах ускоряет интенсивность взаимодействия индивидов с жителями экономически развитых стран и регионов, более продвинутых в освоении новых моделей рождаемости и брачно-семейных отношений. Это разрушает старые системы социального контроля, ускоряет распространение новых репродуктивных ценностей и повышает легитимность современных средств контроля над рождаемостью [8]. По сравнению с сельским населением, городские жители также имеют больше возможностей для доступа к услугам по планированию семьи.

Согласно теории пространственной диффузии, изменения ценностей и установок распространяются через иерархию поселений в отдалённые сельские районы через коммуникационные и транспортные сети на основе распространения поведенческих изменений в моделях рождаемости посредством «трехэтапной эволюции разницы рождаемости между городом и деревней» [9–11]. Результаты многочисленных исследований показывают, что превышение рождаемости в сельской местности над рождаемостью в городах резко возрастает на начальном этапе демографического перехода из-за более раннего и быстрого её снижения в городах. Позже сельская рождаемость заметно снижается и приближается к более низкому городскому уровню [12].

В отечественной научной литературе подробно исследованы изменения в послевоенной демографической динамике и описаны среднесрочные циклы числа рождений [13; 14]. Российские демографы особо подчёркивают, что современный этап депопуляции имеет свои особенности и существенно отличается от предыдущего этапа тем, что вызван в значительной степени уменьшением численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста [15, с. 4]. Эксперты отмечают, что важную роль играют новые стереотипы репродуктивного поведения и распространение сознательной бездетности, или модели «чайлдфри», которые одни социально-демографические группы и слои населения осваивают быстрее, чем другие [16].

По мнению Дж. Колдуэлла, главной причиной сокращения рождаемости является из-

менение типа мотивации репродуктивного поведения. А. Г. Вишнеvский обращал внимание, что «в любых обществах в разные эпохи социально-экономического развития прокреативное поведение рационально, и рождаемость, хоть высокая, хоть низкая... экономически выгодна индивиду, супружеской паре или семье» в соответствии с их текущей жизненной ситуацией [17]. Д. Ван де Каа отмечает обусловленность сокращения рождаемости в развитых странах в эпоху второго демографического перехода сменой родительских ориентиров от детоцентризма, характерного для эпохи первого демографического перехода, к приоритету интересов родительской самореализации («сдвиг от эры ребёнка-короля в семье к эре королевской супружеской пары с ребёнком») [18; 19]. Более того, он считает, что «растущие доходы, экономическая и политическая защищённость... индивидуализировали сексуальные предпочтения, решения о видах совместной жизни, об абортaх, стерилизации и добровольной бездетности» [20].

Материалы и методы

Информационную базу исследования составляют результаты прикладного пилотажного социологического исследования «Дети в современной семье», проведённого Институтом аграрных проблем РАН в мае 2022 года. Объект исследования — студенты Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова (N = 357)¹. Разделение на «городских» и «сельских» респондентов осуществлялось по месту рождения и проживания до поступления в университет. Необходимо учитывать, что установкa выходцев из села претерпевают определённые изменения, особенно у той части, которая оста-

ётся жить в городе. Однако их модели поведения вряд ли станут такими же, как у молодых горожан.

Мы предполагаем, что ключевым объяснением различий как в установках и предпочтениях, так и моделях реального поведения относительно брачности и рождаемости между городскими и сельскими жителями является наличие разных типов репродуктивной мотивации. Сельская местность и город отличаются не только социально-экономическими, бытовыми и инфраструктурными особенностями жизнедеятельности, возможностями образования, занятости, досуга, развлечений, определяющими образ и стиль жизни селян и горожан. Значение имеют также социокультурные и социально-психологические факторы, обуславливающие укоренённость селян в традиционные ценности жизни, детерминируя особое мировосприятие. Репродуктивная мотивация сельских жителей до сих пор сохраняет черты, характерные для первого демографического перехода, по крайней мере, в отношении детоцентризма, детско-родительских отношений, а также приоритетности для семьи такой социальной цели как благополучие и развитие человеческого капитала всех имеющих детей. Для современных поколений горожан характерен рост уровня притязаний, формирующийся в условиях многообразия возможностей и вариативности стилей жизни в городах, что отражается и на представлениях о родителстве.

Методологическую основу исследования составил адаптированный под цели и объект исследования опросник мотивации деторождения У. Миллера [21]. В социально-психологических исследованиях под мотивацией обычно понимается результат индивидуальной оценки многих конкретных последствий наличия и отсутствия ребёнка. Формирование определённых моделей репродуктивного поведения зависит от оценки ценности ребёнка, выгоды (удовлетворения) от его наличия в сравнении с затратами на его рождение и воспитание, его полезности. В большинстве подходов обосновывается влияние когнитивного компонента (рациональности), который взвешивает мотивационный компонент, связанный

¹ Сформированная нами выборка охватила 8,3% студентов данного университета очной формы обучения. Основным методом сбора информации являлся анкетный опрос в электронном виде. Выборка — целевая, её формирование связано с исследовательским интересом анализа взаимосвязи репродуктивных ориентаций молодёжи с происхождением респондента (определяемого по месту рождения и проживания до учёбы). В составе опрошенных: 59% юношей и 41% девушек; в возрасте 17–18 лет — 33%, 19–20 лет — 35%, и в возрасте 21 год и старше — 32%; городские жители — 66%, до учёбы проживали в сельской местности — 34%.

с каждым конкретным последствием деторождения. В нашем исследовании применялся подход соотношения выгод и издержек от наличия/отсутствия детей, а также от потенциального родительства. Предполагается, что направленность мотивации представляет собой сумму оценок всех результатов (как положительных, так и отрицательных). Наша адаптация опросника заключалась в отборе суждений/мотивов, являющихся значимыми для молодых людей от 17 до 22 лет, в виду продолжающегося процесса их социально-психологического и личностного становления.

Результаты исследования

Полученные результаты исследования показывают, что девушки характеризуются более высокими репродуктивными установками по сравнению с юношами. Идеальным они считают в среднем иметь в семье 2,26 детей (юноши — 2,11), хотели бы иметь — 2,00 детей (юноши — 1,99), а планируют иметь — 1,92 детей (юноши — 1,84). Однако наблюдаются значительные различия внутри групп как девушек, так и юношей по идеальному, желаемому и планируемому числу детей в зависимости от места проживания респондента. Во-первых, сельские девушки и юноши характеризуются более высокими репродуктивными установками по сравнению с городской молодёжью. Сельские девушки считают идеальным иметь в среднем 2,46 ребёнка в семье, в то время как городские — 2,17. Городские юноши указывают на минимальное идеальное число детей из всех рассматриваемых групп (2,07 ребёнка), сельские — 2,17. Во-вторых, выявлены значительные различия в желаемом числе детей у сельских и городских юношей. Оно больше у сельских юношей — 2,18, (выше, чем идеальное), в то время как у городских молодых людей — 1,87. Девушки вне зависимости от места проживания хотели бы иметь двух детей. В-третьих, планируемое число детей у горожан меньше, чем у селян. Жительницы городов планируют иметь 1,91 ребёнка (юноши — 1,75), выходцы из села: девушки — 1,95 ребёнка, а юноши — двоих детей).

Анализ системы жизненных ценностей опрошенных студентов свидетельствует о невысокой ценности семьи и детей. В рейтинге опрошенных городских девушек значимость семьи и детей находится на 10-м месте из 16 предложенных ценностей и уступает ценностям личного благополучия (здоровью, материальной обеспеченности, свободе, профессиональному успеху, реализации способностей) и внутреннему комфорту (удачной личной жизни, любви, хорошим отношениям с родителями). Для сельских девушек важнее семьи и детей, находящихся на 7-м месте, указаны здоровье, работа по душе, материальная обеспеченность, гармония с собой, хорошие отношения с родителями. Интересно отметить, что для девушек вне зависимости от места рождения удачная личная жизнь находится в рейтинге значимости выше семьи и детей — похоже, что для них эти сферы слабо взаимосвязаны, и существуют отдельно друг от друга.

Для опрошенных молодых мужчин наблюдается поляризация ценности семьи и детей для горожан и селян. Так, для сельских юношей выше их значимости находятся здоровье, хорошие отношения с родителями, удачные карьера и личная жизнь; семья и дети — на 5 месте. Для городских юношей почти все предложенные в анкете ценности являются более значимыми, чем ценность семьи и детей, находящиеся на предпоследнем месте.

Установки относительно детей и родительства

Девушки. Городские и сельские девушки солидарны в восприятии детей как важной части жизни индивида — 73% селянок и 72% горожанок согласны с этим (табл. 1).

Молодые сельчанки более детоцентричны: они чаще горожанок считают важным передать своим детям семейные ценности и традиции (91%, в том числе 61% полностью согласны, и 78%, в том числе 33% полностью согласны, соответственно) (результаты статистически значимы, $\chi^2 = 18,309$ при $\chi^2_{кр.} = 13,3$, $\chi = 0,01$). 66% из них не согласны, что дети отнимают важную

Таблица 1

Установки респондентов относительно детей в зависимости от места проживания и пола, в % от соответствующей группы

Table 1

Children attitudes of respondents, depending on the place of residence and gender, in % of the corresponding group

	Мужчины		Женщины	
	село	город	село	город
Ребёнок делает отношения между мужчиной и женщиной крепче, эмоционально богаче и ярче				
В целом не согласен	9,2	11,3	11,4	18,6
Трудно сказать, согласен или нет	21,1	27,8	34,1	35,3
В целом согласен	69,7	60,9	54,5	46,1
Дети – это счастье в жизни				
В целом не согласен	6,6	10,5	4,5	8,8
Трудно сказать, согласен или нет	26,3	27,1	22,7	19,6
В целом согласен	67,1	62,4	72,7	71,6
Финансово трудно обеспечить ребенку приемлемое качество жизни				
В целом не согласен	39,5	28,6	20,5	19,6
Трудно сказать, согласен или нет	26,3	37,6	52,3	41,2
В целом согласен	34,2	33,8	27,3	39,2
Важно передать своим детям семейные ценности и традиции				
В целом не согласен	1,4	9,0	6,7	3,0
Трудно сказать, согласен или нет	19,7	18,8	2,3	18,6
В целом согласен	78,9	72,2	90,9	78,4
После беременности и родов женщине трудно вернуться в прежнюю форму				
В целом не согласен	27,6	30,8	31,8	27,5
Трудно сказать, согласен или нет	52,6	54,1	36,4	34,3
В целом согласен	19,7	15,0	31,8	38,2
Дети отнимают важную часть жизни				
В целом не согласен	77,1	50,0	65,9	58,8
Трудно сказать, согласен или нет	28,9	36,4	27,3	29,5
В целом согласен	4,0	13,6	6,8	11,7
Наличие детей даёт человеку уважение со стороны окружающих и друзей				
В целом не согласен	36,9	45,1	40,8	54,9
Трудно сказать, согласен или нет	39,5	37,6	45,5	32,4
В целом согласен	23,6	17,3	13,7	12,7
Рождение детей ухудшает материальное положение				
В целом не согласен	36,9	38,7	43,2	35,4
Трудно сказать, согласен или нет	40,8	34,8	34,1	44,1
В целом согласен	22,3	26,5	22,7	20,5

Источник: расчёты автора на материалах социологического исследования «Дети в современной семье».

часть жизни (в том числе 34% совершенно не согласны), в составе молодых горожанок не согласны с этим утверждением 59%. Опрошенные городские девушки склонны чаще отмечать возникновение различных трудностей, ассоциирующихся с детьми. Например, они чаще молодых сельчанок отмечают, что финансово трудно обеспечить для ребёнка приемлемое качество жизни (39% и 27% соответственно); что после беременности и родов женщине трудно вернуться в хорошую физическую форму (38% и 32% соответственно). Более того, 55% молодых горожанок указывают, что наличие детей не обеспечивает уважения от общества (не согласны с утверждением «Наличие детей даёт человеку уважение со стороны окружающих и друзей») по сравнению с 41% в составе молодых сельчанок (результаты статистически значимы, $\chi^2 = 11,019$ при $\chi^2_{кр.} = 9,5$, $\chi = 0,05$).

Тем не менее, горожанки позитивно воспринимают потенциальное родительство: 73,5% из них убеждены, что дети делают жизнь родителей ярче и счастливее (в составе молодых сельчанок 72,5%) (табл. 2). 89% из них эмоционально предрасположены к будущему родительству — считают, что здорово наблюдать за тем, как растёт и развивается их ребёнок (среди опрошенных сельчанок таковых 93%). Они чаще выходцев из села убеждены в том, что учить и воспитывать своего ребёнка — это замечательно (82% и 75% соответственно), и вообще, 75,5% среди них считают, что семья и дети — это важная часть их жизни (по сравнению с 61% среди молодых сельчанок). Важно отметить, что у молодых горожанок меньше опасений относительно будущего родительства, по сравнению с сельскими девушками. Например, только 18% молодых горожанок опасаются быть плохими родителями (по сравнению с 29,5% молодых сельчанок); хотя и 41% из них считают, что быть родителем означает регулярно испытывать беспокойства и тревоги о ребёнке. Молодые сельчанки, напротив, более уверены в успешности своего будущего родительства и меньше беспокоятся о трудностях, с ним связанными: 57% из них уверены, что им хватит знаний,

умений и терпения для успешности будущего родительства. Сельские девушки чаще городских убеждены, что женщина должна как можно больше времени уделять ребёнку (детям), чтобы они росли счастливыми (63% и 53% соответственно) (результаты статистически значимы, $\chi^2 = 14,048$ при $\chi^2_{кр.} = 13,3$, $\chi = 0,01$). Однако в составе молодых сельчанок выше доля тех, кто отмечает трудности с совмещением оплачиваемой занятости и воспитания детей (39% и 31% соответственно). При этом, 30% молодых сельчанок и горожанок не согласны с этим (результаты статистически значимы, $\chi^2 = 9,879$ при $\chi^2_{кр.} = 9,5$, $\chi = 0,05$). Это означает наличие среди респондентов-девушек группы как тех, кто настороженно относится к совмещению карьеры и материнства (их больше), так и тех, кого данная проблема не пугает.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодые девушки независимо от места рождения и характера воспитания больше схожи в своих представлениях о детях, их восприятии и отношении к потенциальному родительству. Для них дети и детско-родительские отношения важны, они эмоционально ориентированы на них. Однако городские девушки чаще сельских отмечают трудности, связанные с характером согласования их будущего родительства с другими сферами их жизни, в частности с оплачиваемой занятостью, будущим доходом и индивидуальным комфортом. Возможным объяснением этому является не только соответствующая система жизненных ценностей, но также и опасения, связанные с будущей, взрослой жизнью. Результаты исследования свидетельствуют, что городские девушки чаще остальных рассмотренных групп студентов опасаются не реализовать свои возможности (58%), быть бедными (62%), не иметь работы (41%), быть одинокими (37%), а также не иметь детей (29%). Иными словами, молодые горожанки настолько сильно ориентированы на успешность их будущей жизни, достижение значимых результатов в основных сферах своей жизни, что конкуренция потребностей «вынуждает» их ограничивать свои репродуктивные ориентации.

Таблица 2

**Установки респондентов относительно родительства в зависимости
от места проживания и пола, в % от соответствующей группы**

Table 2

Parenthood attitudes of respondents, depending on the place of
residence and gender, in % of the corresponding group

	Юноши		Девушки	
	село	город	село	город
Я опасуюсь быть плохим родителем				
В целом не согласен	48,7	39,8	50,0	53,9
Трудно сказать, согласен или нет	13,2	27,8	20,5	28,4
В целом согласен	38,2	32,3	29,5	17,6
Дети делают жизнь родителей ярче и счастливее				
В целом не согласен	9,2	6,8	4,5	3,9
Трудно сказать, согласен или нет	17,1	28,8	22,7	22,5
В целом согласен	73,7	64,4	72,7	73,5
Боюсь, мне не хватит знаний и умений, сил и терпения, чтобы быть хорошим родителем				
В целом не согласен	71,1	55,6	56,8	53,9
Трудно сказать, согласен или нет	21,1	32,3	15,9	24,5
В целом согласен	7,9	12,0	27,3	21,6
Быть родителем – значит постоянно испытывать тревогу и беспокойства о ребёнке				
В целом не согласен	39,5	42,9	31,8	32,3
Трудно сказать, согласен или нет	23,7	16,5	25,0	26,5
В целом согласен	36,8	40,6	43,2	41,2
Здорово наблюдать, как твой ребёнок растёт и развивается				
В целом не согласен	3,9	2,2	0,0	0,0
Трудно сказать, согласен или нет	7,9	12,8	6,8	10,8
В целом согласен	88,2	85,0	93,2	89,2
Трудно совмещать работу и воспитание детей				
В целом не согласен	39,5	25,6	29,6	30,4
Трудно сказать, согласен или нет	35,5	31,6	31,8	38,2
В целом согласен	25,0	42,8	38,6	31,3
Учить и воспитывать своего ребёнка – это круто!				
В целом не согласен	6,5	6,8	2,3	3,0
Трудно сказать, согласен или нет	18,9	22,5	22,7	14,7
В целом согласен	75,0	70,7	75,0	82,3
Семья и дети для меня – важная часть жизни				
В целом не согласен	7,9	12,8	11,3	10,8
Трудно сказать, согласен или нет	23,7	30,3	27,3	13,7
В целом согласен	68,4	56,8	61,4	75,5

Источник: расчёты автора на материалах социологического исследования «Дети в современной семье».

Молодые сельчанки также психологически ориентированы на материнство, но они видят меньше препятствий для родительства, более уверены в его успешности, для них дети и семья являются более значимыми.

Однако, учитывая систему их жизненных ценностей, в которой личное благополучие и удачная работа находятся выше в рейтинге, чем семья и дети, можно сделать вывод, что они просто желают «вырваться» в го-

род и получить возможность благополучной жизни, которая не доступна в сельской местности. Но в связи с их более выраженными репродуктивными установками, они с большей вероятностью их реализуют, так как воспитаны в сообществе с высокой нормативной регуляцией репродуктивного поведения.

Юноши. Анализ отношения опрошенных юношей к детям и родительству также свидетельствует об имеющихся различиях между выходцами из городов и сельской местности. При общем тренде предрасположенности большинства опрошенных юношей к родительству и детям, в составе городских респондентов выше доля тех, кто имеет ориентации, противоречащие семейному образу жизни и детоцентризму. Сельские юноши чаще городских убеждены, что дети — это счастье в жизни (67% и 62% соответственно); они считают, что важным в жизни является необходимость передать своим детям семейные ценности и традиции (79% и 72% соответственно) (табл. 1). Молодые сельчане чаще городских юношей рассматривают детей (ребёнка) в качестве средства эмоциональной связи с женщиной, 70% сельских и 61% городских юношей считают, что ребёнок делает отношения с женщиной крепче, эмоционально богаче и ярче. Важно отметить, что в составе городских молодых мужчин 10% тех, кто не согласен ни с одним из представленных суждений о детях. Кроме того, среди них 14% склонны считать, что дети мешают полной реализации в жизни, отнимая важную ее часть, а также 26,5% убеждены, что они отрицательно влияют на материальное благополучие родителей. Сельские юноши чаще убеждены в том, что обеспечение своему ребёнку приемлемого качества жизни не является серьезной проблемой (39,5%), в то время как 34% молодых горожан, напротив, считают, что рождение и воспитание детей — это финансово затратно (результаты статистически значимы, $\chi^2 = 12,525$ при $\chi^2_{кр.} = 9,5$, $\chi = 0,05$). Важно отметить, что молодые сельчане чаще ориентированы на многодетность: 66% из них убеждены, что для ребёнка важно иметь

братьев/сестёр (среди городских юношей только 47%) (результаты статистически значимы, $\chi^2 = 18,604$ при $\chi^2_{кр.} = 13,3$, $\chi = 0,01$).

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод, что сельские юноши больше ориентированы на родительство по сравнению с молодыми горожанами. Например, они чаще убеждены, что дети делают жизнь родителей ярче и счастливее (74% и 64% соответственно); 88% из них указывают на позитивную эмоциональную окрашенность процесса наблюдения за тем, как растёт и развивается твой ребёнок (85% среди горожан); 75% молодых сельчан и 71% горожан убеждены в положительных эмоциях от процесса обучения и воспитания собственного ребёнка (табл. 2). Тем не менее, среди опрошенных сельских юношей 38% опасаются быть плохими родителями (32% среди молодых горожан). Однако сельские юноши чаще городских убеждены в достаточности у себя знаний, умений и терпения для воспитания детей (71% и 56% соответственно), 37% сельчан и 41% горожан согласны с тем, что родительство тесно связано с постоянными беспокойствами и тревогами за ребёнка. Вероятным объяснением опасений относительно успешности своего родительства для сельских юношей является будущая финансовая обеспеченность. Так, 49% из них убеждены, что в отсутствии финансовой стабильности им будет трудно решиться на создание семьи и рождение детей. Максимальные значения этого фактора характерны для городских юношей — среди них 67% указывают на материальную стабильность в качестве важного фактора создания семьи. В целом, сельские юноши чаще городских указывают, что семья и дети являются важной частью их жизни (68% и 57% соответственно). Кроме того, молодые горожане чаще сельчан указывают на отсутствие социального одобрения родительства со стороны общества — 45% из них убеждены, что наличие детей совершенно не даёт человеку уважения со стороны окружающих и близких (по сравнению с 36,9% среди сельчан).

Таким образом, сельские юноши в большей мере ориентированы на родитель-

ство, оно вызывает положительные эмоции и не является пугающим событием в жизни. Для них характерно позитивное восприятие детей, именно нескольких детей, и отношение к ним как важному фактору существования традиционной семьи. Городские юноши в целом не против родительства, однако, они, как и городские девушки, больше ориентированы на многообразие форм личного благополучия и достижения успешных результатов в них. Проведённый анализ установок показывает, что 10–12% молодых городских юношей категоричны в отношении неприятия детей и будущего родительства.

Отношение к мерам стимулирования рождаемости

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что девушки проявляют большую заинтересованность в оценке мер повышения рождаемости, охотнее отвечают на подобные вопросы и чаще юношей имеют сформировавшуюся, зрелую позицию об их эффективности для семей. Это в значительной степени обусловлено тем, что большинство мер являются гендерно ориентированными (нацеленными на женщин — матерей). Проведённый анализ показывает, что сельские девушки чаще городских считают действенными те или иные инструменты стимулирования рождаемости и называют более широкий набор мер эффективным. Например, 64% опрошенных сельских девушек считают важным повышение ежемесячного пособия на ребёнка до величины прожиточного минимума (среди городских только 30%), увеличение материнского капитала до 1 млн рублей (36% и 21% соответственно), улучшение медицинского обслуживания детей (36,5% и 25,5% соответственно). Городские девушки чаще сельских склоняются к оценке в качестве эффективных тех мер, которые нацелены на сочетание материнства и профессиональной занятости: 42% из них считают действенными расширение доступности образовательных услуг для детей (среди сельчанок 39%), 22,5% — развитие инфра-

структуры ухода за детьми (11%), 26,5% — гарантии трудоустройства матерей (18%), 17% — повышение лояльности работодателей к женщинам-матерям (11%). При этом абсолютное большинство как городских, так и сельских девушек считают, что повышение заработной платы работающих членов семьи будет стимулировать рост рождаемости (87% и 77% соответственно).

Важно отметить, что для молодых мужчин главными стимулами рождения большего числа детей, помимо роста зарплат (84% молодых горожан и 83% сельчан), могут стать помощь государства в улучшении жилищных условий (56% и 66% соответственно), а также расширение возможностей трудоустройства (22% и 29% соответственно). Для городских юношей более важна возможность иметь дополнительный доход (24% и 17% соответственно).

Выводы

Главным выводом проведённого исследования можно считать выявление позитивного отношения к детям и родительству у опрошенных студентов, по крайней мере, с точки зрения нормативной регуляции. Дальнейшее переосмысление этих установок осуществляется на основе соотнесения с индивидуальными социально-экономическими, личностно-мотивационными и партнёрскими обстоятельствами, характерными для конкретного жизненного этапа индивида.

Наблюдаемые тенденции трансформации установок, стереотипов и предпочтений брачного и репродуктивного поведения современной молодёжи по-разному воспринимаются и интериоризируются городскими и сельскими жителями. Результаты исследования свидетельствуют, что в составе сельских юношей наибольшая доля тех, кто детоцентричен, ориентирован на родительство и характеризуется позитивными установками на традиционные ценности, семейный образ жизни, рождение и воспитание нескольких детей. Они готовы прикладывать усилия для реализации своих репродуктивных и брачно-семейных

ориентаций. Сельские девушки также более положительно ориентированы на детей и родительство, их отличает более ярко выраженное стремление «вырваться» из села и максимально реализоваться в городе, достигнув городских представлений об успешности и благополучии. Их социализация и воспитание в традиционных представлениях о семье и детях обуславливают высокие репродуктивные установки и ориентации, которые, вероятно, будут реализованы. У них высоки ожидания от мер поддержки рождаемости, материнства и детства, которые они считают эффективными и нужными.

Городские девушки эмоционально и психологически настроены на материнство, у них высока социальная норма детности, но они сознательно ограничивают своё будущее репродуктивное поведение с целью достижения значимых результатов в других сферах своей жизни (карьера, личный комфорт, индивидуальное благополучие). Наши результаты показывают, что у значительной части молодых горожанок социальные установки относительно детей и родительства пока высоки, и низкие репродуктивные ориентации (выражаемые через планируемое число детей) являются следствием ситуативной конкуренции потребностей. Если будут разработаны меры государственной поддержки материнства, связанные с устранением конфликта между оплачиваемой занятостью и воспитанием детей, а также будут развиваться инструменты поддержания активного образа жизни родителей с несколькими детьми, часть из этих молодых женщин реализуют свой потенциал деторождения.

Городские юноши, как и опрошенные горожанки, сильно ориентированы на индивидуальное благополучие, реализацию своих возможностей и предпочтений в работе,

материальном достатке, интересном досуге. Они также как и городские девушки, в целом не против детей и родительства, однако расценивают потенциальное родительство скорее как эмоционально и финансово затратное, а, следовательно, не очень привлекательное. Материальная поддержка от государства для них также может стать стимулом деторождения.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что необходима разработка комплексного системного подхода к реализации государственной семейной политики, учитывающего многообразие репродуктивных установок, предпочтений и намерений различных социально-демографических групп современной молодёжи, а также предусматривающего возможности реализации их разных запросов и потребностей в сфере родительства. Похоже, что потенциал будущего демографического развития нашей страны лежит в сфере согласования индивидуальных интересов развития потенциальных родителей и целей развития общества на основе предоставления им выгодных условий для эффективной комбинации деторождения и самореализации в других сферах. Важно предотвратить отказ от родительских ролей части молодёжи из-за необходимости удовлетворения индивидуальных потребностей саморазвития. Это касается разработки эффективных инструментов развития возможностей занятости, непрерывного образования, мобильности и рынка жилья для молодёжи, причём с особым упором на потребности и интересы сельской молодёжи. Совершенствование инструментов семейной политики должно идти в направлении учёта узких, специфических запросов различных социально-демографических групп как потенциальных, так и состоявшихся родителей.

Литература и Интернет-источники

1. **Блинова, Т. В.** Демографические риски и ограничения устойчивого развития сельских территорий в период пандемии COVID-19 / Т. В. Блинова // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2022. — № 7. — С. 51–59. DOI: 10.31442/0235-2494-2022-0-7-51-59; EDN: RHXKEO
2. **Захаров, С. В.** Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 1 / С. В. Захаров // Демографическое обозрение. — 2016. — 3(3). — 6–38. DOI: 10.17323/demreview.v3i3.1745; EDN: WZZJFX
3. **Осипова, И.** Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости / И. Осипова // Демографическое обозрение. — 2020. — № 7(2). — С. 97–120. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11143; EDN: SUKAMD
4. **Galloway, P.** Urban versus Rural: Fertility Decline in the Cities and Rural Districts of Prussia, 1875 to 1910. / P. Galloway, R. Lee, E. Hammel // European Journal of Population. — 1998. — № 14(3). — P. 209–264. DOI: 10.1023/A:1006032332021
5. **George, M.** Urbanization and fertility decline: Cashing in on structural change / M. George, J. Alves, S. Cavenaghi // IIED Working Paper. — London : International Institute for Environment and Development, 2013. — 43 p.
6. **Cleland, J.** Demand Theories of the Fertility Transition: an Iconoclastic View / J. Cleland, C. Wilson // Population Studies. — 1987. — No. 41(1). — P. 5–30.
7. **Sharlin, A.** Urban-Rural Differences in Fertility in Europe during the Demographic Transition / A. Sharlin // The Decline of Fertility in Europe / edited by J. Coale Ansley, S. Cotts Watkins. — Princeton, New Jersey, 1986. — P. 234–260.
8. **Caldwell, J. C.** The Globalization of Fertility Behavior / J. C. Caldwell // Population and Development Review. — 2001. — No. 27 (Supplement: Global Fertility Transition). — P. 93–115.
9. **Klüsener, S.** Exploring the Role of Communication in Shaping Fertility Transition Pattern in Space and Time / S. Klüsener, F. Scalone, M. Dribe // Agent-Based Modelling in Population Studies / edited by A. Grow, J. Bavel. — 2017. — P. 369–403.
10. **Rodriguez, G.** The Spacing and Limiting Components of the Fertility Transition in Latin America / G. Rodriguez // The Fertility Transition in Latin America / edited by J. M. Gnuzman, S. Sigh, G. Rodriguez, E. A. Pantelids. — 1996. — P. 27–47.
11. **Shapiro, D.** Fertility Transition in Urban and Rural Areas of Sub-Saharan Africa / D. Shapiro, B. O. Tambashe // Working Papers from the Department of Economics Pennsylvania State University. — 2000. — September. — P. 1–29.
12. **Garenne, M.** The Timing of the Fertility Transition in Sub-Saharan Africa / M. Garenne, J. Veronique // World Development. — 2002. — No. 30(10). — P. 1835–1843.
13. **Блинова, Т. В.** Влияние послевоенных циклов рождаемости на современное демографическое развитие села // Аграрный научный журнал. — 2018. — № 6. — С. 60–64. EDN: USSKMD
14. **Рыбаковский, О. Л.** Рождаемость населения России и демографические волны / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2017. — № 4. — С. 56–66. EDN: YSLFLE
15. **Рыбаковский, Л. Л.** Депопуляция в России: этапы, особенности и возможности нейтрализации / О. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования. — 2019. — Т. 35. — № 2. — С. 6–15. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15; EDN: YAEDKL
16. **Блинова, Т. В.** Моделирование и оценка сельско-городских различий в динамике рождаемости населения России / Т. В. Блинова, Р. П. Кутенков, В. Л. Шабанов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2019. — № 3(77). — С. 73–77. EDN: RKQRSO
17. **Вишневский, А. Г.** Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens / А. Г. Вишневский // Демографическое обозрение. — 2014. — № 1(1). — С. 6–33. DOI: 10.17323/demreview.v1i1.1825; EDN: TLMUVV

18. **Van de Kaa, D. J.** Europe's second demographic transition / D. J. Van de Kaa // Population Bulletin. – 1987. — No. 42(1). — P. 1–59.
19. **Lesthaeghe, R.** The unfolding story of the second demographic transition / R. Lesthaeghe // Population and Development Review. — 2010. — No. 36(2). — P. 211–251.
20. **Van de Kaa, D. J.** Anchored narratives: The story and findings of half a century of research into determinants of fertility / D. J. Van de Kaa // Population Studies. — 1996. — No. 50(3). — P. 389–432.
21. **Miller, W.** Childbearing motivation and its measurement / W. Miller // Journal of Biosocial Science. – 1995. — No. 27(4). — P. 473–87. DOI: 10.1017/S0021932000023087

Сведения об авторе:

Вяльшина Анна Александровна, к.соц.н., ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем Саратовского научного центра РАН, Саратов, Россия.

Контактная информация: e-mail: anvyal@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6723-5961; РИНЦ AuthorID: 152114.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146

STUDENTS' ATTITUDE TO CHILDREN AND PARENTING: GENDER AND RURAL-URBAN COMPARISONS

Anna A. Vyalshina

*Institute of Agrarian Problems of the Saratov Scientific Center RAS
(94 Moscovskaya str., Saratov, Russia, 410012)*

E-mail: anvyal@mail.ru

For citation:

Vyalshina A. A. Students' attitude to children and parenting: gender and rural-urban comparisons. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 51. P. 132-146. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146 (in Russ.)

Abstract. *Since 2015, Russia has shown signs of a demographic decline, and for the first time in many years, the decline in the birth rate has also affected the countryside. Transformation of marital and family, of reproductive and child-parental orientations extends to all socio-demographic groups of young people, but is internalized in different ways by people from the countryside and urban residents. Among the rural youths, there are more of those who value family and children highly in the system of life orientations, who have traditional ideas about the distribution of gender roles, who are focused on having many children and successful parenting. Rural girls are characterized by maximum reproductive attitudes, child-centric and positively parenting oriented. With a high orientation towards achieving well-being through a successful career and material independence, they are more likely to give birth to the desired number of children due to high social regulation of reproductive behavior, which is typical for rural local community. Urban girls are distinguished by the desire for self-realization in many areas of life that makes them reduce their reproductive orientations despite high normative ideas about children and parenthood. Realization of their reproductive potential lies in developing tools for an effective combination of motherhood and possibilities of individual self-development. Urban youths represent the group least interested in family and children. Among them, there is a high proportion of those inclined to consider children financially and morally costly, they are characterized by minimal reproductive attitudes. Thus, measures are needed to prevent consolidation of such attitudes and expansion of orientations towards childlessness. It is concluded that it is necessary to develop state family policy tools that take into account, on the one hand, the specific needs and preferences of*

different socio-demographic groups of young people, and on the other hand, that are aimed at harmonizing individual interests of potential parents' self-development and demographic goals of the development of Russian society.

Keywords: attitude towards children, parenthood, youth, sociological studies.

References and Internet sources

1. Blinova T. V. Demograficheskiye riski i ogranicheniya ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij v period pandemii COVID-19 [Demographic risks and constraints on sustainable development of rural areas during the COVID-19 pandemic]. *Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij [Economy of Agricultural and Processing Enterprises]*. 2022. No. 7. P. 51–59. DOI: 10.31442/0235-2494-2022-0-7-51-59 (in Russ.)
2. Zakharov S. V. Skromnyje rezultaty pronatalistskoj politiki na fone dolgovremennoj evolyutsii rozhdaemosti v Rossii. Chast' 1. [The modest results of the pronatalist policy against the background of long-term evolution of fertility in Russia. Part 1.]. *Demograficheskoe obozrenije [Demographic Review]*. 2016. Vol. 3. No. 3. P. 6–38. DOI: 10.17323/demreview.v3i3.1745 (in Russ.)
3. Osipova I. Reproduktivnyje ustanovki rossiiyan i otnoshenije k gosudarstvennym meram podderzhki rozhdaemosti. [Reproductive attitudes of Russians and how they regard government measures to support fertility]. *Demograficheskoe obozrenije [Demographic Review]*. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 97–120. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11143 (in Russ.)
4. Galloway P., Lee R., Hammel E. Urban versus rural: fertility decline in the cities and rural districts of Prussia, 1875 to 1910. *European Journal of Population*. 1998. Vol. 14. No. 3. P. 209–264.
5. George M., Alves J., Cavenaghi S. *Urbanization and Fertility Decline: Cashing in on Structural Change*. IIED Working Paper. London. International Institute for Environment and Development. 2013. 43 p.
6. Cleland J., Wilson C. Demand theories of the fertility transition: an iconoclastic view. *Population Studies*. 1987. Vol. 41. No. 1. P. 5–30.
7. Sharlin A. Urban-rural differences in fertility in Europe during the demographic transition. *The Decline of Fertility in Europe*. Eds. J. C. Ansley and S. C. Watkins. Princeton, New Jersey. 1986. P. 234–260.
8. Caldwell J. The globalization of fertility behavior. *Population and Development Review*. 2001. No. 27 (Supplement: *Global Fertility Transition*). P. 93–115.
9. Klüsener S., Scalone F., Dribe M. Exploring the role of communication in shaping fertility transition pattern in space and time. *Agent-Based Modelling in Population Studies*. Eds. A. Grow and J. Bavel. 2017. P. 369–403.
10. Rodriguez G. The spacing and limiting components of the fertility transition in Latin America. *The Fertility Transition in Latin America*. Eds. J. M. Gnuzman, S. Sigh, G. Rodriguez and E. A. Pantelids. 1996. P. 27–47.
11. Shapiro D., Tambashe B. *Fertility Transition in Urban and Rural Areas of Sub-Saharan Africa*. Working paper from the Department of Economics Pennsylvania State University. 2000. September. P. 1–29.
12. Garenne M., Veronique J. The timing of the fertility transition in Sub-Saharan Africa. *World Development*. 2002. Vol. 30. No. 10. P. 1835–1843.
13. Blinova T. V. Vliyanie poslevoennyh tsiklov rozhdaemosti na sovremennoje demograficheskoe razvitiye sela [The impact of post-war birth cycles on modern demographic development of rural areas]. *Agrarnyj nauchnyj zhurnal [The Agrarian Scientific Journal]*. 2018. No. 6. P. 60–64. (in Russ.)
14. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Rozhdaemost' naseleniya Rossii i demograficheskije volny [Fertility in Russia and demographic waves]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. No. 4. P. 56–66. (in Russ.)
15. Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. Depopulyatsiya v Rossii: etapy, osobennosti i vozmozhnosti neytralizatsii [Depopulation in Russia: its stages, features and possibilities of its neutralization]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya [Social & Labor Research]*. 2019. Vol. 35. No. 2. P. 6–15. (in Russ.)
16. Blinova T. V., Kutenkov R. P., Shabanov V. L. Modelirovanije i otsenka sel'sko-gorodskih razlichij v dinamike rozhdaemosti naseleniya Rossii [Modeling and assessment of rural-urban differences

- in the dynamics of the birth rate in Russia]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [*Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*]. 2019. No. 3(77). P. 73–77. (in Russ.)
17. Vishnevsky A. G. Demograficheskaya revolyutsiya menyajet reproductivnyuyu strategiyu vida Homo sapiens [The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens]. *Demograficheskoe obozrenije* [*Demographic Review*]. 2014. No. 1(1). P. 6–33. DOI: 10.17323/demreview.v1i1.1825 (in Russ.)
  18. Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*. 1987. No. 42(1). P. 1–59.
  19. Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition. *Population and Development Review*. 2010. No. 36(2). P. 211–251.
  20. Van de Kaa D. J. Anchored narratives: The story and findings of half a century of research into determinants of fertility. *Population Studies*. 1996. No. 50(3). P. 389–432.
  21. Miller W. Childbearing motivation and its measurement. *Journal of Biosocial Science*. 1995. No. 27(4). P. 473–87. DOI:10.1017/S0021932000023087

Information about the author:

Vyalshina Anna Aleksandrovna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems of the Saratov Scientific Center RAS, Saratov, Russia.

Contact information: e-mail anyyal@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6723-5961; Elibrary AuthorID: 152114.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-147-160
EDN: EJBGRQ

РАБОТА И СЕМЬЯ: ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ДЕНЕГ И ВРЕМЕНИ

Хоткина З. А.

Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: zoaya-alex2012@yandex.ru

Для цитирования:

Хоткина З. А. Работа и семья: гендерное неравенство в распределении денег и времени // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 147-160. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-147-160; EDN: EJBGRQ

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь между семьёй и работой, а также вопросы гендерного неравенства, которое существует в основных сферах жизнедеятельности женщин и мужчин. В качестве индикаторов неравенства в этих сферах использованы показатели гендерного разрыва, которые в сфере труда измеряются в основном деньгами, а в семье — временем. Особое внимание уделено гендерному разрыву в оплате труда (ГРОТ), как наиболее признанному маркеру экономического гендерного неравенства. Показано, что его величина и динамика в значительной степени детерминирована факторами, связанными с семьёй. Когда успехи женщин в профессиональной деятельности и застой в семейной сфере вошли в явное противоречие, которое далее нельзя было игнорировать, это привело к переформатированию концепции гендерного равенства. Если ранее она касалась вопросов труда, доходов, политических и других прав женщин, то теперь она стала включать также проблемы неравенства в распределении домашнего труда и семейных обязанностей между мужчинами и женщинами. На примере изменений в документах Международной организации труда (МОТ) прослежены этапы развития концепции гендерного равенства и поворот, сделанный к признанию важной роли семейных обязанностей для работников, занятых в экономике. В статье сравниваются данные статистики и результаты российских и международных исследований по вопросам неравенства в семье и на работе. Выявляются общие черты и закономерности влияния семейных факторов на величину ГРОТ, а также особенности динамики заработных плат женщин и мужчин в разных странах. Проведены некоторые параллели между исследованиями нобелевского лауреата по экономике 2023 г. Клаудии Голдин и работами российских авторов. Результаты анализа взаимосвязи семьи и работы позволили сделать рекомендации для доработки Национального проекта «Семья».

Ключевые слова: работа, семья, гендерное неравенство, гендерный разрыв в оплате труда, домашний труд, семейные обязанности.

Введение

Большинство женщин в мире и России хотят работать и иметь семью, и такая возможность у них обычно есть. Однако их положение в сферах труда и семьи в значительной мере отличается от ситуации коллег и партнёров мужчин. Об этом свидетельствует факт вручения Нобелевской премии по экономике в 2023 г. К. Голдин за исследования «положения женщин на рынке труда». В её работах показано, что между работой и семьёй существует тесная взаимосвязь, которая становится одним из ключевых факторов, определяющих гендерное неравенство в сфере труда¹. Аргументы актуальности данной темы в России это — низкая рождаемость, высокий уровень разводов и кризис современной российской семьи, о котором говорят исследователи. В трудовой сфере проблематизация положения женщин чаще всего связана с гендерным неравенством в заработной плате, а в семейной сфере — с неравным участием супругов/партнёров в неоплачиваемом домашнем труде. То есть гендерное неравенство на работе измеряется в основном деньгами, а в семье — временем. В качестве индикаторов неравенства в сферах труда и семьи используются показатели гендерного разрыва (в зарплатах и во времени — соответственно). Разрыв в оплате труда женщин и мужчин давно и повсеместно признан показателем гендерного неравенства. А факт, что почти всю работу в семье и по дому выполняют женщины, долгое время рассматривалась как «норма», поэтому поколения россиян учились читать по букварям, где «мама мыла раму». К середине XX в. «невидимый» домашний труд женщин был замечен исследователями и стал рассматриваться как проблема двойной занятости женщин, т.е. проблема скорее женщин, чем семьи или общества. Решение этой проблемы виделось в гармонизации или поиске баланса между семьёй и работой. И только в XXI в. проблемы асимметричного распределения времени в семье были признаны

новой формой гендерного неравенства, которая должна решаться не столько женщинами, сколько государственной социальной политикой².

В этот период в многочисленных научных исследованиях и публикациях российских учёных проблемы гендерной асимметрии внутрисемейного разделения труда стали обсуждаться в качестве «символа гендера и власти» в семье и как «детерминанты гендерного неравенства», а также были посвящены поиску баланса между семьёй и работой [1–3]. Кроме того, в фокусе внимания российских исследователей оказались вопросы социальной и семейной политики и гендерные аспекты её реализации [4–6]. Наряду с теоретической концептуализацией внутрисемейного разделения труда важная роль в исследованиях авторов была отведена вопросам субъективных оценок и удовлетворенности членов российских семей распределением обязанностей в их семьях. Например, по результатам исследования «Человек, семья, общество» (2015 г.), проведённого Институтом социального анализа и прогнозирования, было отмечено, что «удовлетворённость распределением обязанностей по ответам мужчин предсказуемо выше, чем по ответам женщин: доля полностью удовлетворённых мужчин колеблется на уровне 80%». В то же время доля женщин полностью удовлетворённых распределением обязанностей в семье составляла примерно 50%, а неудовлетворённых колебалась от 19 до 27%. На основании этих данных авторы исследования делают вывод, что в современной России все ещё сильны гендерные стереотипы о том, что «дом — женское дело, и респонденты могут транслировать соблюдение этой нормы. Это подтверждается очень высокой в среднем по выборке удовлетворённостью распределением обязанностей — даже тогда, когда оно совсем не равно» [7, с. 110]. Вместе с тем, среди публикаций последних лет наряду с работами исследова-

¹ Нобелевская премия по экономике 2023 года. — URL: <https://scientificrussia.ru/> (дата обращения: 11.02.2024).

² Спешащее поколение: как «временной голод» стал новой формой социального неравенства. — URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/482430-spesasee-pokolenie-kak-vremennoj-golod-stal-novoj-formoj-socialnogo-neravenstva?ysclid=lskm586uz1562580107> (дата обращения: 07.02.2024).

тельниц гендерной направленности были также представлены статьи и монографии сторонников традиционной семьи и фамилистики [8].

Структурные, социальные и экономические изменения в сферах семьи и занятости требовали пересмотра взглядов на проблемы распределения домашних дел и семейных обязанностей между мужчинами и женщинами. В исследованиях российских исследователей и экономистов отмечалось, что именно в XXI в. россиянки сделали серьёзный качественный рывок в сфере труда и их профессионализм значительно возрос [9; 10]. Произошёл своего рода переход количества в качество, когда более высокий, чем у мужчин уровень образования и человеческого капитала женщин позволил им занимать в сфере труда руководящие позиции, которые ранее для них были недоступны. Успехи женщин в профессиональной деятельности и застой в семейной сфере вошли в явное противоречие, которое далее нельзя было игнорировать. Это привело к тому, что концепция гендерного равенства, которая ранее касалась вопросов труда, доходов, политических и других прав женщин, стала включать также проблемы неравенства в распределении домашнего труда и семейных обязанностей между мужчинами и женщинами. Цель статьи состоит в анализе взаимосвязей между гендерными неравенствами в основных сферах жизнедеятельности женщин и мужчин — на работе и в семье.

Информационной базой исследования послужили национальные и международные документы, данные официальной российской и международной гендерной статистики, а также публикации с результатами современных научных исследований, в которых представлены взгляды отечественных и зарубежных учёных на вопросы гендерного (не)равенства на работе и в семье. Тема взаимосвязи труда и семьи является междисциплинарной, поэтому при подготовке статьи использовалась не только экономическая и демографическая, но также социологическая и психологическая литература.

МОТ: шаги по развитию концепции гендерного равенства

На примере изменений в документах и в официальных публикациях Международной организации труда (МОТ) можно проследить, как происходило развитие концепции гендерного равенства и поворот к осознанию того, что семейные обязанности играют важную роль для работников, занятых в экономике: 1) 1951 г. — первым «гендерным» документом МОТ была «Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» (№ 100)³. В этой конвенции вопросы обеспечения гендерного равенства работников рассматривались только в сфере труда; 2) 1965 г. — МОТ принимает «Рекомендацию № 123 о женщинах с семейными обязанностями», направленную на устранение дискриминации в сфере труда, чтобы трудящиеся женщины имели возможность гармонично сочетать различные обязанности. Здесь мы видим пример, как новая идея о взаимосвязи неравенства в сфере труда и семьи соседствует со старым стереотипом, что семейные обязанности — это «женские» проблемы; 3) В 1981 г. были приняты «Конвенция № 156» и дополняющая её «Рекомендация № 165 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин с семейными обязанностями»⁴. Эти документы касались уже мужчин и женщин с семейными обязанностями в равной мере и были нацелены на то, чтобы их труд был организован без дискриминации из-за наличия семьи. В Пре-

³ Конвенция МОТ № 100 относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности // МОТ: [сайт] — URL: <https://www.ilo.org/dyn/convencions/instrumenteng/convencions/100> относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности: Женева, 29 июня 1951 года (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ Конвенция МОТ № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» // МОТ: [сайт] — URL: <https://www.ilo.org/dyn/convencions/instrumenteng/convencions/156> Международной организации труда «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями» (принята в г. Женеве 23.06.1981 на 67-й сессии Генеральной конференции МОТ) (дата обращения: 11.02.2024).

амбуле к «Конвенции № 156» выражалась необходимость изменения традиционных ролей мужчин и женщин. «Рекомендация № 165», которая заменила рекомендацию 1965 г., «предписывала компетентным национальным органам оказывать содействие более равному разделению семейных обязанностей». Таким образом, Конвенция № 156 была направлена не только на защиту прав работников с семейными обязанностями в сфере труда, но также показала, что цель социальной политики государства должна быть связана с достижением баланса между работой и семьей, и что эта цель важна для женщин и мужчин в равной степени; 4) 2019 г. — были приняты важные документы: «Декларация столетия по вопросам будущего сферы труда», «Конвенция № 190» и «Рекомендация № 206 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда»⁵. В декларации заявлено, что для «достижения гендерного равенства в сфере труда» необходимо «более сбалансировано распределять семейные обязанности».

Кроме официальных документов к 100-летию МОТ, члены Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда подготовили публикацию «Работать ради лучшего будущего». В этой официальной публикации МОТ есть раздел «Преобразующая повестка дня в области гендерного равенства», посвященный женщинам на работе и дома, в котором отмечено, что: «гендерное равенство начинается дома. Мы рекомендуем принять политику, способствующую распределению обязанностей по уходу и дому между мужчинами и женщинами»⁶. Таким образом, на примере МОТ видно, что мировому сообществу потребовалось почти 70 лет, чтобы осознать, что «Экономический и социальный императив гендерного равенства больше не подвергается со-

мнению» (из текста декларации) и начать действовать.

Россия ратифицировала все перечисленные выше конвенции МОТ, кроме «Конвенции № 190» и «Рекомендация № 206 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда». То есть по большинству рекомендаций, связанных с трудом женщин, Россия выразила согласие на их выполнение. В предисловии к «Азбуке прав трудящихся женщин и гендерного равенства», опубликованной МОТ в 2007 г., записано: «Восприимчивость традиционного соотношения оплачиваемого труда и неоплачиваемой работы по дому претерпевало и претерпевает значительные изменения. МОТ не только отреагировала на эти перемены в обществе, но и взяла на себя ведущую роль в формировании будущего, в котором будет больше равенства»⁷.

Гендерная статистика и сравнения

Чтобы оценить масштабы гендерных разрывов на работе и в семье, обратимся к официальной статистике. Из данных последнего сборника «Женщины и мужчины России 2022» следует, что в 2021 г. женщины получали в месяц в среднем 48594 рублей, а мужчины — 67056 рублей, и гендерный разрыв в оплате труда (ГРОТ) в России составлял в среднем 27,5%⁸. При этом за общероссийскими средними показателями скрывается разброс ГРОТ по сферам деятельности и регионам, что естественно для очень большой страны. Так, например, минимальный ГРОТ в 2021 г. был в сфере образования — 1,9% (где зарплата женщин составляла 39815 рублей, а мужчин — 40589 рублей)⁹. Однако, этот показатель не означал «торжества гендерного равенства» в отрасли. Скорее, он был отражением неблагоприятия в самой феминизированной из бюджетных отраслей, где преподава-

⁵ Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда // МОТ: [сайт]. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/relconf/documents/meetingdocument/wcms_715175.pdf (дата обращения: 11.02.2024).

⁶ Работать ради лучшего будущего — Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда // Международное бюро труда. — Женева: МБТ, 2019. — 49 с.

⁷ ABC of Women Workers' Rights and Gender Equality. — Geneva, 2007. — 210 p.

⁸ Женщины и мужчины России 2022 // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

⁹ Там же.

телям женщинам платили на 20%, а мужчинам — на 40% ниже, чем в среднем по стране. Максимальный ГРОТ в 2021 г. был отмечен в сфере «деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений» и составлял 33,4%. Но если перейти от среднемесячных к среднечасовым показателям разрыва в оплате труда работников данной сферы, то можно увидеть почти пятикратный разрыв ГРОТ. Так, женщины, входившие в «Средний специальный персонал в области правовой, социальной работы, культуры, спорта и родственных занятий», получали за час работы в среднем 235 рублей, а мужчины — 1144 рублей, то есть почти в 5 раз больше¹⁰.

В российских регионах разрывы в трудовых доходах работников также существенно различались. Максимальный разрыв в зарплатах мужчин и женщин в 2021 г. был в Мурманской области (40,6%), что в полтора раза выше среднероссийского ГРОТ. Минимальным ГРОТ (2,9%) был в Республике Алтай. Этот показатель почти в 10 раз ниже, чем в среднем по России. И вновь, с сожалением, надо отметить, что этот показатель не столько отражает «зарплатное равенство» женщин и мужчин Алтая, сколько социально-экономическую отсталость региона.

Чтобы лучше понимать ситуацию с оплатой труда россиянок, приведём для сравнения несколько цифр статистики Евростата. В 2021 г. в Европейском Союзе (ЕС) почасовой заработок женщин был в среднем на 12,7% ниже, чем у мужчин¹¹. Уровень гендерного разрыва в оплате труда по странам ЕС различался. Самый высокий ГРОТ из стран ЕС был зафиксирован в Эстонии (20,5%), а самый низкий — в Люксембурге (0,2%)¹². Итак, из сравнения ситуации с ГРОТ женщин и мужчин в России и ЕС следует, что, во-первых, средний российский уровень ГРОТ (27,5%) более чем

в 2 раза выше, чем в ЕС (12,7%). Во-вторых, в Европе низкие показатели ГРОТ, судя по всему, действительно отражают ситуацию гендерного равенства, в то время как в России — это, скорее, сигналы о социально-экономическом неблагополучии отрасли или региона.

Источником информации относительно времени, которое россиянки и россияне тратят на неоплачиваемый домашний труд, является «Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением (часов-минут) за 2019 г.». Из таблицы 5.15. «Затраты времени на ведение домашнего хозяйства работающих лиц в возрасте 15 лет и более в будние дни» можно узнать следующее. Придя домой с оплачиваемой работы, горожанки тратят на ведение домашнего хозяйства в среднем 4 часа 10 мин., а их партнёры мужчины — 1 час 46 мин., то есть практически в 2,5 раза меньше. Ситуации в выходные дни и для сельских женщин и мужчин хотя и выражены в других цифрах, но имеют сходное содержание — женщины тратят, на домашние работы в 2–2,5 раза больше, чем мужчины¹³.

Для сравнения ситуации с гендерным разделением труда по ведению домашнего хозяйства в России и других странах обратимся к диаграмме, где временные затраты женщин на домашнее хозяйство выделены тёмным фоном (рис. 1).

На рисунке видно, что во всех странах время на домашний труд распределяется между женщинами и мужчинами неравномерно, но характер гендерных асимметрий сильно варьирует. В Пакистане, Тунисе и Сальвадоре мужчины практически не участвуют в домашнем труде, а на 86–93% его выполняют женщины. Но в этих странах уровень занятости женщин в экономике очень низкий и составляет в Пакистане и Тунисе 20–21%, а в Сальвадоре 42%. Как известно, существует обратная зависимость между уровнем занятости женщин в рыночной экономике и в домашней сфере: чем меньше времени женщина тратит на работу вне дома, тем больше времени она работает

¹⁰ Там же.

¹¹ Gender pay gap statistics / Eurostat. — URL: <https://gender-pay-gap-statistics> (дата обращения: 19.02.2024).

¹² Отрицательный гендерный разрыв в оплате труда означает, что в среднем почасовой заработок женщин выше, чем у мужчин. Для примера, в РФ такая ситуация с ГРОТ в 2021 г. была в Республике Тыва.

¹³ Женщины и мужчины России 2022 // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2024).

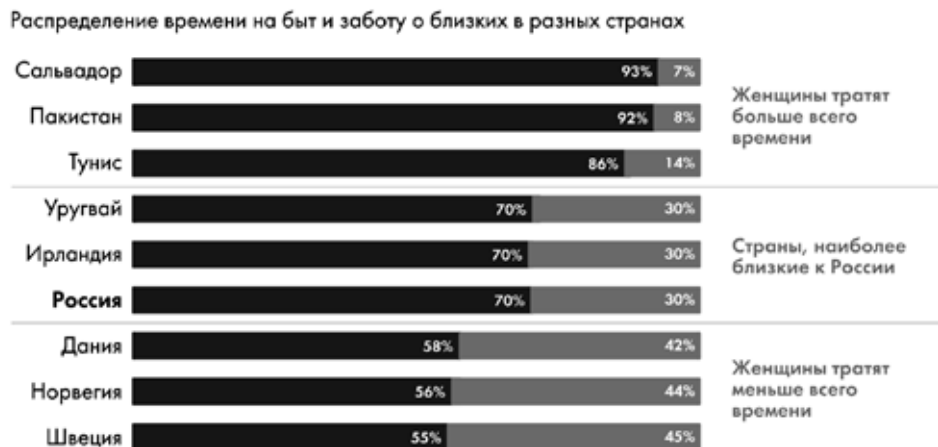

Рис. 1. Затраты времени на домашний труд женщин и мужчин в России и других странах, %

Fig. 1: Time spent on domestic labor by women and men in Russia and other countries, %
 Источник: данные МОТ и Росстата.

в семье. Это увеличивает абсолютную разницу в затратах времени на домашнюю работу по сравнению с партнером, от которого она экономически зависит.

В противоположность этому в североевропейских странах, таких как Дания, Швеция и Норвегия, женщины и мужчины практически наравне выполняют семейные обязанности: вклад женщин чуть больше половины, а мужчины берут на себя 42–45% домашних обязанностей. Для женщин и мужчин этих стран характерны высокие уровни занятости в экономике и практически равное участие в домашнем труде. Это обеспечивается за счёт проведения специальной государственной политики («государственный феминизм»), которая в странах ЕС в соответствии с Амстердамским договором 1997–1999 гг. «О Европейском союзе», реализуется институтами власти и направлена на применение принципов гендерного равенства во всех политических, нормативных и административных решениях и действиях правительств стран Евросоюза.

И, наконец, российскую ситуацию можно считать средней, но не позитивной, поскольку в основном (на 70%) домашним трудом заняты женщины, а мужчины, как у нас принято говорить, «помогают им по

дому». По данным опроса ВЦИОМ 2021 г.: «Большинство россиян считают, что в ведении домашнего хозяйства мужчины и женщины должны принимать равное участие (85%). Что домашнее хозяйство должно держаться только на женских плечах считают 7% опрошенных»¹⁴. В результате между декларируемыми масштабами вовлечения мужчин в домашний труд и ситуацией в реальной жизни возникает внутренний конфликт. Он связан с тем, что современное российское общество говорит о равноправии, но на практике принимает только традиционные роли мужчин и женщин. И хотя тренд на ответственное отцовство набирает обороты в России, но пока это личный выбор части наиболее эгалитарно настроенных российских мужчин, который на сегодня ещё не отразился на статистике бюджетов времени.

Роль семьи в гендерном неравенстве на работе: взгляд из России

Данные статистики важны, но недостаточны для понимания глубины проблем взаимосвязи и взаимозависимости семьи

¹⁴ О настоящих мужчинах // ВЦИОМ: [сайт]. – URL: wciom.ru (дата обращения: 25.02.2024).

и работы, поэтому обратимся к рассмотрению результатов некоторых значимых исследований по этой теме, опубликованных в последнее время. Чаще всего данная тематика представлена исследованиями факторов, влияющих на ГРОТ, где в числе переменных есть данные о семье (наличие детей, родительство, брак и подобное). Эти исследования относятся к числу ключевых в России и мире и научных публикаций по ним много. Но одна из них представляется наиболее ценной, поскольку является своего рода научной «матрёшкой», когда в одном исследовании анализируется много других исследований.

Речь идёт о статье С. Ю. Рощина и Н. К. Емелиной «Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России», опубликованной в 2022 г. [11]. Авторы обобщили результаты 33 исследований, отобранных для анализа проведённых в России за 25 лет (1996–2021 гг.), в которых содержалось более 170 измерений различных факторов, влиявших на ГРОТ. По данным мета-анализа получилось, что за четверть века исследований российский ГРОТ варьировал в диапазоне от 5,3% до 69,9%, а его модальное значение составило 37,6% [11]. Этот показатель гендерного разрыва значительно выше сегодняшних данных Росстата, поскольку отражает усреднённые данные за 25 лет наблюдений. И действительно, исследователи отмечают, что «В контексте российского рынка труда наблюдается убывающая динамика общего гендерного разрыва в заработной плате» [12]. Интересен расчёт и выводы авторов мета-анализа о необъяснённой части разрыва, которая является отражением того, насколько рынок труда выше оценивал работников мужчин по сравнению с работницами женщинами. Этот показатель, который многие исследователи считают маркером гендерной дискриминации, доходил в анализируемом периоде до 70%.

Принципиально важными являются следующие выводы авторов. Отмечается, что «С течением времени наблюдается увеличение необъяснённой части гендерного разрыва», что связано, в первую очередь, со «снижением объясняющей способности

традиционных факторов, таких как человеческий капитал и характеристики рабочего места». По мнению авторов одновременно растёт значение некогнитивных навыков и личностных характеристик мужчин и женщин, учёт которых ведёт к уменьшению необъяснённой части гендерного разрыва. Характеристики работников, связанные с их семейным положением и обязанностями, входят в эту группу, а, следовательно, значимость их учёта при анализе ГРОТ возрастает. Кроме того, авторы указывают на «необходимость выделения новых объясняющих переменных, связанных с укоренившимися стереотипами о социальной и экономической роли женщин» [11].

Итак, в результате мета-анализа авторы приходят к выводу, что сегодня факторов, характеризующих на рынке труда людей только как Homo economicus (человек экономический) — недостаточно, чтобы понять и оценить причины экономического гендерного неравенства. В большинстве своём занятое население — это «работники с семейными обязанностями» и взаимосвязь семьи и работы усиливается, а семейные характеристики в возрастающей мере влияют на уровень оплаты труда. В результате исследования российского рынка труда авторы выстраивают рейтинг наиболее значимых факторов, влиявших на гендерный разрыв в оплате труда в России. По их данным он выглядит следующим образом: 1) отраслевая и профессиональная сегрегация; 2) характеристики человеческого капитала; 3) «семейные факторы», такие как брак, дети и другие. Как отмечают авторы, «семейные факторы являются третьими по значимости в разложении гендерного разрыва, после отраслевой и профессиональной сегрегации и характеристик человеческого капитала» [11]. То есть, по их мнению, семейные факторы важны, но они не являются главными «виновниками» гендерного разрыва ГРОТ.

При расчётах регрессионных и других статистических моделей используются усреднённые данные о гендерных разрывах ГРОТ по стране, отрасли или региону. Однако, в контексте статьи, особый интерес

представляет информация о том, как реагирует ГРОТ на изменения семейных и профессиональных обстоятельств в жизни женщин и мужчин. Основные жизненные перемены, (окончание образования, выход на рынок труда, вступление в брак, рождение первого ребёнка и подобные) тесно коррелируют с возрастом. Поэтому для подобного анализа можно воспользоваться информацией Росстата о повозрастных уровнях заработной платы женщин и мужчин, и на основе этих данных рассчитать величину ГРОТ для разных возрастных групп (табл. 1).

лируют с возрастом. Поэтому для подобного анализа можно воспользоваться информацией Росстата о повозрастных уровнях заработной платы женщин и мужчин, и на основе этих данных рассчитать величину ГРОТ для разных возрастных групп (табл. 1).

Таблица 1

Уровень и гендерный разрыв среднемесячной заработной платы женщин и мужчин (ГРОТ) по возрастным группам в 2021 г., рублей

Table 1

Level and gender gap in average monthly wages of women and men by age groups 2021, rubles

Показатель	Возрастные группы, лет									
	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65+
Женщины	42879	55285	53683	51876	51782	50442	47164	43220	41139	40185
Мужчины	53644	69092	76339	78877	75 806	71087	61657	54688	49872	50960
ГРОТ	10765	13907	22656	29939	24024	20645	14493	11468	8733	10775
ГРОТ, %	20,1	20,1	29,7	38,0	32,0	29,1	23,5	21,0	17,5	21,1

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Если взять за точку отсчёта заработную плату возрастной группы 20–24 года, когда основная часть молодёжи заканчивает образование и выходит на рынок труда, то можно проследить динамику и траектории возрастных изменений заработной платы женщин и мужчин. Заработная плата девушек между первым (20–24) и вторым (25–29) возрастными интервалами резко возросла (на 130%) и к 29 годам достигала максимального значения в 55285 рублей. Примерно на этот же возраст приходится время создания семей. Как видно из табл. 1, женщины достигали своего пика в заработной плате к 29 годам, и больше их зарплата не росла, а только уменьшалась вплоть до возраста 65+. Совершенно другую траекторию показывает возрастная динамика изменений оплаты труда мужчин. У них также наблюдался резкий рост заработков между первым и вторым интервалами, но и в последующих двух возрастных интервалах зарплата мужчин продолжала расти. В результате заработная плата мужчин увеличивалась с 20 до 39 лет, когда она достигала максимума 78877 рублей. Таким образом, снижение уровня зарплаты у мужчин начиналось в возрасте на 10 лет позже, чем

у женщин (39 и 29 лет, соответственно). Ещё одной особенностью у мужчин было небольшое повышение зарплаты после 65 лет, в то время как у женщин уровень зарплаты с годами только падал. То есть в динамике заработков женщин и мужчин не только разные траектории, но и различные результаты.

Что касается ГРОТ, то из табл. 1 видно, что уже на входе в рынок труда (возраст 20–24 года) заработная плата женщин была на 20,1% ниже, чем у мужчин аналогичного возраста. И далее этот гендерный разрыв возрастал до максимума в 38% для возрастной группы 35–39 лет, когда у мужчин наблюдался пик уровня зарплаты. Таким образом, во-первых, женщины достигают пика заработной платы на 10 лет раньше (25–29 лет), чем мужчины (35–39 лет), во-вторых, в пиковых значениях женщины и мужчины получают за свой труд разную заработную плату. Для женщин рост зарплаты останавливается на отметке +130% от исходного уровня, а у мужчин максимум доходит до +147% по сравнению со стартовым уровнем. Возникнув в молодые годы на входе в рынок труда, гендерный разрыв в заработной плате сопровождает женщин на протяжении всего периода их трудовой де-

тельности. И, что характерно, в молодости (до 29 лет) и после 50 лет ГРОТ примерно идентичен — около 20%, а в пиковом разрыве почти вдвое больше — 38%.

Если попытаться понять причины экономического гендерного неравенства, выраженного в ГРОТ, то объяснение напрашивается только одно — начиная с возраста создания семьи и рождения первого ребёнка (25–29 лет) заработная плата женщин перестаёт расти. Следовательно, основными драйверами в сохранении и воспроизводстве гендерного разрыва, являються, с одной стороны — дискриминация женщин, которая начинается прямо на входе в рынок труда, а с другой — непропорционально высокая на протяжении всей семейной жизни погруженность женщин в быт и уход за детьми и другими членами семьи.

Работа и семья: взгляд со стороны

Научная направленность большинства исследований нобелевского лауреата по экономике 2023 г. К. Голдин совпадает с кругом вопросов, которые анализируются в данной статье. В её книгах, вышедших как давно (1990 г.) — «Понимание гендерного разрыва: экономическая история американских женщин» [13], так и недавно (2021 г.) — «Семья и карьера: столетнее путешествие женщин к равенству» [14], отражены основные проблемы взаимосвязи семьи и работы, или, точнее, важной роли

семьи в жизни работающей женщины. В результате поиска причин неравенства в оплате труда женщин и мужчин, Голдин вышла за рамки изучения производственных факторов гендерного разрыва, продемонстрировав преимущества и эффективность междисциплинарных исследований. Она доказала, что «чисто экономическими» методами проблема гендерного неравенства на рынке труда не может быть решена.

Здесь уместно провести некоторые параллели между результатами исследований К. Голдин и российских учёных, отражённых выше. Россияне тоже пришли к выводу о снижении объясняющей способности традиционных факторов, характеризующих рабочее место и работника на рынке труда. Это привело их к пониманию необходимости расширять в моделях использование факторов, характеризующих личностные характеристики мужчин и женщин и данных об их гендерных ролях. А вот «семейные факторы», такие как брак, дети и подобные, оказались в российских исследованиях ГРОТ недооценёнными, поскольку, по свидетельству авторов, эти факторы были использованы не во всех, а лишь в каждом четвертом из проанализированных исследований. В результате, у россиян семейные факторы заняли третье место в рейтинге, в то время как у К. Голдин они представлены как основные детерминанты, влияющие на женскую работу, карьеру и зарплату.

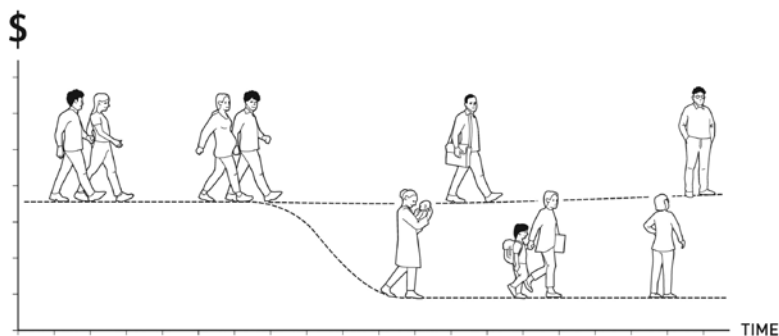

Рис. 2. Эффект родительства на разнице в заработных платах мужчин и женщин

Fig. 2. The effect of parenthood on the wage gap between men and women

Источник: Нобелевская премия по экономическим наукам 2023 года. Пресс-релиз. — URL: nobelprize.org (дата обращения: 17.01.2024).

На рис. 2 показано, как этот её вывод был проиллюстрирован в пресс-релизе Нобелевского комитета. Видно, как со временем меняются различия в зарплатах мужчин и женщин. Молодые женщины начинают трудовую карьеру практически на равных с мужчинами и первоначальные различия в их заработках невелики. «Однако, как только появляется первый ребёнок, тенденция меняется: заработки женщин, родивших ребёнка, сразу же падают и не растут такими же темпами как у мужчин, даже если они имеют одинаковое образование и профессию»¹⁵.

Аналогичную картину мы видели и в России (табл. 1): упав в возрасте 30 лет, заработная плата женщин больше не росла, а только сокращалась. Как неоднократно подчеркнуто в пресс-релизе нобелевского комитета, вслед за К.Голдин аналогичные исследования были проведенные в других странах, и они подтвердили ее выводы, и теперь фактор «родительство» практически повсеместно принят как объяснение разницы в доходах в странах с высоким уровнем развития»¹⁶. Отставание женщин от мужчин по уровню заработной платы, возникнув однажды в связи с созданием семьи и рождением ребёнка, сохраняется до конца их профессиональной занятости.

Если сравнивать данные российских и американских учёных из табл. 1 и рис. 2, можно заметить, что ситуация с доходами женщин, несмотря на разницу стран, в значительной мере совпадает. Брак и появление первого ребёнка, скорее всего, лишают женщин шансов на равенство по оплате труда как на «Западе», так и в России. Различие состоит в том, что у американок меньше дискриминации на входе в рынок труда, тогда как россиянки, несмотря на свои более высокие достижения, чем у мужчин, по показателям уровня образования и человеческого капитала, изначально получают зарплату ниже на 20%, чем их сверстники мужчины.

В заключительной части пресс-релиза Нобелевского комитета подводятся итоги и отмечается, что «Её основной вклад, который мы выделили в этом документе, объединяет одна общая черта: фундаментальная роль семьи, детей и организации труда в формировании гендерных различий в заработной плате и предложении труда»¹⁷. Сама же К.Голдин пишет о первостепенной роли семьи в занятости и карьере женщин более остро: «Неравенство в карьере существует потому, что существует неравенство в семье. Это две стороны одной медали». А затем она делает своеобразный вывод-прогноз: «Если мы сможем добиться равенства в семьях, у нас будет гораздо больше шансов добиться равенства доходов мужчин и женщин на работе»¹⁸, т.е. в тандеме «семья-работа», главную роль играет семья, а потому все преобразования в жизни и занятости женщин, направленные на достижение гендерного равенства, должны начинаться именно с семьи.

Заключение

Семья и работа — это, как было отмечено выше, две стороны одной медали, что в полной мере соотносится к реалиям жизни российских женщин. Большинство современных россиянок имеют разносторонние интересы и не только хотят, но и реализуются в обеих сферах. Поэтому в России традиционно очень высок уровень занятости женщин. Например, уровень занятости молодых женщин в возрасте 25–34 года составляет 82,3–85,3%, а в возрасте 40–49 лет достигает уровня занятости мужчин 91,7–92,5%¹⁹. Одновременно в российском обществе все более значимым становится тренд на ответственное отцовство, а также на изменение социального статуса и семейных нагрузок мужчин, что «проявляется, в их готовности разделять с женщинами обязанности по дому и задачи по воспитанию

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Женщины и мужчины России 2022. // Росстат: [сайт]. — URL: Wom-Man 2022.pdf (rosstat.gov.ru). (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁵ Нобелевская премия по экономическим наукам 2023 года. Пресс-релиз. — URL: nobelprize.org (дата обращения: 17.01.2024).

¹⁶ Там же.

детей»²⁰. В этих условиях основная задача государственной социальной политики — создавать условия и механизмы, позволяющие женщинам и мужчинам одновременно реализовываться в сферах труда и семьи. Конвенция МОТ «О женщинах и мужчинах — работниках с семейными обязанностями» должна быть дополнена новым социальным контрактом «работающих родителей», который заменит контракт «работающей матери».

Цель достижения гендерного равенства в семье и на работе, выполнима, если её поставить и последовательно к ней продвигаться. И именно сейчас складываются наиболее благоприятные условия для реализации этих задач. В послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. Президент России объявил о запуске нового национального проекта «Семья», основная цель которого — всесторонняя поддержка семей и повышение рождаемости²¹. Уровень и мас-

штаб проекта предполагает, с одной стороны, более глубокую и всестороннюю работу над проблемой, а с другой — выделение ресурсов, необходимых на его реализацию.

Исследования в России и мире доказали тесную взаимосвязь между семьей и работой, поэтому представляется необходимым, чтобы национальный проект «Семья» не ограничивался только вопросами рождаемости и детских пособий, а был направлен также на решение вопросов оптимизации совмещения семьи и работы. В информации, которая пока известна о нацпроекте, семьи как таковой нет, а есть только женщины и дети. Нет ни отцов, которые должны и хотят участвовать в уходе и в воспитании детей, ни стареющих родителей, ни вопросов справедливого распределения домашнего труда между родителями. Сказано, что работа над проектом незакончена и её продолжают специалисты и эксперты, но необходимо в ближайшее время провести также всенародное обсуждение основных идей и направлений этого важного для всех россиян проекта. В этой связи нужно организовать ряд тематических форумов, семинаров и конференций, а также создать Интернет-площадки для обсуждения вопросов, связанных с будущим российской семьи.

²⁰ ВЦИОМ. Аналитический доклад «Российская семья как сохранить традиции и обрести новые смыслы», июль 2021 г. // Интернет-издание «Диалог»: [сайт]. — URL: dialog-nn.ru (дата обращения: 25.01.2024).

²¹ Послание Президента России Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 01.03.2024).

Литература и Интернет-источники

1. **Балабанова, Е. С.** Домашний труд как символ гендера и власти / Е. С. Балабанова // Социологические исследования. 2005. — № 6. — С. 109–119. EDN: OOUKSN
2. **Калабихина, И. Е.** Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства / И. Е. Калабихина, Ж. К. Шайкенова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. — № 3. — С. 261–285. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.15; EDN: QJGHAO
3. **Мезенцева, Е. Б.** Гендерное разделение домашнего труда: основные тенденции и вопросы экономической оценки / Е. Б. Мезенцева // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / ред. М. Е. Баскакова — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — С. 279–315.
4. **Айвазова, С. Г.** Контракт «работающей матери»: нарушения или расторжение? (к вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) / С. Г. Айвазова // Женщина в российском обществе. — 2011. — № 3. — С. 13–22. EDN: OJMXIN
5. **Панкратова, Е. В.** Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект. / Е. В. Панкратова, О. А. Хасбулатова // Женщина в российском обществе. — 2018. — № 1(86). — С. 43–52. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.4; EDN: YTBKXA

6. **Чернова, Ж.** Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей. / Ж. Чернова // Журнал исследований социальной политики. — 2012. — № 3. — С. 295–308. EDN: PFEWNP
7. **Макаренцева, А. О.** Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому / А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова, Е. А. Третьякова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 2. — С. 97–114. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.06; EDN: ZMQAFL
8. **Антонов, А. И.** В строю научной школы фамилизма (о вкладе кафедры социологии семьи и демографии в достижения социологического факультета МГУ) / А. И. Антонов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2019. — № 4. — С. 37–43. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43; EDN: JRDTBY
9. **Шабунова, А. А.** О гендерной дифференциации заработной платы на рынке труда. / А. А. Шабунова, А. И. Россошанский // Проблемы развития территории — 2013. — Вып. 5(87) — С. 50–56. EDN: RCPJDD
10. **Роцин, С. Ю.** Методы декомпозиции гендерного разрыва в заработной плате: сравнительный анализ / С. Ю. Роцин, Н. К. Емелина // Прикладная эконометрика. — 2021. — № 2(62). — С. 5–31. DOI: 10.22394/1993-7601-2021-62-5-31; EDN: IHTVPB
11. **Роцин, С. Ю.** Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России. / С. Ю. Роцин, Н. К. Емелина // Экономический журнал ВШЭ. — 2022. — Т. 26. — № 2. — С. 213–239. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239; EDN: EYSYWA
12. Gender pay Gap in Russia: Literature Review and New Decomposition Results // Gendering Post-soviet Space: Demography, Labour Market and Values in Empirical Research / eds. A. Oshchepkov, T. Karabchuk, K. Kumo, K. Gatskova, E. Skoglund. — Springer Publishing Company, 2021. — P. 211–233.
13. **Goldin, C. D.** Understanding the gender gap: an economic history of American women / C. D. Goldin. — New York : Oxford University Press, 1990. — 287 p.
14. **Goldin, C. D.** Career and Family: Women's Century-Long Journey Toward Equity. / C. D. Goldin. Princeton : Princeton University Press, 2021. — 344 p.

Информация об авторе:

Хоткина Зоя Александровна, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: zoya-alex2012@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3610-9433; РИНЦ AuthorID: 719561.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-147-160

**WORK AND FAMILY: GENDER INEQUALITIES IN
THE DISTRIBUTION OF MONEY AND TIME****Zoya A. Khotkina**

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: zoya-alex2012@yandex.ru

For citation:

Khotkina Z. A. Work and family: gender inequalities in the distribution of money and time. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 51. P. 147-160. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-147-160 (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes the relationship between family and work, as well as the issues of gender inequality that exists in these main spheres of life of women and men. Gender gap indices are used as indicators of inequality in these spheres. The gender gap in the sphere of labor is measured mainly by money, in family — by time. Special attention is paid to the gender pay gap (GPG) as the most recognized marker of economic gender inequality, the magnitude and dynamics of which are largely determined by family-related factors. On the example of changes in the documents of the International Labor Organization (ILO) there are traced the stages in development of the gender equality concept and the turn made to realization that family responsibilities play an important role for workers employed in the economy. The article compares statistical data and results of Russian and international studies on inequality in the family and at work, identifies common features and regularities of the influence of family factors on the size of the GROT, as well as peculiarities of the dynamics of women's and men's wages in different countries. Some parallels are drawn between the studies of Claudia Goldin, Nobel laureate 2023 in economics, and the works of Russian authors. The analysis of the relationship between family and work has made it possible to make a number of recommendations for finalizing the National Project «Family» announced by the President.*

Keywords: work, family, gender inequality, gender pay gap (GPG), domestic work, family responsibilities.

References and Internet sources

1. Balabanova E. S. Domashniy trud kak simbol gendera i vlasti [Domestic work as a symbol of gender and power]. *Sotsiologicheskiy issledovaniya [Sociological Studies]*. 2005. No. 6. P. 109–119. (in Russ.)
2. Kalabikhina I. E., Shaikhenova Zh. K. Zatraty vremeni na domashnyuyu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva [Time spent on household work: the determinants of gender inequality]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]*. 2019. No. 3. P. 261–285. (in Russ.)
3. Mezentseva E. B. Gendernoye razdeleniye domashnego truda: osnovnyye tendentsii i voprosy ekonomicheskoy otsenki [Gender division of domestic labor: main trends and issues of economic assessment]. *Gendernoye neravenstvo v sovremennoy Rossii skvoz' prizmu statistiki [Gender Inequality in Modern Russia through the Prism of Statistics]*. Ed. M. E. Baskakov. Moscow. Yeditorial URSS [Editorial URSS]. 2004. P. 279–315. (in Russ.)
4. Aivazova S. G. Kontrakt «rabotayushchey materi»: narusheniya ili rastorzheniye? (k voprosu ob osobennostyakh gendernoy politiki v sovremennoy Rossii) [The contract of a «working mother»: violations or termination? (on the issue of the specifics of gender policy in modern Russia)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society]*. 2011. No. 3(60). P. 13–22. (in Russ.)
5. Pankratova E. V., Khasbulatova O. A. Kontseptsiya kachestva semennoy zhizni v sotsiologii: gendernyy aspekt [The concept of family life quality in sociology: gender aspect]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Woman in Russian Society]*. 2018. No. 1(86). P. 43–52. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.4. (in Russ.)
6. Chernova Zh. V. Balans sem'i i raboty: politika i individual'nyye strategii materей [The work-family balance: policy and individual mothers' strategies]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [The Journal of Social Policy Studies]*. 2012. No. 3. P. 295–308. (in Russ.)
7. Makarentseva A. O., Biryukova S. S., Tretyakova E. A. Predstavleniya muzhchin i zhenshchin o zatratakh vremeni na rabotu po domu [Perception of time spent on housework among men and women]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]*. 2017. No. 2. P. 97–114. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.06. (in Russ.)
8. Antonov A. I. V stroyu nauchnoy shkoly familizma (o vklade kafedry sotsiologii sem'i i demografii v dostizheniya sotsiologicheskogo fakul'teta MGU) [In the structure of scientific school of familism (about the contribution of the Department of Sociology of Family and Demography to

- the achievements of the Sociological Faculty of Moscow State University)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 37–43. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-37-43 (in Russ.)
9. Shabunova A. A., Rossoshansky A. I. O gendernoj differentsiatsii zarabotnoj platy na rynke truda. [On gender wage differential in labor market]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]. 2013. Issue 5(87). P. 50–56. (in Russ.)
  10. Roshchin S. Yu., Emelina N. K. Metody dekompozitsii gendernogo razryva v zarabotnoj plate: sravnitel'nyj analiz [Gender wage gap decomposition methods: comparative analysis]. Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics]. 2021. No. 2(62). P. 531. DOI: 10.22394/1993-7601-2021-62-5-31 (in Russ.)
  11. Roshchin S. Yu., Emelina N. K. Meta-analiz gendernogo razryva v oplate truda v Rossii [A meta-analysis of the Gender Pay Gap in Russia]. Ekonomicheskij zhurnal VShE [HSE Economic Journal]. 2022. Vol. 26. No. 2. P. 213–239. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239 (in Russ.)
  12. Oshchepkov A. Gender Pay Gap in Russia: Literature Review and New Decomposition Results. *Gendering Post-Soviet Space: Demography, Labour Market and Values in Empirical Research*. Eds. T. Karabchuk, K. Kumo, K. Gatskova, E. Skoglund. Springer Publishing Company. 2021. P. 211–235.
  13. Goldin C. D. *Understanding the Gender Gap: An Economic History of American Women*. New York. Oxford University Press. 1990. 287 p. (NBER series on long-term factors in economic development).
  14. Goldin C. D. *Career and Family: Women's Century-Long Journey Toward Equity*. Princeton University Press. 2021. 344 p.

Information about the author:

Khotkina Zoya Aleksandrovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zoya-alex2012@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3610-9433; Elibrary AuthorID: 719561.

Статья получена редакцией 09.03.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-161-176
EDN: EYULIA

МАЛОЭТАЖНОЕ ЖИЛЬЁ КАК ПРИОРИТЕТ В ПОВЫШЕНИИ ЖИЛИЩНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ РОССИЙСКИХ СЕМЕЙ

Локосов В. В., Пилипенко И. В.*, Шнейдерман И. М.

Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

*E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

Для цитирования:

Локосов В. В., Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М. Малоэтажное жильё как приоритет в повышении жилищной обеспеченности российских семей // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 161-176. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-161-176; EDN: EYULIA

Аннотация. В статье рассматривается ряд вопросов малоэтажного жилищного строительства как одного из системных решений проблемы повышения качества жизни населения Российской Федерации и разрешения демографической проблемы. На основе данных результатов опросов Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения» (КОУЖ) 2011, 2014, 2016, 2018, 2020 и 2022 гг. исследуются вопросы о влиянии объемов ввода нового жилья в 2011–2022 гг. на жилищную обеспеченность российских семей через рассмотрение динамики показателей общей площади и числа жилых комнат в индивидуальных домах и квартирах в городской и сельской местности, о доле домохозяйств с различным составом семьи, испытывающих определённую или большую стеснённость при проживании, и об изменении размера жилой площади в расчете на одного члена домохозяйства. В статье проанализирована проблема относительной неразвитости инженерной и социальной инфраструктуры и благоустройства в районах с преимущественно малоэтажной жилой застройкой, а также доступности государственных и муниципальных услуг в сфере образования, здравоохранения, общественного транспорта и дорожной инфраструктуры. Показано преимущество индивидуальных домов перед квартирами в части наличия большей площади и пространства для воспитания детей. Выявлена имеющаяся дихотомия в жилищной обеспеченности и благоустройстве жилья по линии семей «с детьми / без детей», «проживающих в индивидуальных домах / в квартирах в многоквартирных домах», «из сельских населенных пунктов / из городов и посёлков городского типа», в рамках которой семьи с детьми в частных домах и из сельской местности систематически находятся в среднем в менее благоприятных жилищных условиях, чем семьи из второй соответствующей категории, в связи с чем актуальным является вопрос о справедливости и приоритетах в распределении нового вводимого жилья в стране.

Ключевые слова: малоэтажное жильё, индивидуальное жилищное строительство, инженерная инфраструктура, социальная инфраструктура, качество жизни, Российская Федерация.

Введение

В течение XX в. малоэтажное жилищное строительство¹ сыграло значительную роль в решении жилищного вопроса для семей в рамках плановой экономики СССР/РСФСР и в Российской Федерации (РФ) в 1990-х годах. Так, в 1918–1960 гг. населением в РСФСР за свой счет и с помощью государственного кредита было построено 54,0% нового жилья. Кроме того, в 1920–1930-х гг. в связи с неразвитостью материально-технической базы строительства и низкой механизацией труда малоэтажные многоквартирные дома централизованно возводилось в городах и посёлках городского типа (пгт) [1, с. 108–109]. С развертыванием в конце 1950-х гг. массового жилищного строительства типовых многоквартирных домов и началом доминирования городского населения над сельским доля индивидуального жилищного строительства (ИЖС) стала снижаться и в 1961–1990 гг. составила в РСФСР 13,6% при доле в общем вводе нового жилья по площади в 1918–1990 гг. на уровне 26,5%; еще 4,3% от общего объема нового жилищного строительства в 1961–1990-х гг. было введено колхозами (3,0% от жилья, введённого в период 1918–1990 гг.) [1, с. 235, 441–442, 445]. В процессе трансформации социетальной системы в России в 1990-х гг. [2] и развития рыночных отношений в сфере недвижимости доля ИЖС стала опять увеличиваться (24,6% в 1991–2000-х гг.) при том, что общие объемы ввода жилья в стране в эти 10 лет снизились на 43% по сравнению с периодом 1981–1990 годов. В свою очередь, в 2000–2010-х гг. вклад ИЖС в жилищное строительство в стране достиг 42,9%, а общая площадь введенного в эксплуатацию жилья увеличилась на 28,9%

¹ Под малоэтажным жильём мы понимаем, согласно ст. 1 ГрК РФ [Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (в ред. от 25.12.2023)], строения не выше трёх этажей, к чему относятся, в первую очередь, индивидуальные жилые дома и дома блокированной застройки. Кроме того, к малоэтажным домам относятся и многоквартирные дома не выше трёх этажей, однако в данной работе основное внимание, в том числе из-за особенностей имеющейся статистики, будет уделено индивидуальным домам на одну или две семьи.

в период 2001–2010 гг. и на 59,3% в течение 2011–2020 годов².

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в индивидуальных домах проживает 28,6% населения, в том числе 15,6% в городских и 67,1% в сельских населенных пунктах³. Еще примерно 29% городских домохозяйств, согласно опросу ДОМ.РФ и ВЦИОМ, проведённому в августе 2022 г.,⁴ имеют дачу или загородный дом (второе жилье, в том числе с учётом «дачной амнистии»), и 37% городских семей хотели бы их иметь⁵. По результатам данного опроса, 68% российских домохозяйств, проживающих в городах, считают индивидуальный дом наиболее предпочтительным типом жилья, в том числе около 60% населения городов-миллионников. В качестве основных препятствий для переезда в частный дом 2/3 респондентов указали отсутствие финансовых средств для покупки или строительства дома, необходимость дополнительного времени на дорогу и постоянные траты на текущий ремонт при эксплуатации индивидуального дома, а среди ключевых требований к инфраструктуре и благоустройству была отмечена необходимость наличия развитой социальной инфраструктуры (55%); магазинов, аптек, банков (55%); остановок общественного транспорта (40%); детских площадок и зон отдыха (38%), автотрассы до важных объектов и работы (26%)⁶.

² Расчёты авторов по данным: Ввод в действие жилых домов в городской и сельской местности в Российской Федерации / Росстат, 2023. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Stroi_132.xls (дата обращения: 10.01.2024).

³ Расчёты авторов по данным: Население по типам занимаемых жилых помещений по субъектам Российской Федерации / Росстат, 2022. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom11_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 15.01.2024).

⁴ Запрос горожан на индивидуальные дома: социологический опрос // ВЦИОМ, «ДОМ.РФ», август 2022, с. 3. — URL: <https://дом.рф/upload/iblock/7d1/cvzv7alda0iermcrqct2ijjpr299nct5w.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

⁵ Таким образом, с учётом доли городского населения в РФ на уровне 74,8%, собственной дом или дачу имеют ориентировочно 38–43% жителей страны.

⁶ Запрос горожан на индивидуальные дома: социологический опрос // ВЦИОМ, «ДОМ.РФ», август 2022, с. 3. — URL: <https://дом.рф/upload/iblock/7d1/cvzv7alda0iermcrqct2ijjpr299nct5w.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

В исследованиях специалистов ИСЭПН РАН в начале 2010-х гг. [3; 4] подчёркивалась необходимость развития малоэтажного жилищного строительства в качестве одной из ключевых мер поддержки уровня рождаемости в стране, формирования среднего класса [3] и устойчивого развития сельских территорий [4], где семьи до последних десятилетий имели в среднем большее число детей, чем городские жители. Рассматривались также вопросы жилищной обеспеченности населения в целом и семей с детьми [5] и проблемы развития малоэтажного жилищного строительства на уровне федеральных округов и регионов [6; 7]. Также в исследовании Фонда «Институт экономики города» по 17 крупнейшим агломерациям РФ было показано, что малоэтажная жилая застройка⁷ занимает значительную долю в жилищном фонде городских агломераций (от 12,9% во Владивостокской до 36,2% в Волгоградской и 42,7% в Ростовской агломерациях) [8].

В данной статье мы проанализируем вопросы динамики жилищной обеспеченности российских семей в сегменте индивидуальных жилых домов в сравнении с многоквартирными домами, обустройства малоэтажных домов инженерной и социальной инфраструктурой и элементами благоустройства. В качестве статистической базы для нашего исследования мы использовали результаты опросов Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения» (КОУЖ), проведенных в 2011–2022⁸ гг. на основе выборки из около 10 тыс. домохозяйств в 2011 г. и 60 тыс. домохозяйств в 2014–2022 гг., из которых около 25% в выборке 2022 г. являлись домохозяйствами с детьми. Так как покрытие регионов данной частью выборки КОУЖ является не достаточным, мы сосредоточились на проведении макроанализа на уровне РФ с разделением домохозяйств на проживающих

в индивидуальных и многоквартирных домах в городской и сельской местности.

Жилищная обеспеченность как преимущество проживания семей в малоэтажных домах

Как показывают результаты опросов КОУЖ 2011–2022 гг., средняя общая площадь жилья в сельской местности, где преобладают индивидуальные дома (в выборке КОУЖ–2022 таких домохозяйств 72%), в 2011–2022 гг. (64,1 м²) систематически превышала площадь жилья (на 19,5%) в городах и пгт (53,6 м²) и средний показатель по стране в целом (56,7 м², то есть на 13,2%) (см. табл. 1). Кроме того, площадь индивидуальных домов в городской и сельской местности (70,5 м²) в среднем на 40,8% превышала площадь квартир в многоквартирных домах (50,1 м²). В свою очередь, средняя площадь индивидуальных домов в городской местности (72,1 м²) была на 44,2% больше средней площади квартир (50,0 м²), а в сельской местности — больше на 37,6% (69,8 м² против 50,8 м²).

Схожие различия наблюдались и по количеству жилых комнат в городах и на селе, а также в индивидуальных и многоквартирных домах. Так, среднее число жилых комнат в сельской местности (2,7 ед.) было на 20,7% больше, чем в городской местности (2,2 ед.), и на 13,8% больше, чем в среднем по стране (2,4 ед.). Количество жилых комнат в индивидуальных домах (2,9 ед.) было на 38,4% выше, чем в квартирах (2,1 ед.) в целом по выборке КОУЖ, на 40,5% больше значения в городах и пгт (соответственно 3,0 ед. и 2,1 ед.) и на 31,9% выше на селе (2,9 ед. и 2,2 ед.) (табл. 1, в некоторых случаях нет данных — н.д.).

Данные табл. 2 позволяют сделать несколько выводов и об изменении ситуации со стесненностью проживания, исходя из личных ощущений респондентов КОУЖ. Во-первых, доля респондентов, испытывающих определенную или большую стесненность, снизилась в период 2011–2022 гг. почти во всех категориях домохозяйств, кроме домохозяйств из пяти человек без детей

⁷ В данном исследовании к малоэтажной застройке относились индивидуальные и многоквартирные дома высотой до четырёх этажей включительно [11, с. 19].

⁸ Комплексное наблюдение условий жизни населения // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH/ ... (дата обращения: 04.01.2024).

Таблица 1
Средняя общая площадь и число жилых комнат в индивидуальных домах и квартирах в городской и сельской местности Российской Федерации, 2011–2022 годы

Table 1

Average total housing space and number of rooms in apartments and individual houses in rural and urban areas of the Russian Federation, 2011–2022

Категория жилья	2011	2014	2016	2018	2020	2022
Средняя общая площадь, м ²						
Всё жильё	н.д.	55,9	56,6	55,9	57,3	57,5
Всё жильё в городской местности	н.д.	52,9	53,6	н.д.	53,9	54,1
Всё жильё в сельской местности	н.д.	62,9	63,4	н.д.	64,9	65,2
Индивидуальные дома	н.д.	68,8	70,3	69,8	71,6	72,0
Инд. дома в городской местности	н.д.	69,6	72,3	н.д.	72,5	73,8
Инд. дома в сельской местности	н.д.	68,3	69,1	н.д.	71,1	71,0
Квартиры	н.д.	50,1	50,4	49,9	49,8	50,1
Квартиры в городской местности	н.д.	49,9	50,2	н.д.	49,7	50,1
Квартиры в сельской местности	н.д.	51,3	51,2	н.д.	50,4	50,2
Число жилых комнат						
Всё жильё	2,37	2,36	2,38	2,36	2,40	2,40
Всё жильё в городской местности	2,25	2,23	2,25	н.д.	2,25	2,25
Всё жильё в сельской местности	2,69	2,68	2,69	н.д.	2,74	2,74
Индивидуальные дома	2,88	2,91	2,93	2,93	2,98	2,96
Инд. дома в городской местности	2,84	2,96	3,00	н.д.	3,00	2,97
Инд. дома в сельской местности	2,90	2,88	2,89	н.д.	2,97	2,95
Квартиры	2,13	2,12	2,13	2,11	2,10	2,11
Квартиры в городской местности	2,13	2,10	2,11	н.д.	2,08	2,10
Квартиры в сельской местности	2,17	2,26	2,25	н.д.	2,20	2,19

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2011, КОУЖ-2014, КОУЖ-2016, КОУЖ-2018, КОУЖ-2020, КОУЖ-2022.

и семей с пятью и более детьми. А наиболее значительное улучшение ситуации наблюдалось в домохозяйствах из трех человек с двумя детьми (на 41,7 процентных пункта (п.п.)), с одним ребёнком (на 34,2 п.п.) и без детей (на 32,4 п.п.), из четырёх человек без детей (на 41,2 п.п.) и из двух человек с одним

ребёнком (на 33,2 п.п.). При этом наибольший скачок в улучшении восприятия произошел в 2011–2014 гг., что может объясняться увеличением выборки КОУЖ с 10 тыс. респондентов до 60 тысяч. В то же время изменение показателей в период 2014–2022 гг., на который приходится наибольшие объемы

Таблица 2

Доля домохозяйств с различным составом семьи, испытывающих определённую или большую стеснённость при проживании во всех типах жилья / в индивидуальных домах / в отдельных квартирах, %, 2011–2022 гг.

Table 2

Share of households with different family composition experiencing certain or severe overcrowding in all types of housing / in individual houses / in separate apartments, per cent, 2011–2022

Состав домохозяйств	2011	2014	2016	2018	2020	2022
Все домохозяйства	38,2/20,0/30,8	23,5/16,4/25,2	25,9/19,0/27,2	22,6/16,7/24,0	19,2/14,0/21,0	17,6/12,2/19,3
в т.ч. с детьми	62,8/39,0/52,6	44,7/34,5/47,6	46,2/35,4/49,4	41,4/31,0/44,9	37,2/27,4/41,0	34,2/24,0/38,0
без детей	26,4/11,2/20,3	14,5/8,8/15,6	15,8/10,1/16,5	12,9/8,7/13,6	10,6/7,2/11,6	9,4/6,0/10,2
Домохозяйства из 1 чел.	12,4/5,1/8,3	6,2/3,8/5,4	5,5/3,4/4,3	4,2/3,1/3,4	3,6/3,0/3,4	3,3/2,5/2,9
Домохозяйства из 2 чел.	29,2/10,2/22,8	17,0/8,8/19,0	15,2/8,1/16,4	13,8/7,3/15,3	11,5/6,8/12,9	10,1/4,4/11,6
в т.ч. с 1 ребёнком	52,0/23,3/37,0	31,4/18,5/31,9	29,5/20,6/28,5	25,8/19,6/25,5	23,4/16,8/23,7	18,8/10,7/19,3
без детей	25,8/9,2/20,3	15,2/8,2/17,1	14,0/7,5/15,1	12,7/6,7/14,2	10,3/6,3/11,7	9,2/4,1/10,8
Домохозяйства из 3 чел.	59,6/28,9/46,7	36,7/22,6/40,5	35,8/22,5/38,9	32,3/20,1/35,6	29,0/16,3/33,4	25,8/14,9/29,4
в т.ч. с 1 ребёнком	60,4/31,8/47,7	37,6/24,1/40,2	36,3/22,4/38,5	32,4/20,8/34,8	28,7/17,9/31,7	26,2/14,7/29,2
с 2 детьми	74,4/33,6/50,1	47,6/35,2/49,8	43,2/35,4/42,9	42,0/29,3/45,5	36,2/28,4/37,6	32,7/26,0/34,3
без детей	56,6/25,4/44,6	34,1/19,7/39,7	34,7/21,7/39,2	31,2/18,6/36,0	28,4/13,7/35,7	24,2/14,1/29,1
Домохозяйства из 4 чел.	67,2/35,2/61,1	50,0/34,8/56,3	50,6/34,5/56,7	46,0/30,3/52,0	42,0/26,8/48,9	37,6/25,1/43,0
в т.ч. с 1 ребёнком	65,6/31,7/64,2	50,2/30,4/58,8	52,4/31,7/61,0	49,0/29,3/57,5	46,8/30,0/54,9	38,8/25,7/45,2
с 2 детьми	64,2/36,8/57,4	49,4/37,4/53,7	47,6/35,6/51,5	43,0/29,1/47,5	38,8/24,4/44,5	36,7/23,5/41,7
с 3 детьми	н.д./н.д./н.д.	57,0/н.д./н.д.	59,2/43,2/н.д.	48,9/44,8/53,8	41,6/44,8/38,9	45,9/39,2/51,6
без детей	79,8/39,7/65,2	51,5/32,7/61,4	56,1/35,3/65,8	52,1/33,9/60,6	48,4/27,6/62,1	38,6/27,4/44,8
Домохозяйства из 5 чел.	73,0/61,0/75,8	62,4/49,0/74,7	63,4/46,6/76,5	57,1/41,5/69,1	53,9/38,9/67,1	50,0/32,5/64,7
с 1 ребёнком	62,0/47,6/71,7	62,3/46,1/75,7	67,3/47,0/80,8	57,4/41,3/69,8	53,5/24,5/75,9	46,7/23,3/64,7
с 2 детьми	80,4/60,8/79,9	63,9/49,0/76,9	62,3/45,5/76,0	56,7/37,6/71,4	53,4/38,6/67,8	49,7/30,9/63,6
с 3 и более детьми	70,2/73,7/69,9	61,4/50,8/72,9	60,0/49,5/68,8	58,0/44,3/68,5	51,9/42,7/60,1	50,5/36,8/63,4
без детей	н.д./н.д./н.д.	60,1/49,8/68,0	69,8/36,1/91,3	53,1/44,4/58,9	75,6/н.д./н.д.	58,0/н.д./н.д.
Домохозяйства с 3 и более детьми	70,0/69,7/н.д.	61,1/50,9/71,9	60,0/49,3/68,6	57,6/44,3/68,0	51,4/42,8/59,1	50,3/36,9/62,7
Домохозяйства с 5 и более детьми	н.д./н.д./н.д.	62,4/н.д./н.д.	69,3/68,8/н.д.	69,7/н.д./н.д.	77,8/69,3/н.д.	71,2/63,9/н.д.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2011, КОУЖ-2014, КОУЖ-2016, КОУЖ-2018, КОУЖ-2020, КОУЖ-2022.

ввода жилья в РФ за последние 30 лет⁹, отличалось крайне низкой динамикой — улучшением только на 10–12 п.п. за 8 лет для большинства категорий домохозяйств с детьми.

Во-вторых, общий уровень стеснённости в проживании остался к 2022 г. высоким — 34,2% для всех семей с детьми, 26,2–32,7% для домохозяйств из трех человек с детьми, 38,8–45,9% для домохозяйств из четырех человек с детьми, 46,7–50,5% для домохозяйств из пяти человек с детьми. В-третьих, стеснённость при проживании увеличивается по мере увеличения количества детей в семье — от 18,8% домохозяйств из двух человек с одним ребёнком до 50,3% для домохозяйств с тремя и более детьми. При этом если соотношение домохозяйств с детьми, ощущающим определённую стеснённость, к домохозяйствам с детьми, испытывающим большую стеснённость в целом по стране, находится на уровне 3:1, то при увеличении количества детей это соотношение приближается к 2:1. Соответственно, данная проблема осталась наиболее актуальной именно для семей, имеющих детей, и она стоит тем острее, чем в среднем больше семья имеет детей.

В-четвёртых, показатели уровня стеснённости в индивидуальных домах оказались ниже, чем по стране в целом и, особенно, при сравнении с восприятием домохозяйств, проживающих в многоквартирных домах. Так, разница со средними по РФ показателями и для домохозяйств из одного — двух человек составила около 5–10 п.п., а для домохозяйств из трех — пяти человек с детьми разница достигала 7–18 п.п. в 2022 году. При сравнении с уровнем стеснённости в квартирах восприятие домохозяйств, проживающих в индивидуальных домах, было на 14,0 п.п. более позитивным для семей с детьми в целом, на 14,5 п.п. — для домохозяйств из трех человек с одним ребёнком, на 12,4–19,5 п.п. — для домо-

хозяйств из четырёх человек с детьми, на 26,6–41,4 п.п. — для домохозяйств из пяти человек с детьми. Таким образом, индивидуальные дома предоставляют в среднем больше места для воспитания детей, чем при проживании семей в квартирах.

Аналогичные тенденции наблюдаются и при анализе стеснённости при проживании в квартирах и индивидуальных домах в городской и сельской местности¹⁰. За исключением одиночек, во всех остальных категориях домохозяйств условия проживания в индивидуальных домах, по оценке респондентов КОУЖ, отличаются меньшей стеснённостью, чем в многоквартирных домах. Разница в городской местности в 2022 г. составляла 12,5 п.п. для всех домохозяйств с детьми, 11,7 п.п. для домохозяйств из трех человек с одним ребёнком, 16,2–19,0 п.п. для домохозяйств из четырёх человек с детьми и 20,8–44,0 п.п. для домохозяйств из пяти человек с детьми. В свою очередь, разница в сельской местности достигала 18,2 п.п. для домохозяйств с детьми, 7,7 п.п. для домохозяйств из двух человек с одним ребёнком, 19,2–20,4 п.п. для домохозяйств из трех человек с детьми, 16,2–20,7 п.п. для домохозяйств из четырёх человек с детьми и 26,6 п.п. для домохозяйств с тремя и более детьми.

Анализ результатов опросов КОУЖ относительно динамики размера жилой площади¹¹ (общая площадь за вычетом площади кухни, коридоров, ванной комнаты, туалета и других вспомогательных помещений) в расчете на члена домохозяйств позволяет сделать следующие выводы (см. табл. 3). Во-первых, средние значения метража на душу населения в 2011–2022 гг. практически не изменились и составили для страны в целом, для домохозяйств с детьми и без детей соответственно 17,0 м², 12,3 м² и 22,0 м² на человека. Для домохозяйств из одного человека, домохозяйств из пяти человек с дву-

⁹ В 2014–2022 гг. в эксплуатацию было введено 762,4 млн м² жилья, что составляет 43,2% от общего объема жилищного строительства в постсоветское время (1992–2022 гг.) [1; расчеты авторов по данным: Ввод в действие жилых домов в городской и сельской местности в Российской Федерации // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Stroi_132.xls (дата обращения: 10.01.2024)].

¹⁰ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 04.01.2024).

¹¹ Мы взяли для анализа показатель жилой, а не общей площади в связи с тем, что вопрос о размере общей площади жилья был включен Росстатом только, начиная с опроса КОУЖ-2014.

мя детьми и домохозяйств из трех человек с двумя детьми показатели ухудшились на $1,1 \text{ м}^2$, $0,6 \text{ м}^2$ и $0,4 \text{ м}^2$ до соответственно $33,2 \text{ м}^2$, $10,7 \text{ м}^2$ и $13,3 \text{ м}^2$. Наоборот, немного улучшились (на $0,9 \text{ м}^2$) показатели для домохозяйств с тремя и более детьми, для домохозяйств из пяти человек с тремя и более детьми и для домохозяйств из четырех человек без детей, однако показатель жилой площади на одного члена домохозяйства остался на крайне невысоком уровне — соответственно $10,3 \text{ м}^2$, $10,2 \text{ м}^2$ и $13,6 \text{ м}^2$.

Во-вторых, для всех категорий домохозяйств, кроме одиночек, размер жилой площади в семьях с детьми оказался меньше метража на душу населения в домохозяйствах с таким же количеством членов, но без детей. Так, для домохозяйств из двух человек эта разница составляла на 2022 г. в среднем $2,9 \text{ м}^2$, для домохозяйств из трех человек — от $1,6 \text{ м}^2$ до $2,2 \text{ м}^2$, для домохозяйств из четырех человек — от $1,5 \text{ м}^2$ до $2,9 \text{ м}^2$, для домохозяйств из пяти человек — от $0,5 \text{ м}^2$ до $2,1 \text{ м}^2$. При этом по данным КОУЖ-2022 удельный размер жилой площади уменьшается в среднем с $17,3 \text{ м}^2$ для домохозяйств из двух человек с одним ребёнком до $13,3\text{--}13,9 \text{ м}^2$ для домохозяйств из трех человек с детьми, до $10,7\text{--}12,1 \text{ м}^2$ для домохозяйств из четырех человек с детьми и до $10,2\text{--}11,8 \text{ м}^2$ для домохозяйств из пяти человек с детьми.

В-третьих, обеспеченность жилой площадью на душу населения в индивидуальных домах логичным образом оказалась значительно выше как показателей по всему жилищному фонду, так и по квартирам в многоквартирных домах. Размер жилой площади на одного члена домохозяйства в индивидуальных домах в 2022 г. был на $4,4 \text{ м}^2$ больше, чем в среднем по стране и на $6,2 \text{ м}^2$ больше, чем у домохозяйств, проживавших в квартирах. Для домохозяйств с детьми эта разница составляла соответственно $3,1 \text{ м}^2$ и $4,5 \text{ м}^2$, для домохозяйств без детей — $6,2 \text{ м}^2$ и $8,6 \text{ м}^2$, а для одиночек — $12,2 \text{ м}^2$ и $15,7 \text{ м}^2$. Для домохозяйств с детьми превышение над средними по стране показателями варьировали от $5,6\text{--}6,0 \text{ м}^2$ в жилых помещениях семей из двух — трех человек

с одним ребёнком до $2,8\text{--}3,6 \text{ м}^2$ в семьях из трех — пяти человек с двумя детьми и до $2,1 \text{ м}^2$ в семьях с тремя и более детьми. При сравнении с квартирами преимущества индивидуальных домов в части площади комнат становились еще более очевидными — различия достигали $6,9\text{--}7,1 \text{ м}^2$ для семей из двух — трех человек с одним ребёнком, $4,6\text{--}4,9 \text{ м}^2$ для семей из трех — пяти человек с двумя детьми и $2,8\text{--}4,2 \text{ м}^2$ для семей с тремя и более детьми.

Различия в размере жилой площади на одного члена домохозяйства в индивидуальных и многоквартирных домах также очевидны и при рассмотрении жилищной обеспеченности респондентов КОУЖ в городской и сельской местности¹². В городах и пгт эта разница достигала в 2022 г. $6,4 \text{ м}^2$ для всех домохозяйств, $5,1 \text{ м}^2$ для семей с детьми, $8,3 \text{ м}^2$ для домохозяйств без детей и $15,1 \text{ м}^2$ для одиночек. В свою очередь, в индивидуальных домах по сравнению с квартирами на одного члена домохозяйства приходилось в среднем на $6,0 \text{ м}^2$ жилой площади больше в домохозяйствах из двух человек с одним ребёнком, на $4,3\text{--}7,0 \text{ м}^2$ — в семьях из трех человек с детьми, на $5,0\text{--}6,2 \text{ м}^2$ — в семьях из четырех человек с детьми, на $4,2\text{--}5,9 \text{ м}^2$ — в семьях из пяти человек с детьми. В сельской местности различия между индивидуальными домами и квартирами в части метража на душу населения были аналогичными: $5,6 \text{ м}^2$ для всех респондентов, $4,7 \text{ м}^2$ для домохозяйств с детьми, $7,3 \text{ м}^2$ для домохозяйств без детей, $13,8 \text{ м}^2$ для одиночек, $7,2\text{--}7,7 \text{ м}^2$ для домохозяйств из двух — трех человек с одним ребёнком, $5,0\text{--}5,2 \text{ м}^2$ для домохозяйств из трех — четырех человек с двумя детьми, $4,8\text{--}5,0 \text{ м}^2$ для семей с тремя и более детьми.

Основные текущие проблемы семей при проживании в малоэтажных домах

Несмотря на очевидные преимущества в виде в среднем большей общей и жилой площади и наличия приусадебного участ-

¹² Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 // Росстат: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 04.01.2024).

Таблица 3

Размер жилой площади в расчете на члена домохозяйства с различным составом семьи при проживании во всех типах жилья / в индивидуальных домах / в отдельных квартирах, м² на человека, 2011–2022 гг.

Table 3

Size of livable housing space per household's member by type of family in all types of housing / in individual houses / in separate apartments, square meters per capita, 2011–2022

Состав домохозяйств	2011	2014	2016	2018	2020	2022
Все домохозяйства	17,2/20,7/15,4	16,8/20,8/15,2	15,9/20,1/14,3	15,7/19,7/14,2	16,9/21,1/15,0	17,0/21,4/15,2
в т.ч. с детьми	12,3/14,5/11,2	11,9/14,4/10,8	11,7/14,8/10,3	11,5/14,6/10,3	12,1/15,3/10,7	12,3/15,4/10,9
без детей	21,8/27,0/19,2	21,0/26,7/18,8	20,2/26,3/18,0	20,3/26,0/18,3	21,7/27,5/19,2	22,0/28,2/19,6
Домохозяйства из 1 чел.	34,3/42,4/30,8	31,5/41,3/28,5	31,6/43,3/28,6	31,1/42,7/28,3	32,2/43,7/28,8	33,2/45,4/29,7
Домохозяйства из 2 чел.	20,1/25,7/17,6	18,9/24,8/16,8	19,2/26,2/17,0	18,8/25,3/16,7	19,7/26,5/17,1	19,9/26,9/17,4
в т.ч. с 1 ребёнком	17,5/23,7/16,3	16,2/22,0/15,4	16,5/22,8/15,7	16,2/22,8/15,4	16,7/23,3/15,6	17,3/23,3/16,4
без детей	20,5/25,8/17,9	19,2/25,0/17,0	19,5/26,4/17,1	19,0/25,4/16,8	20,0/26,6/17,3	20,2/27,0/17,5
Домохозяйства из 3 чел.	14,1/18,1/12,5	13,6/18,2/12,2	13,7/18,5/12,2	13,3/17,9/11,9	14,1/19,2/12,2	14,5/19,7/12,7
в т.ч. с 1 ребёнком	13,3/17,5/11,9	12,9/17,6/11,7	12,9/18,3/11,7	12,7/17,5/11,5	13,5/19,1/12,0	13,9/19,5/12,4
с 2 детьми	13,7/15,6/12,9	12,2/15,5/11,3	12,3/15,1/11,5	12,1/14,8/11,2	12,6/16,3/11,8	13,3/16,9/12,3
без детей	15,2/19,0/13,3	14,9/19,2/13,1	14,6/18,9/12,9	14,3/18,5/12,6	15,1/19,5/12,8	15,5/20,2/13,2
Домохозяйства из 4 чел.	11,6/14,4/10,2	11,5/14,5/10,2	11,4/15,0/9,9	11,3/15,2/9,8	11,7/15,5/10,0	11,8/15,5/10,2
в т.ч. с 1 ребёнком	11,8/14,5/10,3	12,0/15,3/10,4	11,7/15,5/10,1	11,6/15,6/9,9	12,1/15,8/10,3	12,1/15,4/10,5
с 2 детьми	11,2/13,6/9,9	10,9/13,6/9,9	10,9/14,3/9,6	10,8/14,5/9,5	11,3/14,9/9,8	11,3/14,9/10,0
с 3 детьми	н.д./н.д./н.д.	11,1/н.д./н.д.	10,0/12,6/н.д.	11,0/12,3/9,4	10,8/12,2/9,6	10,7/12,2/9,4
без детей	12,7/16,4/10,7	12,6/16,0/10,9	12,3/16,4/10,4	12,5/16,9/10,4	13,2/17,3/10,6	13,6/18,3/11,0
Домохозяйства из 5 чел.	10,6/12,3/8,7	10,0/12,1/8,1	10,7/13,6/8,3	10,3/13,0/8,2	10,7/13,3/8,4	10,8/13,4/8,5
с 1 ребёнком	11,3/13,1/9,0	10,8/13,3/8,6	11,3/15,5/8,5	11,0/14,2/8,6	12,4/16,2/9,4	11,8/16,0/8,7
с 2 детьми	11,3/13,7/8,8	9,8/11,8/8,0	10,6/13,5/8,2	10,6/13,5/8,3	11,1/13,7/8,4	10,7/13,5/8,6
с 3 и более детьми	9,3/10,1/8,2	9,6/11,3/7,5	9,9/11,9/8,1	9,5/11,6/7,8	9,8/11,8/7,9	10,2/12,4/8,1
без детей	н.д./н.д./н.д.	11,6/14,5/9,4	12,3/17,6/9,0	11,3/15,4/8,6	11,2/н.д./н.д.	12,3/н.д./н.д.
Домохозяйства с 3 и более детьми	9,4/10,2/8,3	9,6/11,4/7,6	9,9/11,9/8,1	9,6/11,6/7,9	9,8/11,9/7,9	10,3/12,4/8,2
Домохозяйства с 5 и более детьми	н.д./н.д./н.д.	8,1/н.д./н.д.	7,7/8,3/н.д.	6,6/н.д./н.д.	7,9/9,0/н.д.	7,9/8,7/н.д.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2011, КОУЖ-2014, КОУЖ-2016, КОУЖ-2018, КОУЖ-2020, КОУЖ-2022.

ка, проживание в индивидуальных домах до настоящего времени имело для их жителей и серьёзные недостатки. Во-первых, это свя-

зано с недостаточным уровнем развития инженерной инфраструктуры в районах малоэтажной застройки как в городах, так и осо-

Таблица 4

Доля домохозяйств без водопровода, горячего водоснабжения и с печным отоплением по типам семей в индивидуальных домах и квартирах в городской и сельской местности России, % в 2014 и 2022 годах

Table 4

Share of households with no water and hot water supply systems and with furnace heating by type of families in individual houses and apartments in urban and rural areas of Russia, per cent in 2014 and 2022

Всего/ город/ село	Тип домохозяйств	Все домохозяйства		Молодые семьи (16–25) лет			Многодетные семьи		Неполные семьи	
		2014	2022	без и с детьми	без детей	с детьми	2014	2022	2014	2022
				2014	2022	2022				
Доля домохозяйств без водопровода										
Всего	Все домохозяйства	5,8	3,1	4,5	1,8	3,4	14,4	5,6	6,0	3,5
	В индивид. домах	17,9	9,6	20,0	10,9	-	22,0	10,1	20,3	12,8
	В квартирах	1,1	0,6	0,7	0,3	0,0	5,7	1,5	1,7	0,7
Город	Все домохозяйства	2,3	1,0	2,0	1,2	2,1	5,8	3,4	2,2	1,3
	В индивид. домах	13,3	6,2	17,1	-	-	18,0	11,2	14,5	10,2
	В квартирах	0,5	0,3	0,5	0,3	0,0	1,2	0,9	0,6	0,3
Село	Все домохозяйства	16,5	9,7	16,3	5,4	-	23,8	9,1	18,6	11,4
	В индивид. домах	20,6	11,5	21,8	-	-	23,4	9,6	23,8	14,2
	В квартирах	6,7	4,5	4,3	-	-	25,3	6,6	9,9	5,0
Доля домохозяйств без горячего водоснабжения										
Всего	Все домохозяйства	19,0	7,7	16,8	3,9	6,8	34,7	12,3	18,2	8,0
	В индивид. домах	48,7	22,4	51,3	20,0	-	52,1	22,3	49,8	26,4
	В квартирах	7,7	2,2	8,3	1,1	1,7	14,7	3,2	8,7	2,4
Город	Все домохозяйства	10,0	3,1	10,1	1,7	2,1	16,2	5,8	10,0	3,7
	В индивид. домах	41,2	15,6	46,2	-	-	43,3	18,3	43,7	24,0
	В квартирах	5,1	1,2	6,4	0,5	0,0	6,0	1,9	5,7	1,4
Село	Все домохозяйства	46,7	22,8	48,1	16,8	-	54,9	22,5	45,7	23,5
	В индивид. домах	53,3	26,4	54,5	-	-	55,3	24,2	53,4	27,8
	В квартирах	31,0	12,5	34,2	-	-	53,1	13,5	32,7	13,8

Доля домохозяйств с печным отоплением										
Всего	Все домохозяйства	10,0	6,7	8,3	4,8	10,6	22,9	12,4	9,7	6,7
	В индивид. домах	30,4	20,9	33,2	20,1	-	36,2	22,1	33,6	23,6
	В квартирах	2,2	1,4	2,2	2,2	6,1	7,6	3,6	2,5	1,7
Город	Все домохозяйства	4,2	2,7	3,3	2,8	6,0	9,5	6,9	3,9	3,0
	В индивид. домах	24,5	15,4	22,1	-	-	28,6	20,8	27,0	21,2
	В квартирах	0,9	0,8	1,3	1,5	3,8	2,4	2,5	1,0	0,9
Село	Все домохозяйства	27,8	19,8	32,0	16,7	-	37,4	20,9	29,1	20,3
	В индивид. домах	34,0	24,1	40,2	-	-	38,9	22,6	37,7	24,8
	В квартирах	13,0	7,7	14,2	-	-	30,7	11,5	14,9	10,0

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2011, КОУЖ-2014, КОУЖ-2016, КОУЖ-2018, КОУЖ-2020, КОУЖ-2022.

бенно в сельской местности. Около 10% домохозяйств, проживавших в индивидуальных домах в 2022 г. в целом по стране, и почти такой же процент молодых, многодетных и неполных семей ещё не имели водопровода, тогда как в квартирах с такими неудобствами сталкивались только 0,6–1,5% домохозяйств (табл. 4). В сельской местности доля домохозяйств без водопровода в индивидуальных домах варьировала в 2022 г. в зависимости от состава семей от 9,6% до 14,2%, а в квартирах составляла 4,5–6,6%.

Значительные различия между благоустройством индивидуальных и многоквартирных домов наблюдаются и в части обеспеченности горячим водоснабжением. В индивидуальных домах доля таких семей различных категорий по стране в целом достигала в 2022 г. 20,0–26,4%, в городской местности — от 15,6% до 24,0%, в сельской местности — от 24,2% до 27,8%. Сокращение доли таких домохозяйств с уровня в 41,2–53,3% почти вдвое в период 2014–2022 гг. происходило, в первую очередь, за счет активного приобретения населением и установкой двухконтурных и одноконтурных (с бойлерами косвенного нагрева) напольных и навесных котлов для обустройства горячего водоснабжения и отопления [9].

Тем не менее печное отопление сохранялось по состоянию на 2022 г. у 20,9% до-

мохозяйств, проживавших в индивидуальных домах в целом по Российской Федерации, и у 20,1–23,6% семей с различным составом при том, что доля таких домохозяйств сократилась в течение 2014–2022 гг. примерно на треть. В свою очередь, если в городской местности случаи использования печного отопления в квартирах достаточно редки (от 0,8% до 3,8% респондентов КОУЖ-2022 в зависимости от категории), то из домохозяйств, проживавших в индивидуальных домах, доля таких семей достигала 20,8–21,2%, а в целом по городам и пгт — 15,4%. В сельской же местности доля домохозяйств, использующих печное отопление хотя и сократилась в 2014–2022 гг. с 27,8% до 19,8%, в индивидуальных домах все еще значительное количество семей не имело современной системы отопления — от 22,6% до 24,8%, в то время как в многоквартирных домах доля таких домохозяйств не превышала 10,0–11,5%.

Во-вторых, на качество жизни населения в сельской местности, проживающего преимущественно в индивидуальных домах, по сравнению с городскими жителями влияют серьёзные различия в доступности такой базовой инфраструктуры как медицинское обслуживание и наличие аптек, яслей, детских садов и школ (графики 1–3 на рис. 1). Удовлетворённость респондентов

КОУЖ 2014–2022 гг. (лица в возрасте старше 15 лет) государственными и муниципальными услугами в сфере медицинского обслуживания не имела выраженной динамики в этот период, и в среднем 27,2% участников опросов по РФ отмечали проблемы

с доступом к данному типу услуг. При этом недоступность медицинского обслуживания для сельских жителей была в среднем в 1,7 раза выше, чем для населения городов и пгт (38,9% против 22,9%).

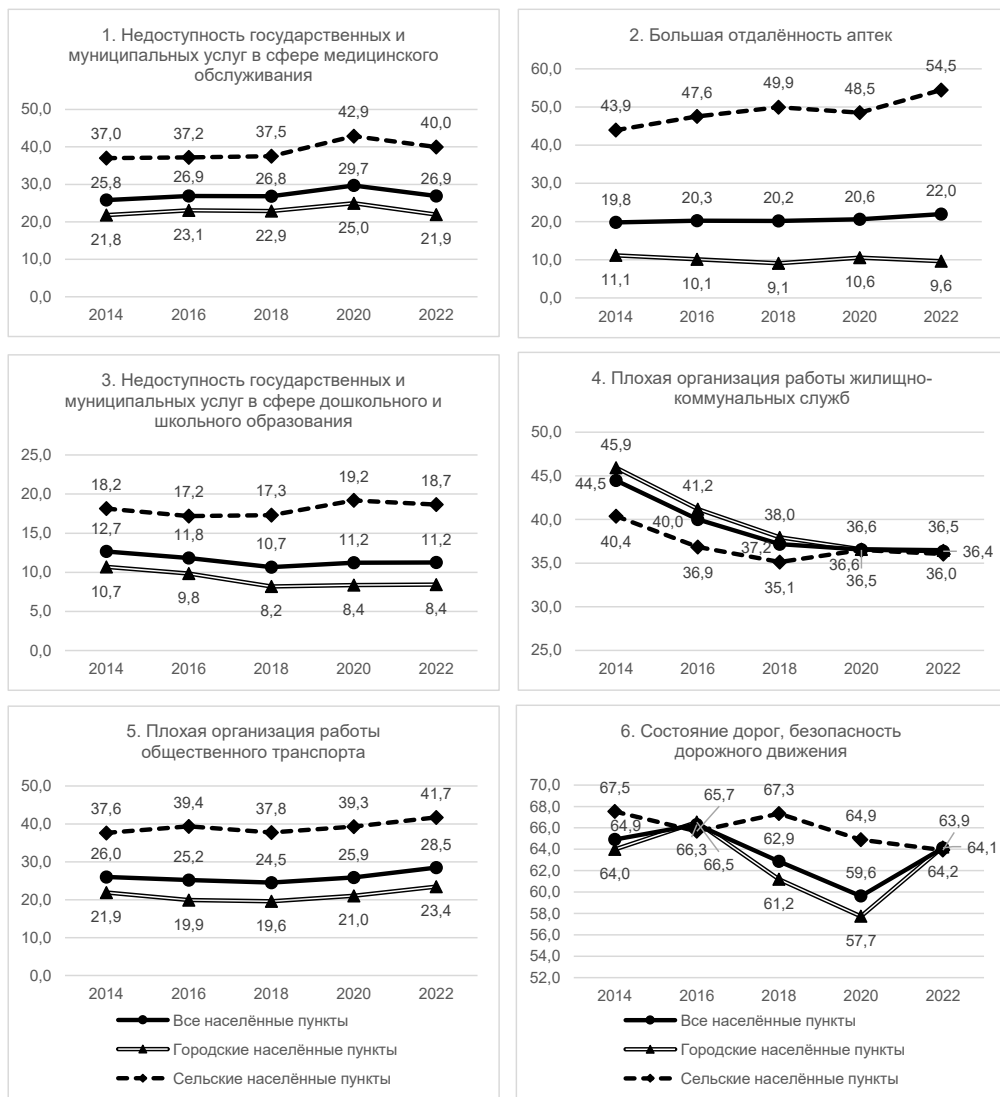

Рис. 1. Доля респондентов (лиц в возрасте 15 лет и более), указавших на наличие проблем, связанных с условиями проживания в своем населённом пункте, %

Fig. 1. Share of respondents (people aged 15 and older) that indicated the following problems concerning housing conditions in their settlement, per cent

Источник: составлено авторами по данным КОУЖ-2014, КОУЖ-2016, КОУЖ-2018, КОУЖ-2020, КОУЖ-2022.

Аналогичным образом мало поменялась ситуация за указанный период с доступностью государственных и муниципальных услуг в сфере дошкольного и школьного образования, где процент респондентов, отметивших проблемы с получением данных услуг, составил в среднем 11,5% для страны в целом и 18,1% для сельской местности при незначительном улучшении показателя в городах и пгт (снижение значений с 10,7% до 8,4%). В то же время ситуация с отдалённостью аптек для домохозяйств, проживавших в сельской местности, за рассматриваемые 8 лет только ухудшилась — доля респондентов, отметивших данную проблему, повысилась с 43,9% до 54,5%, в то время как в городской местности ситуация имела тенденцию к незначительному улучшению (доля респондентов, не имеющих доступа к аптекам, снизилась за тот же период с 11,1% до 9,6%, т.е. разница в ответах с сельскими жителями составляла 5,7 раза).

Также негативная динамика была характерна в отношении отдалённости торговых точек от места проживания участников опросов КОУЖ в сельской местности: доля респондентов в период 2014–2022 гг. увеличилась с 19,4% до 30,4%, что в три раза выше показателя для жителей городов и пгт (9,6%). При достаточно стабильных показателях отдалённости учреждений культуры, мест проведения отдыха и досуга, объектов для занятий физкультурой и спортом разница между ответами городских домохозяйств и сельского населения составила за тот же период в среднем 1,2 раза по учреждениям культуры, 1,6 раза по местам проведения отдыха и досуга¹⁵ и 1,8 раза по объектам для занятий физкультурой и спортом. При этом о недоступности мест проведения отдыха и досуга и объектов для занятий физкультурой и спортом заявили в среднем больше половины сельских жителей (соответственно 52,4% и 50,8% респондентов).

Фактически единственным показателем, по которому участвовавшие в опросе домохозяйства отметили улучшение,

¹⁵ Здесь, однако, необходимо иметь в виду, что при наличии посадок деревьев, кустарников, определённого ухода за ними и обустройства зоны отдыха приусадебные участки сами могут быть местом для отдыха.

является организация работы жилищно-коммунальных служб (график 4 на рис. 1), при этом основное улучшение касалось городской местности (на 9,5 п.п.), тогда как на селе оценки респондентов за период 2014–2022 гг. улучшились только на 4,3 п.п.¹⁴. В то же время немного увеличилось количество домохозяйств, оценивавших работу общественного транспорта как плохую (на 4,1 п.п. в сельских населенных пунктах и на 1,5 п.п. в городах и пгт — график 5 на рис. 1), а самые низкие оценки получило состояние дорог и безопасности дорожного движения, причём как городские, так и сельские жители были достаточно единодушны в таких выводах — в среднем 63,6% респондентов по стране в целом, 62,7% участвовавших в опросе домохозяйств в городской местности и 65,9% жителей сельских населенных пунктов (график 6 на рис. 1).

При этом необходимо заметить, что для современных коттеджных посёлков в пригородных зонах характерна сегментация уровня благоустройства в зависимости от их класса [6]. Например, асфальтированные дороги характерны для посёлков бизнес-класса и элитного сегмента, в то время как в посёлках эконом-класса для снижения себестоимости строительства и цены земельного участка или загородного дома часто прокладываются только грунтовые или щебёночные дороги. Тот же подход застройщики используют и при строительстве социальной инфраструктуры, обустройством которой в посёлках эконом-класса обычно задерживается или не развивается вовсе.

Ещё одной проблемой следует признать повышенную степень износа многих индивидуальных жилых домов по сравнению с квартирами в многоквартирных домах. В рамках опросов КОУЖ с 2018 г. респондентам стали задавать вопрос о том, в каких

¹⁴ Помимо этого, можно также отметить улучшение ситуации с подключением индивидуальных домовладений к сетям газораспределения в связи с реализацией программы социальной газификации, которая с 30 ноября 2022 г. стала бессрочной. В рамках данной программы была также отменена плата за подведение газа до границ участка [Правительство расширило и сделало бессрочной программу социальной газификации / Портал Правительства РФ: [сайт]. — URL: <http://government.ru/docs/47193/> (дата обращения: 27.02.2024)].

именно улучшениях нуждаются домохозяйства (ремонт или перепланировка квартиры / дома, увеличение площади или переезд в более удобный дом / район, разделение площади или дополнительное отдельное жильё, переезд в другую местность / регион и др.). В результате из 27,2% домохозяйств, проживавших в 2022 г. в индивидуальных домах и нуждавшихся в улучшении жилищных условий, две трети (67,8%) указали на необходимость ремонта или перепланировки; при этом данный показатель оставался практически на том же уровне и в опросах КОУЖ-2018 и КОУЖ-2020. Другие варианты ответа выбирались респондентами гораздо реже: увеличение площади или переезд в более удобный дом / район — 18,4%, разделение площади или дополнительное отдельное жильё — 3,0%, переезд в другую местность / регион — 2,9%. Для сравнения — из 22,1% домохозяйств, проживавших в квартирах только 23,5% нуждались в ремонте или перепланировке, 49,5% желали увеличения площади или переезда в более удобный дом / район, 11,8% — разделения площади или дополнительное отдельное жильё, 5,5% — переезда в другую местность / регион. При этом семьи с детьми имели в среднем более современное / обустроенное жильё — в индивидуальных домах доля домохозяйств, указавших на необходимость ремонта или перепланировки, составляла 60,9%, а доля домохозяйств без детей — 73,5%. В свою очередь для многоквартирных домов эти показатели равнялись 17,6% и 30,3% соответственно.

***

Таким образом, согласно результатам опросов КОУЖ, малоэтажное жильё / индивидуальные дома характеризуются в среднем большим размером общей и жилой площадью на члена домохозяйства и меньшей стеснённостью для российских семей, чем жильё в многоквартирных домах, что создает предпосылки для разрешения демографической проблемы в России. Вместе с тем, более высокая жилищная обеспеченность в районах с малоэтажной застройкой сочетается в среднем с менее развитой инженерной и социальной инфраструктурой, причём, согласно данным КОУЖ, в сельской местности по ряду показателей доступности базовой инфраструктуры имеются негативные тенденции в рассматриваемый период 2011–2022 гг.

В связи с этим государственная политика должна быть направлена на выравнивание жилищной обеспеченности и благоустройства жилья для сокращения имеющихся различий между семьями с детьми и без детей, между семьями, проживающими в индивидуальных домах и в квартирах, между семьями в сельской и городской местности. А дальнейшее развитие малоэтажного жилищного строительства может стать одним из ключевых направлений в комплексе мероприятий федеральных и региональных органов власти, направленных на повышение качества жизни населения и увеличение рождаемости.

Литература и Интернет-источники

1. **Пилипенко, И. В.** Жилищное строительство в республиках СССР за 70 лет: макроанализ / И. В. Пилипенко. — Москва : Изд. дом «Научная библиотека», 2023. — 600 с. EDN: MPZVJJ
2. **Локосов, В. В.** Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах / В. В. Локосов. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 552 с. EDN: WMPHWZ
3. **Шнейдерман, И. М.** Развитие малоэтажного жилья и его роль в повышении качества жизни населения / И. М. Шнейдерман // Народонаселение. — 2013. — № 3(61). — С. 59–67. EDN: RCOFVF
4. **Пациорковский, В. В.** Модернизация домохозяйств как императив развития России / В. В. Пациорковский // Россия и современный мир. — 2012. — № 3(76). — С. 85–96. EDN: PJSCBT
5. **Гузанова, А. К.** Региональные и социальные особенности жилищной обеспеченности российских домохозяйств / А. К. Гузанова // Народонаселение. — 2014. — № 2. — С. 91–101. EDN: SJFYSP

6. **Боровских, О. Н.** Основные факторы, определяющие стоимость земельного участка под индивидуальное жилищное строительство (на примере г. Казань) / О. Н. Боровских // Жилищные стратегии. — 2018. — Т. 5. — № 3. — С. 367–382. DOI: 10.18334/zhs.5.3.39437; EDN: YRLKKT
7. **Власов, С. А.** Малоэтажное жилищное строительство в Дальневосточном федеральном округе: тенденции, особенности, проблемы / С. А. Власов // Жилищные стратегии. — 2016. — Т. 3. — № 4. — С. 299–312. DOI: 10.18334/zhs.3.4.37354; EDN: YGCVDD
8. **Косарева, Н. Б.** Оценка роли малоэтажной жилой застройки в пространственном развитии крупнейших агломераций России / Н. Б. Косарева, Т. Д. Полиди, А. Я. Гершович [и др.]. — Москва : Фонд «Институт экономики города», 2023. — 156 с.
9. **Шнейдерман, И. М.** Модернизация системы водоснабжения и водоотведения в сельской местности как фактор повышения качества жизни населения России / И. М. Шнейдерман, И. В. Пилипенко // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 147–159. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.12; EDN: SZILDL

Сведения об авторах:

Локозов Вячеслав Вениаминович, член-корр. РАН, директор, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3656-2112; РИНЦ AuthorID: 73766.

Пилипенко Игорь Валерьевич, к.геогр.н., МРА (магистр государственного администрирования), зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8108-7253; РИНЦ AuthorID: 133285.

Шнейдерман Инна Моисеевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: imschneiderman@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4507-8464; РИНЦ AuthorID: 653903.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-161-176

LOW-RISE HOUSING AS A PRIORITY IN RAISING HOUSING SPACE AVAILABILITY TO FAMILIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vyacheslav V. Lokosov, Igor V. Pilipenko*, Inna M. Schneiderman

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

*E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

For citation:

Lokosov V. V., Pilipenko I. V., Schneiderman I. M. Low-rise housing as a priority in raising housing space availability to families in the Russian Federation. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 161-176. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-161-176 (in Russ.)

Abstract. *The article considers several issues of low-rise housing construction as one of the systemic solutions to the problem of raising the quality of life of the population of the Russian Federation as well as the demographic problem. The study is based on the results of the Rosstat's surveys «The Comprehensive Monitoring of the Living Conditions of the Population» that were carried out in 2011, 2014, 2016, 2018, 2020 and 2022. We examine how new housing construction in 2011–2022 influenced general housing space availability for families in the Russian Federation by considering*

the dynamics of total housing space and number of rooms in individual houses and apartments in urban and rural areas, shares of different households experiencing certain or severe overcrowding and changes in livable housing space per household's member. The article analyses the issue of relative underdevelopment of the utilities' and social infrastructure and lower quality of amenities in areas with predominantly low-rise buildings as well as accessibility of state and municipal services in such spheres as education, healthcare, public transport and road infrastructure. We demonstrate the advantage of individual houses in comparison to apartments in terms of larger housing space and opportunities for upbringing children. The article reveals the dichotomy in housing space availability and quality of amenities between families with and without children, between families living in individual houses and apartments, between families living in urban and rural areas where families with children, in private houses and in rural areas systematically face lower quality housing conditions than families from other corresponding categories. And this pinpoints the issue of fairness and priorities in distribution of newly built housing across the country.

Keywords: low-rise housing, individual housing construction, utilities' infrastructure, social infrastructure, quality of life, Russian Federation.

References and Internet sources

1. Pilipenko I.V. Zhilishchnoje stroitel'stvo v respublikakh SSSR za 70 let: makroanaliz [Housing Construction in the Republics of the USSR During the 70-Year Period: a Macroanalysis]. Moscow. Izd. dom «Nauchnaya biblioteka» [Publishing House «Scientific Library»]. 2023. 600 p. (in Russ.)
2. Lokosov V.V. Sotsiologiya radikal'nykh izmeneniy: transformatsiya rossiyskogo obshchestva v 1987–2020 godakh [Sociology of Radical Changes: Transformation of the Russian Society in 1987–2020]. Moscow. FNIS'ts RAN [Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS]. 2022. 552 p. (in Russ.)
3. Schneiderman I.M. Razvitiye maloetazhnogo zhil'ya i yego rol' v povyshenii kachestva zhizni naseleniya [Development of low-rise housing and its role in raising the quality of life of population]. Narodonaselenie [Population]. 2013. No. 3(61). P. 59–67. (in Russ.)
4. Patsiorkovskiy V.V. Modernizatsiya domohozyaystv kak imperativ razvitiya Rossii [Household modernisation as an imperative for Russia's development]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]. 2012. No. 3 (76). P. 85–96. (in Russ.)
5. Guzanova A.K. Regional'nyye i sotsial'nyye osobennosti zhilishchnoy obespechennosti rossiyskikh domohozyaystv [Regional and social specifics of the housing provision to Russian households]. Narodonaselenie [Population]. 2014. No. 2. P. 91–101. (in Russ.)
6. Borovskikh O.N. Osnovnyye faktory, opredelyayushchije stoimost' zemel'nogo uchastka pod individual'noye zhilishchnoje stroitel'stvo (na primere g. Kazan') [The main factors that determine the value of a land plot for individual housing construction (for example, Kazan)]. Zhilishchnyye strategii [Russian Journal of Housing Research]. 2018. Vol. 5. No. 3. P. 367–382. (in Russ.)
7. Vlasov S.A. Maloetazhnoye zhilishchnoje stroitel'stvo v Dal'nevostochnom federal'nom okruge: tendentsii, osobennosti, problemy [Low-rise housing construction in the Far Eastern Federal District: trends, features, problems]. Zhilishchnyye strategii [Russian Journal of Housing Research]. 2016. Vol. 3. No. 4. P. 299–312. (in Russ.)
8. Kosareva N.B., Polidi T.D., Gershovich A.Ya., Puzanov A.S., Karaselnikova I.V., Karaselnikova M.V. Otsenka roli maloetazhnoy zhiloy zastroyki v prostranstvennom razvitii krupneyshikh aglomeratsiy Rossii [An Assessment of the Role of Low-Rise Construction in Spatial Development of the Largest Agglomerations of Russia]. Moscow. Fond «Institut ekonomiki goroda» [The Institute for Urban Economics]. 2023. 156 p. Available at: https://www.urbanecomomics.ru/sites/default/files/ocenka_rol_i_maloetazhnoi_zhiloi_zastroiki_v_prostranstvennom_razvitii_krupneishih_aglomeratsiy_rossii.pdf (Accessed: 19 January 2024). (in Russ.)
9. Schneiderman I.M., Pilipenko I.V. Modernizatsiya sistemy vodosnabzheniya i vodootvedeniya

v sel'skoj mestnosti kak faktor povysheniya kachestva zhizni naseleniya Rossii [Upgrading water supply and wastewater collection systems in rural areas as a way to improve quality of life of the population of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 147–159. (in Russ.)

Information about the authors:

Lokosov Vyacheslav Veniaminovich, RAS Corresponding Member, Director, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3656-2112; Elibrary AuthorID: 73766.

Pilipenko Igor Valeryevich, Candidate of Geography, MPA (Master of Public Administration), Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8108-7253; Elibrary AuthorID: 133285.

Schneiderman Inna Moiseevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: imschneiderman@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4507-8464; Elibrary AuthorID: 653903.

Статья поступила в редакцию 01.03.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189
EDN: ITULAQ

СЕМЕЙНАЯ ИПОТЕКА КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ярашева А. В.^{1*}, Макар С. В.^{2,3}

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

³Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва.
(430005, Россия, Саранск, ул. Большевикская, 68)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

Для цитирования:

Ярашева А. В., Макар С. В. Семейная ипотека как один из инструментов демографической политики // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 177-189. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189; EDN: ITULAQ

Аннотация. На преодоление негативной демографической ситуации в России направлен ряд инструментов государственной политики, в числе которых «семейная ипотека» — программа жилищного кредитования для российских семей с детьми, которые могут оформить её по сниженной процентной ставке. Цель статьи — выявить сложившиеся тренды в улучшении жилищных условий семей с детьми, определить эффективность данного инструмента и его возможного влияния на изменение уровня рождаемости в России. Информационную базу работы составили нормативно-правовые акты, информационно-аналитические материалы, в том числе данные кредитных организаций по рынку ипотечного кредитования и результаты социологических опросов. Авторами осуществлён анализ причинно-следственной связи между совершенствованием государственной программы семейной ипотеки (2018–2024 гг.) и возможностью её превращения в реальный инструмент демографической политики. Выявлена прогрессивная динамика изменения дополнительных условий программы «Семейная ипотека» в соответствии с национальными целями, социально-экономическими условиями и макрорегиональными приоритетами. Выделены ограничения в реализации госпрограммы на каждом этапе, а также перспективные условия для повышения привлекательности семейной ипотеки, которая стала самой популярной у россиян программой с государственной поддержкой в 2023 г. и сохраняет свою востребованность в 2024 г., объявленном в России «Годом семьи». Показано, что в рамках конкуренции за заёмщика возникают новые формы взаимодействия кредитных организаций и застройщиков, а Дальневосточный регион сохраняет свои преимущества по льготному кредитованию. Отмеченные особенности менталитета современной российской молодёжи свидетельствуют о преимущественной осведомлённости, но сдержанности в отношении программ господдержки с ипотекой. Программа семейной ипотеки пока не стала эффективным инструментом демографической политики страны.

Ключевые слова: демографическая политика, семейная ипотека, инструменты государственного управления, льготное кредитование, суммарный коэффициент рождаемости.

© Ярашева А. В., Макар С. В., 2024.

Постановка проблемы

В национальный проект «Демография» включены 5 федеральных проектов¹, среди которых «Финансовая поддержка семей при рождении детей» направлена, в т. ч. на улучшение жилищных условий, и в конечном счёте — на преодоление современной негативной демографической ситуации в России. В рамках материальной поддержки важную роль, наряду с выплатой «материнского капитала» и социальными пособиями на детей, играет помощь со стороны государства в приобретении жилья в ипотеку. Доля ипотечных кредитов с государственной поддержкой («Льготная», «Семейная», «Дальневосточная» и «IT») в общем объёме ипотеки растёт: в 2019 г. она составляла 3%, в 2020 и 2021 гг. — 24%, в 2022 г. — 37%, в 2023 г. — 48%².

Несмотря на то, что в целом россияне положительно относятся к многодетности (68%), и 60% населения «видят идеальной семью, в которой два ребёнка; 30% называют идеальной — многодетную семью, где три (26%), четыре (2%), пять или более (2%) детей»³; одновременно, семьи с детьми сталкиваются «с двумя основными проблемами: недостаточная жилплощадь, скученность проживания (56%) и большие финансовые затраты на содержание семьи (55%)»⁴. В этой связи программа «Семейная ипотека»⁵, анонсированная в 2018 г. (и пока зако-

нодательно действующая до 1 июля 2024 г.), в условиях перезапуска демографической политики предоставила шансы на улучшение жилищных условий семьям с детьми. Главная цель семейной ипотеки — превратиться в эффективный инструмент осуществления демографической политики.

Поиск путей решения демографических проблем в современной России занимает важное место в исследованиях вопросов: усиления внимания государства к экономическим аспектам семьи, как крупной социальной проблеме [1], особенностей современной демографической политики [2] и мер по увеличению рождаемости [3], формирования социальных векторов, направленных на ценности супружества [4], репродуктивных стратегий российских женщин [5]. В публикациях российских учёных рассматриваются взаимосвязи наличия соответствующей социальной инфраструктуры и демографической ситуации в стране [6] и в её регионах [7]; проблемы социального обеспечения и меры государственной поддержки семьи [8]; условия рефинансирования ипотечных кредитов с использованием материнского капитала [9]. Отдельное внимание уделяется вопросам востребованности льготной ипотеки в России [10], её финансово-правовому регулированию [11], преимуществ и недостатков государственной поддержки при выдаче льготной ипотеки [12].

В данной статье авторами, на протяжении нескольких лет изучающих как проблемы ипотечного кредитования населения [13], так и демографические аспекты [14] развития российского общества, осуществлён анализ причинно-следственной связи между совершенствованием (2018–2024 гг.) государственной программы семейной ипотеки и возможностью её превращения в инструмент современной демографической политики.

Результаты исследования

С 2018 г. государство оказывало семьям с детьми финансовую помощь, выражающуюся в субсидировании разницы стоимости ипотеки с рыночным процентом, но

¹ Национальный проект «Демография» утверждён Указом Президента РФ от 7 мая 2018 № 204. — URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya?region=77> (дата обращения: 28.01.2023).

² ДОМ.РФ: спрос на ипотеку с господдержкой остаётся устойчивым. — URL: <https://дом.рф/media/news/dom-rf-spros-na-ipoteku-s-gospodderzhkoy-ostaetsya-ustoychivym/> (дата обращения: 12.02.2024).

³ Всероссийский опрос проведён Аналитическим центром НАФИ в июле 2023 г. Опрошены 1600 человек в возрасте от 18 лет из всех федеральных округов РФ (ФО). Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта.

⁴ Две трети россиян заявляют о позитивном отношении к многодетности. — URL: <https://naf1.ru/analytics/dve-treti-rossiyan-zayavlyayut-o-pozitivnom-otnoshenii-k-mnogodetnosti/> (дата обращения: 30.01.2024).

⁵ «Семейная ипотека» — программа жилищного кредитования для российских семей с детьми, которые могут взять в её рамках льготную ипотеку по сниженной ставке; разницу между рыночной и льготной ставками кредиторам компенсирует государство.

лишь на ограниченный срок. Российские семьи с детьми могли получить кредит на покупку жилья по ставке до 6% на срок до 3-х лет. Но в связи с тем, что в таком виде программа практически не давала ожидаемого результата (за 2018 г. программой воспользовались 9422 семьи (менее 1% от

всех выданных кредитов на жилье), в 2020 г. было введено новое условие: льготный период по установленной ставке начал действовать в течении всего периода выплаты ипотечного кредита, а заёмщики перестали зависеть от политики Банка России и колебаний ставки рефинансирования (табл. 1).

Таблица 1

Динамика изменения условий программы «Семейная ипотека»

Table 1

Dynamics of changes in the terms of the Family Mortgage program

Год	Условия программы
2018–2024	Основные условия: 1) в семье воспитывается хотя бы один ребёнок, родившийся (или усыновлённый/удочерённый) с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2023 г., либо ребёнок с инвалидностью, рождённый до 31 декабря 2023 г., либо двое несовершеннолетних детей; 2) приобретение жилья возможно только в новостройках; 3) ставка – 6% годовых; 4) первоначальный взнос по программе составляет 20% от стоимости жилплощади; 5) российское гражданство родителя и детей; заёмщиком выступает родитель, а созаёмщиками – любое другое лицо (не обязательно родственник).
Дополнительные условия	
2018	Льготный период действует: 3 года, если семья пополнилась вторым ребёнком; 5 лет, если в семье появился третий ребёнок; 8 лет, если появился второй и третий ребёнок; по окончании льготного периода необходимо платить по схеме: ключевая ставка ЦБ в момент оформления кредита+2%. Программа не распространяется на семьи, в которых родился четвёртый ребёнок.
2020	Льготный процент действует на протяжении всего срока ипотеки. Ипотечный кредит, взятый до 2018 г., можно рефинансировать в рамках программы под 6%. Программа начала распространяться на семьи с тремя и более детей. Семьи Дальневосточного ФО могут воспользоваться ипотекой под 2% на жильё на вторичном рынке.
2021	Семьи с детьми могут брать льготную ипотеку не только на покупку готового жилья, но и на приобретение земельного участка и строительство частного дома на нем. Строить дом должны компании или индивидуальные предприниматели по договору подряда.
2023	Срок действия программы продлён до 1 июля 2024 г. (вместо конца 2023 г., как планировалось ранее). В семье воспитывается двое и более несовершеннолетних детей (независимо от даты их рождения). В семье воспитывается один ребёнок, который родился в период с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2023 года. Для семей, имеющих детей с инвалидностью, родившихся до 31 декабря 2023 г., можно заключить ипотечный договор до 31 декабря 2027 года. Первоначальный взнос можно внести с использованием «маткапитала» (но не для ежемесячных платежей), а некоторые банки дают возможность использовать «маткапитал» для досрочного погашения кредита. Ставка 5% для Дальневосточного федерального округа при рождении ребёнка с 1 января 2019 года. Возможность покупки вторичного жилья если в семье есть ребёнок-инвалид. Если заёмщику нужна большая сумма, он может взять кредит на 30 млн рублей в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях и 15 млн рублей в остальных регионах, заём свыше льготного лимита будет обслуживаться по рыночной ставке.
2024	Программа действует до 1 июля 2024 года при рождении первого ребёнка, а также если в семье уже есть двое и более несовершеннолетних детей. Если ипотека оформлена с 23 декабря 2023 г., то следующий кредит по программе можно будет получить при соблюдении определённых требований: рождается следующий ребёнок; площадь приобретаемой квартиры больше предыдущей; предыдущая ипотека закрыта. Дифференциация дополнительных требований в зависимости от банка-кредитора (возраст, уровень доходов, трудовой стаж, число созаёмщиков и другое). Установлены типы недвижимости: жильё на этапе долевого строительства (через договор ДДУ); уже возведённые дом с участком или квартира (покупаются у застройщика-юридического лица); строительство частного дома по договору подряда; рефинансирование ипотечного кредита, выданного на приобретение жилья у застройщика. В Дальневосточном ФО семья может взять ипотечный кредит на вторичное жильё в сельской местности.

Источник: составлено авторами на основе данных: URL: <https://realty.rbc.ru/news/60d066709a79474c9ddb3f7d?from=copy#p4>; https://www.gosuslugi.ru/life/details/2023_03_06_new_conditions_for_family_mortgages; <https://blog.domclick.ru/ipoteka/post/semeynaya-ipoteka-kak-poluchit-kredit-s-gosudarstvennoj-podderzhkoj-v-2022-godu> (дата обращения: 08.01.2024).

Если к концу 2021 г. темпы роста выдачи в целом льготной ипотеки упали, то семейная ипотека, наоборот, возросла более чем на 30% после расширения программы⁶ (с 1 июля 2021 г. на семьи с одним ребёнком)⁷. Выдачи семейной ипотеки в мае 2022 г. снизились более чем на треть (до 43 млрд руб. с 68 млрд руб.), хотя ставка по ней, по-прежнему, составляла 6%. Возможно, основной спрос россиян на семейную ипотеку был удовлетворён в марте–апреле 2022 г. (заёмщики, которые давно собирались оформить ипотеку, сделали это сразу после начала кризиса, опасаясь повышения ставки)⁸.

Сначала в Постановлениях Правительства 2021 г. и 2022 г., а затем в Постановлении Правительства от 09.03.2023 № 369⁹ был рас-

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2021 № 1060.

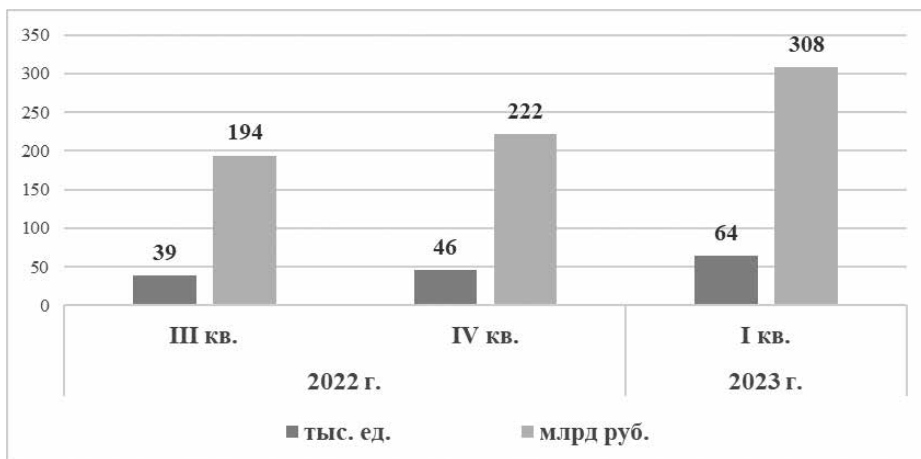
⁷ О развитии банковского сектора Российской Федерации в июле 2021 года. Информационно-аналитический материал. – URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/35553/razv_bs_21_07.pdf (дата обращения: 10.02.2024).

⁸ О развитии банковского сектора Российской Федерации в мае 2022 года. Информационно-аналитический материал. – URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/42114/razv_bs_22_05.pdf (дата обращения: 10.02.2024).

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 09.03.2023 № 369 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам жилищного (ипотечного) кредитования граждан Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303100027> (дата обращения: 10.02.2024).

ширен перечень пунктов для участия в программе «Семейная ипотека», появились новые условия, в том числе, возможность использования материнского капитала для внесения первоначального взноса по данному виду ипотеки. Однако следует указать, что банки часто отказывают (государство не обязывает кредитовать всех обратившихся) в оформлении семейной ипотеки или рефинансировании уже взятой. Наиболее распространённые причины отклонения заявок со стороны заёмщика: плохая кредитная история, недостаточный (или неофициальный) доход, закредитованность, «пробелы» в стаже и др.; со стороны качества объекта недвижимости: застройщик не аккредитован или жильё заведомо не подходит под условия программы (находится в собственности ИП или инвестиционного фонда и другое). В 2023 г. доля программы «Семейная ипотека» в общем объёме субсидированных программ ипотечного жилищного кредитования составила 47,4%¹⁰. Рост показателей выдачи кредитов по данному финансовому продукту представлен на рис. 1.

¹⁰ Сведения о рынке ипотечного жилищного кредитования в России. Информационный бюллетень. Статистические показатели. Москва, 2023. – URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/46312/mortgage_lending_market_2307-39.pdf (дата обращения: 10.02.2024).

Рис. 1. Динамика выдачи кредитов по программе «Семейная ипотека»

Fig. 1. Dynamics of loans under the Family Mortgage program

Источник: ДОМ.РФ. Обзор рынка ипотечного кредитования в III квартале 2023 г. – URL: <https://arb.ru/banks/analytics/-106660618/> (дата обращения: 12.02.2024).

В декабре 2023 г. в целом было выдано 785 млрд рублей ипотечных кредитов (умеренный рост +8% против 726 млрд рублей в ноябре 2023 г.). Основной вклад в рост внесли кредиты с господдержкой: банки выдали их на 655 млрд руб. (+21% к 540 млрд рублей в ноябре), в том числе на фоне анонсированных решений по ужесточению условий госпрограмм. Выросли выдачи как по «Льготной ипотеке» (до ~280 млрд рублей с 233 млрд рублей в ноябре), так и по «Семейной ипотеке» (до ~284 млрд с 241 млрд рублей)¹¹.

С 2023 г. право льготно кредитовать россиян получил Дом.РФ (ранее «Агентство

ипотечного жилищного кредитования» или АИЖК) и 58 кредитных организаций. Максимальная сумма кредита в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области на льготных условиях по ставке 6% составляет 12 млн рублей, в других регионах — до 6 млн рублей, необходимый первоначальный взнос — не менее 20% стоимости жилья. В табл. 2 представлены топ-пять кредитных организаций и их условия предоставления семейной ипотеки в 2024 году. До 2023 г. главное ограничение — невозможность участия в программе семей с одним ребёнком — исключало из рядов возможных заёмщиков 82% россиян: сюда входят 34% пар, где родился только первенец, и 48% семей без детей.

Таблица 2

Кредитные организации и их условия предоставления семейной ипотеки в 2024 году

Table 2

Credit institutions and their conditions for granting family mortgages in 2024

Организация	Процентная ставка	Срок	Сумма
СберБанк	5,3	от 12 до 360 месяцев	от 300 тыс. до 12 млн рублей
Ак Барс Банк	6,0	от 12 до 300 месяцев	от 500 тыс. до 12 млн рублей
Уралсиб	5,99	от 36 до 300 месяцев	от 600 тыс. до 14 млн рублей
Газпромбанк	6,0	от 12 до 360 месяцев	от 700 тыс. до 12 млн рублей
Россельхозбанк	5,4	от 36 до 360 месяцев	от 100 тыс. до 12 млн рублей

Источник: составлено авторами на основе данных РБК. — URL: <https://realty.rbc.ru/news/60d066709a79474c9ddb3f7d?from=sору#р4> (дата обращения: 12.02.2024).

На февраль 2023 г. программой воспользовались более 400 тыс. семей. По данным Сбербанка, в первом полугодии 2023 г. «Семейная ипотека» стала самой популярной у россиян программой с господдержкой. Среди лидеров по ее выдаче — Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край и Тюменская область. Но существенное ограничение — льготная ипотека оформляется только на первичное жильё в новостройках¹² (договор только с юридическим лицом) — не позволяет массово пользоваться данной государственной поддержкой. Между тем, повы-

шенные цены от застройщиков, вынужденных платить комиссию банку (с которым семьи заключают договор ипотеки), сужают возможности населения оформить договор. В этой связи в рамках конкуренции за заёмщика с января 2024 г. Сбербанк совместно с партнёрами-застройщиками начал предлагать специальную скидку на недвижимость, которая строится при финансовом участии банка. С её помощью можно получить сниженную ставку — от 4,6% годовых — по семейной ипотеке при покупке квартиры в новостройке. Для жителей Дальнего Востока ставка составит от 3,6% годовых, скидка будет действовать в те-

¹² За исключением жителей села в Дальневосточном федеральном округе.

чение всего срока кредита¹³. С 11.01.2024. выдача кредита по программе на покупку квартиры в новостройке проводится только с применением субсидирования от застройщиков-партнёров банка.

В феврале 2024 г., по данным Аналитического центра ДОМ.РФ, банки предоставили 71 тыс. кредитов (–8% к январю 2023 г.) на 262 млрд рублей (–7%). Спрос на ипотеку в годовом выражении замедлился за счёт уменьшения выдачи кредитов по рыночным программам (–26% в количественном выражении к январю 2023 г. и –41% в денежном), в то время как эти же показатели по кредитам с господдержкой, наоборот, растут. Всего в январе 2024 г. выдано 35 тыс. льготных кредитов (+24% к январю 2023 г.) на 179 млрд рублей (+29%). Наиболее востребованной остаётся семейная ипотека – это половина рынка ипотеки с господдержкой¹⁴.

Как же влияет такая, по всем параметрам эффективная и постоянно трансформирующаяся программа, на изменение уровня рождаемости в России? Известно, что важной государственной задачей выступает достижение целевого показателя: увеличение суммарного коэффициента рождаемости в 2024 г. до 1,7 детей. Динамика данного показателя за период 2015–2022 гг. представлена на рис. 2. Трудно представить, что запланированного уровня удастся достичь в 2024 г. На рис. 3 можно увидеть снижение числа родившихся в России за тот же период 2015–2022 годов.

Анализ факторов, влияющих на принятие решения о рождении ребёнка, показывает, что 42% россиян к главному условию рождения ребёнка относят личные аспекты: уверенность в собственных силах и готовность взять на себя ответственность за ребёнка¹⁵. На втором месте в рейтинге усло-

вий находится «финансовая устойчивость» (39%), больше всего этот фактор важен для молодёжи до 24 лет (42%), тех, у кого пока нет детей (45%), и кто не планирует рождение ребёнка в ближайшие пару лет (38%). На третьем месте – уверенность в партнёре, взаимная любовь (35%), а жилищные проблемы находятся на четвёртом месте по значимости (30%)¹⁶.

Что же касается осведомлённости населения о мерах финансовой поддержки со стороны государства, то «68% граждан детородного возраста знакомы с программами государственной поддержки матерей и семей с детьми». При этом высоко оценивают свою осведомлённость «те, кому от 25 до 34 лет (20%), люди с высоким доходом (26%) и те, кто уже планирует рождение ребёнка (25%)»¹⁷. Среди опрошенных 27% не знают о мерах государственной поддержки семей с детьми, и степень информированности «ниже среди бездетных россиян (34%), не состоящих в браке (33%) и людей в возрасте старше 45 лет (32%)»¹⁸.

Согласно результатам опроса, проведённого в июле 2023 г.,¹⁹ 74% россиян считают, что нужно начинать отдельную от родителей жизнь до 20 лет; 43% молодых россиян от 19 до 24 лет сегодня проживают с родителями или другими старшими родствен-

---

тром НАФИ в октябре 2022 г. Опрошены 1000 человек. Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует молодое население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта.

¹⁶ Россияне назвали условия и барьеры для рождения ребёнка. – URL: <https://nafu.ru/analytics/rossiyane-nazvali-usloviya-i-barery-dlya-rozhdeniya-rebenka/> (дата обращения: 09.02.2024).

¹⁷ Две трети потенциальных родителей рассчитывают на меры господдержки при рождении ребёнка. – URL: <https://nafu.ru/analytics/dve-treti-potentsialnykh-roditeley-rasschityvayut-na-mery-gospodderzhki-pri-rozhdenii-rebenka/> (дата обращения: 09.02.2024).

¹⁸ Всероссийский опрос проведён Аналитическим центром НАФИ в сентябре 2023 г. Опрошены 620 человек от 18 до 49 лет из всех регионов Российской Федерации. Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует детородное население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта.

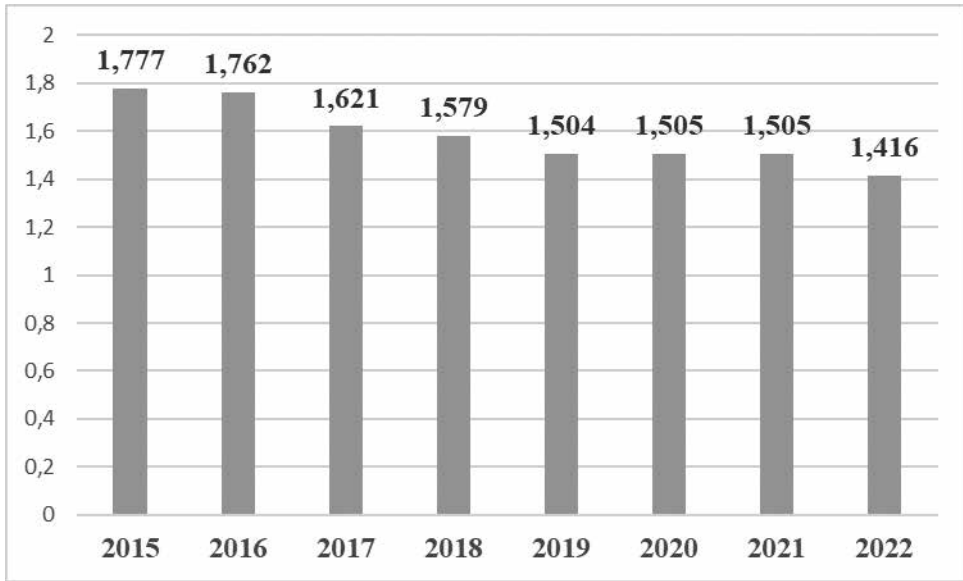
¹⁹ Аналитический центр НАФИ. Начать зарабатывать – в 18, переехать от родителей – в 20, завести детей – в 25. Молодёжь о возрасте важных этапов. – URL: <https://nafu.ru/analytics/nachat-zarabatyvat-v-18-pereekhat-ot-roditeley-v-20-zavesti-detey-v-25-molodezh-o-vozhaste-vazhnykh/> (дата обращения: 09.02.2024).

¹³ Возраст родителей на момент предоставления такого кредита в Сбербанке должен быть не менее 18 лет; и не менее 21 года, если цель кредита – рефинансирование или строительство жилого дома; возраст на момент выплаты ипотеки – не более 75 лет.

¹⁴ ДОМ.РФ: спрос на ипотеку с господдержкой остаётся устойчивым. – URL: <https://дом.рф/media/news/dom-rf-spros-na-ipoteku-s-gospodderzhkoy-ostaetsya-ustoychivym/> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁵ Всероссийский опрос проведён Аналитическим цен-

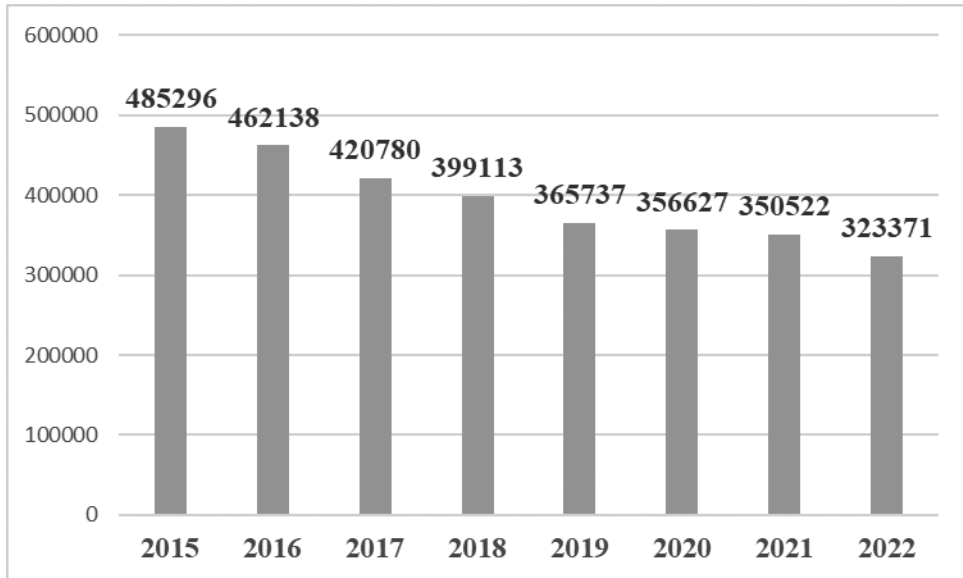

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости в России

Fig. 2. Total fertility rate in Russia

Источник: составлено по данным Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781/> (дата обращения: 08.01.2024). В 2022 г. — без учёта статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Рис. 3. Число родившихся в России в год

Fig. 3. Number of people born in Russia per year

Источник: составлено по данным Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781/> (дата обращения: 08.01.2024). В 2022 г. — без учёта статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

никами, а более половины (57%) уже начали самостоятельную жизнь²⁰. Две трети молодёжи, живущей отдельно от родителей, имеют собственное жильё (принадлежащее им самим или ближайшим родственникам), в том числе, купленное в ипотеку²¹. Развернувшееся, особенно в крупных городах, масштабное жилищное строительство позволяет надеяться на приобретение малогабаритных квартир, подходящих молодёжи для первого этапа самостоятельной жизни; при этом 66% тех, кто оформил ипотеку используют поддержку при оплате (39% полностью и 28% частично платят родители).

Банки постепенно начали сдерживать выдачу льготной, в том числе семейной ипотеки. Так, Сбербанк в феврале 2024 г. уже «перебрал» средства государственной поддержки, выделенные на восполнение разницы между рыночной и льготной ценой ипотеки. Одновременно наблюдается рост цен на квартиры в новостройках застройщиков, которые вынуждены платить комиссию, установленную банками-партнёрами в рамках договоров по льготной ипотеке.

Для повышения эффективности действия семейной ипотеки необходимы дополнительные стимулы, прибавляющие привлекательность для российского населения данного инструмента улучшения своих жилищных условий [15]. Так, например, в компании «ДОМ.РФ» предложили снизить ставки при покупке жилья большей площади, так как «высокая стоимость квадратных метров вынуждает россиян покупать студии и однокомнатные квартиры»²², что тоже препятствует увеличению количества детей. Кроме того, важным позитивным аспектом может стать возможность для се-

мы при рождении следующего ребёнка вновь воспользоваться льготным кредитом (если семья закрыла ипотеку до 23 декабря 2023 г.), конечно, в случае принятия такого нового дополнительного условия.

На сегодняшний день назрела необходимость следующего смягчения: при продлении семейной ипотеки распространить её на вторичный рынок жилья, а также давать возможность использовать данный финансовый инструмент и семьям без детей, снизить требования к заёмщику (в настоящее время требуемый доход составляет около 80 тыс. рублей, в то время как средний доход по России — ниже 43 тыс. рублей)²³. Кроме того, необходимо: 1) в договоры по семейной ипотеке добавить возможность оформления кредита для строительства дома собственными силами, без привлечения подрядной организации; 2) ввести дифференциацию процентной ставки в зависимости от количества детей в семье (больше детей — ниже ставка). Министерство финансов РФ готовит решение, касающееся адресной льготной ипотеки, с задачей «изоляции» тех, кто и без льгот может использовать ипотечный кредит, а недвижимость приобретает с помощью семейной ипотеки в спекулятивных целях.

***

Государственная демографическая политика носит комплексный характер, и должна иметь воздействие (и результаты) на все компоненты естественного движения населения, в том числе, суммарный коэффициент рождаемости в России. Именно на его изменение должно быть нацелено введение льготных проектов по поддержке семей с детьми и без детей.

Для достижения задач программы демографического развития России со стороны государства принимаются разнообразные меры в виде финансовой помощи населению. И динамика изменения условий льготного кредитования показывает, что исправ-

²⁰ Всероссийский опрос молодёжи проведён Аналитическим центром НАФИ в июле 2023 года. Опрошены 1600 человек в возрасте 19–24 лет из всех ФО РФ.

²¹ Общежитие, аренда или собственное жильё: куда сегодня съезжает молодёжь от родителей. — URL: <https://nafif.ru/analytics/obshchezhitie-arenda-ili-sobstvennoe-zhile-kuda-segodnya-sezhaet-molodezh-ot-roditeley/>

²² Источники в правительстве рассказали, что будет дальше с семейной ипотекой // Banki.ru. — URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10999260> <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10999260> (дата обращения: 09.02.2024).

²³ Источники в правительстве рассказали, что будет с семейной ипотекой // Banki.ru. — URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10999260> <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10999260> (дата обращения: 09.02.2024).

ляются недостатки первых лет функционирования семейной ипотеки, расширяется круг потенциальных заёмщиков и смягчаются условия для жителей некоторых территорий. Кроме того, Правительство готовится продлить изначальные сроки действия семейной ипотеки, а профильные ведомства формируют параметры обновлённой программы, которая начнёт действовать после 1 июля 2024 года. Всё более очевидной становится задача развивать новые программы государственного уровня, направленные на решение жилищных вопросов молодёжи — группы населения, потенциально способной исправить демографическую ситуацию в современной России.

Однако несмотря на то, что появилась возможность использовать материнский капитал для внесения обязательного первоначального взноса по семейной ипотеке и продлён срок действия льготного процента, общая долговая нагрузка растёт, что не может не вызывать беспокойства в отношении рисков невозврата денежных средств. И при этом российские семьи в целом не меняют свои модели репродуктивного поведения, «детей не рождается больше, чем предсказывает разрабатываемый

вектор демографического развития России» [3, с. 75]. Согласно официальной статистике, такие показатели, как суммарный коэффициент рождаемости и число родившихся в России, не только не растут, а снижаются. Безусловно, наряду с ценностными установками молодёжи, финансовые возможности (и их отсутствие) у населения играют важную роль при принятии решения о вступлении в брак и планировании детей (и их количества). Можно сделать вывод: программа семейная ипотека должна была стать важным инструментом достижения целей демографического развития, но пока не превратилась в ожидаемый эффективный инструмент. Несмотря на все меры, предпринимаемые государством, невозможно отделить просто человеческое желание иметь детей от общего социально-экономического контекста развития общества, в котором живёт индивид. На фоне актуальных событий и многолетних трендов очевидна необходимость дополнительных стимулов со стороны государства для повышения эффективности действия семейной ипотеки с целью достижения задач программы национального демографического развития.

Литература и Интернет-источники

1. **Китова, Д. А.** Экономический фактор в представлениях россиян о семье и семейных отношениях / Д. А. Китова, А. М. Шаков, О. В. Рунец // Учёные записки Института психологии РАН. — 2022. — Т. 2. — № 4. — С. 18–35. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_04_03; EDN: LYRICY
2. **Филимонова, И. В.** Факторы влияния на решение о рождении ребёнка и количестве детей у женщин в России / И. В. Филимонова, А. В. Ивершинь, А. В. Комарова, О. И. Кривошеева // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 55–69. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5; EDN: NLQTTN
3. **Колбина, Е. О.** Рождаемость в России: кого и как стимулирует демографическая политика? / Е. О. Колбина // Мир России. Социология. Этнология. — 2023. — Т. 32. — № 3. — С. 75–96. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-75-96; EDN: SRCNSF
4. **Доброхлеб, В. Г.** Семейный потенциал как составляющая человеческого потенциала регионов России / В. Г. Доброхлеб, О. А. Ефанова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 99–109. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.9; EDN: KMGSRB
5. **Русанова, Н. Е.** Репродуктивные стратегии российских женщин: результаты пилотного опроса / Н. Е. Русанова, А. А. Ожиганова // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 4. — С. 55–67. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.5; EDN: VFYDZC
6. **Макара, С. В.** Демографическая ситуация в России и социальная инфраструктура / С. В. Макара, Ю. А. Симагин, А. В. Ярашева // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 1. — С. 67–75. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.6; EDN: TKHGEK

7. **Ярашева, А. В.** Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — Т. 12. — № 2. — С. 103–114. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114; EDN: CNVJMV
8. **Коломийцева Н. А.** Проблемы социального обеспечения и меры государственной поддержки семьи / Н. А. Коломийцева // Дневник науки. — 2023. — № 3(75). — URL: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2023/3/law/Kolomiytseva.pdf> (дата обращения: 02.09.2024). EDN: TCXRUR
9. **Куличева, Е.** Рефинансирование ипотечных кредитов с использованием материнского (семейного) капитала / Е. Куличева // Хозяйство и право. — 2018. — № 11(502). — С. 88–96. EDN: YNFKXZ
10. **Цвырко, А. А.** Развитие системы государственной поддержки рынка ипотечного жилищного кредитования / А. А. Цвырко, Н. В. Сухорукова, Т. Н. Иващенко, А. А. Полякова // Естественно-гуманитарные исследования. — 2023. — № 3(47). — С. 356–361. EDN: PSIDYQ
11. **Воробьев, И. П.** Финансово-правовое регулирование ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации / И. П. Воробьев // Образование и право. — 2023. — № 1. — С. 175–183. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-1-175-183; EDN: NPWWBE
12. **Солонина, С. В.** Государственная поддержка ипотечного кредитования: преимущества и недостатки, пути совершенствования / С. В. Солонина, Н. Л. Малашенко // Фундаментальные исследования. — 2021. — № 4. — С. 83–90. DOI: 10.17513/fr.43005; EDN: DVWJIR
13. **Шнейдерман, И. М.** Обеспеченность жильём жителей Дальнего Востока: статистический анализ / И. М. Шнейдерман, А. В. Ярашева, С. В. Макар // Вопросы статистики. — 2023. — Т. 30. — № 3. — С. 53–63. DOI: 10.34023/2313-6383-2023-30-3-53-63; EDN: EZPOZD
14. **Макар, С. В.** Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы / С. В. Макар, А. В. Ярашева, Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 117–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.11; EDN: BIREHT
15. **Булатова, А. Д.** Государственная поддержка многодетных семей как рычаг воздействия на демографическую ситуацию / А. Д. Булатова, Д. А. Калугина // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Материалы XV Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 27–28 ноября 2019 года) / науч. ред. С. А. Маковкина, А. С. Исаков. — Екатеринбург, 2019. — С. 37–41. EDN: RLDBSB

Сведения об авторах:

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ AuthorID: 519466.

Макар Светлана Владимировна, д.э.н., главный научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; проф. Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва, Саранск, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; РИНЦ AuthorID: 374039.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189

FAMILY MORTGAGE AS ONE OF THE TOOLS OF DEMOGRAPHIC POLICY

Aziza V. Yarasheva^{1*}, Svetlana V. Makar^{2,3}

¹Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

²Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

³Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya str., Saransk, Russia, 430005)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

For citation:

Yarasheva A. V., Makar S. V. Family mortgage as one of the tools of demographic policy. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 177-189. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189 (in Russ.)

Abstract. A number of different public policy instruments are aimed at overcoming the negative demographic situation in Russia, including family mortgage, housing loan program for Russian families with children who can apply for it at a reduced interest rate. The purpose of the article is to identify the current trends in improving the living conditions of families with children, to assess the effectiveness of this tool and its possible impact on changes in the birth rate in Russia. The information base of the study was made up of normative legal acts, information and analytical materials, including data from credit institutions on the mortgage lending market, results of sociological surveys, and publications by Russian scientists. The authors analyzed the causal relationship between the improvement of the state family mortgage program (2018–2024) and the possibility of its transformation into a real tool of demographic policy. They considered the progressive dynamics of changes in the additional terms of the Family Mortgage program in accordance with the national goals, socio-economic conditions and macro-regional priorities. There are highlighted constrains in the implementation of the state program at each stage, as well as promising conditions for increasing the attractiveness of family mortgages, which became the most popular program with state support among Russians in 2023 and remains in demand in 2024 that is declared the Year of the Family. It is shown that within the framework of competition for the borrower, new forms of interaction between credit institutions and developers are emerging, and the Far Eastern region retains its advantages in concessional lending. However, the achievement of the target indicator — an increase in the total fertility rate in 2024 to 1.7 children per a woman — is not ensured by the trend, which confirms the decrease in the number of births in the period 2015–2022. The features of the mentality of modern Russian youth indicate a predominant awareness, but restraint in relation to state support programs with mortgages. The family mortgage program has not yet become an effective tool of the country's demographic policy.

Keywords: demographic policy, family mortgage, public administration tools, concessional lending, total fertility rate.

References and Internet sources

1. Kitova D. A., Shakov A. M., Runets O. V. Ekonomicheskiy faktor v predstavleniyakh rossiyan o sem'ye i semeynykh otnosheniyakh [Economic factor in Russian perspectives of the family and family relations]. *Uchonyye zapiski Instituta psikhologii RAN [Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]*. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 18–35. DOI: 10.38098/procedigs_2022_02_04_03 (in Russ.)
2. Filimonova I. V., Ivershin A. V., Komarova A. V., Krivosheeva O. I. Faktory vliyaniya na resheniye o rozhdanii rebonka i kolichestve detey u zhenshchin v Rossii [Key factors influencing the decision to have a child and the number of children among women in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 55–69. DOI 10.19181/population.2023.26.1.5 (in Russ.)
3. Kolbina E. O. Rozhdayemost' v Rossii: kogo i kak stimuliruyet demograficheskaya politika? [Evaluating the impact of the population policy on fertility rates in Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*. 2023. Vol. 32. No. 3. P. 75–96. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-75-96 (in Russ.)
4. Dobrokhleb V. G., Efanova O. A. Semeynyy potentsial kak sostavlyayushchaya chelovecheskogo potentsiala regionov Rossii [Family potential as a component of the human potential of Russian regions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 99–109. DOI 10.19181/population.2023.26.4.9 (in Russ.)
5. Rusanova N. E., Ozhiganova A. A. Reproduktivnyye strategii rossiyskikh zhenshchin: rezul'taty pilotnogo oprosa [Reproductive strategies of Russian women: results of the pilot survey]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25, No. 4. P. 55–67. DOI 10.19181/population.2022.25.4.5 (in Russ.)
6. Makar S. V., Simagin Yu. A., Yarasheva A. V. Demograficheskaya situatsiya v Rossii i sotsial'naya infrastruktura [Demographic situation in Russia and social infrastructure]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 67–75. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.6. (in Russ.)
7. Yarasheva A. V., Makar S. V. Vliyaniye demograficheskikh faktorov na trudovoy potentsial regionov Dal'nego Vostoka [The impact of demographic factors on the labor potential of the Far East regions]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics. Taxes. Law]*. 2019. Vol. 12. No. 2. P. 103–114. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114. (in Russ.)
8. Kolomiytseva N. A. Problemy sotsial'nogo obespecheniya i mery gosudarstvennoy podderzhki sem'i [Problems of social security and measures of state support for the family]. *Dnevnik nauki [Diary of Science]*. 2023. No. 3(75). Available at: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2023/3/law/Kolomiytseva.pdf> (Accessed: 2 September 2024). (in Russ.)
9. Kulicheva E. Refinansirovaniye ipotechnykh kreditov s ispol'zovaniyem materinskogo (semeynogo) kapitala [Refinancing mortgage loans using maternal (family) capital]. *Khozyaystvo i pravo [Economy and Law]*. 2018. No. 11(502). P. 88–96. (in Russ.)
10. Tsvyrko A. A., Sukhorukova N. V., Ivashchenko T. N., Polyakova A. A. Razvitiye sistemy gosudarstvennoy podderzhki rynka ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya [Development of the system of state support for the housing mortgage lending market]. *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya [Natural-Humanitarian Studies]*. 2023. No. 3(47). P. 356–361. (in Russ.)
11. Vorobyov I. P. Finansovo-pravovoye regulirovaniye ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Financial and legal regulation of mortgage housing lending in the Russian Federation]. *Obrazovaniye i pravo [Education and Law]*. 2023. No. 1. P. 175–183. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-1-175-183 (in Russ.)
12. Solonina S. V., Malashenko N. L. Gosudarstvennaya podderzhka ipotechnogo kreditovaniya: preimushchestva i nedostatki, puti sovershenstvovaniya [State support for mortgage lending: advantages and disadvantages, ways of improvement]. *Fundamental'nyye issledovaniya [Fundamental Research]*. 2021. No. 4. P. 83–90. DOI: 10.17513/fr.43005 (in Russ.)
13. Schneiderman I. M., Yarasheva A. V., Makar S. V. Obespechennost' zhil'yom zhitel'ey Dal'nego Vostoka: statisticheskiy analiz [Provision of housing for residents of the Far East: statistical analysis]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2023. Vol. 30. No. 3. P. 53–63. DOI: 10.34023/2313-6383-2023-30-3-53-63 (in Russ.)

14. Makar S. V., Yarasheva A. V., Simagin Yu. A. Prostranstvennoye razvitiye Dal'nego Vostoka Rossii: demograficheskiye i sotsial'no-ekonomicheskiye faktory [Spatial development of the Russian Far East: demographic and socio-economic factors]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 117–130. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.11 (in Russ.)
15. Bulatova A. D., Kalugina D. A. Gosudarstvennaya podderzhka mnogodetnykh semey kak ryuchag vozdeystviya na demograficheskuyu situatsiyu [State support for large families as a lever of influence on the demographic situation]. *Gosudarstvo, politika, sotsium: vyzovy i strategicheskiye priority razvitiya [State, Politics, Society: Challenges and Strategic Development Priorities]*. Proceedings of the XV international scientific and practical conference (Ekaterinburg, 27–29 November 2019). Eds. S. A. Makovkina, A. S. Isakov. Ekaterinburg, 2019. P. 37–41. (in Russ.)

Information about the authors:

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, Head of laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary AuthorID: 519466.

Makar Svetlana Vladimirovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; Professor, Mordovia State University, Saransk, Russia.

Contact Information: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; Elibrary AuthorID: 374039.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-190-201
EDN: JRBUYY

МИНУСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СЕМЕЙ: ИЗБЫТОЧНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ

Рюмина Е. В.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

E-mail: ryum50@mail.ru

Для цитирования:

Рюмина Е. В. Минусы экологического поведения семей: избыточное потребление // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 51. – С. 190-201. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-190-201; EDN: JRBUYY

Аннотация. Целью исследования является анализ отношения населения к окружающей природной среде и природным ресурсам как характеристики человеческого потенциала. В первой части статьи экологическое поведение населения рассматривается в аспекте склонности к ресурсосбережению и сокращению образования отходов. Проанализировано водо- и энергопотребление в быту в различных регионах, отмечена их сильная дифференциация. Аналогичная ситуация выявлена с образованием твёрдых коммунальных отходов на душу населения. Определены факторы, воздействующие на рассматриваемые показатели экологического поведения, основным из которых являются среднедушевые денежные доходы. Отмечено, что семьи склонны экономить свои расходы на водо- и энергопотребление, на обращение с отходами, но не сохраняют осознанно сами эти природные блага. Предложен индекс экологического поведения населения, который построен из частных индексов по водо-, энергопотреблению, образованию отходов в быту. Проведён сравнительный анализ значений индекса по всем российским регионам. Также индекс даёт возможность отслеживать динамику изменения экологического поведения и оценивать эффективность мер, воздействующих на это поведение. Во второй части статьи проблема экологического поведения населения обобщена до анализа её первичного источника — потребностей населения. Показано, что пирамида потребностей в современном мире преобразилась, и удовлетворение первичных материальных потребностей ведёт не к формированию духовных запросов, а к избыточному потреблению материальных благ. Высказано предположение, что избыточное потребление ещё более опасно для выживания человечества, чем перенаселение планеты. Рассмотрена концепция ответственного потребления как программа борьбы с избыточным потреблением. Отмечено, что проблема экологизации потребностей населения не нашла ещё своего места в большинстве документов по устойчивому развитию. Поскольку потребительские привычки и экологическое поведение формируются в детстве, то подчёркнута доминирующая роль семьи в экологическом воспитании.

Ключевые слова: население, семья, экологическое поведение, природные ресурсы, отходы потребления, избыточное потребление, экологическое воспитание.

Введение

Большинство исследований эколого-экономической тематики посвящено проблемам использования природных ресурсов и негативного воздействия на окружающую среду со стороны производственной деятельности. Однако негативный вклад в эти процессы со стороны 146 млн человек нашей страны — не менее весомый и требует не менее детального анализа, чем влияние на природную среду экономической деятельности. В «Год семьи» особенно важно не забывать об экологических аспектах жизни, поскольку экологическое поведение формируется именно в семье, преподносящей детям примеры отношения к окружающей природной среде и её ресурсам. Экологическое поведение, главным образом, является предметом исследований в области психологии [1–5]. В социологии большой вклад в развитие этой категории внёс О. Н. Яницкий [6; 7]. Результаты социологических опросов по экологическому поведению представлены в статьях [8; 9]. Экономические же аспекты экологического поведения отражены в литературе намного меньше и касаются, в основном, отдельных конкретных последствий экологических нарушений, допущенных населением.

В данной статье не только рассматриваются три традиционно связываемых с экологическим поведением направления экономических исследований: образование бытовых отходов, энерго- и водопотребление в быту, но и исследуются потребности человека в целом как общая причина экологических проблем. Производственная деятельность является существенным источником экологических нарушений, но сама она определяется спросом. Спрос же отражает, в конечном счёте, потребности населения, как объективные, обусловленные необходимостью воспроизводства человека, так и сверхнеобходимые, избыточные, навязываемые обществом модой и провоцируемые высокими доходами части населения. Потребление влияет на состояние природной среды двояко: во-первых, на удовлетворяющее спрос производство това-

ров и услуг тратятся природные ресурсы, во-вторых, в результате как производства, так и потребления образуются отходы. Потребление в необходимых объёмах, безусловно, имеет негативные последствия для природной среды — используются природные ресурсы, выбрасываются отходы, но избыточное потребление истощает окружающую среду значительно сильнее.

Сравнительный анализ экологического поведения проведён в региональном разрезе. Сначала исследуется потребление населением природных ресурсов — воды и электроэнергии. Далее рассматриваются различия регионов в образовании твёрдых коммунальных отходов. В заключительной части внимание уделяется избыточному потреблению товаров и услуг в плане его негативных экологических последствий.

Потребление природных ресурсов

Говоря о потреблении природных ресурсов семьями, мы будем иметь в виду потребление в быту воды и электроэнергии. Непосредственно, напрямую эти природные ресурсы в быту не используются — для потребителя они уже представляют собой продукцию таких видов экономической деятельности, как водоснабжение и электроэнергетика. Однако цепочка преобразования водных ресурсов в воду из-под крана намного короче, чем преобразования, например, лесных ресурсов в писчую бумагу. Поэтому позволим себе рассматривать воду и электроэнергию, потребляемую семьями, в терминах природных ресурсов.

Водопотребление в быту колеблется по федеральным округам (ФО) от 120,8 л в сутки свежей воды на человека в Северо-Кавказском ФО до 155,7 л — в Центральном ФО. По регионам различия намного больше: минимум — 74 л/человека в сутки в Курганской области, максимум — 244 л/человека в сутки в Республике Северная Осетия-Алания. Сильно отличается между собой и удельное водопотребление в двух столицах: в Москве — 161 л/человека, в Санкт-Петербурге — 124 литра¹.

¹ Приложение к сборнику «Охрана окружающей среды»

Последний пример практически элиминирует факторы бытовых условий, климата, доходов населения. К тому же тариф на воду в Санкт-Петербурге ниже, чем в Москве, что, казалось бы, должно повышать потребляемый объём воды. В итоге для объяснения разницы водопотребления семьями в этих городах остаётся только влияние экологического воспитания и образования.

Нормы водопотребления зависят от уровня благоустройства квартир и доходят до 360 л/человека в сутки². Казалось бы, эти нормы должны определяться объективными потребностями семьи: расходы воды на приготовление пищи и личную гигиену, хозяйственное использование для стирки, мытья полов и так далее. Так почему же фактически в благоустроенных жилых домах потребление воды превышает даже эти высокие нормы и доходит до 430 л/человека в сутки?³ По-видимому, для обеспеченных семей, живущих в квартирах высокого уровня благоустройства, расходы на водоснабжение и водоотведение, как и на все другие бытовые удобства, составляют незаметную часть общих расходов, а другие аргументы для экономии воды игнорируются. В прежние времена, когда за водопотребление в быту вообще не платили, в семье и школе велась воспитательная работа, направленная на сбережение воды как природного ресурса. Эта работа была частью воспитания любви к природе, стремления к сбережению её ограниченных ресурсов и охране окружающей среды. Сейчас же водоснабжение — это только услуга, за которую платят, и поэтому потребление воды ничем не ограничивается при материальном достатке. Добровольно же природно-

ресурсный аспект водопотребления учитывается в обеспеченных семьях крайне редко.

Другое дело — водопотребление в малообеспеченных семьях. В таких семьях, действительно, экономят воду и делают это, прежде всего, руководствуясь стремлением к экономии ограниченных финансовых средств. Статистический анализ подтвердил это: когда рассматривались факторы водопотребления неэкономического характера — географического местоположения, климата, экологического состояния территории, — которые, как нам казалось, должны влиять на объёмы потребления воды в быту, заметных корреляций обнаружено не было, но когда перешли к факторам, воздействующим не на физические объёмы потреблённой воды, а на расходы на водопотребление, то в первую очередь проявили себя среднедушевые денежные доходы. При этом отметим, что анализ проводился в региональном разрезе, со среднедушевыми доходами. Если же провести его по типам семей, имеющих разный материальный достаток, то зависимость объёмов водопотребления от доходов семьи была бы более сильная.

Другой продукт, полученный непосредственно из природных ресурсов и потребляемый в быту, — это электроэнергия. На долю домохозяйств приходится 29% глобального энергопотребления⁴. Удельное потребление электрической энергии в разных странах и разных российских регионах варьирует в ещё более широком диапазоне, чем потребление воды. В Европе страны различаются по среднедушевому потреблению электроэнергии в 7 раз! В наших регионах дифференциация такая же — в Иркутской области 3514 кВт*ч, в Республике Ингушетия — 511. Если же не учитывать эти экстремумы, то более 2000 кВт*ч на человека в год потребляется в Ленинградской, Московской областях, Приморском крае, Республике Хакасия и намного меньше: 600–

в России 2020» (информация в разрезе субъектов Российской Федерации). — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209> (дата обращения: 24.01.2024).

² Свод правил. Внутренний водопровод и канализация зданий. Актуализированная редакция СНиП 2.04.01–85. Утверждён 29 декабря 2011 г. № 626. — URL: <https://www.informcad.ru/templates/doc/sp-30-13330-2012-vnutrennij-vodoprovod-i-kanalizaciya-zdaniy.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

³ Охрана окружающей среды в России. 2019: Стат. сб. // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209> (дата обращения: 24.01.2024).

⁴ ООН сообщила, что домохозяйства потребляют 29% мировой энергии. — URL: <https://banki.loans/news/post/oon-soobshila-chto-domohozyajstva-potreblayut-29-mirovoj-energii> (дата обращения: 01.02.2024).

800 кВт*ч — в большинстве республик Северного Кавказа⁵.

С целью выявления факторов, порождающих такие различия, анализировались следующие семь факторов: климат; среднедушевые доходы населения; уровень бедности; доля лиц, имеющих высшее образование; соотношение городского и сельского населения; возрастная структура населения; уровень газификации жилищного фонда [10]. Оказалось, что на физические объёмы энергопотребления все эти факторы (как экономического, так и неэкономического характера) не оказывают влияния, но если исследовать их влияние на расходы на оплату электроэнергии, то картина меняется: если у населения нет склонности к ресурсосбережению, исходя из экологических соображений, то стремление к экономии своих финансовых средств явно присутствует. Из этого следует, что только финансово можно добиться от людей ресурсосбережения. Вот почему в последнее время всё чаще говорят о необходимости повышения тарифов на электроэнергию после предела, соответствующего объективным потребностям населения. В результате проведённых социологических исследований выявлено, что только четвертая часть населения регулирует работу электрических систем отопления, при этом руководствуясь исключительно целями финансового характера, но отнюдь не ресурсосбережения.

И, наконец, нельзя не сказать о потреблении семьями природного газа. Этот природный ресурс по своему характеру не предполагает неконтролируемого потребления: никто не оставит без необходимости включённые газовые горелки, но повсеместно допускается переизбыток потребления газа на отопление. Особенно это распространено в многоквартирных домах в тех случаях, когда отопление оплачивается по общедомовым газосчётчикам. Вместо того, чтобы отрегулировать радиаторы, жители зимой живут с открытыми окнами, выбрасывая буквально на ветер бесценный природный ресурс.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

Обращение с коммунальными отходами

Наиболее тесно семьи задействованы в решении экологических проблем в сфере обращения с отходами. Начало этой проблеме в быту даёт этап образования твёрдых коммунальных отходов. Безотходное, точнее малоотходное, существование семьи возможно только в сельской местности, но в городах образование отходов неминуемо. Вопрос — в их объёмах. Здесь лидируют США — 878 кг на человека в год! На втором месте — страны Евросоюза, где в среднем приходится 569 кг. В России — 450 кг, но при этом наблюдается сильная дифференциация по регионам (рис. 1, полный список регионов см. в табл. 1). Наименьшее количество отходов образуют домохозяйства республик Ингушетия (64,8 кг/человека год) и Бурятия (128,6), что можно объяснить весомой долей сельского населения в этих регионах и низкими доходами. Наибольшее количество — в Магаданской (679,7), Амурской (606,2), Новгородской (572,7) и Пензенской (546,7) областях. В большинстве регионов показатель колеблется в диапазоне 250–300 кг/человека в год. Как и с водопотреблением, сравним образование отходов в двух столицах: в Москве — 514,5 кг, в Санкт-Петербурге — 321,5 кг. Незря Санкт-Петербург называется культурной столицей: обращение с отходами — это тоже культура!

Построение индекса экологического поведения

Экологическое поведение мы связали с объёмами водо- и энергопотребления и с образованием твёрдых коммунальных отходов. Однако экологическое поведение характеризуется намного более широким спектром действий населения в его взаимодействии с природной средой. Например, огромный ущерб наносят лесные пожары, часто вызванные поведением людей в лесу. Однако для этого вектора экологического поведения нет ни информации, ни доказательств виновности конкретных лиц. Три выбранных нами показателя имеют ко-

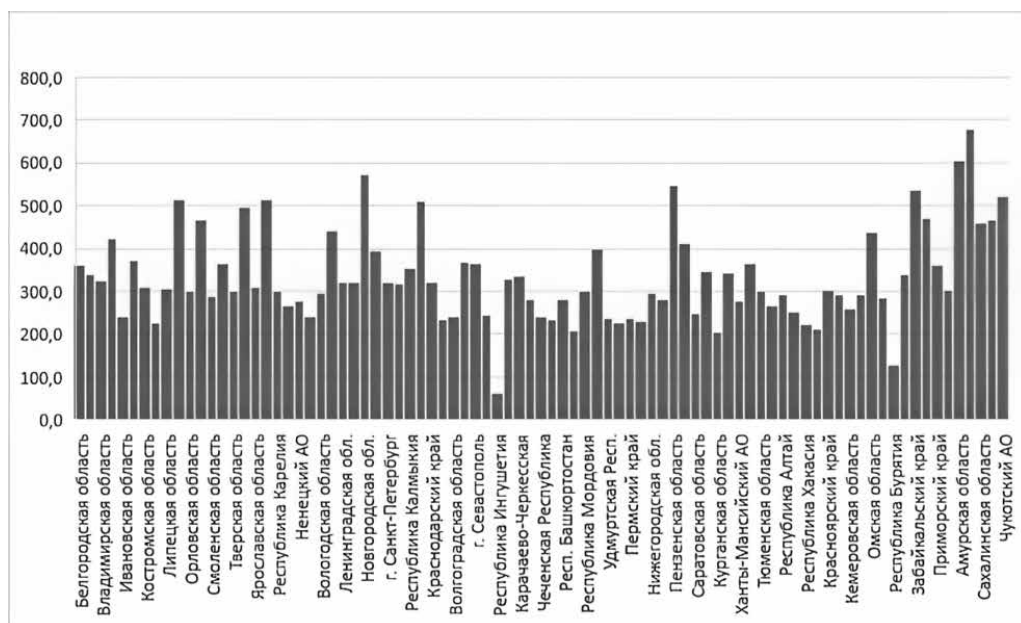

Рис. 1. Образование твёрдых коммунальных отходов по регионам (кг/человека в год)

Fig. 1. Municipal solid waste generation by region (kg/person per year)

Источник: рассчитано автором по статистическому ежегоднику «Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2020»: Крат. стат. сб. // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771> (дата обращения: 24.01.2024).

личественную определённую и качественную однородность, что позволяет свести их в единый индекс. Частные индексы по потреблению воды, электроэнергии и образованию отходов строились по принципу: чем ниже эти показатели, тем лучше, то есть тем индекс выше:

$$P_i = \frac{x_{\max i} - x_i}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (1)$$

где x_i , $x_{\min}$, $x_{\max}$ — соответственно фактическое, минимальное и максимальное значение показателя, i — номер исследуемого объекта (региона). Затем рассчитывался индекс экологического поведения как среднее арифметическое из трёх индексов (табл. 1). Расчёты проводились на данных по 85 регионам за 2021 год. Значение индекса показывает склонность населения к сохранению природной среды — ресурсосбережению и сокращению твёрдых коммунальных отходов. Наиболее благополучными

в этом отношении являются регионы с высокими значениями индекса — республики Ингушетия (0,84), Тыва (0,83), Бурятия (0,80), Калмыкия (0,77), область Костромская (0,77). И, наоборот, самыми неблагополучными — Московская (0,30) и Магаданская (0,34) области, Камчатский край (0,33).

Исследование корреляционной зависимости индекса экологического поведения от различных факторов качества жизни показало наличие заметной (по шкале Чеддока) связи со средними по регионам потребительскими расходами на душу населения и с уровнем бедности: коэффициенты корреляции равны соответственно $-0,55$ (чем выше потребительские расходы, тем хуже экологическое поведение) и $0,50$ (высокому уровню бедности соответствует более рациональное экологическое поведение). Близкой по силе оказалась связь индекса со среднедушевыми доходами ($R = -0,47$). Эти результаты подтверждают, что материальное благополучие не способствует береж-

Таблица 1

Индекс экологического поведения населения, 2021 год

Table 1

Index of environmental behavior of the population, 2021

Регион	Частный индекс по потреблению воды	Частный индекс по потреблению электроэнергии	Частный индекс по образованию отходов	Общий индекс экологического поведения
Белгородская область	0,32	0,81	0,52	0,55
Брянская область	0,54	0,88	0,55	0,66
Владимирская область	0,52	0,78	0,58	0,63
Воронежская область	0,39	0,77	0,42	0,52
Ивановская область	0,64	0,85	0,71	0,73
Калужская область	0,17	0,73	0,50	0,47
Костромская область	0,92	0,85	0,60	0,79
Курская область	0,57	0,84	0,74	0,72
Липецкая область	0,38	0,82	0,60	0,60
Московская область	0,20	0,44	0,27	0,30
Орловская область	0,44	0,85	0,62	0,64
Рязанская область	0,28	0,83	0,35	0,49
Смоленская область	0,47	0,83	0,63	0,64
Тамбовская область	0,47	0,86	0,51	0,61
Тверская область	0,32	0,75	0,62	0,56
Тульская область	0,32	0,80	0,30	0,47
Ярославская область	0,37	0,72	0,60	0,56
Город Москва	0,38	0,85	0,27	0,50
Республика Карелия	0,41	0,51	0,62	0,51
Республика Коми	0,30	0,81	0,67	0,59
Ненецкий АО	0,58	0,85	0,65	0,70
Архангельская область (без АО)	0,49	0,81	0,71	0,67
Вологодская область	0,39	0,77	0,62	0,59
Калининградская область	0,22	0,73	0,39	0,45
Ленинградская область	0,57	0,29	0,58	0,48
Мурманская область	0,09	0,70	0,58	0,45
Новгородская область	0,57	0,78	0,17	0,51
Псковская область	0,67	0,78	0,46	0,64
Город Санкт-Петербург	0,53	0,81	0,58	0,64
Республика Адыгея	0,53	0,94	0,59	0,69
Республика Калмыкия	0,83	0,94	0,53	0,77
Республика Крым	0,56	0,67	0,27	0,50
Краснодарский край	0,41	0,60	0,58	0,53
Астраханская область	0,48	0,81	0,72	0,67
Волгоградская область	0,18	0,84	0,71	0,58
Ростовская область	0,58	0,81	0,51	0,63
Город Севастополь	0,62	0,67	0,51	0,60
Республика Дагестан	0,50	0,88	0,70	0,69
Республика Ингушетия	0,52	1,00	1,00	0,84
Кабардино-Балкарская Республика	0,43	0,96	0,57	0,65
Карачаево-Черкесская Республика	0,51	0,89	0,56	0,65
Республика Сев. Осетия – Алания	0,16	0,91	0,65	0,57
Чеченская Республика	0,64	0,90	0,71	0,75
Ставропольский край	0,67	0,88	0,73	0,76
Республика Башкортостан	0,57	0,76	0,65	0,66
Республика Марий Эл	0,41	0,87	0,76	0,68
Республика Мордовия	0,76	0,91	0,62	0,76
Республика Татарстан	0,48	0,77	0,46	0,57
Удмуртская Республика	0,53	0,82	0,72	0,69
Чувашская Республика	0,60	0,85	0,73	0,73
Пермский край	0,52	0,77	0,72	0,67
Кировская область	0,51	0,81	0,73	0,68
Нижегородская область	0,00	0,85	0,62	0,49
Оренбургская область	0,51	0,78	0,65	0,65
Пензенская область	0,54	0,86	0,22	0,54

Самарская область	0,20	0,78	0,43	0,47
Саратовская область	0,39	0,81	0,70	0,63
Ульяновская область	0,47	0,82	0,54	0,61
Курганская область	0,81	0,80	0,77	0,79
Свердловская область	0,29	0,67	0,55	0,51
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,71	0,59	0,66	0,65
Ямало-Ненецкий АО	0,59	0,60	0,51	0,57
Тюменская область (без АО)	0,53	0,66	0,62	0,60
Челябинская область	0,37	0,76	0,67	0,60
Республика Алтай	0,90	0,80	0,63	0,77
Республика Тыва	0,93	0,88	0,69	0,83
Республика Хакасия	0,72	0,47	0,74	0,64
Алтайский край	0,64	0,81	0,76	0,73
Красноярский край	0,38	0,71	0,61	0,56
Иркутская область	0,70	0,00	0,63	0,44
Кемеровская область – Кузбасс	0,26	0,78	0,68	0,57
Новосибирская область	0,40	0,68	0,63	0,57
Омская область	1,00	0,82	0,39	0,74
Томская область	0,49	0,71	0,64	0,61
Республика Бурятия	0,71	0,79	0,90	0,80
Республика Саха (Якутия)	0,66	0,77	0,55	0,66
Забайкальский край	0,59	0,84	0,23	0,56
Камчатский край	0,03	0,63	0,34	0,33
Приморский край	0,45	0,45	0,51	0,47
Хабаровский край	0,35	0,69	0,61	0,55
Амурская область	0,57	0,62	0,12	0,44
Магаданская область	0,30	0,71	0,00	0,34
Сахалинская область	0,48	0,56	0,36	0,47
Еврейская автономная область	0,56	0,63	0,34	0,51
Чукотский АО	0,13	0,81	0,26	0,40

Источники: рассчитано автором на основании сборников Росстата: Приложение к сборнику «Охрана окружающей среды в России 2020» (информация в разрезе субъектов Российской Федерации). — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209>; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf; Цели устойчивого развития в Российской Федерации 2020. — URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/report/document/69771> (дата обращения: 24.01.2024).

ному отношению к природе, экономии её ресурсов. Обнаружилось и положительное влияние на экологическое поведение высшего образования, которое раскрывает студентам экологическую хрупкость планеты, угрозу выживания человечества, словом, убеждает в необходимости перехода на траекторию устойчивого развития.

Избыточное потребление товаров и услуг

В большинстве случаев поиск решений экологических проблем ведётся в рамках предотвращения уже возникших экологических нарушений и игнорируется их основная, изначальная причина — потребности населения. Сокращение потребностей служит достижению двух целей — ресурсосбережению и снижению отходов. При этом безусловным императивом является удов-

летворение естественных потребностей. Как говорилось выше с указанием источников данных, в разных регионах в среднем потребляют на одного человека воды от 74 л на человека в сутки до 244, электроэнергии — от 511 кВт*ч до 3514, образуют твёрдых коммунальных отходов на человека от 65 кг в год до 680. Это означает, что между семьями дифференциация показателей ещё выше. Представляется, что естественные потребности ближе к нижним границам указанных диапазонов, а верхние границы соответствуют искусственным потребностям общества массового потребления. При этом функция степени удовлетворения потребностей существенно нелинейная по объёмам потребления, поэтому её рост требует всё больших ресурсов и сопровождается образованием всё больших отходов. Однако приведённые примеры с водо-, энергопотреблением и образованием отходов —

только частный случай. В общем же, потребление всех товаров и услуг требует природных ресурсов на их производство, и на всех этапах от производства до потребления возникает негативное воздействие на окружающую среду. Поэтому, прежде всего, необходимо сокращение потребностей.

Известная пирамида Маслоу показывает, что развитие человека идёт от материальных потребностей к духовным. Однако на пути от самых необходимых потребностей к духовным, как показывает реальность, пирамида, наоборот, расширяется, материальные потребности растут сверх необходимых, и соответственно растут негативные последствия их удовлетворения — отходы. Таким образом пирамида потребностей в экологическом измерении превращается в «бочонок» отходов с сильно раздутыми боками.

В качестве главного средства спасения человечества от экологических угроз в течение последних ста лет называется ограничение рождаемости, и намного меньше раздаётся голосов о сокращении избыточного, надуманного потребления. В то же время совокупный доход 582 млн жителей наименее развитых стран на рубеже тысячелетий был почти в 8 раз меньше совокупного богатства 200 самых крупных миллиардеров⁶. Если в 1897 г. В. Парето выявил, что 80% национального богатства находилось в руках 20% населения, то по разным расчётам в настоящее время ими владеет 1% и даже 0,25% населения. Трудно даже представить, какими надуманными, искусственными должны быть у этого 1% населения потребности, чтобы воспользоваться своим богатством. Поэтому, возможно, перенаселение менее опасно для сохранения окружающей природной среды, чем отходы потребления 1% самого обеспеченного населения планеты.

В последнее время в мире получила развитие концепция ответственного потребления для достижения устойчивого развития. Приведём два определения: 1) «Социально ответственное потребление — поведение людей или групп, приобретающих, потре-

бляющих и утилизирующих продукты согласно экологическим и моральным стандартам» [11; 12]; 2) «Социально ответственное потребление — это те действия и решения о покупке, которые связаны с проблемами истощения экологического ресурса. Социально ответственные потребители мотивированы не только желанием удовлетворить личные потребности, но и обеспокоены возможными негативными последствиями своих действий» [12; 13].

Концепция ответственного потребления развивается в трёх направлениях: экологическом, экономическом и социальном. Экологический аспект подразумевает поведение потребителей, направленное на ресурсосбережение и охрану окружающей среды. В глобальных целях устойчивого развития ООН до 2030 г. 12-я цель называется «Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства». Однако эта цель представлена там очень узко, в основном, связана с проблемой снижения отходов и сортировки, главным образом, на производство. Отметим, что ответственность предполагается и на всех этапах потребления, самый главный из которых — формирование потребностей и предъявление спроса. Большинство потребительских привычек формируется в семье, на примере потребительского поведения родителей. Однако большую роль в этом играет и агрессивная реклама, в большинстве случаев противоречащая принципам устойчивого развития и навязывающая обществу избыточное потребление. И только на этапе самого потребления, когда товар уже приобретён, на первое место в экологическом аспекте выступает проблема образования отходов.

Наиболее быстро потребитель становится экологически ответственным, когда речь идёт о сохранении здоровья членов его семьи. Нельзя получить экологичные продукты на производстве, негативно воздействующем на окружающую среду. Тем самым ответственный потребитель стимулирует производство на переход к экологически чистым технологиям. Также служат созданию экологичных товаров меры государ-

⁶ Распределение мирового дохода 2010. — URL: <https://helpiks.org/6-60247.html> (дата обращения: 10.02.2024).

ственного управления: экологические экспертизы, аудит, мониторинг. И всё-таки на первом месте по эффективности воздействия на потребителя стоит экологическое воспитание. Семья должна воспитывать в детях бережное отношение к окружающей среде, не только запугивая их экологическими угрозами, но и, прежде всего, развивая эстетическое восприятие природной среды.

Заключение

Экологическое поведение является важной качественной характеристикой населения. Однако, в отличие от других его характеристик — здоровья, образования, культуры, способности к труду и др., — экоповедение не представлено в исследованиях в формализованном виде, что препятствует его учёту в количественном экономическом анализе. С целью ликвидации этого пробела в статье предложен индекс экологического поведения, построенный на базе трёх составляющих: водо-, энергопотребления, образования отходов. По мере достижения количественной определённости относительно других проявлений экологического поведения возможно введение их в предложенный индекс.

Расчёт индекса для всех российских регионов показал сильную дифференциацию населения в аспекте экологического пове-

дения, причиной которой названо (на основе статистического анализа) материальное состояние. Сделан вывод о том, что населению не свойственна склонность к охране окружающей среды и сбережению её ресурсов, а экологическое поведение определяется значимостью экономии финансовых средств для бюджета домохозяйств. Такой вывод обосновывает целесообразность введения многоступенчатых тарифов на потребление воды и электроэнергии для населения в зависимости от объёма потреблённого ресурса.

В статье обоснован призыв к признанию избыточного потребления, свойственного современному обществу массового потребления, основной причиной экологических проблем. Именно избыточное потребление стимулирует рост производства и, следовательно, провоцирует рост экологических нарушений, причём не менее, чем рост численности населения. Однако в «Целях в области устойчивого развития до 2030 года» 12-я цель — ответственное потребление — представлена слишком узко и недостаточно учитывает первопричину экологического кризиса — надуманные, излишние потребности. В борьбе с избыточным потреблением главная роль отводится семье, где изначально формируется система потребностей человека.

Литература и Интернет-источники

1. **Ермолаева, П. О.** Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения / П. О. Ермолаева, Ю. В. Ермолаева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2019. — № 4. — С. 323–346. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.16; EDN: VUDGPJ
2. **Sawitria, D. R.** Pro-Environmental Behavior from a Social-Cognitive Theory Perspective / D. R. Sawitria, H. Hadiyantob, P. Sudharto, P. Hadic // Procedia Environmental Sciences. — 2015. — Vol. 23. — P. 27–33.
3. **Baldassare, M.** The personal threat of environmental problems as predictor of environmental practices / M. Baldassare, C. Katz // Environment and Behavior. — 1992. — Vol. 24. — No. 5. — P. 602–616. EDN: JRLZEX
4. **Corraliza, J. A., Berenguer, J.** Environmental values, beliefs and actions / J. A. Corraliza, J. Berenguer // Environment and Behavior. — 2000. — Vol. 32. — No. 6. — P. 832–848. DOI: 10.1177/00139160021972829; EDN: JRMEBB

5. **Derksen, L., Gartrell, J.** The social context of recycling / L. Derksen, J. Gartrell // *American Sociological Review*. — 1993. — Vol. 58. — No. 3. — P. 434–442. EDN: HFAXJZ
6. **Яницкий, О. Н.** Экосоциальные исследования: междисциплинарная методология, теория, практика / О. Н. Яницкий. — Москва : Институт социологии РАН, 2016. — 327 с.
7. **Yanitsky, O.** History of the «Green City» in Russia / O. Yanitsky, O. Usacheva // *Journal of History Culture and Art Research*. — 2017. — No. 6. — P. 125–131. DOI: 10.7596/taksad.v6i6.1330
8. **Потравная, Е. В.** Гендерные особенности восприятия экологических проблем коренными народами Севера России / Е. В. Потравная // *Народонаселение*. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 73–84. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.7. EDN: QSV00U
9. **Мельникова, Т. Б.** Мнение горожан России о вовлечённости в их жизнь охраняемых природных территорий / Т. Б. Мельникова, Л. В. Портнова, Н. Н. Обидовская, К. С. Приходько // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 117–130. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.10; EDN: YSFNSC
10. **Рюмина, Е. В.** Анализ факторов региональной дифференциации показателей потребления электроэнергии населением / Е. В. Рюмина // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 107–116. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.9; EDN: YRYQVK
11. **Muncy, J. A.** Consumer ethics: An investigation of the ethical beliefs of the final consumer / J. A. Muncy, S. J. Vitell // *Journal of Business Research*. — 1992. — No. 24(4). — P. 297–311.
12. **Кушнарёва, А. А.** К вопросу о социально ответственном потреблении / А. А. Кушнарёва // *Вестник дня науки ВШЭМ. Сборник докладов международной конференции (Екатеринбург, 20–22 апреля 2017 г.)*. — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2017. — С. 410–413. EDN: XUPJGP
13. **Antil, J. H.** Socially responsible consumers: Profile and implications for public policy / J. H. Antil // *Journal of Macromarketing*. — 1984. — Vol. 4. — № 2. — P. 18–39. DOI: 10.1177/027614678400400203; EDN: JNQVNR

Информация об авторе:

Рюмина Елена Викторовна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
 Контактная информация: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7386-1077; РИНЦ AuthorID: 72504.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-190-201

SHORTCOMINGS OF THE ENVIRONMENTAL BEHAVIOR OF FAMILIES: EXCESSIVE CONSUMPTION

Elena V. Ryumina

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: ryum50@mail.ru

For citation:

Ryumina E. V. Shortcomings of the environmental behavior of families: excessive consumption. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 190–201. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-190-201 (in Russ.)

Abstract. The purpose of the study is to analyze the attitude of the population towards natural environment and natural resources as a characteristic of human potential. In the first part of the article, the environmental behavior of the population is considered in terms of the propensity to conserve resources and reduce waste generation. Water and energy consumption in everyday life is analyzed in different regions, and their strong differentiation is noted. A similar situation has been found out in the formation of solid municipal waste per capita. There are identified the factors influencing the considered indicators of environmental behavior, the main of which is average per capita income. It is noted that families tend to save their expenses on water and energy consumption, waste management, but not consciously preserve these natural goods themselves. An index of environmental behavior of the population is proposed, which is built from particular indices on water, energy consumption, and waste generation in everyday life. A comparative analysis of the index values for all Russian regions was carried out. The index also makes it possible to track the dynamics of changes in environmental behavior and assess the effectiveness of measures influencing this behavior. In the second part of the article, the issue of environmental behavior of the population is generalized to the analysis of its primary source — the needs of the population. It is shown that the pyramid of needs in the modern world has been transformed, and satisfaction of primary material needs leads not to formation of spiritual demands, but to excessive consumption of material goods. It has been suggested that excessive consumption is even more dangerous for the survival of mankind than overpopulation of the planet. The concept of responsible consumption is considered as a program to combat excessive consumption. It is noted that the problem of greening the needs of the population has not yet found its place in most documents on sustainable development. Since consumer habits and environmental behavior are formed in childhood, the dominant role of the family in environmental education is emphasized.

Keywords: population, family, environmental behavior, natural resources, waste of consumption, excessive consumption, environmental education.

References and Internet sources

1. Ermolaeva P. O., Ermolaeva Yu. V. Kriticheskij analiz zarubezhnykh teorij ekologicheskogo povedeniya [Critical analysis of foreign theories of environmental behavior]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. 2019. No. 4. P. 323–346. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.16. (in Russ.)
2. Sawitria D. R., Hadiyantob H., Sudharto P., Hadic P. Pro-environmental behavior from a social-cognitive theory perspective. *Procedia Environmental Sciences*. 2015. Vol. 23. P. 27–33.
3. Baldassare M., Katz C. The personal threat of environmental problems as predictor of environmental practices. *Environment and Behavior*. 1992. Vol. 24. No. 5. P. 602–616. DOI: 10.1177/0013916592245002
4. Corraliza J. A., Berenguer J. Environmental values, beliefs and actions. *Environment and Behavior*. 2000. Vol. 32. No. 6. P. 832–848. DOI: 10.1177/00139160021972829
5. Derksen L., Gartrell J. The social context of recycling. *American Sociological Review*. 1993. Vol. 58. No. 3. P. 434–442. DOI: 10.2307/2095910
6. Yanitsky O. N. Ekosotsial'nyje issledovaniya: mezhdistsiplinarnaya metodologiya, teoriya, praktika. [Ecosocial Research: Interdisciplinary Methodology, Theory, Practice]. Moscow. Institut sotsiologii RAN [Institute of Sociology RAS]. 2016. 327 p. (in Russ.)
7. Yanitsky O., Usacheva O. History of the «Green City» in Russia. *Journal of History Culture and Art Research*. 2017. No. 6. P. 125–131. DOI: 10.7596/taksad.v6i6.1330

8. Potravnaya E. V. Gendernye osobennosti vospriyatiya ekologicheskikh problem korennyimi narodami Severa Rossii [Gender-specific perceptions of environmental problems by the indigenous peoples of the North of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 73–84. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.7 (in Russ.)
9. Melnikova T. B., Portnova L. V., Obidovskaya N. N., Prikhodko K. S. Mnenie gorozhan Rossii o vovlechyonnosti v ikh zhizn' okhranyaemykh prirodnykh territorij [Opinions of Russian townspeople about involvement of protected natural areas in their life]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 117–130. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.10 (in Russ.)
10. Ryumina E. V. Analiz faktorov regional'noj differentsiatsii pokazatelej potrebleniya elektroenergii naseleniem [Analysis of the regional differentiation factors of indicators of electricity consumption by the population of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 107–116. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.9 (in Russ.)
11. Muncy J. A., Vitell S. J. Consumer ethics: An investigation of the ethical beliefs of the final consumer. *Journal of Business Research*. 1992. No. 24(4). P. 297–311.
12. Kushnaryova A. A. K voprosu o sotsial'no otvetstvennom potreblenii [On the issue of socially responsible consumption]. Vesennije dni nauki VShEM. Sbornik dokladov mezhdunarodnoj konferentsii (Ekaterinburg, 20–22 April, 2017). [*Spring Days of Science in VShEM. Proceedings of the international conference (Ekaterinburg, 20–22 April, 2017)*]. Ekaterinburg. 2017. P. 410–413. (in Russ.)
13. Antil J. H. Socially responsible consumers: Profile and implications for public policy. *Journal of Macromarketing*. 1984. Vol. 4. No. 2. P. 18–39.

Information about the author:

Ryumina Elena Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7386-1077; Elibrary AuthorID: 72504.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024, утверждена 15.04.2024, опубликована 30.05.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-202-208
EDN: JPDSKB

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Конференция, проведённая 28 ноября 2023 г., была организована Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М.Римашевской (ИСЭПН) ФНИСЦ РАН и собрала для научной дискуссии учёных, преподавателей и практиков из разных городов России, Беларуси, Армении и Азербайджана. Результаты предшествующих восьми ежегодных конференций показали значимость рассматриваемых проблем и наличие интереса к тематике мероприятия со стороны научного и педагогического сообщества. Модераторами выступили О.А.Александрова, д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН; проф. Финансового университета при Правительстве РФ; Е.И.Медведева, д.э.н., доцент, гл.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН и С.В.Крошили, к.т.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН. С приветственным словом к участникам конференции обратился директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН В.В.Локосов.

Выступления докладчиков — учёных, исследователей-практиков, преподавателей из Финансового университета при Правительстве РФ (Финуниверситета), Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, Вологодского научного центра РАН, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы (НИИОЗММ ДЗМ), Барановичского государственного университета Республики Беларусь, Института экономики имени М.Котляна Национальной академии наук Рес-

спублики Армения, Государственного Фонда социальной защиты при Министерстве труда и социальной защиты населения Республики Азербайджан, а также ИСЭПН ФНИСЦ РАН вызвали дискуссию. Активное обсуждение сопровождали доклады, посвящённые сберегательному поведению, дифференциации доходов и качества жизни населения. Оживлённую дискуссию вызвали высказывания на темы, связанные с финансовым благополучием населения старших возрастов, проблемами жилищной обеспеченности, вопросами повышения уровня финансовой грамотности молодёжи, и в целом финансовой культуры россиян, с аспектами развития российского здравоохранения, доступности медицинских услуг и лекарственных средств.

Доклад Г.В.Белеховой, к.э.н., ст.н.с. Вологодского научного центра РАН, был связан с вопросами субъективной оценки населением старших возрастов своего финансового благополучия. В посвящённых старшему поколению федеральных программах и стратегиях в качестве ключевого концепта выступает «активное долголетие», возможное лишь при условии социально приемлемого уровня жизни, который предполагает возможность полноценно удовлетворять текущие и будущие потребности, иначе говоря — финансовое благополучие. В представленном исследовании оно понималось как повседневное управление финансами, финансовая устойчивость, способность достигать свои финансовые цели, чувство финансовой безопасности в отношении будущего. Поскольку наиболее близкий к этому перечень вопросов используется во Всероссийском обследовании до-

мохозяйств по потребительским финансам (2022 г.), на его основе была сформирована выборка из 4331 пенсионеров. Выявлено, что пенсионеры заметно чаще, чем более молодые россияне, говорят о стабильности своих доходов, более обдуманно подходят к покупкам, однако не ведут письменный учёт доходов и расходов, и у них чуть хуже с ощущением финансовой устойчивости. Также пенсионеры в большей степени ориентированы на сбережения, регулярно откладывают даже небольшие суммы; основная формы сбережений — банковские вклады, реже — наличные рубли. В сфере заимствований поведение пенсионеров не специфично. Пенсионеры не очень уверены в своём финансовом будущем, многие строят лишь краткосрочные планы. В то же время, наличие резервов делает их лучше подготовленными к финансовым потрясениям.

Д. И. Марков, исследовательский менеджер департамента социальных исследований ВЦИОМ, посвятил свой доклад сберегательной культуре городской молодёжи. На основе результатов опросов, проведённых с разницей в год на фоне форс-мажорных событий 2022–2023 гг., сделан вывод об устойчивости сберегательных установок молодёжи, среди которых: неуверенность в возможности сформировать достаточный объём пенсионных накоплений; примерно равное соотношение умеренных в потреблении и «гедонистов»; неуверенность в надёжности банковских депозитов; связанная с коротким горизонтом планирования готовность «расставаться» с деньгами; неуверенность в регулярном откладывании «копеечки» как способе формирования сбережений на крупную покупку. У каждого четвёртого респондента нет сбережений; за год почти в два раза уменьшилось число тех, кто имел сбережения «на чёрный день», в аналогичной пропорции сократились накопления для приобретения мелкой бытовой техники, гаджетов, мебели, ремонта квартиры, отдыха за рубежом, первого взноса по ипотеке, оплаты обучения. Доля сберегающих на более крупные покупки или открытие своего дела осталась неизменной. Можно предположить, что на фоне

экономико-политического шока молодёжь сочла рациональным потратить накопления на те товары, которые могли исчезнуть из России или резко вырасти в цене, а связанные с санкциями настроения привели к снижению числа откладывающих на «чёрный день» и относительно недорогие покупки. Общий вывод состоит в том, что сберегательная культура молодёжи имеет ситуативный характер: в период турбулентности самоограничение сосуществует и может быстро смениться активным расходованием сбережений на реализацию ранее откладывавшихся заветных желаний.

Выступление д.э.н., проф. А. К. Соловьёва, заслуженного экономиста России, директора Центра развития государственной пенсионной системы Финуниверситета было посвящено вопросам социальных рисков развития государственной пенсионной системы в условиях глобальной цифровизации. Спикер остановился на актуальной задаче государства в области пенсионного реформирования — на сбережении пенсионных прав индивидов и обеспечении достойной жизни пенсионеров. Как отметил докладчик, пенсионная система является показателем уровня цивилизованности государства, но при этом она уязвима со всех сторон. Пенсионную систему можно и следует рассматривать как макроэкономическую систему финансового распределения страны, это не должно быть только «социальной помощью» государства своим гражданам. А. К. Соловьёв констатировал, что в нашей стране принято считать пенсионную систему нагрузкой на бизнес. В условиях увеличения продолжительности жизни управленцы воспринимают данный тренд как кризис с «дополнительным гнётом» на пенсионную систему. Он отметил чрезвычайно важную роль государства, пенсионная система «должна стать основой макроэкономической политики». В современных реалиях доля ВВП на пенсионные расходы составляет около 7%, что в контексте достижения Целей устойчивого развития страны недопустимо мало, и это не может обеспечить сокращения количества малообеспеченных граждан, а также уменьшить рас-

слоение общества. Именно поэтому государство должно предоставлять гарантии социального и материального равенства. Реализация государственных программ, в которых обозначены критерии и показатели достижения национальных целей благополучия на планово-прогнозный период до 2030–2036 гг., направлена на сохранение населения, здоровья и благополучия людей и предопределяет естественный рост населения, увеличение продолжительности жизни, рост реальных доходов трудоспособного и нетрудоспособного населения, снижение уровня бедности, создание комфортной среды жизни, условий достойного труда. В аспекте развития процессов цифровизации спикер подчеркнул важность доступности новых услуг, в том числе «цифровой пенсии». По его мнению, результатом цифровой трансформации экономики и общества должно стать сокращение объёмов и способов участия человека в формировании пенсионных прав, а также рост прямых и косвенных мер государства в рамках обеспечения пенсионных гарантий.

Важная тема, связанная с денежными доходами населения, была затронута в докладе научных сотрудников Института экономики имени М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения (РА) к.э.н., ст.н.с. А.Р. Макарян и к.э.н., доцента, н.с. С.А. Даллакян. В выступлении, главной целью которого было показать особенности и динамику осуществления денежных переводов населения в (и из) РА, констатировалось: объёмы личных денежных переводов после 2013 г. начали сокращаться, зарегистрировав самый низкий уровень в 2020 г., связанный с пандемией; после чего приток начал расти, и в 2022 г. был зафиксирован показатель, превышающий 2 млрд долларов США (как это было в период 2013–2014 гг.). Если до пандемии объёмы чистой оплаты труда сезонных работников и объёмы личных трансфертов (текущие трансферты между домашними хозяйствами-резидентами и домашними хозяйствами-нерезидентами) значительно не отличались друг от друга, то в год пандемии, в структуре личных денежных пе-

реводов преобладали личные трансферты, и эта тенденция продолжилась в течении 2021–2022 годов. В докладе отмечалось, что в 2013–2021 гг. в структуре трансграничных переводов физических лиц, осуществлённых через банковскую систему РА, в основном преобладали некоммерческие поступления, а в 2022 г., и за период с января по сентябрь 2023 г., эта тенденция изменилась. Из-за притока мигрантов из России в 2022 г. общий объём поступлений составил около 5,2 млрд долларов США, а некоммерческих — около 2 млрд долларов США. За исключением 2020–2021 гг. в структуре денежных переводов в основном преобладали переводы из России, а в структуре переводов в Россию, за исключением 2022 г. и трех кварталов 2023 г., доминировали личные трансферты и оплата труда сезонных работников. На втором месте по величине переводов оказались США (670,9 млн долларов США в 2022 г.).

А.Г. Тюриков, д.соц.н., проф., Руководитель Департамента социологии Финансового университета в своём докладе «От финансовой грамотности к финансовой культуре» подвёл итоги осуществлённого экспертного опроса специалистов, осведомлённых о процессах формирования основ финансовой грамотности российского населения. В выступлении были выделены факторы и показатели оценки, говорящие об уровне сформированности финансовой культуры: финансово грамотное поведение, ответственность человека за собственную экономическую активность, увеличение степени доверия финансовой системе страны, повышение уровня финансовой грамотности. Спикер подчеркнул, что важным итогом развития финансовой, как культуры, так и грамотности населения, является снижение рисков и сокращение уровня виктимизации населения в результате всё расширяющейся деятельности мошенников. В выступлении было отмечено, что для российского населения по-прежнему актуальными остаются вопросы: возможности формирования сбережений; безопасные виды и способы инвестирования; реальные предпосылки и условия для открытия и ведения

собственного бизнеса. Одновременно выявлены существующие, по мнению россиян, опасения, такие как: сложность использования некоторых цифровых финансовых продуктов, риски попадания в орбиту мошеннических практик (особенно для представителей старших возрастных групп). Сделан вывод о необходимости дополнительных государственных мер по организации на разных уровнях доступных дистанционных обучающих курсов и консультационной помощи для населения со стороны специалистов из финансовой сферы.

Доклад И. В. Тимакова, к.э.н., старшего научного сотрудника Института экономики Карельского научного центра РАН, был посвящён проблеме доступности лекарственных средств. Вопросы лекарственного обеспечения населения, особенно социально уязвимых групп, приоритетны для большинства государств и обозначены как глобальный приоритет Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). В случае недоступности бесплатных лекарств граждане вынуждены приобретать их за свой счёт, поэтому государства нередко ставят задачу по регулированию частных расходов на медикаменты. Кроме того, важным является наличие на рынке дешёвых дженериков. ВОЗ в качестве основы национальной политики лекарственного обеспечения рекомендует создание национальных перечней важнейших лекарственных средств. В России в рамках ОМС бесплатными являются медикаменты, используемые в стационарах и при оказании неотложной медицинской помощи. Докладчиком на основе анализа данных опросов RLMS-HSE, показателей фармацевтического рынка и «Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения, социального обслуживания и занятости населения» с применением экономико-математических методов была построена модель группировки регионов по доступности лекарственных средств в 2019 и 2021 годах. Оценка доступности производилась на основе доли расходов на лекарства от суммарных доходов домохозяйства, в качестве пороговых были приняты доли в 10%, 25%

и 40%. В 2021 г., как отмечено в докладе, трети свои средства на лекарства почти 77% семей. У 19% домохозяйств после покупки лекарств оставалось менее прожиточного минимума на человека. Наибольшее число домохозяйств с расходами на лекарства свыше 40% — среди беднейших домохозяйств. Выделились 3 группы регионов: основную группу составили 2/3 субъектов федерации (среди них — половина регионов Крайнего Севера) с наименьшими оценками доступности лекарств, высокой нагрузкой на медучреждения, плохими оценками здоровья и средними расходами на здравоохранение. Наименьшая группа — южные регионы, где показатели доступности лекарств наихудшие, однако сравнительно молодое население не создаёт нагрузки на медучреждения. Наилучшие показатели доступности лекарств в группе обеспеченных регионов (мегаполисы и северные нефтедобывающие регионы).

Л. Н. Нацун, к.э.н., старший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН в своём выступлении «Возможности обеспечения благополучной старости в контексте коммерциализации здравоохранения» подвела итоги проведённой оценки объёма неудовлетворённого спроса населения предпенсионного и пенсионного возраста на медицинские услуги, обусловленного их финансовой недоступностью для данных категорий населения. Выявлено, что доля платных обращений выше среди работающих респондентов пенсионного возраста (36%), чем среди неработающих (26%). Среди респондентов предпенсионного возраста за консультациями врачей-специалистов в 2021 г. обращались 66%, из них 36% — платно. В этой возрастной категории опрошенных более высокая доля платных обращений была характерна для работающих (37%) по сравнению с неработающими (30%). Причинами обращения к платной медицине респонденты чаще всего называли: более высокое качество и надёжность услуг в частных клиниках (31%), отсутствие возможности попасть в государственную медицинскую организацию из-за нехватки времени, больших очередей, необходимо-

сти предварительной записи (27%), отсутствие нужных услуг в государственных медицинских организациях, расположенных вблизи места проживания (26%). Нехватку времени для посещения врачей, как причину обращения к платным услугам, чаще указывали работающие респонденты (32%), чем неработающие (24%).

Доклад Н. О. Болдышевой, к.э.н., доцента, доцента Финуниверситета, был посвящён заработной плате молодых учителей Московской области. В последнее время в СМИ участились сообщения о массовых увольнении учителей, об их остром дефиците говорит и статистика. Государство пытается решить эту проблему через увеличение числа бюджетных мест в педагогических вузах, однако не все выпускники пойдут работать в школу или останутся в ней. Другое решение — повышение заработной платы, и согласно официальной статистике, в Московской области зарплата учителя выше средней по региону, однако в пересчёте на ставку средняя зарплата примерно в полтора раза ниже; кроме того, оплата труда зависит от муниципального района и типа школы. Данные 64 глубинных полуструктурированных интервью с молодыми учителями позволили сделать следующие выводы: придя в школу, большинство работало более чем на одну ставку, что усложняло процесс адаптации, но позволяло увеличить зарплату. Перспективу повышения доходов молодые учителя связывают с получением квалификационной категории, классным руководством, а также со стимулирующими выплатами за результаты учеников на олимпиадах и т.п. Подработка молодых учителей в основном не связана со сферой образования. Общий вывод состоит в том, что официальная статистика существенно расходится с реальностью, особенно в отношении зарплаты молодых учителей. До того, как их оплата труда приблизится к средней по региону, пройдет не менее 5 лет, при этом надбавка молодым специалистам выплачивается лишь три года.

Выступление И. В. Пилипенко, к.геогр.н., зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН было посвящено подходам к постро-

ению рейтингов российских регионов по уровню развития жилищной сферы. В России используются три основных подхода к построению рейтингов. В рамках первого — рассчитываются отдельные показатели: доступности жилья для населения, ввода жилья, доли расходов населения на ЖКУ. В рамках второго — регионы классифицируются по отдельным и сводным показателям: «недопотреблению» коммунальных удобств, удельному весу ветхого и аварийного жилья. В рамках третьего — вычисляются интегральные показатели, характеризующие различные аспекты жизни населения. Для анализа ситуации в 15 союзных республиках в 1946–1990 гг. докладчиком было предложено 89 показателей. В современной России с использованием данных Единой информационной системы жилищного строительства может быть применён интегральный рейтинг также из более чем 80 показателей, касающихся ввода жилья, структуры и динамики жилищного фонда, жилищной обеспеченности населения, стоимости ЖКУ, региональных рынков жилья, развитости ипотечного кредитования.

А. Г. Алирзаев, д.э.н., проф., заслуженный деятель науки Республики Азербайджан, и Э. А. Алирзаев, к.э.н., зам. начальника финансового отдела Государственного Фонда социальной защиты при Министерстве труда и социальной защиты населения Республики Азербайджан в докладе о региональных особенностях формирования уровня и качества жизни отметили, что в экономической литературе новые аспекты изучения этих вопросов определяют условия производства и потребления отдельных товаров и услуг социальными группами населения. Спикеры подчеркнули, что Азербайджан является социально-ориентированной республикой; механизмы её управления направлены на развитие человека и повышение его роли в устойчивом развитии страны. Макроэкономический анализ уровня и качества жизни показывает, что ВВП на душу населения в Азербайджане, а также объем потребления благ и услуг динамично растёт. Но одновременно отмечаются и недостатки: рост населения Азербайджана за-

медляется, население стареет, страна сталкивается с истощением запасов углеводородов, база активов недостаточно диверсифицирована, а вклад частного сектора, не связанного с нефтью и газом, в экономический рост ограничен. Региональное распределение заработной платы, связанной с занятостью (в среднем — 27,9% от всего дохода), которая является основой доходов в рамках трудовых отношений, демонстрирует глубокую дифференциацию.

Выступление К. Н. Калашникова, к.э.н., старшего научного сотрудника Вологодского научного центра РАН было посвящено проблематике расходов домашних хозяйств на медицинские услуги в России и Вологодской области. Докладчик подчеркнул, что проблема участия населения в оплате медицинских услуг носит сложный и многоаспектный характер. В настоящее время наблюдается расширение участия граждан страны в оплате медицинских услуг. Это может рассматриваться как сдвиг в их потребительском поведении, основанном на личном выборе, а также как вынужденная мера компенсации недостатков работы государственной системы здравоохранения. В Вологодской области в течение 2012–2021 гг. удельный вес расходов на оплату медицинских услуг в общем объёме расходов на оплату услуг, потребляемых домашними хозяйствами, демонстрировал рост (прирост составил 4,5 процентных пунктов). В целом по стране аналогичной и ярко выраженной схожей тенденции не наблюдалось. Несмотря на то, что государственный сектор здравоохранения остаётся для населения региона наиболее востребованным (в 2022 г. 63,5%), поставщиком медицинских услуг, в последние годы в отрасли наблюдается стремительный рост коммерческого сектора. Платежи за услуги одинаково актуальны как для молодых, так и старших возрастных категорий граждан, что для последних, имеющих часто низкий уровень дохода, может влиять на «углубление» уровня бедности. Спикер подчеркнул, что с одной стороны происходит расширение коммерческого сегмента здравоохранения, и в этом есть очевидные преимущества

как для жителей территории, пациентов так и для медицинских организаций, но, с другой — возникает информационная асимметрия между врачом и пациентом, и именно это может создать определённые риски: не обладая полной и достоверной информацией о процедуре лечения, субъект самостоятельно может выбирать неэффективные стратегии, что чревато, как незапланированными финансовыми расходами, так и возможным ущербом для здоровья.

Ю. А. Симагин, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН в своём докладе «Доступность собственного жилья в Москве для жителей регионов России», совместном с Д. Д. Муртузалиевой, к.э.н., научным сотрудником ИСЭПН ФНИСЦ РАН и И. Н. Ванькиной, младшим научным сотрудником ИСЭПН ФНИСЦ РАН остановился на демографической проблеме российских регионов, которая связана с массовым оттоком жителей, особенно молодёжи, в более «перспективные» регионы России (в городские центры, города миллионники, Москву и Санкт-Петербург). Спикер отметил, что каждый пятый россиянин хотел бы переехать жить в другой регион. При этом 24% желающих сменить место проживания выбрали Москву. В тройку лидеров также попали Краснодарский край — 18% и Санкт-Петербург — 13%. При этом для «среднего» жителя регионов России основным вариантом приобретения жилья остаётся его прямая покупка на получаемую заработную плату. Рассчитывая возможность приобретения однокомнатной квартиры в Москве при средней заработной плате, автор констатировал, что осуществлять накопления необходимо 20–30 лет. Полученные показатели соответствуют среднероссийской ситуации. Ю. А. Симагин подчеркнул, что приобретение собственного жилья в другом регионе является своеобразным завершением многостадийного миграционного процесса. При этом имеющиеся в современной России центростремительные миграционные потоки нельзя считать оптимальными.

Доклад на тему «Расходы населения на оплату жилищно-коммунальных ус-

луг: социальные аспекты» был представлен А. К. Гузановой, старшим научным сотрудником ИСЭПН ФНИСЦ РАН. В нём акцентировалось внимание на вопросах роста расходов населения на оплату жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ). Спикер представила результаты авторского анализа жилищно-коммунальных платежей по доходным группам (по уровню располагаемых ресурсов на члена домохозяйства), которые показали увеличение доли таких платежей в потребительских расходах домохозяйств. В 2021 г. доля расходов на ЖКУ у бедных семей составляла 13,4%, у самых обеспеченных — 8,4%. Для домохозяйств с низким достатком характерен сравнительно невысокий размер коммунальных платежей, в городах «роль по смягчению их бремени» играют жилищные субсидии. Повышение уровня благоустройства жилья, как правило, влечёт за собой заметный рост жилищно-коммунальных расходов. Автор доклада приходит к выводу, что наряду с решением задачи по модернизации жилищного фонда необходимы меры по повышению доходов российских домохозяйств, включая дифференциацию квартплаты в зависимости от уровня потребления, увеличение оплаты за «сверхпотребление» коммунальных услуг, разработку социальных программ льгот для семей с детьми.

Завершил работу конференции М. М. Стыров, к.э.н., старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, доцент Сыктывкарского государственного университета имени П. Сорокина с докладом «Влияние конкурентного духа на здравоохранение в России». Выступающий остановился на анализе различных подходов к финансированию системы здравоохранения, провёл параллели между особенностями финансирования в советский период и в современной России. По его мнению, рыночные механизмы конкуренции за пациента позволяют повышать эффективность и качество обслуживания. Однако эти же процессы могут оказывать и негативное воздействие: формализм при оказании медицинских ус-

луг, всеобщая коммерциализация без права выбора, переориентация в сознании человека процесса получения медицинской помощи. Подводя итог выступлению, докладчик подчеркнул, что любому индивиду необходимо внедрять «ревнование» — стремление к лучшему, сильное усердие в достижении своих высот профессиональных качеств.

Все представленные на конференции доклады вызвали большой интерес участников мероприятия, что выразилось в вопросах к докладчикам и научной дискуссии. Участники и спикеры отметили традиционно высокий уровень выступлений, несомненную актуальность поднимаемых вопросов и высказали благодарность организаторам конференции за приверженность к продолжению обсуждения наиболее острых социальных вопросов.

Материал подготовили:

Александрова О. А.,

д.э.н., зам. директора по научной работе,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН,
проф. Финансового университета
при Правительстве РФ;

Ярашева А. В.,

д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН;

Крошилин С. В.,

к.тех.н., доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН,
научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ,
доцент Рязанского государственного
медицинского университета
Минздрава России.

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно представляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объём материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИHC AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangel'sk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоного креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785